3r
1 MK p
H-8°
83 Л
3-й экз

МК

ЛУЦІЯ ЦЕЦИЛІЯ ЛАКТАНЦІЯ ФИРМІАНА,

НАРЕЧЕННАГО

ХРИСТІЯНСКИМЪ ЦИЦЕРОНОМЪ,

БОЖЕСТВЕННЫХЪ НАСТАВЛЕНІЙ

СЕДМЬ КНИГЪ;

ПИСАННЫХЪ

КЪ

КОНСТАНТИНУ ВЕЛИКОМУ, ПЕРВОМУ ХРИСТІАНСКОМУ ИМПЕРАТОРУ;

ВЪ которыхъ опровергается идольская прелесть, изобличается суемудріе языческихъ Философовъ, и наконецъ утверждается непреложными доказательствами истинна Христіянскаго закона, яко единаго праведнаго пути приводящаго человѣка ко спасенію; *съ присопокупленіемъ*

Другихъ сего знаменитаго Писателя твореній, яко то: 1.) о гнѣвѣ Божіемъ, 2.) о удивительномъ и чудномъ строеніи человѣка, и 3.) о кончинѣ гонителей христіанства.

ЧАСТЬ I.

Иждивеніемъ Н. Новикова и Компаніи.

Печатана въ Москвѣ, въ Университетской Типографіи у Н. Новикова 1783 года.

JHC

СОКРАЩЕННОЕ ОПИСАНІЕ ЖИТІЯ ЛАКТАНЦІЕВА.

Луцій Лактанцій имѣлъ имя или Целія, какъ въ простонародныхъ книгахъ пишется, или Цецілія, какъ доказываетъ Валузій. Фирміаномъ или Фирміанскимъ называется отъ города Фирма находившагося на полѣ Пиценскомъ, и древней колоніи, какъ повѣствуетъ Веллей, Августомъ, какъ изъ древней монеты доказываетъ Клуверій, возобновленной. Лактанція имя, думаютъ нѣкоторые, приложено ему а Lactea (молочнаго,) то есть отъ нѣжнаго и пріятнаго краснорѣчія. Сумнѣваться не можно, что онъ съ малыхъ лѣтъ наставленъ былъ въ наукахъ, изъ любви къ коимъ въ молодыхъ лѣтахъ былъ ученикомъ, по свидѣтельству Іеронимову, у Арновія, который въ то время въ Африкѣ, въ городѣ Сиккѣ краснорѣчію обучалъ, которому такъ онъ подражалъ, что не только сравнялся съ своимъ учителемъ, но и превзошелъ онаго пріятностію вітійства. Первый опытъ своего разума показалъ изданіемъ книги называемой (Symposium) Пира, которую онъ издалъ еще въ молодыхъ лѣтахъ въ Африкѣ, въ которое время былъ ли онъ Хрістіаниномъ, не извѣстно. Много лѣтъ спустя въ Никомидіи онъ крещенъ. Ежели оно такъ, какъ и вѣроятно, то можетъ статься и стихи о Финиксѣ сочинилъ не бывши Хрістіаниномъ, которыя по мнѣнію ученѣйшаго мужа Николая Кинсія, такъ какъ истый плодъ, Лактанцію при-

приписать должно. Вызванъ при Діоклітіанѣ Императорѣ въ Никомидію Виѳинійскую, для обученія дѣтей Латинскимъ писменамъ, о чемъ онъ самъ въ книгѣ пятой въ главѣ второй, и Іеронимъ въ церковныхъ писателяхъ свидѣтельствуютъ: но по недостатку учениковъ, по причинѣ той, что Греческій былъ городъ, принялся за сочиненіи. Судебнымъ дѣламъ никогда не прикасался, понеже онъ пріобрѣлъ способность, дабы другихъ обучать, какъ самъ въ книгѣ третіей, въ главѣ третіейнадесять, въ отдѣленіи второмънадесять изъясняетъ. Тойже Іеронимъ повѣствуетъ, что Лактанцій писалъ свое путешествіе изъ Африки до Никомидіи стихами, и другую книгу, которой надпись, Грамматикъ; и къ Асклипіаду двѣ книги, и различныя книги писемъ, къ Пробу четыре, къ Севиру двѣ, къ Димитріану также двѣ, но въ разсужденіи перемѣнъ времени, оныя всѣ пропали. Изъ тѣхъ же, кои въ цѣлости остались, можетъ быть первою есть о Созданіи Божіемъ, которая всенепремѣнно написана прежде Божественныхъ Наставленій, какъ видно изъ книги Божеств: Наставлен: второй, главы десятой, отдѣленія пятагонадесять. Самыя же Наставленія Божественныя кажется написаны во времена прискорбныя, когда гонимы были Христіане, доказательствомъ сему то, что онъ самъ въ книгѣ шестой, въ главѣ седмойнадесять, въ отдѣленіи шестомъ пишетъ: *Видимы еще по нынѣ пъ спѣтѣ казни налагаемыя почитателямъ Божіимъ*,

для

для коихъ вымышлены новыя и не обыкновенныя мученія. Въ свѣтъ же изданы въ тѣже ли времена, не извѣстно. Выправлены же въ началѣ щастливѣйшаго столѣтія, и посвящены Константину, какъ доказываетъ Стефанъ Валузій, въ чемъ почти всѣ ученые люди согласуютъ. О кончинѣ гонителей книга недавно найденная, ежели дѣйствительно Лактанціева, какъ всѣ почти ученые люди въ томъ согласны, то время своей жизни самъ открываетъ, понеже упоминаетъ о Константинѣ и Ликиніи съ приложеніемъ имъ титула Августѣйшихъ: когда они еще между собою были не въ раздорѣ, и когда Ликиній былъ благонравнымъ, который съ Константиномъ Церкви миръ возвратилъ. Но согласіе сіе и два года не продолжалось, пресѣчено бывши войною Киваленскою, какъ пишетъ Евсевій въ Хроникѣ, на лѣто Господне 314. Наконецъ какъ тойже Евсевій въ Хроникѣ, и Іеронимъ въ спискѣ повѣствуютъ, что Лактанцій въ глубокой старости въ Галліи убучалъ Криспа Константинова сына Латинскому діалекту, признанъ будучи Константиномъ безъ сумнѣнія за наиученѣйшаго человѣка, которой бы сына, хотя еще онъ и не былъ Кесаремъ, но къ оному достоинству назначенъ, обучалъ писменамъ Латинскимъ. Прилагаетъ притомъ Евсевій, что столь былъ убогъ Лактанцій, что не доставало у него самыхъ необходимо потребныхъ вещей, что доказательствомъ есть непорочности его. Благочестіе, которое защищалъ, безъ сумнѣнія

свято содержалъ, юднако не безъ погрѣшности. Ибо съ трудностiю люди отъ того отвыкаютъ, къ чему привыкли. Мы нѣжнѣе толковать должни, гдѣ онъ что грубѣе и не осторожнѣе написалъ, нежели какъ должно христiанину. Что болѣе? Читая его, мы должни помышлять о томъ, что Iеронимъ въ письмѣ 13. къ Паулину написалъ: *О когда бы Лактанцiй такъ наше подкрѣплялъ, какъ удобно чуждое разрушалъ!*

СВИДѢТЕЛЬСТВА О ЛАКТАНЦIИ.

Евсевiй въ Хроник. на лѣт. Господне 318. въ которое Криспъ поставленъ Кесаремъ.

Криспа Лактанцiй Латинскимъ писменамъ обучалъ, мужъ въ свое время наиученѣйшiй, но столь въ жизни сей убогiй, что не доставало у него и самыхъ необходимо потребныхъ вещей.

Iеронимъ въ спискѣ писателей Церковныхъ.

Фирмiанъ, который и Лактанцiемъ называется, Арновiевъ ученикъ, при Дiоклитiанѣ Императорѣ вызванъ съ Флавiемъ Грамматикомъ, котораго о врачебной наукѣ стихами сочиненныя находятся книги, въ Никомидiи обучалъ краснорѣчiю, но по недостатку учениковъ, по причинѣ той, что Греческой былъ городъ, принялся за сочиненiи. Имѣемъ мы его книгу надписываемую Symposium, Пиръ, которую писалъ еще въ молодыхъ лѣтахъ въ Африкѣ; и путешествiе его изъ Африки въ Никомидiю писанное стихами; и иную книгу кото-

которая надписана, Грамматикъ; и прекраснѣйшую книгу о гнѣвѣ Божіемъ; и Божественныхъ Наставленій противъ язычниковъ седмь книгъ; къ Асклипіаду двѣ книги, о гонителяхъ книгу одну, къ Пробу писемъ четыре книги, къ Севиру писемъ двѣ книги, къ Димитріану ученику своему писемъ же двѣ книги, и къ немужъ одну книгу о Созданіи Божіемъ. Лактанцій въ глубокой старости въ Галліи былъ учителемъ Кесаря Криспа сына Константинова, которой наконецъ отъ отца убитъ.

Той же въ писмѣ 13 къ Паулину.

Лактанцій какъ бы нѣкоторая рѣка краснорѣчія Цицеронова, о когда бы наше такъ подкрѣплялъ, какъ удобно разрушалъ чужое!

Той же въ писмѣ 85 къ Магну.

Седмь книгъ противъ язычниковъ издалъ Арновій, и столькожъ ученикъ его Лактанцій, который также о гнѣвѣ Божіемъ, и о созданіи Божіемъ сочинилъ двѣ книги, которыя ежели восхочешъ читать, то разговоровъ Цицероновыхъ сокращеніе найдешь.

Іоаннъ Пикусъ Мирандуя. о ученіи Божественной и человѣческой Философіи, въ главѣ 7.

Кто у насъ не видитъ Цицерона, но христіанскаго? Кто не видитъ, что Лактанцій Фирміанъ равняется съ Цицерономъ, или и превосходитъ въ краснорѣчіи?

Той же въ кн. 3. писм. 10.

Лактанцій Цицероновъ штиль точно изобразилъ, или какъ нѣкоторые почитаютъ, и превзошелъ Цицерона.

Лудовикъ Вивесъ въ концѣ кн. 3. о преподаван. наукъ.

Изъ всѣхъ христіанъ наикраснорѣчивѣйшій есть Лактанцій, штиль имѣетъ совсѣмъ Цицероновъ.

Гуилїелмъ Кантер. Новар. кн. 3. гл. 30.

Которое мѣсто между Греческими богословами Григорій Назіанзинъ, оное у Латинцовъ Фирміанъ Лактанцій занимаетъ.

Целій Родигин. древност. кн. 10. глав. 18.

Лактанцій изъ учителей христіанской истинны краснорѣчіемъ наизнамѣнитѣйшій.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Первой Части.

КНИГА ПЕРВАЯ.

страп.

ГЛАВА 1. Какъ почитается и почиталось всегда познаніе истинны, и что мудрость безъ вѣры, а вѣра безъ мудрости суть непохвальны - 1.

—— 2. О томъ, что есть въ дѣлахъ человѣческихъ промыслѣ. - 7.

—— 3. Единаго ли Бога властію управляется міръ, или многихъ? - 9.

—— 4. Что истинно единъ есть Богъ, котораго и Пророки предвозвѣщали. - - - - - - 14.

—— 5. О свидѣтельствахъ Стихотворцовъ и Философовъ. - - 16.

—— 6. О свидѣтельствѣ Божіемъ, о Сивиллахъ и ихъ стихахъ. - 22.

—— 7. О свидѣтельствахъ Аполлона и прочихъ боговъ. - - - 27.

—— 8. Что Богъ есть безплотный, и къ рожденію пола не требуетъ. 30.

—— 9. О Геркулесѣ, его жизни, и смерти. 32.

—— 10. О житіи и дѣлахъ Эскулапія, Аполлона, Нептуна, Марса, Кастора и Поллукса, Меркурія и Либера. - - - - - 35.

—— 11. О рожденіи, житіи, царствованіи, имени и смерти Юпитера также о Сатурнѣ и Уранѣ.

страж.
— 12. КакЪ Стоики стихотворческіе вымыслы кЪ Философскому преносятЪ умствованію. - - 53.
— 13. КакЪ стихотворцы и историки Стоическія толкованія о Юпитерѣ и Сатурнѣ и иныхЪ богахЪ тщетными показываютЪ. - 55.
— 14. Что Енній говоритЪ вЪ священной Исторіи. - - - 58.
— 15. По какой причинѣ люди начали богами именоваться. - - 60.
— 16. Для чего богами быть не могутЪ, которыхЪ полЪ различаетЪ; и что естеству Божію полЪ неприличенЪ, также совокупленіе и дѣторожденіе. - - - 67.
— 17. Что Стоики достовѣрность исторій и стихотворческіе вымыслы пустымЪ физическимЪ разсужденіемЪ превращаютЪ: и каковыя бѣды и гнусности о богахЪ воспоминаются. - - 70.
— 18. КакимЪ образомЪ возражать тѣмЪ, которые лгутЪ, будто бы боги здѣлались изЪ людей. 74.
— 19. Что боговЪ суетныхЪ, и Бога истиннаго никто купно почитать не можетЪ. - - - 78.
— 20. О собственномЪ богопочитаніи РимлянЪ. - - - - - 80.
— 21. О жертвахЪ и тайнахЪ ихЪ. 88.
— 22. Кто вышепомянутыя вздоры вЪ Италіи у РимлянЪ изобрѣлЪ, и кто у иныхЪ народовЪ. - 98.
23.

— 23. В которое время началися суевѣрія, и при которых изобрѣтателях. - - - - - 103.

КНИГА ВТОРАЯ.

ГЛАВА 1. Что забвеніе разума, и незнаніе самих себя дѣлает людей неблагодарными к истинному Богу, котораго почитают в нещастіи, и в щастіи презирают. - - - - - - 105.

— 2. Какая была первая причина дѣлать изображенія, и что прямый образ Божій есть человѣк: и что внѣ себя никто вѣрно Бога не почитает. - - - 110.

— 3. Что Цицерон и другіе, которые мудрыми казались, хуже прочих погрѣшили. - - 115.

— 4. Что никакого величества и почитанія не имѣют идолы. 120.

— 5. Что един всяческих Создатель истинный есть Бог, и его единаго почитать должно: и что ни стихіи, ни тѣла небесныя не имѣют никакой божественной силы: и что Стоики в сем безумствуют, когда звѣзды богами признавают, которыя не своею, но Божіею волею и хотѣніем движутся: и для чего там им быть повелѣл. 128.

— 6. Что ни земля ни вода, ни другая какая либо часть міра, ни весь мір богом не есть, и что он не одушевлен, как

стран.

Стоики лгутъ, которые что ни утверждаютъ, оное равно и опровергаютъ. - - - 133.

— 7. Что двояко погрѣшаютъ безумные, и что сребролюбіе подъ видомъ благочестія почитается, когда преодолѣваетъ разумъ преданіе предковъ: и какіе были предки, которыхъ важность предосуждаетъ истинну. - 137.

— 8. Что на резонѣ наипаче утверждаться должно, и которыя чудеса написаны для утвержденія заблужденія многихъ. - - 141.

— 9. Что зявистію діавольскою вошла смерть, и возрастаютъ корени заблужденій, и что Богъ есть единъ естествомъ, который вещество первое и все изъ ничего сотворилъ. - - 145.

— 10. Что Богъ четыре стихіи раздѣлилъ, и четыре качества и четыре времена: и что изъ суши и влаги состоитъ жизнь: и для чего люди огня, прочіе животные воды наипаче употребляютъ. - - - 159.

— 11. Что по созданіи міра сотворены животные ради человѣка, и потомъ самъ человѣкъ. И что значитъ, что стихотворцы выдумали, будто Девкаліонъ людей возобновилъ: и что Аристотель ложно думалъ, что

міръ

стран.
мірѣ есть вѣченѣ: и какія находятся три Парки. - - 164.
— 12. Что не отѣ земли и не своею силою рождены животные, но властію божіею, о которой объявилѣ бы намѣ Богѣ, ежели бы то знать намѣ было полезно. 169.
— 13. Для чего два пола находятся міра меньшаго, то есть человѣка: и что есть смерть первая, что вторая: и о праотеческой винѣ и казни. - - 173.
— 14. Что не Либерѣ отецѣ былѣ изобрѣтателемѣ віна, но Ной по потопѣ: и какое было начало язычниковѣ: и кто первый имѣлѣ знаніе звѣздѣ и незнаніе Бога. - - - - 178.
— 15. О оскверненіи Ангеловѣ, и двухѣ родахѣ демоновѣ, которые присовѣтовали, дабы ихѣ какѣ боговѣ почитали: сѣ коими и сообщество Философы имѣли, какѣ то Сократѣ. - - 181.
— 16. Что оные пользу дѣлаютѣ, когда вредѣ причинять престаютѣ: и не властны надѣ тѣми, которые вѣ вѣрѣ утверждены, но святымѣ покорены они будучи, такѣ какѣ раби повинуются. - - 173.
— 17. Что они астрологію, звѣздочетство; Аруспицину, науку прорицательную изѣ внутренно-
стей

страк.
стей живошнаго; и всѣ науки злясь изобрѣли, и усовѣтовали почитать идоловъ чудесами и различными прелестей сѣтьми 185.
—— 18. Для чего попущаетъ Богъ, дабы они такъ наругались человѣческому роду: и что для трехъ причинъ суетно есть почитать боговъ. - - 190.
—— 19. Что въ почитаніи ваяній или изображеній никакой вѣры быть не можетъ: понеже оныя отъ принаравливанія или уподобленія, то есть отъ хитрости названы. - - - 193.
—— 20. Краткое заключеніе, въ которомъ говоритъ, что побѣдивъ язычниковъ, большаго сраженія ожидаетъ отъ Философовъ. - 195.
КНИГА ТРЕТІЯ.
ГЛАВА 1. Вопервыхъ похваляетъ истинну, и всему краснорѣчію ея предпочитаетъ: и открываетъ, для чего Философы ея не постигли; и для чего простыми словами священное пишется писаніе; и что тогда имъ наипаче вѣрить должно, когда свое незнаніе признаваютъ. - - - 197.
—— 2. Что самымъ Философіи именемъ обличается: сколь пустое было языческихъ Философовъ дѣло. 201.
—— 3. Изъ какихъ вещей Философія состоитъ: и кто былъ изобрѣтателемъ академическаго ученія,

стран.

нія, которое ничего извѣстнаго не преподаетъ: и что одно только мнѣніе находится въ Философіи язычниковъ, которые для того наиболѣе отважатся: понеже заблужденій ихъ никто не обличаетъ кромѣ Бога 203.

— 4. Какимъ образомъ Зинонъ и Сократъ всю Философію уничтожили, которая своимъ побѣждена оружіемъ. - - -. 206.

— 5. Противъ Академиковъ, что много знать и природа вещей, и нужды житейскія понуждаютъ. 209.

— 6. Какимъ образомъ мудрость была посреди заблуждающихъ: и Академики съ Физиками, и Физики съ Академиками сражались; и какія суть непостоянныхъ и неосновательныхъ вопросовъ примѣры: и что вещей небесныхъ или природныхъ знать не можно. 210.

— 7. О нравоучительной Философіи, и для чего она какъ полезнѣйшею, такъ прочихъ частей Философіи удобнѣйшею есть: какія были всѣхъ почти Философовъ мнѣнія о высочайшемъ добрѣ. 214.

— 8. Какое есть истинной мудрости высочайшее добро: и сколь несправедлива была причина Анаксагорова, для чего рожденъ человѣкъ. - - - - 225.

10.

стран.

— 10. Что то, которое кажется человѣку свойственнымъ, и прочимъ животнымъ общее есть; человѣку же свойственно Бога знать и почитать. - - 228.

— 11. Что Богъ сотворилъ человѣка желающимъ богопочитанія и мудрости, изъ которыхъ одно безъ другаго быть не можетъ: и что изъ тѣхъ вещей, которыхъ люди желаютъ, ничто высочайшимъ добромъ быть не можетъ. - - - - - 231.

— 12. О двоякой брани тѣла и души, и о врагахъ обоимъ: и что добродѣтели не ради ея желать должно, но ради жизни вѣчной, которая высочайшимъ есть добромъ, и добродѣтели по нуждѣ послѣдуетъ, и въ настоящемъ вѣкѣ быть не можетъ. - 234.

— 13. Что душа есть безсмертна, и для чего божественное писаніе Логики не желаетъ и не пріемлетъ или Философіи, кромѣ одной Нравоучительной: въ преподаваніи которой славнѣйшіе Философы заблудили: и для чего Философія не есть вождемъ въ житіи, и родительницею добродѣтели, и изгонительницею пороковъ, что однако Цицеронъ и другіе утвердить старались. 240.

страк.

— 14. Что Лукрецій и другіе заблудили, думая, будтобы мудрость изобрѣтена отъ человѣка, а не отъ Бога дана людемъ: и какъ Цицеронъ своими словами обличается: и что Философія и истиннѣ не научаетъ, и къ правому житію не наставляетъ. - 244.

— 15. Что въ томъ же заблужденіи былъ Сенека: и что есть Философія по его мнѣнію: и что какъ Богъ есть единъ и истинна едина; такъ едина есть и простая мудрость: и сколь Философовъ слова не сходны съ ихъ жизнію. - - - 248.

— 16. Что право учащіе и худо живущіе, по свидѣтельству Цицеронову, не пользу, но пустое удовольствіе получаютъ изъ философіи: и что мудрость всегда упражняется въ добрыхъ дѣлахъ: и что не философіи, но мудрости самой непрестанно прилѣжать должно. - - 253.

— 17. Какое было самое ученіе Епикурово, который всѣмъ повелѣвалъ сходственное съ ихъ нравомъ: и какимъ образомъ Левциппа и Демокрита имѣлъ онъ изобрѣтателями заблужденія, и вымыслителями несѣкомыхъ. - 257.

— 18. Какъ Пиѳагорики и Стоики противнымъ Епикуру заблужденіемъ

)()(

емъ

стран.
емъ безумствуютъ: такъ душъ безсмертіе поставляя, что лгутъ, будтобы души въ разныя тѣла переходятъ, и самопроизвольную смерть присовѣтываютъ тщетно философствующимъ. - - - - - 265.
— 19. Что Цицеронъ и другіе наимудрѣйшіе мужи о безсмертіи душъ, но не справедливо учатъ: и что о доброй или злой смерти должно разсуждать изъ преждебывшаго житія и благодати Божіей. - - - - - - 270.
— 20. Что Сократъ въ томъ былъ разумнѣе прочихъ, понеже о небесныхъ и натуральныхъ вещахъ не испытывалъ, въ которыхъ неразсудно тратится разумъ и время: и во многихъ безумствовалъ, чему представляетъ примѣры. - - - - - 275.
— 21. Что Платонъ научился отъ Сократа тому, которое ежели бы исполнилось, и произведено было въ дѣйство, то человѣческаго рода погибло бы общество. - - - - - 278.
— 22. Что ученіе Платона было источникомъ беззаконія и поджигою, и всѣхъ добродѣтелей истребленіемъ. - - - - - 281.
— 23. О меньшихъ Философахъ, и какъ въ житіи изъ презрѣнія богатства

страи.

ства успѣхъ имѣютъ, и заблужденія утверждаютъ. - - 283.

— 24. О Антиподахъ, которыхъ для того вымыслили, понеже думали, что міръ есть кругль. - 286.

— 25. Сколько и что должно и потребно напередъ выучить поязычески философствующимъ: что Философіи никто или редкіе понимаютъ. - - - 289.

— 26. Что ученіе небесное едино Мудрость даруетъ, которой природа общая желаетъ, и ища въ Философіи не находитъ: и сколь силенъ есть законъ Божій и церковные таинства. - - 292.

— 37. Философы часто праведно повелѣваютъ, и иногда видятъ истинну: и для чего имъ не должно вѣрить. - - - 294.

— 28. Въ чемъ утверждается состояніе созданія; и откуда натуры имя, или фортуны: и какъ Философы своимъ мечемъ погибаютъ. Что фортуна есть ничто, которую Философы не только богинею, но и Богомъ ложно называютъ. И какъ сіе заблужденіе навели на тѣхъ, которые Бога не знали или презирали. - - - - 298.

— 29. Также повтореніе о фортунѣ и натурѣ и о опредѣленіи. - 361.

страм.

— 30. Заключеніе, въ которомъ показываетъ, какъ преходить должно отъ суеты Философской къ истинной мудрости, то есть къ Слову Божію, въ которомъ одномъ истинна находится, и добродѣтель и блаженство: и отъ реченнаго къ слѣдующему переходитъ. - - - - 306.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА 1. Какъ одного вѣка заблужденіе на всѣ вѣки распространилось, и весь свѣтъ объяло: и Грецiя послѣ седьми мудрецовъ возжелала изыскивать истинну, и искатели мудрости возжелали паче любомудрцами, нежели мудрецами называться. - - 309.

— 2. Что тамъ должно искать мудрости, гдѣ язычникомъ есть безуміе: и для чего Пиѳагоръ и Платонъ ученія искатели не приступили къ Іудеемъ. - - 312.

— 3. Что мудрость и вѣра нераздѣльно и крѣпко соединяется: и что должны быть тѣжъ самые а не иные таинники мудрости, и Божіи священники. И для чего противъ натуры поставляется почитать многихъ боговъ. И какъ по природѣ долженъ быть всякому единъ господинъ, такъ и отецъ единъ. - - 314.

— 4. Что мудрость надлежитъ къ сынамъ, вѣра къ рабамъ, и обо-

ихъ источникъ Богъ единъ истинный, который неблагодарнаго оставляетъ сына, и бѣглаго казнитъ раба. - - - 318.

— 5. Что предсказаніе Пророковъ прилѣжно должно разсматривать, которые отъ Бога научены будучи говорили, какъ вещей за долго прежде предсказанныхъ событіе показываетъ: и въ которое время пророчествовалъ Моисей: сколько лѣтъ управлялъ народомъ Іисусъ: сколько лѣтъ начальствовали Судіи: какъ долго царствовали Цари: въ которое время владѣлъ Киръ: какое въ пророкахъ есть основаніе мудрости. - - - - - 332.

— 6. Что Богъ создатель всяческихъ совсемогущаго родилъ Сына, и имъ создалъ всяческая. Свидѣтели суть Сивилла, Трисмегистъ; и прорицанія согласныя пророкамъ, и премудрому Соломону. - - - - - 323.

— 7. Что имя Сына и Ангеломъ и людемъ незвѣстно есть, хотя имя имѣетъ отъ Ангеловъ и человѣкъ покланяемое: и почему называется Іисусъ, почему Христосъ. - - - - - 324.

— 8. Что Сынъ дважды рожденъ, предвѣчно отъ Отца, времянно отъ Дѣвы матери, но рожденіемъ

семъ недомысленнымъ и несказаннымъ: и для чего называется Словомъ: и въ чемъ отъ Ангеловъ разнствуетъ: и для чего Ангели не называются словомъ или словами Божіими: и для чего человѣческій духъ есть разрушаемь: и что Давидъ и Соломонъ пророчествовали о семъ Словѣ. Что Соломонъ жилъ прежде Троянской войны. И что Іоаннъ Евангелистъ о семъ же Словѣ. - 327.

— 9. Что лучше Греки говорятъ, Логосъ, нежели Латинцы, Вербумъ: и что о Богѣ умствовали языческіе Философы Зинонъ и Трисмегистъ - - - 331.

— 10. О второмъ рожденіи Сына, которое Пророки задолго прежде предсказали, и какъ изведенъ израиль изъ Египта: и за какія не благодаренъ благодѣянія, голову воловью въ память Аписа Бога Египетскаго здѣлалъ, и что чинъ народныхъ властей былъ даже до страсти Господни. 332.

— 11. Какая была вина воплощенія Христова - - - - - 335.

— 12. О зачатіи и рожденіи дѣвы предсказанномъ отъ Пророковъ. О страданіи, и воскресеніи, и вознесеніи, и судѣ. - - 338.

страш.

— 13. Что Сынъ отъ Отца есть по божеству: и что сугубаго существа показуется отъ дѣлъ своихъ; и отъ писаній пророческихъ, и отъ свидѣтельства Аполлина Милетскаго, и для чего ни къ Соломону, ни къ иному кому не могутъ принадлежать предсказанія пророческія, кромѣ Христа. - - 343.

— 14. О вѣчномъ Христовомъ священствѣ, о которомъ пророки, какъ и о прочемъ, прежде сказали, такъ выражая Іисуса Христа, что предсказанія ни къ сыну Навину, ни къ сыну Іоседекову не могутъ наклоняться, и о путехъ, которымъ научалъ Христосъ, которой никогда своея чести не искалъ, но отеческія. - - - - 348.

— 15. О крещеніи Христовомъ, и чудесахъ, которыя творилъ во плоти прежде страсти: о чемъ не толкко пророки предвозвѣстили, но и Сивиллы, какъ Цицеронъ и Варронъ свидѣтельствуютъ: но предсказаній прежде пришествія Христова, не можно было разумѣть. - - 352.

— 16. О страданіи Христовомъ, которое Іудеемъ есть соблазномъ, и безуміемъ язычникомъ, сколь превеликую силу содержитъ, и

пря-

стран.

прямую, и особливую мудрость и истинну, какъ Пророки предсказали. - - - - 357.

— 17. Что клеветали на него называя разорителемъ закона: и что предобразкало обрѣзаніе: и для чего повелѣно совершать наономъ удѣ. И для чего запрещено употреблять свиное мясо. - 361.

— 18. Какая вина, и какій былъ порядокъ Господня страданія: и Господне страданіе, которыми было предвозвѣщено пророчествами. - - - - 365.

— 19. О чудесахъ, которыя въ страданіи Господнемъ были. О погребеніи и воскресеніи. И какими Пророческими свидѣтельствами сіе утверждается. - - 371.

— 20. Что пошедши въ Галилею Господь по воскресеніи, открылъ ученикамъ тайны писанія: и для чего ветхій законъ называется завѣтомъ; и не можно было его разумѣть прежде смерти Господней: и что новый завѣтъ ветхаго дополнительнее есть: какими сіе предсказано свидѣтельствами. - - - - - 373.

— 21. О вознесеніи Господнемъ, раздѣленіи учениковъ на основаніе и утвержденіе новыя церкви, и о чудесахъ ихъ, и какъ Петръ и Павелъ въ Римъ пришедши про-

роче-

рочествовали, что въ скорости пріидетъ Царь, который Іерусалимъ разоритъ, и Іудеевъ погубитъ такъ, какъ потомъ исполнилось. - - - - - 376.

— 22. Что доводами опровергать должно тѣхъ, которые Божественнымъ писаніямъ не вѣрятъ, и какихъ доводовъ употребляютъ невѣрные, дабы Господне воплощеніе опровергнуть. - - 377.

— 23. Что исправитель чужихъ нравовъ теряетъ свою важность, ежели не дѣлаетъ самъ, чему учитъ, какъ въ Философахъ видимъ, которые противно своимъ заповѣдемъ жили; но Христосъ во первыхъ творилъ, потомъ училъ. - - - - - 379.

— 24. Что небесный учитель долженъ быть совершенъ, и для чего совершенъ быть не можетъ не принявши смертнаго тѣла. - - 381.

— 25. Что хотя Христосъ смертность нашу принялъ, однако рожденъ не какъ прочіе люди, но изъ плоти дѣвичей: и для чего будучи неповиннымъ, самопроизвольно принялъ казнь. - 386.

— 26. О тайнѣ Господня креста, и силѣ и знаменованіи того, что Христосъ сотворилъ, или претерпѣлъ: и какъ предъ изобра-

страи.

жен быль заколеніемь Агнца законнаго. - - - - - 388.

— 27. О силѣ знаменія крестнаго, какову силу имѣеть призываніе имени распятаго, и какъ демоны боятся знаменія крестнаго. - 395.

— 28. О истинной и единой вѣрѣ, и откуда называется Регилія или по мнѣнію Цицеронову, или другихъ. - - - - - 398.

— 29 О единствѣ Отца и Сына дабы извѣстно было, какъ единаго Бога могутъ почитать, которые двухъ почитаютъ, единаго Отца, другаго Сына, Отца безсмертнаго, Сына смертнаго, о чемъ прежде сказано. 403.

— 30. О Ересехъ, что онѣ возникнутъ, не только Пророки, но и Христосъ и Апостоли предсказали: и что ихъ должно убѣгать: и что оная едина церковь каѳолическою и истинною есть, въ которой находятся исповѣданіе и врачеваніе грѣховъ покаяніемъ, и вѣры таинства. - 406.

Л. Ц. ЛАКТАНЦІЯ ФИРМІАНА.

БОЖЕСТВЕННЫХЪ НАСТАВЛЕНІЙ ПРОТИВЪ ЯЗЫЧНИКОВЪ О ЛОЖНОЙ ВѢРѢ КНИГИ ПЕРВОЙ ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ КОНСТАНТІНУ ИМПЕРАТОРУ.

ГЛАВА 1.

Какъ почитается и почиталось всегда познаніе истинны, и что мудрость безъ вѣры, а вѣра безъ мудрости сутъ невохвальны.

Великаго и превосходнаго ума мужи предавшись совсѣмъ ученію, презрѣвъ общественныя и собственныя дѣла, на сисканіе истинны всѣ силы употребили, за вящшее почитая божественныхъ и человѣческихъ дѣлъ причину изслѣдывать и знать, нежели собирать богатства, и гоняться за честьми. Ибо чести и богатства, какъ скорогиблющія, земныя и къ единому украшенію тѣлесному принадлежащія, никого лучшимъ и никого праведнѣйшимъ сдѣлать не могутъ. Были сіи мужи наидостойнѣйшіе, чтобъ познать истинну, которую они всему на свѣтѣ предпочитая, столь силь-

но знать желали, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ извѣстно, бросили богатства свои, и оставили всѣ роскоши, дабы единой и нагой добродѣтели, наго, и безпрепятственно слѣдовать можно было. Столь у нихъ имя и важность добродѣтели сильно дѣйствовали, что въ ней все высочайшее добро признавали. Однако не получили они желаемаго, и трудъ и тщаніе потеряли всуе. Ибо истину, то есть, тайну Великаго Бога, создавшаго вся, умомъ и собственными чувствами постигнуть не можно. И ежели бы совѣты и расположенія предвѣчнаго Божія Величества человѣческое помышленіе постигало, то не было бы между Богомъ и человѣкомъ никакого различія; но когда тому статься было не можно, чтобы человѣкъ самъ собою божественная проникнулъ, то не допустилъ Богъ, чтобы человѣкъ, свѣта премудрости ищущій, далѣе заблуждалъ, и безъ всякаго въ трудахъ успѣха ходилъ во тьмѣ неразрѣшимой. Отверзъ очи его нѣкогда, и знаніе истинны даровалъ, дабы и человѣческую мудрость упразднить, и заблуждающему и бродящему путь къ достиженію безсмертія показать. Однако не многіе пользуются симъ благодѣяніемъ и даромъ небеснымъ, потому, что истинна, во мракѣ сокровенная находится, которая въ презрѣніи у мудрыхъ для того, что способныхъ защитниковъ не имѣетъ; а въ ненависти у немудрыхъ ради природной своей жестокости, которой естество человѣческое, къ порокамъ склонное, терпѣть не можетъ. Ибо добродѣтель смѣшена

есть

есть съ горестію, а пороки сладостію растворены; оною огорчены будучи, а сею прельстясь, низпадаютъ, и видомъ добра обманувшись, зло вмѣсто онаго принимаютъ. Пособить симъ заблужденіямъ за благо я разсудилъ, дабы и мудрыхъ въ истинной премудрости, и немудрыхъ въ истинной вѣрѣ наставить. Сіе ученіе за лучшее, полезнѣйшее и преимущественнѣйшее предъ витійствомъ почесть должно, въ которомъ я долговременно обращаясь, не добродѣтели, но остроумной хитрости юношество обучалъ. И такъ лучше нынѣ о ученіи небесномъ говорить буду, дабы онымъ къ почитанію истиннаго Величества умы человѣческіе наставить. Не столько людямъ благодѣтельствуетъ тотъ, кто обучаетъ краснорѣчію, сколь обучающій благочестивому и невинному житію: и для сего у Грековъ въ большей славѣ были Философы, нежели Витіи. Правильно они Философовъ почитали за учителей добраго житія. Ибо красноглаголаніе не многимъ только, а доброе житіе всѣмъ нужно. Много однако мнѣ упражненіе сіе ложныхъ представило споровъ, такъ что я за долгъ почитаю и пространнѣе и витіеватѣе говорить объ истинѣ. И хотя защищать истину и безъ витійства можно, какъ то многіе часто защищали; однако ясностію и красотою рѣчи должно изъяснить, и нѣкоторымъ образомъ распространить оную, дабы и силою своею вооруженная, и украшенная свѣтлостію рѣчи, сильнѣе въ сердца входила. И такъ о вѣрѣ и о дѣлахъ божествен-

ныхъ говорить теперь слѣдуетъ: когда величайшіи витіи, состарѣвшіеся въ своемъ ученіи, окончивъ дѣла свои, напослѣдокъ Философіи себя посвятили, почитая оную за наисправедливѣйшій послѣ трудовъ покой. Естьли будутъ стараться вникать въ тѣ вещи, которыя испытаны быть не могутъ: то не покой, кажется мнѣ, они себѣ сыскали; но трудъ, и трудъ тяжчайшій прежняго; я гораздо правильнѣе поступаю, прибѣгнувъ къ оной набожной, истинной, божественной премудрости, подобно какъ къ безопаснѣйшей нѣкоторой пристани, въ которой все говорить можно, слышать пріятно, разумѣть легко, и принять честно. Ежели нѣкоторые благоразумные и любящіи правду для усмиренія споровъ и распрь несогласныхъ гражданъ, уставъ гражданскаго права сочинили и издали; что не лучше ли и справедливѣе я поступлю, естьли божественныя наставленія писанію предамъ, въ которыхъ не о наводненіяхъ или удержаніи водъ, ни о сраженіи, но о надеждѣ, житіи, спасеніи, безсмертіи и Богѣ говорить буду, чтобы смертоносныя суевѣрія и гнусныя заблужденія истребить. Сіе дѣло нынѣ отъ имени твоего, Константінъ, Императоръ Великій! начинаю; Ты первый изъ Римскихъ Владѣтелей отвергши заблужденія, единаго и истиннаго Бога величество позналъ и почтилъ. Ибо, когда день оный наищастливѣйшій міру возсіялъ, въ который Тебя Всемогущій Богъ на благословенный тронъ Имперіи возвелъ, спасительное всѣмъ и желанное правленіе Ты преславно

началъ

началъ, упразднивъ иныхъ гнусныя дѣла, для возстановленія опроверженной и уничтоженной правды. За сіе дѣло наградитъ Тебя Богъ щастіемъ, крѣпостію и долгоденствіемъ: да тоюжъ правдою, которою во младости началъ Ты править государствомъ, и въ старости своей содержишь, и какъ самъ отъ отца принялъ защищеніе Римскаго имени, такъ да препоручишь и дѣтямъ своимъ. Злыхъ же, которые еще противъ праведныхъ въ иныхъ частяхъ свѣта свирѣпѣютъ, чѣмъ пожже, тѣмъ строжае той же Всемогущій накажетъ. Ибо сколь онъ ко благочестивымъ премилосердымъ есть отцемъ, столь противъ нечестивыхъ праведнѣйшимъ судіею. Сего вѣру и почитаніе божественное защищать желая, кого паче въ помощь призову, къ кому говорить начну, естьли не къ оному, чрезъ котораго людемъ истинна и премудрость возвращена? И такъ оставивъ земной сей философіи изобрѣтателей, ничего извѣстнаго не утверждающихъ, взойдемъ на прямой путь. Ежели бы я нашелъ ихъ способными къ доброму житію путеводителями, то и самъ бы онымъ послѣдовалъ, и другихъ бы послѣдовать научилъ; но какъ они и чрезъ великія свои пренія въ согласіе не приходятъ, и сами по большей части отъ себя отступаютъ, изъ чего явствуетъ, что ихъ непрямой есть путь. Ибо всякъ по произволенію своему собственною ходилъ дорогою, которую они открывъ свѣту, великое смятеніе ищущимъ истинны оставили. Но я пріемщи таинство истинной вѣры, которой истинна

мнѣ свыше откровенна, послѣдуя учителю премудрости, и вожду истины Богу, всѣхъ вообще, не взирая ни на полъ ни на возрастъ, къ небесной пищѣ призываю. Нѣтъ никакой пищи душѣ пріятнѣйшей, какъ познаніе истинны. Ея утверждать и изъяснять седмью книгами я намѣренъ. И хотя сіе дѣло есть почти безконечное, и столь безмѣрное, что ежели кто оное распространить и дополнить восхощетъ, столь великое число вещей сыщетъ, что ни книга мѣры, ни конца ненайдетъ слово; однако я вкратцѣ все представлю для того, что представляемое довольно ужѐ извѣстно, и такъ ясно, что немало удивляться надлежитъ, для чего такъ темною казалась истинна, и тѣмъ наипаче, которые мудрыми отъ народа почитаются; и что хочу только людей наставить, то есть отъ заблужденія, въ которое они впали, къ правѣйшему пути призвать. И сіе ежели я получу, чего надѣюсь, пошлю ихъ къ самому преизобильному и преисполненному ученія источнику, изъ котораго почерпая и пія, начавшуюся внутрь жажду утолятъ, и огнь угасятъ, и будетъ имъ все легкимъ, возможнымъ и извѣстнымъ, естьли только не наскучитъ имъ для достиженія противиться читать и слушать. Ибо многіе къ пустымъ суевѣріямъ упорно прильнувши, противятся и противъ извѣстной истинны, чѣмъ не столько вѣрѣ своей, которую несправедливо предпочитаютъ, пользу приносятъ, сколько себѣ вредятъ: и сіи то имѣя прямой путь, кривыми хо-

ходятъ стезями, гладкой путь оставляютъ, дабы впасть въ стремнину: бѣгаютъ свѣта, дабы во тмѣ слѣпыми и немощными лежать. Таковымъ совѣтовать должно, дабы они невооружались противу себя самихъ, и дабы приняли стараніе себя напослѣдокъ отъ застарѣлыхъ заблужденій избавить. Сіе, можетъ быть здѣлаютъ, ежели когда нибудь узнаютъ, для чего они родились. Ибо причиною развратности нечто иное есть, какъ незнаніе себя самихъ, которое, естьли кто познавъ истинну, разгонитъ, узнаетъ куда оное относить, и какъ жизнь свою вести должно. Сего знанія всю силу вкратцѣ представляю: никакой вѣры безъ мудрости принимать, и никакой мудрости безъ вѣры одобрять не должно.

ГЛАВА 2.

О томъ, что есть въ дѣлахъ человѣческихъ промыслъ.

Принявъ на себя должность изъяснять истинну, не почелъ я занужное начинать отъ онаго вопроса, который естественно кажется быть первымъ: Есть ли провидѣніе, о всѣхъ дѣлахъ промышляющее? или создано все и управляется случайно? Сіе мнѣніе изобрѣлъ Демокритъ, а подтвердилъ Эпикуръ; однако и прежде Пиѳагоръ, который о богахъ сомнѣвался, и послѣ Діагоръ, которой ихъ не признавалъ, и нѣкоторые другіе, которые не допуска-

ли бытія Божія, не иное что здѣлали, какъ только мнѣніе оставили, будто бы нѣтъ никакого промысла. Противъ которыхъ однако и прочіе Философы, наипаче же Стоики сильныя дѣлали возраженія, утверждая, что безъ Божія промысла ни быть міръ не могъ, ни стоять, ежели бы великимъ промысломъ не былъ управляемъ. Маркъ Туллій хотя академическаго ученія защитникомъ былъ, однако о промыслѣ, дѣла управляющемъ, и много и часто говорилъ, утверждая Стоическіе доводы, самъ новые премногіе прибавлялъ, что какъ во всѣхъ его Философическихъ книгахъ, такъ наипаче въ тѣхъ, которые писаны о естествѣ боговъ, видѣть можно. Не трудно подлинно было обличить ложъ немногихъ людей, развращенно умствующихъ, съ которыми въ единомъ семъ дѣлѣ народъ и язычники не были согласны. Ибо нѣтъ никого столь грубаго, и столь жестоконравнаго, который очи свои на небо возводя, хотя бы не зналъ, коего Бога промысломъ сіе все видимое управляется; однако какого нибудь изъ самой дѣлъ огромности, движенія, расположенія, твердости, пользы, красоты и умѣренности не понялъ. Да и быть тому не можно, чтобы то, что дивнымъ образомъ состоитъ, большимъ нѣкоторымъ совѣтомъ не было управляемо. Мнѣ подлинно легко бы доказать сіе, какъ бы ни было пространно. Но какъ много уже сіе дѣло разсматривано между Философами, и промыслъ уничтожающимъ довольно отвѣчали остроумные и краснорѣчивые люди, и сверхъ того о силѣ Божія промысла

во всемъ начатомъ семъ дѣлѣ по разнымъ мѣстамъ мнѣ говорить нужно, то оставляю сей вопросъ, который съ прочими такъ крѣпко соединенъ, что мнѣ, не упоминая о промыслѣ, ничего сказать не можно.

ГЛАВА 3.

Единаго ли Бога властію управляется міръ или многихъ?

И такъ пусть будетъ началомъ нашего дѣла вопросъ сей слѣдующій и вторый: Единаго ли Бога властію управляется міръ, или многихъ? Всякъ умный и разсудительный знаетъ, что единъ есть Богъ, создавшій все, и тоюжъ силою, которою создалъ, управляющій. Ибо какая нужда быть многимъ для управленія міра? Развѣ кто принявъ ихъ многихъ, думаетъ, что одинъ меньше, нежели всѣ, имѣетъ силы, какъ то сіе и дѣлаютъ тѣ, которые бытіе многихъ боговъ утверждаютъ: они представляя ихъ слабыми, одному безъ помощи прочихъ такою огромностію управлять почитаютъ за невозможное; но Богъ, которой есть вѣчной умъ, имѣетъ во всемъ совершенную силу. И ежели сіе справедливо, то непремѣнно онъ есть и одинъ. Ибо власть или сила содержитъ свою собственную крѣпость, а то за крѣпкое почитать должно, что убавиться, какъ и то за совершенное, къ чему ни что прибавиться не можетъ. Кто бы усум-

нился могущественнѣйшимъ почесть такого Государя, который бы всѣмъ свѣтомъ владѣлъ? И по справедливости. Ибо все, чтобы гдѣ ни находилось, къ нему бы принадлежать долженствовало; къ нему бы единому отвсюду сносились сокровища. Естьли же многіе раздѣлятъ міръ, то поистиннѣ и меньше богатства и меньше силы каждой изъ нихъ имѣть будетъ, ибо въ опредѣленной части всякъ себя содержать долженъ: равнымъ обазомъ и боги, ежели многіе суть, то меньше силы имѣть должны, потому, что столькожъ въ себѣ силы и другіе имѣютъ. Совершенноежъ могущество въ томъ только находится, въ которомъ есть оное все, а не въ томъ, въ которомъ часть только отъ всего. Богъ же ежели есть совершенъ (какъ совершенъ есть) какъ и быть долженъ, то кромѣ его единаго, дабы въ немъ все содержалось, другому быть не можно. Слѣдовательно боговъ силы и власти суть слабые потому, что каждому изъ нихъ столько не достанетъ, сколько въ прочихъ будетъ; и чѣмъ больше число оныхъ умножится, тѣмъ въ большее безсиліе имъ притти должно. Но оная величайшая власть и божественная сила ужъ ли ниединожды раздѣлиться не можетъ? Подлинно такъ. Ибо что можетъ быть раздѣлено, то можетъ и погибнуть, какъ Богъ погибнуть не можетъ, потому что онъ есть нетлѣнный и вѣчный, слѣдовательно и божественная власть раздѣлена быть не можетъ. И такъ ежели ничего инаго не находится, чтобы столько власти имѣть могло, то одному Богу быть должно. Однако тѣ, которые

торые многихъ боговъ бытіе признаваютъ, сказываютъ, что они должности между собою раздѣлили: но о семъ пространнѣе на своемъ мѣстѣ будетъ сказано: между тѣмъ, какъ и къ настоящему мѣсту принадлежитъ, то и здѣсь поговорю объ ономъ. Ежели Боги раздѣлили между собою должности, не слѣдуетъ ли изъ сего, что каждой особо изъ нихъ удовлетворить всѣмъ должностямъ не могъ? Слѣдовательно не должно ему приписывать совершенства, ежели безъ помощи другихъ не можетъ одинъ всѣмъ управлять. Обманывается тотъ, кто за невозможное ставитъ толикой огромности единымъ быть управляемой; и неразумѣетъ, коликая есть власть и сила Божія величества, естьли думаетъ, что единъ Богъ создавши міръ, созданнымъ управлять не можетъ. Пусть таковый разсмотритъ умомъ сіе божественнаго дѣла неизмѣримое пространство, которое изъ ничего силою и совѣтомъ Божіимъ составлено, которое дѣло единому только начать и совершить можно: пойметъ, что много легче тѣмъ единому управлять, что есть отъ единаго составлено. Но скажетъ, можетъ быть, кто, что создать такое безмѣрное дѣло, то есть міръ, многимъ только можно. Однако сколько бы кто многихъ, и сколько бы великихъ ни представлялъ, и сколько бы во многихъ власти силы и величества ни полагалъ, я все сіе къ единому относящу, и сказую, что въ немъ единомъ столько силы, власти и величества, что ни помыслить, ни сказать не можно. Сего понять умъ человѣческій, и истолковать языкъ смер-

смертный не можетъ; то остается намъ разумѣть самое то только, что мы говорить должны. Знаю, что и вопреки сказать можно: Таковые суть оные многіе, каковаго мы единаго сказуемъ. Но сему быть никакъ не можно. Ибо каждаго власть поступить далѣе не сильна будетъ, потому что противиться ей будутъ власти прочихъ. И такъ не отмѣнно должно, чтобы всякъ или своихъ предѣловъ не преступалъ, или преступивъ, другаго изъ своихъ предѣловъ изгналъ. Не усматриваютъ тѣ, которые бытіе многихъ боговъ допускаютъ, что можетъ быть отъ различнаго ихъ желанія между ими споръ и бой произыдетъ; равнымъ образомъ, какъ у оныхъ Гомеромъ вымышленныхъ боговъ, изъ коихъ иные хотѣли, дабы плѣнена была Троя, иные же противились. Слѣдовательно единаго властію долженъ быть управляемъ міръ. Ибо ежели вся власть къ единому промыслу не отнесется, то не возможетъ устоять самая превеликая власть, потому, что всякъ ни о чемъ больше пещися не будетъ, какъ только о томъ, что собственно ему принадлежитъ, подобно какъ и дѣло воинское безъ единаго главнаго вождя и правителя. Ибо ежели и въ единомъ войскѣ будетъ столько полководцевъ, сколько полковъ, сколько ротъ, сколько клиноватыхъ строевъ, и сколько крилъ, то вопервыхъ не можно будетъ сражаться потому, что всякъ опасности убѣгать будетъ, да и не легко управлять таковыми, и ихъ въ порядкѣ содержать. Ибо всѣ собственныхъ совѣтовъ слушаться будутъ,

кото-

которыхъ несогласіе больше причинитъ вреда, нежели пользы. Такъ въ сей дѣлѣ естественныхъ власти, ежели не будетъ одинъ, къ которому бы относилось наибольшее обо всемъ попеченіе, то все разрушится и падетъ.

Говорить, что властію многихъ управляется міръ, все равно какъ бы утверждать, что въ единомъ тѣлѣ многія находятся души, потому, что многія и различныя услуги дѣлаютъ члены; увѣрять, что каждое тѣлесное чувство собственная душа управляетъ; и думать, что также и во многихъ страстяхъ, чрезъ которыя обыкновенно мы или къ гнѣву, или къ вожделѣнію, или къ веселію или къ страху или къ сожалѣнію возбуждаемся, столько же душъ дѣйствуетъ. И ежели бы сіе подлинно кто сказалъ, того бы мы неинако сочли, какъ такимъ, которой ни одной души не имѣетъ. Но ежели въ единомъ тѣлѣ толикихъ дѣлъ правленіе душа человѣческая одна содержитъ, и всѣмъ купно внимаетъ, то для чего думать, что міромъ не можетъ управлять единъ безъ многихъ. Понимая сіе оные многобожники, говорятъ: хотя всѣми вещами и частьми оныхъ правятъ различные боги; однако единъ долженъ быть управитель превосходный. Слѣдовательно уже прочіе не будутъ богами, но драбантами и слугами, которыхъ оный единый величайшій и всемогущій надъ должностями поставилъ, дабы они власти его и воли повиновались. И такъ, ежели не всѣ они равны, слѣдовательно всѣ не суть богами. Ибо не можетъ равнымъ быть и служащее и владычествующее. Ежели Богъ есть имя вели-

величайшей власти, то онъ нетлѣннымъ быть долженъ, совершеннымъ, безстрастнымъ, и никому не подвластнымъ. Слѣдовательно тѣ не суть боги, которыхъ нужда единому величайшему Богу повиноваться заставляетъ. Но для чего обманываются имѣющіе сіе мнѣніе, не много послѣ открою сего заблужденія причину; теперь единство Божественныя власти свидѣтельствами утверждать буду.

ГЛАВА 4.

Что истинно единъ есть Богъ котораго и Пророки предпознѣщали.

Пророки, коихъ число есть великое, единаго Бога проповѣдуютъ, и единаго признаютъ. Ибо единаго Бога духомъ исполнены будучи, будущая равнымъ и согласнымъ гласомъ предсказали. Но незнающіе истинны, не хотятъ имъ вѣрить, и говорятъ; рѣчи ихъ не Божественныя суть, но человѣческія: то есть, что о единомъ Богѣ проповѣдуютъ, то или безумными они были, или обманщиками. Но какъ пророчества ихъ, во многомъ исполнившіяся и исполняющіяся ежедневно мы видимъ, и единому мнѣнію согласное прорицаніе, изъ сего явствуетъ, что они не были безумны. Ибо какой безумной не только будущее предвозвѣщать, но и согласное говорить можетъ? Слѣдовательно обманщиками ли они были, когда истинну говорили? Когда отъ нихъ ничто такъ чуждо

не

не было какъ обманы, и когда и иныхъ отъ всякой лести удерживали. Ибо для сего они отъ Бога посылаемы были, дабы и проповѣдывать величество его, и исправлять человѣческую злобу. Охотно вымышляютъ и лгутъ тѣ, которые богатствъ ищутъ, и прибытковъ желаютъ; но сего желанія оные святые мужи не имѣли. Ибо порученную имъ должность такъ отправляли, что оставивши все къ защищенію жизни нужное, не токмо о будущемъ, но и о настоящемъ не пеклися, довольствуясь внезапною пищею, которую Богъ посылалъ имъ; и сверхъ того не только прибытка никакого не имѣли, но и муки претерпѣвали и смерть вкусили. Горьки бо суть грѣшнымъ и злѣ живущимъ заповѣди правды. И такъ тѣ, которыхъ грѣхи они обличали и запрещали, наижесточайше ихъ умучивъ, напослѣдокъ умертвили. Слѣдовательно, которые не желали прибытка, тѣ и прельщать не желали. Кромѣ того нѣкоторые изъ нихъ начальниками были и Царями, которые также славу единаго Бога какъ и прочіе проповѣдали, слѣдовательно и въ разсужденіи сана ихъ въ обманахъ и жадничествѣ подозрѣвать ихъ не можно.

ГЛАВА

ГЛАВА 5.

О свидѣтельствахъ Стихотворцовъ и Философовъ.

Но оставимъ свидѣтельства Пророковъ, дабы тѣ, кои имъ не вѣруютъ, не почли доводовъ нашихъ маловажными. Приступимъ къ писателямъ свѣтскимъ, и тѣхъ самихъ къ подтвержденію истинны свидѣтелями поставимъ, которыхъ противъ насъ обыкновенно употребляютъ, то есть стихотворцовъ и Философовъ. Изъ тѣхъ единаго Бога доказывать должно, не для того, будто бы они познали истинну, но что самой истинны такая есть сила, что никто такъ не можетъ быть слѣпъ, который бы не видѣлъ представляющейся очамъ божественной ея свѣтлости. Стихотворцы хотя боговъ прославляли и превозносили величайшими похвалами, однако очень часто признаютъ, что единъ есть духъ или умъ все содержащій и управляющій. Орфей наидревнѣйшій изъ стихотворцевъ и современникъ самымъ богамъ, о которомъ сказываютъ, что между Аргонавтами съ Тиндаридами и Геркулесомъ на корабляхъ ѣздилъ, истиннаго и великаго Бога Протогононъ, то есть перворoднымъ называетъ. Ибо прежде его ничто не было рождено, но отъ него все получило свое начало; егожъ самаго и Фанитомъ, то есть явившимся имянуетъ, для того, что когда еще ничего не было, первый онъ изъ безконечности явился и пребылъ, котораго онъ ни начала, ни существа не понимая, сказалъ, что изъ воздуха неизмѣримаго рожденъ: „Прежде всего

„ро-

„рожденный Фаеѳонъ изъ долгаго воздуха „рожденъ.„ Ибо инаго ничего больше сказать не зналъ. Сего всѣхъ боговъ родителемъ почитаетъ, прочихъ же дѣтьми его именуетъ; для которыхъ онъ создалъ небо, дабы имѣли жилище и пребываніе общее. „Создалъ без„смертнымъ домъ нетлѣнной:„ И такъ руководствомъ природы и разсудка понялъ, что есть превосходная власть создавшая небо и землю. Ибо не назвалъ онъ Юпитера началомъ вещей, которой рожденъ былъ отъ Сатурна, ни самаго Сатурна, котораго отъ неба рожденнымъ почитали; не смѣлъ онъ также и небо почесть за перваго Бога. Ибо видѣлъ, что небо есть стихія, которая и сама требовала творца. Таковое разсужденіе привело его къ оному первородному Богу, которому первенство приписываетъ.

Гомеръ ничего не оставилъ намъ касающагося къ истиннѣ потому, что онъ описывалъ больше человѣческія, нежели божескія дѣла. Гезіоду хотя оставить и можно было; для того, что онъ о рожденіи боговъ въ одной книгѣ писалъ, однако и сей ничего не оставилъ: ибо не отъ Бога Создателя писать началъ, но отъ Хаоса грубаго и непорядочнаго вещества, и смѣшенной громады; ему бы должно было изъяснить прежде самый Хаосъ откуда, когда, и какъ быть или состоять началъ: то есть, когда отъ нѣкотораго художника расположено и создано есть все, то и самыя вещества изъ коихъ все состоитъ, должны быть отъ когонибудь созданными. Но кто оное, еже-

ли не Богъ создалъ, котораго власти все повинуется? однако убѣгаетъ онъ сего потому, что страшится непознанной истинны. Ибо невдохновенiемъ музъ, какъ на Геликонѣ притворялся, пѣснь онъ сочинилъ; но намыслившись и приготовившись пришелъ.

Первый изъ нашихъ былъ Маронъ, который не далеко былъ отъ истинны; онъ о величайшемъ Богѣ, котораго умомъ и духомъ называетъ, такъ говоритъ:

„ Въ началѣ небо, землю, воды
„ Поля и свѣтлый лунной кругъ,
„ И звѣздъ блестящихъ разны роды
„ Живя осуществуетъ духъ;
„ Собой всѣ твари наполняя
„ Въ движенье весь приводитъ свѣтъ
„ И съ онымъ самъ себя спрягая,
„ Умъ вышнiй несозданныхъ лѣтъ. „

Но дабы всякому было извѣстно, кто есть оной духъ, который столько имѣетъ власти, изъяснилъ онъ на иномъ мѣстѣ, такимъ образомъ:

„ Пути всемощному отверсты
„ Въ землѣ, моряхъ, и небесахъ;
„ Его создали сильны персты
„ Живущихъ въ градѣхъ и лѣсахъ. „

Также и Овидiй въ началѣ преславнаго сочиненiя, не скрывая имени, признаетъ, что Богъ, котораго онъ создателемъ мiра и всѣхъ вещей художникомъ называетъ, составилъ мiръ. Ежели бы Орфей, или сiи наши, то, что руководствомъ природы познали, всегда

защи-

защищать старались, то такоежъ бы ученіе, которому и мы слѣдуемъ, понявши истинну, содержали.

Но довольно ужѐ сказано о стихотворцахъ; теперь приступимъ къ Философамъ, которые и большую имѣютъ важность, и безсумнительнѣйшее разсужденіе; ибо не въ вымыслахъ вещей, но въ изслѣдованіи истинны упражняются. Ѳалесъ Милесійскій единъ изъ числа седьми мудрецовъ, и какъ сказываютъ первый, который испытовалъ вину природы, сказалъ, что отъ воды все рождено; а Богъ есть умъ изъ оной все произведшій. И такъ матерію всѣхъ вещей полагалъ въ водѣ, началожъ и причину рожденія присвоилъ Богу. Пиѳагоръ опредѣляя Бога, говоритъ: Богъ есть духъ чрезъ всѣ части міра, и все естество проходящій и разливающійся, отъ котораго всѣ родящіеся животные жизнь получаютъ. Анаксагоръ сказалъ, что Богъ есть безконечный умъ, самъ собою движущійся. Антисѳенъ хотя многихъ народныхъ боговъ признаетъ, но единаго естественнаго, то есть Творца всего міра. Клеанѳъ и Анаксименъ Эѳиръ почитаютъ за величайшаго Бога, которое мнѣніе и нашъ стихотворецъ принимаетъ:

„Въ то время чистъ Эѳиръ, отецъ вещей все-(сильный,
„Къ супругѣ черезъ дождь на лоно сшелъ,(обильный
„И тѣснымъ межъ собой союзомъ укрѣпясь,
„Плодами богатятъ всея вселенной связь.„

Хрисиппъ, естественною силою божественный умъ имѣющею, иногдажъ божественною нуждою называетъ Бога, такъ, какъ и Зинонъ божественнымъ и естественнымъ закономъ.

Хотя всѣхъ сихъ мнѣніе не основательно; однако можно понять, что они единой промыслъ принимаютъ. Ибо естествомъ ли, или Эѳиромъ, умомъ ли или божественною нуждою, божественнымъ ли закономъ или чемъ инымъ назвать, все тожъ будетъ, что мы называемъ Богомъ. Не препятствуютъ различныя наименованія, когда самымъ значеніемъ къ единому все относится. Аристотель хотя самъ съ собою не согласуетъ, и противное себѣ и говоритъ и думаетъ; напослѣдокъ однако утверждаетъ, что единъ умъ надъ міромъ начальствуетъ. Платонъ, который изъ всѣхъ найпремудрѣйшимъ почитается, единоначаліе явно и ясно защищаетъ, не называя ни Эѳиромъ, ни умомъ, ни естествомъ, но (какъ есть) Богомъ именуетъ, отъ котораго міръ сей совершенный и дивный есть созданъ. Сему во многомъ слѣдуя и подражая Цицеронъ, Бога часто признаетъ, и высочайшимъ называетъ въ тѣхъ книгахъ, которыя онъ о законахъ написалъ, и разсуждая о естествѣ Боговъ утверждаетъ, что Богъ управляетъ міръ, такимъ образомъ: „Когда нѣтъ ничего превосходнѣе Бога, то ему міръ управлять должно.„ Слѣдовательно никакому естеству не повинуется и неподвластенъ Богъ, но самъ всѣмъ естествомъ управляетъ. Что же есть

Богъ?

Богъ, оное въ книгѣ, *о утѣшеній*, такъ опредѣляетъ: „Бога, котораго мы познаемъ, познать „инымъ образомъ не можно, какъ только, „что онъ есть умъ нѣкоторый свободный, и „отлученный отъ всякаго срастѣнія, все знающій, и все движущій.„ И Анней Сенека, который изъ Римлянъ наистрожайшимъ Стоикомъ былъ, очень часто величайшаго Бога, какъ должно похваляетъ. Ибо разглагольствуя о безвременной смерти, говоритъ: „Не знаешь величества и власти судіи твоего, правителя „круга земнаго, неба и всѣхъ Боговъ Бога, „отъ коего всѣ сіи Боги, которымъ кланяемся мы и почитаемъ, зависятъ.„ Также въ *упѣщаніяхъ*: „Когда онъ первыя основанія „прекрасной сей громады полагалъ, и оную „начиналъ, которой ничего большаго и „ничего лучшаго природа не имѣетъ; то „дабы все подъ своими вождями шло, хотя „самъ во всемъ тѣлѣ распростирается; однако служителей царства своего боговъ родилъ.„ Сверхъ сего много и другаго сему подобнаго о Богѣ намъ говорилъ; но я оное нынѣ оставляю. Ибо о семъ на иномъ мѣстѣ пристойнѣе упомянуть можно. Теперь же довольно будетъ показать, что великаго ума люди познали истинну, которой подлинно бы они держались, ежели бы ихъ прельщенный ложными мнѣніями обычай назадъ не отвлекъ; для сего обычая и иныхъ боговъ принимали, и что для употребленія человѣческаго Богъ создалъ, за боговъ поставляли и почитали.

ГЛАВА 6.

О свидѣтельствѣ Божіемъ, о Сивиллахъ и ихъ стихахъ.

Нынѣ къ божественнымъ свидѣтельствамъ приступить должно; но прежде о томъ единомъ говорить буду, что подобно есть божественному, какъ ради великой древности, такъ и потому, что тотъ, о которомъ упомяну, изъ людей въ боги включенъ. Цицеронъ пишетъ, что первосвященникъ Кай Котта имѣя состязаніе съ Стоиками о вѣрахъ и о разныхъ мнѣніяхъ, которыя обыкновенно бываютъ о богахъ, дабы по обычаю Академиковъ все сдѣлать неизвѣстнымъ, говоритъ, что пять было Меркуріевъ, и исчисливъ по порядку четырехъ, упоминаетъ и о пятомъ, то есть самомъ томъ, который убилъ Аргуса, и для сей причины ушелъ въ Египетъ, гдѣ Египтянамъ законы и писмена предалъ. Сего Египтяне Ѳоѳъ называютъ, отъ котораго у нихъ и первый года ихъ мѣсяцъ, то есть Сентябрь названъ. Построилъ онъ городъ, который и нынѣ у Грековъ Эрмополисъ называется, гдѣ его Финіаты обожаютъ. Хотя сей Меркурій былъ человѣкъ; но человѣкъ наидревнѣйшій, и въ наукахъ всякаго рода такъ успѣвшій, что его ради многихъ вещей и знанія наукъ Трисмегистомъ, то есть Тревеликимъ прозвали. Онъ многія написалъ книги касающіяся къ познанію божественныхъ дѣлъ, въ которыхъ величество единаго величай-

чайшаго Бога утверждаетъ, и тѣми же, которыми и мы, именами называетъ, то есть богомъ и отцемъ; и дабы никто о имени его не вопрошалъ, называетъ его Анонимомъ, то есть безъименнымъ, потому, что ради самаго единства, собственнаго имени онъ не требуетъ. Онъ такъ говоритъ: „Богъ есть „единъ, единъ же имени не требуетъ, ибо „есть безъименный.„ Слѣдовательно Богъ имени не имѣетъ, для того, что онъ есть единъ; да и ненужно ему собственное наименованіе, которое тамъ только употребляется, когда множество требуетъ различія, дабы всякое лицо собственнымъ знакомъ и именованіемъ назвать; Богу же, который всегда есть единъ, собственное есть имя Богъ.

Остается изъ отвѣтовъ и пѣсней священныхъ, которыя достовѣрнѣе, привесть свидѣтельства. Ибо можетъ быть тѣ, противъ коихъ говоримъ, ни стихотворцамъ не хотятъ вѣрить такъ какъ пустое вымысляющимъ, ни Философамъ, которые по человѣчеству погрѣшить могли. Маркъ Варронъ, котораго умнѣе никогда у Грековъ не было, въ книгахъ о *дѣлахъ божественныхъ*, которыя онъ къ Каію Цесарю первосвященнику великому писалъ, гдѣ о пятнатцати мужехъ говоритъ, упоминаетъ, что Сивиллины книги не были единой Сивиллы; но называются единымъ именемъ Сивиллиными, или для того, что всѣ жены пророчицы, Сивиллами отъ древнихъ названы, или для имени единой Дельфиды, или для объявленія со-

вѣтовъ божескихъ. Ибо не θεους боговъ но σιους, и совѣтъ не βουλὴν, но βυλην Еллинскимъ языкомъ называли. И такъ Сивилла названа какъ бы θεοβουλην, то есть богосовѣтницею. Впрочемъ Сивиллъ числомъ было десять, которыхъ онъ исчислилъ изъ писателей, кои объ нихъ писали. Первая была изъ Персіи, объ которой упоминаетъ Никаноръ, описывая дѣла Александра Македонскаго. Вторая Ливійская, объ которой пишетъ Эврипидъ въ предисловіи Ламіи. Третія Дельфійская, о которой Хрисиппъ говоритъ въ книгѣ, въ которой о прорицаніи писалъ. Четвертая Кумейская въ Италіи, которую Невій въ книгахъ войны Пунической, Пизонъ въ лѣтописцахъ воспоминаетъ. Пятая Ерітрейская, которую Аполлодоръ Ерітрейскій своею гражданкою называетъ: сія Грекамъ подъ Трою идущимъ пророчествовала, что падетъ Троя, и что Гомеръ будетъ писать ложь. Шестая Самійская, о которой писалъ Эратосѳенъ, будто бы въ древнихъ лѣтописцахъ Самійскихъ объ оной нашелъ. Седьмая Куманская именемъ Амалѳеа, которая отъ иныхъ Демофилою или Герофилою именуется. Сія девять книгъ приносила къ Царю Тарквинію Приску, за которыя просила триста червоныхъ: и какъ Царь по причинѣ столь великой цѣны, презрѣвъ ея, смѣялся женскому безумію, то она при глазахъ Царскихъ три книги сожгла, а за остальныя тойже цѣны просила; Тарквиній и более почелъ ея за съ ума сшедшую; она еще три иныя сожгла, и за остальныя какъ тойже цѣны просила, то

сжалил-

сжалился Царь, и триста червонныхъ заплатилъ за остальныя. Сихъ книгъ послѣ число умножилось по возобновленіи Капитоліи. Ибо совсѣхъ городовъ и Италіанскихъ и Греческихъ наипаче же Эритрейскихъ собраны и въ Римъ принесены, какой бы Сивиллы подъ именемъ ни были. Осмая Еллеспонтская, рожденная въ землѣ троянской въ селѣ Мармессѣ, при городѣ Гергитіи, которая по объявленію Гераклида была современница Солону и Киру. Девятая Фригійская, прорицала въ Анкирѣ. Десятая Тибурская именемъ Албунеа, которую въ Тибурѣ почитаютъ какъ богиню при берегѣ рѣки Аніены, въ глубинѣ которой найдена ея статуя держащая въ рукѣ книгу; Сея Сивиллы священнослуженіе Сенатъ въ Капитолію перенесъ. Всѣхъ сихъ Сивиллъ стихи находятся и употребляются, кромѣ Кумейской, которой книги Римляне скрываютъ, и никому кромѣ пятнатцати мужей смотрѣть ихъ не можно. Каждая изъ нихъ имѣетъ особливую книгу, но какъ сіи книги подъ именемъ Сивиллы издаются, то одной и почитаются, и такъ смѣшаны, что ни разсмотрѣть, ни каждюу книгу опредѣлить не можно, кромѣ Эритрейской, которая и имя свое истинное въ книгу включила, и прорекла, что ея называть будутъ Эритрейскою, хотя родомъ была изъ Вавилоніи. Ежели гдѣ нужно мнѣ будетъ во свидѣтельство приводить Сивиллъ, то и я безъ разбору Сивиллами ихъ называть буду. Всѣ оныя Сивиллы единаго Бога проповѣдуютъ, но болѣе всѣхъ Эритрейская, которая и сла-

внѣйшею отъ протчихъ и знатнѣйшею почитается. Ибо Фенестелла, наирачительнѣйшій о пятнатцати мужехъ писатель, говоритъ, что по возобновленіи Капитоліи предложилъ Консулъ Кай Куріонъ Сенату, чтобъ пословъ въ Эретры отъ править, которые бы отыскавши тамъ стихи Сивиллины, въ Римъ принесли; и для сего посланы были Публій Габиній, Маркъ Октацілій, и Лукій Валерій, которые списавъ отъ приватныхъ около тысячи стиховъ, въ Римъ принесли. Тоже говоритъ и Варронъ, какъ выше объявлено. Въ принесенныхъ сихъ послами въ Римъ стихахъ, о единомъ богѣ сіи находятся свидѣтельства: „ Единъ Богъ, единъ превосходящій всю громаду, не созданный „. Сей есть единъ Богъ, которой создалъ небо, и свѣтилами украсилъ. „ Единъ Богъ наипревосходнѣйшій, который со„ здалъ небо, солнце, звѣзды, луну, плодоно„ сную землю и морскія волны „. Которыйкакъ единъ есть создатель міра, и художникъ вещей, и всего, что есть въ мірѣ, то его единаго и почитать должно. „ Того единаго по„ читайте начальникомъ міра, который единъ „ есть во вѣки и отъ вѣка былъ „. Такъ же и иная нѣкая Сивилла намѣревая гласъ божій къ людемъ говорить, сказуетъ: „ Единъ есмь „ Богъ, и нѣтъ иного „. Предложилъ бы я нынѣ и протчихъ свидѣтельства, ежели бы сихъ не довольно было, и ежелибы для приличнѣйшихъ мѣстъ оныя не хранилъ. Но защищая истинну противъ тѣхъ, которые ложнымъ вѣрамъ повинуются, какое защищеніе приличнѣйшее

нѣйшее употребить могу, естьли не оное, дабы боговъ ихъ свидѣтельствами, дѣлать имъ возраженія?

ГЛАВА 7.

О свидѣтельствахъ Аполлона и прочихъ боговъ.

Аполлонъ, котораго паче прочихъ за божественнаго и прорицательнаго почитаютъ, предсказывая въ Колофонѣ, куда, (какъ думаю) изъ Дельфовъ ушолъ, прельстившись пріятностію Азіи, вопрощающему нѣкоему, ктобы былъ, или чтобы такое было Богъ? Отвѣчалъ дватцатью и однимъ стихомъ, которые такъ начинаетъ: „ Отъ себя произшед„шій безъ матере, необученъ, невредимый, имя „и словомъ непонятное, въ огнѣ живущій, сіе есть „ Богъ; малая бога часть мы Ангелы „. Можно ли думать, что сіе о Юпитерѣ сказано, который и мать имѣлъ, и имя? Равнымъ образомъ и Меркурій оный превеликій, о которомъ выше упомянуто, не только ἀμήτωρα, безъ матере, какъ Аполлонъ, но и ἀπάτωρα безъ отца называетъ бога, потому что начало его ниоткуда не происходитъ. Ибо не можетъ отъ иного родиться тотъ, который всему далъ бытіе. И такъ довольно, по моему мнѣнію, и доводами я показалъ, и свидѣтельствами утвердилъ, что само собою весьма ясно, то есть, что единъ есть Царь міра, единъ отецъ, единъ Богъ.

Но можетъ быть и меня о томъ самомъ кто нибудь спроситъ, о чемъ, какъ Цицеронъ пишетъ, вопрошаетъ Гортенсій: Ежели Богъ есть одинъ, то какъ блаженнымъ можетъ быть уединеніе? какъ будто бы мы признавая его единымъ, считаемъ за оставленнаго и уединеннаго. Имѣетъ онъ служителей, которыхъ мы Ангелами называемъ. Справедливо въ увѣщаніяхъ говоритъ Сенека, о чемъ я выше упомянулъ, „Что „Богъ родилъ царства своего служителей„ Однако сіи не суть боги, и богами называться и почитаться не хотятъ. Ибо ничего, кромѣ повелѣнія и воли божіей не исполняютъ; да и не тѣ суть, которымъ обыкновенно покланяются; оныхъ и малое и извѣстное есть число. Но ежели почитатели боговъ думаютъ, что они тѣхъ самыхъ обоготворяютъ, которыхъ мы верховнѣйшаго бога служителями называемъ, то мы единаго Бога исповѣдуя, многихъ же отвергая, не будемъ тому завидовать. Ежелижъ имъ многіе нравятся, то не двенадцать ихъ числомъ находится, или триста шестдесятъ пять, какъ Орфей думаетъ, но безчисленные суть, и сіе утверждая, изобличаю ихъ въ томъ заблужденія, что столь малое число оныхъ принимаютъ. Но пусть знаютъ, какимъ именемъ называть ихъ должно, не раздражая истиннаго бога́, котораго имя унижаютъ, многимъ оное приписывая. Пусть вѣрятъ своему Аполлону, который онымъ своимъ отвѣтомъ, какъ у Юпитера первенство, такъ и у протчихъ боговъ имя похитилъ. Ибо третій его стихъ показываетъ, что божіихъ слу-

служителей не богами, но Ангелами называть должно. Однако и о себѣ онъ ложъ говорилъ: ибо будучи изъ числа демоновъ причелъ себя къ Ангеламъ божiимъ, и напослѣдокъ въ иныхъ отвѣтахъ признался, что онъ есть демонъ. Ибо когда его спросили, какъ онъ прикажетъ себѣ молиться, такъ отвѣчалъ: „Премудрый, все „знающiй, вездѣ пребывающiй услыши демоне„ Такъ же когда его просили, дабы онъ молитвы Аполлону Сминдскому сочинилъ, отъ сего стиха началъ: „Согласiе мiра, свѣтоносче и премудрый демоне„ И такъ ничего больше не остается, какъ только, что по признанiю своему должно подвержену быть наказанiю истиннаго Бога и мукѣ вѣчной: ибо онъ самъ на иномъ мѣстѣ такъ сказалъ: „Демоны хо-„дящiе около земли и около моря безъ утру-„жденiя, усмиряются подъ бичемъ божiимъ„. О обоихъ родахъ во второй книгѣ говорить буду. Теперь же довольно для насъ, что онъ желая себя превознесть, и на небѣ поставить, признался, какъ должно назвать предстоящихъ Богу.

И такъ да возвратятся люди отъ заблужденiя, и оставивъ злыя вѣры да познаютъ Отца своего и Господа, котораго ни силы изъяснить, ни величества разсмотрѣть, ни начала понять не можно. Когда къ нему ума человѣческаго вниманiе, острота и память обращаются, какъ бы совершивъ всѣ пути, останавливаются, недоумѣваютъ, изнемогаютъ, и не могутъ далѣе поступить. Но какъ быть тому не можно, чтобы то, что находится

ся, начала своего не имѣло, слѣдовательно когда прежде бога ничего не было, Богъ прежде всего отъ себе самаго есть произведенъ; и для того отъ Аполлона Ἀυτόφυής отъ себя произшедшимъ, отъ Сивиллы ἀυτογενής отъ себя рожденнымъ, ἀγεννητος нерожденнымъ, и ἀποίητος несотворѣннымъ называется: что и мужъ оный остроумный Сенека въ увѣщаніяхъ написалъ: Мы, говоритъ, отъ иного зависимъ, слѣдовательно къ иному и принадлежимъ, иному всѣмъ, что мы ни имѣемъ лучшаго, долженствуемъ иный насъ создалъ, иный наставилъ; Богъ же самъ сабою бытіе получилъ.

ГЛАВА 8.

Что Богъ есть безплотный, и къ рожденію пола не требуетъ.

Сими столь многими и толикими свидѣтельствами утверждается, что единаго Бога властію и промысломъ управляется міръ, котораго сила и величество столь велика, говоритъ въ Тимеи Платонъ, что ни умомъ понять, ни словомъ изобразить ни кто не можетъ, ради величайшей его и непостижимой власти. Кто усумнится, что Богу ничего нѣтъ труднаго и не возможнаго, который толикія и столь дивныя дѣла промысломъ изобрѣлъ, силою составилъ, разумомъ совершилъ, а нынѣ духомъ содержитъ, властію управляетъ,

етъ, непостижимый, несказанный, и ни кому иному, кромѣ себѣ недовѣдомый? Чѣмъ чаще я о толикой власти помышляю, тѣмъ болѣе мнѣ почитатели боговъ слѣпыми, несмысленными, безумными, и отъ самыхъ безсловесныхъ скотовъ не много разнствующими кажутся, которые вѣруютъ, что отъ совокупленія мужа съ женою рожденные, нѣкоторое величество и божественную силу имѣютъ. Когда и Ериѳрейская Сивилла говоритъ: „Не „можетъ отъ мужескаго сѣмени и ложеснъ „Богъ произведенъ быть.„ И ежели сіе справедливо (какъ и въ самомъ дѣлѣ) то изъ сего явствуетъ, что Геркулесъ, Аполлонъ, Либеръ, Меркурій и самый Юпитеръ съ прочими, были люди: ибо отъ двухъ половъ рождены. Но отъ Бога, что такъ отдалено, какъ сіе дѣло, которое онъ смертнымъ ради размноженія племени далъ, и которое безъ существа тѣлеснаго никакъ быть не можетъ?

Слѣдовательно боги, ежели суть безсмертны и вѣчны, то къ чему потребенъ имъ другій полъ, когда наслѣдниковъ они не требуютъ, потому что всегда сами пребываютъ? Людямъ и прочимъ животнымъ разность пола, совокупленіе, и рожденіе для того нужны, дабы всѣ роды животныхъ взаимнымъ преемствомъ сохраняться могли, когда они по состоянію своему умирать долженствуютъ; Богу же, который есть вѣченъ, ни другой полъ, ни потомство не нужно. Скажетъ кто, что сіе нужно для произведенія служителей, или тѣхъ, надъ которыми господствовать можно.

жно. Но къ чему потребенъ женской полъ; когда Богъ, который есть всемогущъ, безъ употребленія жены сыновъ рождать можетъ? Ежели онъ для малыхъ нѣкоторыхъ животныхъ то учредилъ, чтобъ они дѣтей себѣ устами изъ листовъ и пріятныхъ зелій собирали: то можно ли думать, будто бы Богъ безъ смѣшенія съ другимъ поломъ раждать не можетъ? Нѣтъ ни единаго столь безразсуднаго, который бы не могъ понять, что названные отъ невѣжъ и безумныхъ богами, и которымъ они покланяются, были смертными. Но спроситъ можешъ быть кто, для чего они почтены богами? Для того, что или Царями были великими и могущественными, или храбростію себя оказали, или отправленіемъ должности, или изобрѣтеніемъ художествъ зделались любезны своимъ подданнымъ, которые для сохраненія памяти ихъ обоготворили. О чемъ ежели кто сумнѣвается, пусть разсмотритъ ихъ дѣла; оныя всѣ какъ древними Историками, такъ и Стихотворцами описаны.

ГЛАВА 9.

О Геркулесѣ, его жизни, и смерти.

Геркулесъ, который храбростію прославился, и какъ Африканецъ между богами почитается, не весь ли земной кругъ, который, какъ сказываютъ, онъ прошолъ и завоевалъ; блудомъ, похотію, и прелюбодѣяніемъ оскверниль?

нилъ? И не удивительно: ибо и самъ рожденъ отъ прелюбодѣянія Алкмены. Какъ же въ немъ что нибудь могло быть божественное, когда онъ самъ будучи порабощенъ своимъ порокамъ, въ противность всѣхъ законовъ, и мужей и женъ обезславилъ, обесчестилъ, и опорочилъ? И самыя великія и дивныя его дѣла не должно почитать такими, какъ бы оныя силою божескою были произведены. Ибо что въ томъ за важность, что онъ льва и вепря преодолѣлъ? что птицъ стрѣлами умертвилъ? что царскую конюшню вычистилъ? что дѣвицу побѣдилъ, и поясъ снялъ? что свирѣпыхъ лошадей съ господиномъ побилъ? Дѣла сіи доказываютъ сильнаго мужа, но человѣка: понеже оные, которыхъ сей побѣдилъ слабые были и смертные. „Ибо ни одной нѣтъ, какъ говоритъ витія, такой силы, которая бы оружіемъ и силами не могла приведена быть въ безсиліе и сломиться; но побѣдить страсти, удержать гнѣвъ, есть дѣломъ наимужественнаго человѣка, чего однако онъ и не дѣлалъ никогда, да и здѣлать не могъ. „Но кто сіе дѣлаетъ, того не только я съ великими мужами сравниваю, но и подобнымъ Богу почитаю. Хотѣлъ бы я, чтобы сей Витія прибавилъ также о сластолюбіи, невоздержаніи, вожделѣніи и неистовствѣ, дабы добродѣтели того дополнить, котораго подобнымъ Богу считалъ. Не того мужественнымъ почитать должно, который льва, но который наглость и звѣрской свой гнѣвъ побѣждаетъ; не того, который хищныхъ птицъ поражаетъ, но который по-

хоти ненасытныя воздерживаетъ; не того, который Амазонку храбрую, но который сластолюбіе, стыдъ и честь уничтожающее, преодолѣваетъ: не того, который навозъ изъ конюшни, но того который пороки изъ сердца своего вычищаетъ; ибо пороки больше вредить могутъ потому, что оные домашнимъ суть и нашимъ собственнымъ зломъ, нежели то, отъ котораго избѣжать и предохранить себя можно. Изъ сего слѣдуетъ, что тотъ только мужественнымъ почесться долженъ, который воздерженъ, умѣренъ и справедливъ. Ежели кто помыслитъ о дѣлахъ, тому все то, чему глупые люди удивляются, смѣшнымъ покажется. Ибо они не разсуждая о силѣ Божественной, которой не знали, по своей слабости судили. Никто противорѣчить въ томъ не будетъ, что Геркулесъ не только служилъ Царю Эуристею, что нѣсколько за честное почесть можно, но и безстыдной женщинѣ Омфалѣ, которая одѣвъ его въ свою одежду при ногахъ своихъ сидѣть заставляла и исполнять урокъ. Мерзская срамота! но столько уважалъ онъ сладострастіе. Но спроситъ можетъ быть меня кто; должно ли вѣрить Стихотворцамъ? Для чегожъ не вѣрить? Ибо они не Луцилій или Луціанъ, который боговъ и людей не пощадѣлъ; но тѣ наипаче, которые хвалы боговъ воспѣвали.

И такъ кому повѣримъ, естьли хвалящимъ не вѣримъ? Естьли кто думаетъ что они ложъ писали, тотъ пусть приведетъ иныхъ писателей, которымъ бы вѣрить можно было, которые бы намъ пока-

показали, что оные за Боги? какЪ и откуда произошли? какова ихЪ сила, коликое число, какое могущество? что они удивленія достойнаго имѣютЪ? что вЪ нихЪ достойно почтенія, и какое извѣстное ихЪ и истинное таинство? Но ни какихЪ не приведетЪ. Слѣдовательно мы тѣмЪ должны вѣрить, которые не чтобЪ обличить ихЪ, но чтобЪ прославить, обЪ нихЪ говорили. И такЪ плавалЪ онЪ сЪ Аргонавтами и побѣдилЪ Трою осердясь на Лаомедонта, который за избавленіе дочери, его не наградилЪ; почему ясно видно, вЪ которое время онЪ былЪ. И что безуміемЪ и неистовствомЪ будучи побужденЪ, жену свою сЪ дѣтьми убилЪ. Сего ли люди за Бога почитаютЪ? Но ФилоктетЪ его наслѣдникЪ за такого его не счелЪ, который, чтобЪ его сжечь, ФакеломЪ срубЪ поджегЪ, который жилы его и члены сгарающими и разпадающимися видѣлЪ, который кости его и пепелЪ на горѣ Оетѣ погребЪ, и за сію услугу, вЪ награжденіе стрѣлы его получилЪ.

ГЛАВА 10.

О житіи и дѣлахЪ Эскулапія, Аполлона, Нептуна, Марса, Кастора, и Поллукса, Меркурія и Либера.

И самой Эскулапій, который рожденЪ отЪ прелюбодѣянія Аполлона, что здѣлалЪ достойнаго Божеской почести, развѣ что вылѣчилЪ Ипполита? Смерть его подлинно славнѣйшею

 была;

была; ибо онъ Перуномъ убитъ отъ Бога. Тарквицій разглагольствуя о знаменитыхъ мужахъ, говоритъ, что онъ отъ неизвѣстныхъ рожденъ родителей, выкинутъ, и отъ ловцовъ найденъ будучи, выкормленъ псовымъ молокомъ, и отданъ Хирону, который обучилъ его врачебной наукѣ; родился онъ въ Мессенѣ, но жилъ въ Эпидаурѣ. Туллій же говоритъ, что онъ въ Цинозурахъ погребенъ. Что Аполлонъ отецъ его? Не для любви ли, которою горѣлъ, чужое стадо пасъ бесчестно, и состроилъ Лаомедонту стѣны, будучи за деньги нанятъ съ Нептуномъ, которыхъ однако ему не дано, безъ всякаго за то отмщенія; и не отъ него ли перваго вѣроломный сей Царь, научился запираться, о чемъ ни договаривался съ богами? Онъ пригожаго мальчика любя изнасильствовалъ, и играя убилъ.

Марсъ былъ убійца, котораго Аѳиняне по милости отъ казни за убійство освободили: и чтобъ не показаться ему дикимъ и грубымъ, для того съ Венерою прелюбодѣйствовалъ. Касторъ и Поллуксъ похищая чужихъ невѣстъ, разстались между собою. Ибо Ида огорченъ будучи нанесенною отъ нихъ обидою, одного мечемъ пронзилъ; Стихотворцы повѣствуютъ, что они живутъ и умираютъ попемѣнно: почему не только уже боговъ, но и всѣхъ смертныхъ они нещастнѣе, для того, что имъ не единожды умирать должно. Однако Гомеръ, (не какъ прочіе Стихотворцы обыкли) свидѣтельствуетъ, что они оба просто-

сто померли. Ибо представляя сидящую съ Пріямомъ на стѣнахъ Елену, которая всѣхъ разсматривала Греческихъ начальниковъ, и однихъ только братьевъ своихъ не находила; прибавилъ къ рѣчи ея слѣдующій стихъ: ,, Такъ говоритъ: но ихъ погребенныхъ земля ,, удержала. ,, Воръ и плутъ Меркурій, что къ прославленію своему оставилъ? не память ли только обмановъ? Достоинъ неба, ибо битвѣ обучилъ, и первый изобрѣлъ музыку. Либеръ отецъ въ собраніи боговъ долженъ быть наиважнѣйшимъ и въ первыхъ подающимъ голосъ: ибо выключая Юпитера, онъ одинъ изъ всѣхъ торжествовалъ, водилъ войско, и побѣдилъ Индійцовъ; но непобѣдимый, превеликій оный Императоръ Индійскій гнусно отъ любви и сластолюбія побѣжденъ. Ибо приплывъ съ приведеннымъ въ женскую нѣжность войскомъ въ Критъ, сыскалъ на берегѣ безстыдную женщину, на которой въ разсужденіи побѣды надъ Индійцами, жениться захотѣлъ, дабы не показаться излишно слабымъ; и для того оную жену, отца предавшую, брата убившую, отъ инаго оставленную и прогнанную взялъ въ супружество, здѣлалъ свободною, и съ оною равно на небо возшелъ. Что отецъ всѣхъ сихъ Юпитеръ, котораго въ обыкновенныхъ моленіяхъ наилучшимъ и наивеличайшимъ называютъ? Не отъ самаго ли онъ отрочества своего злочестивымъ и почти отцеубійцею почитается? Ибо отца своего не только съ престола свергнулъ и прогналъ, но желая царствовать, не хотѣлъ дождаться и смерти пре-

престарѣлаго старика: и когда насильствомъ и оружіемъ досталъ себѣ отеческой Тронъ, тогда востали на него войною Титанцы, что началомъ было зла человѣческому роду, которыхъ онъ побѣдивъ, и пріобрѣтши вѣчный миръ, остатокъ своей жизни въ блудахъ и прелюбодѣяніяхъ провелъ. Оставляю дѣвицъ, которыхъ онъ растлилъ, ибо то еще за сносное почитается. Не могу не воспомянуть Амфитріона и Тиндара, которыхъ домы безчестіемъ и беславіемъ наполнилъ. Наивеличайшее же его беззаконіе есть сіе, что онъ царской крови отрока похитилъ для любодѣянія. Ибо онъ за малое почиталъ быть безчестнымъ и гнуснымъ только для того, что лишаетъ целомудрія женщинъ, ежели и своему полу не нанесетъ обиды; сіе есть истинное прелюбодѣяніе, которое бываетъ противъ природы. Кто сіе дѣлаетъ, разсмотримъ, наивеличайшій ли есть, наилучшимъ же поистиннѣ быть не можетъ, ибо сего имени растлители, прелюбодѣи, и кровосмѣшатели не достойны; развѣ мы по человѣчеству ошибаемся, что сіе дѣлающихъ беззаконными и пагубными называемъ, и судимъ всѣхъ казней наидостойнѣйшими. Слѣдовательно глупъ былъ Маркъ Туллій, что Каіа Верра прелюбодѣяніями укорялъ, ибо и Юпитеръ, котораго онъ почиталъ, такимже прелюбодѣемъ былъ: что Публіа Клодіа обличалъ въ кровосмѣшеніи съ сестрою, когда и оному наилучшему и наивеличайшему богу вмѣстѣ сестра была женою.

ГЛАВА

ГЛАВА II.

О рожденіи, житіи, царствованіи, имени и смерти Юпитера также о Сатурнѣ и Уранѣ.

Кто бы былъ столь безуменъ, который бы думалъ, что тотъ на небѣ царствуетъ, который и на земли царствовать не долженъ? Не худо описалъ нѣкоторый стихотворецъ торжество Купидоново; въ которой книгѣ не только его наисильнѣйшимъ изъ всѣхъ боговъ, но и побѣдителемъ дѣлаетъ. Ибо изчисливъ онъ каждаго изъ нихъ любовь, въ разсужденіи которой они подвластны были Купидону, составилъ торжество, въ которомъ Юпитеръ съ протчими богами передъ колесницею торжествующаго веденъ былъ окованный. Изрядно то изобразилъ стихотворецъ, но и не много отстоитъ отъ истины. Ибо не имѣющій добродѣтели, и побѣжденный похотьми и сластьми, не Купидону (какъ онъ вымыслилъ) но смерти вѣчной подлежитъ. Но оставивъ говорить о нравахъ, станемъ дѣла разсматривать, дабы выразумѣли люди, въ какихъ они бѣдные находятся заблужденіяхъ. Народъ думаетъ, что Юпитеръ царствуетъ на небѣ, и то какъ ученые, такъ равно и неученые за несумнительное почитаютъ. Сіе и самая вѣра, и моленія, и пѣсни, и храмы и статуи показываютъ. Однако признаютъ, что онъ рожденъ отъ Сатурна и Реи. Какъ можно почитать того Бо-

Богомъ; или вѣрить (какъ говоритъ стихотворецъ) что онъ людей и вещей создатель, прежде рожденія котораго безчисленныя людей тысячи были? то есть тѣхъ, которые въ царствованіе Сатурново жили, и прежде въ свѣтъ произошли, нежели Юпитеръ. Изъ сего вижу, что иный Богъ царствовалъ въ первые времена; а другій въ послѣдующія. Слѣдовательно можетъ статся, что третій еще послѣ будетъ. Ибо ежели царство первѣйшее премѣнилось, для чегожъ отчаеватся, будтобы послѣ премѣнится не можетъ? Развѣ только Сатурнъ моглъ родить сильнѣйшаго, а Юпитеръ не можетъ? Но божественная власть или никогда непремѣняема есть, или ежели премѣняема, чему быть не можно, то всегда премѣняемою быть долженствуетъ. Слѣдовательно и Юпитеръ царство потерять можетъ, какъ и отецъ его потерялъ. И посправедливости. Ибо ни дѣвицъ ни замужнихъ никогда не щадилъ: берегся же только отъ одной Ѳетиды! и то потому, что прорицаніе было, что больше отца своего будетъ тотъ, кто отъ нея родится. И вопервыхъ въ немъ предвѣдѣнія божескаго не было: ибо ежели бы ему Ѳемиса сего не сказала, то онъ не зналъ бы. Ежелижъ онъ не божественъ, слѣдовательно и не Богъ: ибо отъ бога божество имя себѣ получило, такъ какъ отъ человѣка произошло наименованіе человѣчества. Сверхъ того онъ и немощь свою признавалъ, ибо боялся большаго: а сіе кто дѣлаетъ, тотъ знаетъ подлинно, что онъ не наивеличайшій, когда можетъ

жетъ быть нѣчто его больше. Онъ же Стигійскимъ болотомъ за свято почиталъ клястся, которое одно суевѣріе для вышнихъ уставлено боговъ. Какое же есть оное суевѣріе? или отъ кого уставлено? Слѣдовательно есть нѣкоторая наибольшая власть, которая вѣроломныхъ боговъ казнитъ. Для чего столько боятся болота адскаго, ежели они безсмертны? для чего боятся онаго болота, которое тѣ только увидятъ, которымъ умереть должно? И такъ для чего люди очи свои на небо возводятъ? Для чего вышними кленутся, ежели сами вышніе въ адъ низпадаютъ? И такъ имѣютъ нѣчто, которое почитать должни, и оному покланяться? Что же оно такое? Судьбы, которымъ боги всѣ, и самъ Юпитеръ повинуется. Ежели Парковъ толикая есть сила, что больше могутъ, нежели всѣ небожители, и самъ управитель и господинъ: то для чего не паче онѣ царствуютъ, которыхъ законамъ и уставленіямъ всѣхъ боговъ повиноваться необходимость принуждаетъ? Теперь кто усумнится, что тотъ, который чему нибудь повинуется, не есть величайшій? Ибо ежели бы онъ былъ наивеличайшимъ, то не былъ бы подвластенъ судьбамъ, но былъ бы виновникомъ оныхъ. Теперь возвращаюся къ тому, что было пропустилъ. Отъ одной токмо Ѳетиды крайне имъ любимой воздержался, и то не по добродѣтели какой либо, но боялся наслѣдника. А сей страхъ приличенъ только смертному и немощному, и ничего собою не составляющему: то есть который могъ и во

время рожденія погибнуть, такъ какъ братъ его преждерожденный погибъ, который, ежели бы живъ былъ, никогда бы меньшему царства не уступилъ. Онъ же тайно сохраненъ, тайно воспитанъ будучи, Зевсомъ или Зиномъ названъ, не отъ горячности, какъ они думаютъ, небеснаго огня, и не для того, акибы онъ податель есть жизни, или будтобы животнымъ вдыхаетъ души, которая сила одному Богу свойственна (ибо какъ можетъ вдыхать душу тотъ, который самъ принялъ оную отъ другихъ?) но что первый изъ дѣтей Сатурновыхъ мужеска полу остался въ живыхъ. И такъ могли люди иного Бога имѣть правителемъ, ежели бы Сатурнъ отъ жены не былъ обманутъ. Но стихотворцы сіе вымыслили? Ошибается кто такъ думаетъ. Ибо они о людяхъ говорили, но дабы украсить тѣхъ, коихъ память съ похвалами праздновали, богами ихъ назвали. Посему то наипаче ложно есть, что они о тѣхъ какъ бы о богахъ, а не то что объ нихъ какъ о людехъ говорили: и сіе откроемъ нижеслѣдующимъ примѣромъ. Данаю желая растлить Юпитеръ, не мало золотыхъ червонныхъ на лоно ея положилъ. Сіе блуда награжденіемъ было. А Стихотворцы говоря о немъ такъ какъ о Богѣ, дабы не умалить величества, въ которое вѣровали, вымыслили, будто бы онъ въ видѣ золотаго дождя низпалъ въ ея лоно, описывая сіе такимъ же образомъ, какъ изображая множество испускаемыхъ стрѣлъ, называютъ оное желѣзнымъ дождемъ. Сказываютъ, что помощію орла похи-

тилъ Катамита или Ганимида. Стихотворческая прикраса: но справедливѣе сказать, что или войско похитило, которое имѣло у себя на знаменахъ орла: или что увезенъ былъ наораблѣ, на которомъ написанъ былъ орелъ: равно какъ тотъ корабль имѣлъ на себѣ изображеннаго быка, на которомъ онъ перевезъ похищенную Европу. Пишутъ, что такимъ же образомъ превратилъ въ корову Іу Інахову дочь, которая убѣгая Юнонина гнѣва, поелику ужѐ обросла шерстью, какъ корова переплыла море, и въ Египетъ пришла, и тамъ принявши прежнiй видъ, здѣлалась богинею, которую нынѣ Изидою называютъ. Какимъ же доводомъ показать можно, что ни Европа на быкѣ не сидѣла, ни Іа не была коровою? Понеже уреченный день имѣется въ святцахъ, въ который Изиды кораблеплаванiе празднуется: и сiе показываетъ намъ, что не переплыла она, но приплыла на кораблѣ. И такъ разумные люди зная, что одушевленное и земное тѣло на небѣ быть не можетъ, всю Ганимедову басню за лживую почитаютъ, и думаютъ, что на земли здѣлано было, понеже все дѣло и сладострастiе есть вещiю земною. И такъ не самые дѣла вымыслили Стихотворцы: ибо ежели же то здѣлали, то были бы пустословами. Но дѣламъ содѣланнымъ придали нѣкоторую прикрасу. Ибо не порицая сiе говорили, но желая украсить. По сему люди ошибаются, наипаче когда сiе все отъ стихотворцовъ вымышленнымъ поставляютъ: почитаютъ то, чего не знаютъ. Ибо не зна-

ютъ,

ютъ, въ чемъ состоитъ стихотворческія вольности образъ, сколь далеко вымыслами простиратся можно: понеже должность стихотворческая въ томъ состоитъ, дабы то, что въ самомъ дѣлѣ подлинно было, въ нѣкоторые виды сторонними образованіями съ нѣкоторою прикрасою превратя, переиначивать: цѣлуюжъ повѣсть вымышлять есть не пристойное дѣло, и показываетъ, что такой человѣкъ не стихотворецъ, но лживецъ. Но вымыслили то, что за басни почитается. То не ужели и оное, что о богиняхъ и о бракахъ боговъ говорили? Такъ для чегожъ ихъ таковымъ образомъ изображаютъ, и почитаютъ? Развѣ только не стихотворцы одни, но и живописцы лгутъ. Ибо ежели оный Юпитеръ, котораго вы называете богомъ, не той есть, который отъ Сатурна и Опы родился, то должно было его одного образъ во всѣхъ храмахъ поставлять: чтожъ значатъ женскія изображенія? что полъ немощный, на который ежели палъ самъ Юпитеръ, то самые камни человѣкомъ его признаютъ. Говорятъ, будто бы солгали стихотворцы; однако имъ вѣрятъ, но и доказываютъ еще, что самымъ дѣломъ они не солгали. Ибо такимъ образомъ ваянія боговъ дѣлаютъ, что изъ самаго различія пола показывается истиннымъ то, что говорятъ стихотворцы. Ибо что иное представляетъ образъ Катамита и изображеніе орла, которое при ногахъ Юпитеровыхъ полагается въ храмахъ, и съ нимъ равно почитается: какъ только, дабы сквернаго беззаконія и блуда память

во вѣки пребывала? Слѣдовательно отъ стихотворцовъ не все вымышлено, можетъ быть нѣчто переиначено, и сторонними образованіями прикрыто, дабы истинну утаить, подъ покровомъ, такъ какъ оное о раздѣленіи царствъ. Ибо говорятъ, что Юпитеру досталось небо, Нептуну море, адъ Плутону. Для чего на третію часть не досталась земля? Не для чего другаго, какъ только, что раздѣлъ оный былъ на земли. И такъ то справедливо, что царство земное такъ раздѣлили, что восточное царство Юпитеру досталось, Плутону прозываемому Агезилаемъ часть западная довелась: потому что страна восточная, изъ которой свѣтъ людемъ происходитъ, вышшею, а западная нижшею быть кажется. Такъ истину лжею покрыли, что самая истина общаго мнѣнія ни въ чемъ не нарушаетъ. О Нептуновомъ удѣлѣ извѣстно: котораго царство таковымъ быть признаваемъ, какова была Марка Антонія безъпредѣлная власть, которому всю приморскую страну Сенатъ въ область отдалъ, дабы истреблялъ онъ морскихъ разбойниковъ, и море все для плаванія здѣлалъ безопаснымъ: такъ Нептуну приморская страна съ островами досталась. Чемъ сіе доказать можно? Древнія повѣсти въ томъ удостовѣряютъ. Древній писатель Евгемеръ, который былъ изъ города Мессены, Юпитеровы дѣла, и прочихъ, которые за боговъ почитаются, собралъ, и исторію сочинилъ изъ надписей священныхъ, которыя въ наидрѣвнѣйшихъ храмахъ были, а наипаче въ

храмѣ

храмѣ Юпитера Трифиліа, гдѣ находился златый столпъ самимъ Юпитеромъ, какъ надпись показывала, поставленный, на которомъ столпѣ дѣла свои онъ написалъ, дабы потомки объ оныхъ были извѣстны. Оную исторію истолковалъ Енній, и ей послѣдовалъ, котораго слова слѣдующаго суть содержанія „ Юпитеръ Нептуну далъ во власть море, дабы надъ островами „ всѣми, и всѣми мѣстами лежащими при „ морѣ, обладалъ. И такъ истинно то, что говорятъ стихотворцы, но прикрытіемъ нѣкоторымъ и видомъ затмѣнно. Могла и гора Олимпъ образецъ стихотворцамъ дать, говоритъ, будто бы Юпитеру неба царство досталось, понеже симъ именемъ, Олимпъ, и небо называется, и гора. А что Юпитеръ на Олимпѣ жилъ, тажъ исторія показываетъ, говоря: Въ „ тоже время Юпитеръ на горѣ Олимпѣ на„ ибольшую часть жизни провождалъ, и ту„ да къ нему на судъ приходили, ежели како„ вые споры случались. „ также, ежели кто „ новое что изобрѣлъ житію человѣческому „ полезное, туда приходилъ, и Юпитеру по„ казывалъ. „ Много такимъ образомъ стихотворцы переиначиваютъ не съ тѣмъ, чтобъ лгать на боговъ, которыхъ они почитаютъ, но чтобъ многоразличными замыслами красоты и пріятности стихамъ своимъ придать. А кто не разумѣетъ, какъ, или для чего что изображается, тотъ стихотворцовъ какъ лживцовъ и святотатцовъ ненавидитъ. Симъ заблужденіемъ прельщены и Философы, которые видя, что разглашаемое о Юпитерѣ не прилично Богу,

двухъ

двухъ Юпитеровъ сдѣлали, одного природнаго, а другаго баснословнаго. Видѣли отъ части истину, то есть, что тотъ, о которомъ стихотворцы говорятъ: былъ человѣкомъ. А въ томъ по общему обыкновенію вѣры заблудили: понеже имя человѣческое дали Богу, который, какъ мы выше объявили, будучи одинъ, не имѣетъ нужды въ имени. А что Юпитеръ тотъ есть, который отъ Опы и Сатурна рожденъ, того оспорить не можно. И такъ суетно мнѣніе тѣхъ, которые имя Юпитера всевышнему даютъ Богу. Ибо обыкновенно нѣкоторые заблужденія свои симъ извиненіемъ защищаютъ, которые убѣждены будучи признаться, что одинъ есть Богъ, (когда не признать того не могутъ справедливымъ) говорятъ, что они его почитаютъ. Но сказываютъ и то, что имъ такъ угодно, дабы онъ назывался Юпитеромъ. Что сего непристойнѣе? Ибо Юпитера безъ супруги и дочери почитать не можно. Изъ чего, кто онъ таковъ, видимъ, и не пристойно сіе имя давать тому, у котораго нѣтъ ни Минервы ни Юноны. Что болѣе? Когда свойство сего имени не изображаетъ силы Божественной, но только человѣческую. Ибо толкуетъ Цицеронъ, что Юпитеръ и Юнона названы отъ iuuando, помоществованія, и Юпитеръ какъ бы Ювансъ патеръ (помоществующій отецъ) называется; которе имя Богу никакъ неприлично: понеже помоществовать есть дѣло человѣка, который помогаетъ иному безсильному. Никто такъ Богу не молится, и не проситъ, дабы

дабы онъ ему помогъ, но дабы сохранилъ, даровалъ жизнь и спасеніе: что несравненно больше есть, нежели помогать. И понеже о отцѣ говоримъ: никакой отецъ дѣтемъ своимъ не помогаетъ, когда ихъ раждаетъ или воспитываетъ: ибо оное маловажно, и не можно тѣмъ словомъ великости отеческаго благодѣянія изобразить. Кольми паче сіе не пристойно Богу, который есть истинный отецъ, имже есмы, и котораго всецѣло есмы: который насъ созидаетъ, одушевляетъ, просвѣщаетъ: который намъ жизнь даетъ: даруетъ спасеніе, пищу многоразличную предлагаетъ. Не понимаетъ благодѣяній Божіихъ, кто думаетъ, что Богъ только помогаетъ. Слѣдовательно не только безуменъ, но и нечестивъ тотъ, который именемъ Юпитера умаляетъ могущество наивысочайшей власти. Почему ежели мы по дѣламъ Юпитеровымъ и нравамъ познаемъ, что онъ былъ человѣкъ, и царствовалъ на земли, то осталось теперь изслѣдовать и о его смерти. Енній въ Священной Исторіи, описавши все, что Юпитеръ въ жизни своей дѣлалъ, послѣ того такъ говоритъ: „Потомъ онъ „(Юпитеръ) пять разъ землю обшедъ и „всѣмъ друзьямъ и родственникамъ своимъ „царство раздѣливъ, и оставивъ людемъ законы, поведенія, и научивъ пріуготовлять „хлѣбъ, и другаго много добра сдѣлавъ, безсмертную славу получивъ, вѣчную память „своимъ оставилъ, вѣкъ совершивъ, въ Критѣ „жизнь скончалъ, и къ богамъ преселился. „И его Куреты дѣти его опрятали и укра-

„сили

„ сили его. И гробъ его есть въ Критѣ въ
„ городѣ Гносѣ: и сказываютъ, что Веста
„ городъ оной построила. На томъ гробѣ его
„ написано старинными писменами Грече-
„ скими: о Зеусъ ту крону; то есть,
„ Юпитеръ Сатурновъ. Сіе не Стихотворцы
„ повѣствуютъ, но древнихъ дѣлъ писатели:
„ что столь справедливо, что и Сивиллины-
„ ми подтверждается стихами, слѣдующаго
„ содержанія: Демоновъ бездушныхъ, изображе-
„ нія труповъ мертвыхъ Критъ для хвастов-
„ ства показываетъ, которыя погибнутъ.„
Цицеронъ о естествѣ боговъ сказавши, что трое Юпитеровъ отъ богослововъ воспоминаются, говоритъ, что третій былъ Критскій Сатурновъ сынъ, котораго въ томъ островѣ гробъ показываютъ. Какимъ же образомъ богъ въ одномъ мѣстѣ можетъ быть живымъ, въ другомъ мертвымъ: въ одномъ имѣть храмъ, въ другомъ гробъ? Такъ пускай вѣдаютъ Римляне, что Капитолія ихъ, то есть найвысочайшая глава общенародныхъ ихъ богопочитаній, не что другое есть, какъ только пустая гробница. Приступимъ теперь къ его отцу, который прежде царствовалъ, и который можетъ быть больше имѣлъ въ себѣ: понеже изъ совокупленія толикихъ стихій рожденнымъ почитается. Посмотримъ, чтобъ въ немъ было свойственное Богу и его достойное: во первыхъ то, что золотый вѣкъ, какъ сказываютъ, имѣлъ, что правда при немъ была на земли. Безспорно признаваю я въ немъ нѣчто, чего сынъ его не имѣлъ. Ибо что

такъ приличествуетъ Богу, какъ праведное правленіе и святый вѣкъ? Но когда разсуждаю, что онъ такимъ же образомъ рожденъ, то не могу его почитать за наивысочайшаго Бога, понеже вижу нѣчто его древнѣйшее, то есть небо и землю. А я Бога ищу, котораго нѣтъ ничего древнѣе, который былъ бы источникомъ и началомъ вещей. Оный необходимо долженъ быть создателемъ неба и основателемъ земли. А Сатурнъ ежели изъ неба и земли рожденъ (какъ думаютъ) то какъ можетъ быть Богомъ начальнѣйшимъ, когда онъ отъ другихъ бытіе свое получилъ? Или кто управлялъ міромъ, покуда Сатурнъ еще не родился? Но сіе Стихотворческій есть вымыслъ, какъ я выше сказалъ. Ибо статься тому было не можно, дабы Стихіи нечувственныя, и такимъ разстояніемъ одна отъ другой раздѣленныя совокупились, и родили сына: или сбыточное ли дѣло, чтобъ отъ нихъ рожденный сынъ не былъ похожъ на своихъ родителей, и не имѣлъ бы вида, который имѣли его родители? И такъ разсмотримъ, какая истина подъ симъ скрывается образомъ. Минуцій Феликсъ въ книгѣ надписываемой Октавій, такъ доказываетъ: Сатурнъ изгнанъ будучи отъ сына, и въ Италію пришедъ названъ былъ сыномъ неба: понеже обыкновенно говоримъ о такихъ, коихъ добродѣтели удивляемся, или которые нечаянно къ намъ приходятъ, что они съ неба къ намъ низпосланы. Земли же сыномъ, понеже отъ неизвѣстныхъ родителей рожденныхъ, земли сынами называемъ.

емЪ. Сіе похоже на истину, но не совсѣмЪ истинное: понеже извѣстно, что и тогда, когда царствовалЪ, такЪ назывался. МоглЪ онЪ и такимЪ образомЪ доказывать: СатурнЪ будучи наисильнѣйшимЪ царемЪ, дабы незабвенна была память родителей его, имена ихЪ небу и земли далЪ, которыя прежде иными имянами назывались: такЪ какЪ горамЪ и рѣкамЪ имена даны. Ибо когда говорятЪ Стихотворцы о поколѣніи Атланта или Інаха рѣки, не то говорятЪ, будто бы люди изЪ вещей нечувственныхЪ могли родится, но означаютЪ родившихся отЪ тѣхЪ людей, отЪ которыхЪ или во время ихЪ жизни, или по смерти, ихЪ имена горамЪ или рѣкамЪ даны. Ибо сіе у древнихЪ, а наипаче у ГрековЪ обыкновенно было. ТакимЪ образомЪ видимЪ, что моря получили имена тѣхЪ людей, кои вЪ оныхЪ потопли, какЪ то Егейское, и Карійское, Геллеспонтское: и вЪ Латіи АвентинЪ названіе горѣ далЪ, вЪ которой погребенЪ былЪ: ТиверинЪ или ТиверЪ, рѣкѣ, вЪ которой утонулЪ. И такЪ не для чего удивляться, ежели имена тѣхЪ небу и земли даны, которые родили Царей наисилнѣйшихЪ. И такЪ видно, что онЪ не отЪ неба рожденЪ, чему статься не можно, но отЪ человѣка, которому имя было УраносЪ: что справедливымЪ и неложнымЪ быть утверждаетЪ ТрисмегистЪ, который говоря, что мало было совершенно ученыхЪ, между оными Урана, Сатурна, Меркуріа родственниковЪ своихЪ считаетЪ. Сего онЪ понеже не зналЪ, то на другую сторону наклонилЪ исторію:

рію: а понеже показалъ я, что онъ такъ могъ доказать: теперь скажу, какъ, гдѣ, отъ кого сіе здѣлано: ибо не Сатурнъ, но Юпитеръ оное учинилъ. Въ священной исторіи такъ Енній повѣствуетъ: Потомъ восходитъ на гору Пангею, называемую coeli stella, то есть подпорою небесъ. „Когда туда возшелъ, осмо-„трѣлъ далеко земли, и тамъ на той горѣ „жертвенникъ воздвигъ небу: и первый на „томъ жертвенникѣ принесъ жертву Юпитеръ, „на томъ мѣстѣ воззрѣлъ на небо, которое „нынѣ Уранось называется; и то что выше „міра было, называемое Еѳиръ, по имени сво-„его дѣда небомъ нарекъ: и называемое нынѣ „Еѳиромъ Юпитеръ умилостивляя, въ первые „наименовалъ небомъ. И жертву которую „тамъ принесъ, всю сожегъ. И сказываютъ, что Юпитеръ не въ одномъ томъ мѣстѣ жертву приносилъ. Цесарь въ Аратѣ воспоминаетъ Аглаосѳеновы слова, что Юпитеръ идучи изъ острова Накса противъ Титановъ, когда жертву приносилъ на брегѣ, орелъ ему въ знакъ добраго предвѣщанія прилѣтѣлъ, котораго онъ, ставши побѣдителемъ, за знакъ добраго предвѣщанія въ свое принялъ покровительство. А священная исторія свидѣтельствуетъ, что прежде того сѣлъ ему орелъ на головѣ, и предзнаменовалъ собою, что онъ будетъ царемъ. Кому же могъ Юпитеръ жертву приносить естьли не небу дѣду, который, по сказкамъ Евгемера на Океанѣ умеръ, и въ городѣ Авлаціи погребенъ?

ГЛАВА

ГЛАВА 12.

Какъ Стоики стихотворческiе вымыслы къ Философскому преносятъ умствованiю.

Понеже открылъ я тайны стихотворцовъ, и Сатурновыхъ родителей нашелъ, то къ добродѣтелемъ его и дѣламъ приступимъ. Праведенъ во время царствованiя своего былъ. И такъ вопервыхъ потому самому онъ ужѐ не Богъ, понеже былъ. Вовторыхъ, что и справедливымъ не былъ, но ненавистникомъ нетолько противъ дѣтей, коихъ онъ умертвилъ, но и противъ отца своего, которому, сказываютъ, отрѣзалъ дѣтородные уды. Что можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ было. Но люди въ разсужденiи стихiи называемой небомъ, всю баснь отвергаютъ такъ, какъ наинеприличнѣйше вымышленную: которую однако Стоики, какъ имъ за обычай, физическимъ образомъ силяться изъяснить, которыхъ мнѣнiя Цицеронъ о естествѣ боговъ разглаголствуя, положилъ. „Небесное, говоритъ, и вышшее и воздушное естество, то есть огненное, всѣ вещи „собою раждающее, не имѣетъ, сказываютъ, „той части тѣла, которая совокупленiя съ „другими требуетъ для дѣторожденiя„. Сiе разсужденiе Вестѣ могло бы приличествовать, ежели бы мужемъ называлась. Ибо для того дѣвицею считаютъ Весту, понеже огнь нерастлѣваемая есть стихiа, и ничто изъ нея родиться не можетъ: понеже все захватываемое собою пожираетъ. Овидiй въ святцахъ: „Не что иное „раз-

„разумѣй ты чрезъ Весту, какъ живый пламень „и не видишъ ни какихъ тѣлъ раждающихся „отъ пламени. Такъ справедливо она считает„ся дѣвицею, понеже никакого сѣмене не испу„щаетъ, ни принимаетъ, и хранящихъ дѣв„ство любитъ„. И Вулкану сіе могло приписано быть, который почитается огнемъ, однако стихотворцы его не обрѣзали. Могло и солнцу, въ которомъ есть природа и вина раждающихся, ибо безъ солнечной огненной теплоты ни что ни родиться, ни расти не можетъ: такъ что ни какой стихіи столь не потребны дѣтородные уды, какъ теплотѣ, которой согрѣваніемъ зачинается, раждается, содержится все. Наконецъ хотябы такъ было, какъ они говорятъ, то кто подумаетъ изъ насъ, что небо претерпѣло отрѣзаніе, а не таковымъ рождено? Ибо естьли само собою родитъ, то не имѣло нужды въ дѣтородныхъ удахъ, когда Сатурна самаго родило. А ежели имѣло, но отъ сына оныя отрѣзаны, то рожденіе вещей, и вся природа погибла бы. Да что болѣе? Они сами Сатурна не только божескаго разума, но и человѣческаго смысла лишаютъ, когда утверждаютъ, что онъ есть той Сатурнъ, который теченіе и обращеніе временъ содержитъ, и что онъ погречески то самое имя имѣетъ: ибо Кроносомъ называется, которое имя тожъ значитъ, что и Хроносъ, то есть разстояніе времени: Сатурномъ имянуется, понеже насыщается годами или лѣтами. Сіи Цицероновы слова суть, изъясняющія мнѣніе Стоиковъ, которое сколь

тщетно, всякому разсудить не трудно. Ибо ежели Сатурнъ есть сынъ неба, то какъ могло или время отъ неба родиться, или небо отъ времени отрѣзаніе удовъ претерпѣть, или наконецъ время лишено быть царства отъ сына Юпитера? или какъ Юпитеръ рожденъ отъ времяни? или которыми годами насытиться можетъ вѣчность, которая ни какого не имѣетъ конца?

ГЛАВА 13.

Какъ стихотворцы и историки Стоическія толкованія о Юпитерѣ и Сатурнѣ и иныхъ богахъ тщетными показываютъ.

Ежели же тщетны разсужденія философовъ, то остается вѣрить, что дѣйствительно человѣкъ человѣку отрѣзалъ дѣтородные уды, развѣ кто почтетъ за бога того, который боялся наслѣдника: но ежели бы онъ имѣлъ нѣсколько божества, то не отцу своему, но себѣ долженъ былъ отрѣзать дѣтородные уды, дабы не могъ родиться Юпитеръ, которой его царства лишилъ. Онъ же когда имѣлъ вмѣсто жены сестру свою Рею, которую по Латинѣ Опою называемъ, то запрещено было ему отвѣтомъ воспитывать мужеска пола дѣтей, понеже сынъ его имѣлъ изгнать. Сего онъ боясь раждающихся сыновъ не пожиралъ (какъ сказываютъ басни) но убивалъ:

хотя пишется въ исторіи священной, что Сатурнъ и Опа и прочіе тогда люди человѣческое мясо обыкновенно въ пищу употребляли. Но первый Юпитеръ законы людемъ предписывая, и исправляя нравы, указомъ запретилъ не употреблять таковой пищи. Что ежели справедливо, то какая въ немъ будетъ правда? но мнѣ кажется, сіе выдумано, что Сатурнъ пожиралъ своихъ дѣтей: ибо въ народѣ говорится, что поѣлъ дѣтей своихъ тотъ, кто повыносилъ и погреблъ оныхъ. А Опа когда Юпитера родила, украла младенца, и его тайно послала для воспитанія въ Критъ. Паки неразуміе обличать должно. Ибо для чего извѣщаніе отъ инаго принялъ? для чего на небѣ будучи, не видѣлъ, что дѣлается на земли? для чего его Корибанты кимвалами обманули? наконецъ для чего была нѣкоторая сила крѣпчайшая или большая, которая его силу преодолѣла? то есть старый отъ молодаго удобно побѣжденъ былъ и лишенъ царства. И такъ изгнанъ будучи бѣжалъ, и въ Италію приплылъ на кораблѣ, блудивъ прежде долго въ пути: какъ Овидій въ святцахъ говоритъ: „ Причина корабля остается, къ Туской рѣкѣ „ на кораблѣ прибылъ, блудивши прежде по свѣ„ту, косоносецъ Богъ. „ Его заблуждающаго и безпомощнаго Янусъ принялъ, доказательствомъ тому древніе монеты, на которыхъ изображенъ съ двойнымъ лицемъ Янусъ, а на другой сторонѣ корабль, какъ тойже стихотворецъ пишетъ: „ А добрые потомки корабль „ изобразили на мѣди, свидѣтельствуя о при-

„ ходѣ

„ходѣ гостя Бога.„ И такъ всѣ не только стихотворцы, но и историки и дѣлъ древнихъ писатели, которые въ Италіи дѣла его содѣланныя описали, согласны въ томъ, что онъ былъ человѣкъ: изъ Греческихъ Діодоръ и Ѳаллъ, изъ Латинскихъ Непотъ, и Кассій, и Варронъ. Ибо когда въ Италіи прежде того люди дикую жизнь препровождали: то онъ грубаго онаго народа по горамъ высокимъ разсѣяннаго жизнь перемѣнилъ въ лучшій видъ, и предписалъ законы, и повелѣлъ называть оное мѣсто Латіемъ, понеже безопасно въ тѣхъ странахъ укрывался. Почтетъ ли кто за бога того, который выгнанъ былъ, который бѣжалъ, который укрывался? Нѣтъ ни одного толь безумнаго. Ибо кто бѣгаетъ, и укрывается, тотъ конечно насилія и смерти боится. Орфей, который жилъ вскорѣ послѣ тѣхъ временъ, ясно пишетъ, что Сатурнъ на земли и надъ людьми царствовалъ. „Первый Царь земныхъ людей былъ Сатурнъ: а „отъ Сатурна рожденъ самый великій Царь, „и пространно вся видящій Юпитеръ.„ Также нашъ Маронъ: „Золотый Сатурнъ такое „житіе на земли препроводилъ.„ И на иномъ мѣстѣ: „И золотый (какъ сказываютъ) при „ономъ Царѣ былъ вѣкъ„ Толь въ вожделѣнномъ мирѣ и тишинѣ государствовалъ надъ народомъ. Не говорилъ выше, и ниже не сказалъ, что небожителями управлялъ въ тишинѣ, откуда видно, что онъ былъ Царемъ земнымъ, что самое на иномъ мѣстѣ яснѣе объявляетъ: „Златый созиждетъ вѣкъ, какій былъ нѣко-

„ гда въ Латіи въ царство Сатурново. И Енній въ Евгемерѣ говоритъ, что не первый царствовалъ Сатурнъ, но Уранъ отецъ. Въ „ началѣ, говоритъ, первый на земли наивы„ сочайшую власть Уранъ имѣлъ: онъ тое „ царство купно съ братьями своими поста„ вилъ и уготовалъ. „ Не великое несогласіе, понеже наиславнѣйшіе писатели о сынѣ и отцѣ сумнѣваются. Однако обое статься могло, что и первый Уранъ началъ превосходить властію прочихъ, и имѣть начальство а не царство, послѣжъ того Сатурнъ большее собралъ войско, и царское себѣ имя присовокупилъ.

Глава 14.

Что тотъ же Енній гопоритъ пъ священной Исторіи.

Теперь, понеже священная повѣсть съ вышесказаннымъ мною нѣсколько не соглacуетъ, предложу то, что въ справедливыхъ писаніяхъ содержится, дабы не подумалъ кто, будто бы я стихотворческимъ баснямъ въ укореніи вѣръ послѣдую, и оныя одобряю. Енній такъ пишетъ: „Потомъ Сатурнъ въ жену себѣ взялъ Опу. Титанъ „ старшій братъ его требовалъ себѣ царства. Тог„ да Веста мать ихъ, и сестры Церера и Опа со„ вѣтовали Сатурну, дабы царства брату не„ уступалъ. Тогда Титанъ, будучи хуже не„ жели Сатурнъ, особливо видя, что мать и „ сестры его стараются, дабы Сатурнъ цар-

„ ство-

„ ствовалъ, уступилъ ему царство. И такъ „ договорился съ Сатурномъ, чтобъ, естьли „ будутъ у него дѣти мужеска полу, ихъ не „ воспитывалъ. Сіе для того здѣлалъ, дабы „ его дѣтямъ царство досталось. Въ слѣдст- „ віе чего перваго Сатурну родившагося сына „ убили. Потомъ послѣ родились двойни Юпи- „ теръ и Юнона. Тогда Юнону Сатурну по- „ казали, а Юпитера тайно скрыли, и дали „ его Вестѣ воспитать, утаевая предъ Сатур- „ номъ. Также Нептуна отай Сатурна Опа „ родила, и его тайно скрыла. Такимъ же обра- „ зомъ въ третій разъ Опа родила двойни Плу- „ тона и Главку. Плутона полатынѣ Діеспи- „ теромъ, а иные Оркомъ называютъ. Тогда „ дочь Главку Сатурну показали, а сына Плу- „ тона утаили, и скрыли. Потомъ Главка въ „ малолѣтствѣ умерла „. Сіе (какъ написано) „ Юпитера и братьевъ его поколѣніе, и род- ство, такъ намъ изъ священнаго писанія пре- дано. Также не много послѣ того повѣст- вуетъ: „ Потомъ Титанъ спознавши, что „ Сатурну дѣти мужеска пола рождены, и во- „ спитаны тайно, привелъ съ собою сыновъ „ своихъ называемыхъ Титановъ, и брата „ своего Сатурна и Опу поймалъ, и ихъ въ „ крѣпости затворилъ, и стражу надъ ними „ поставилъ „. Сія исторія сколь справедлива, показываетъ Сивила Еритрейская, тоже почти говоря, развѣ въ чемъ маломъ къ дѣлу не надлѣжащемъ не согласуетъ. И такъ Юпитеръ свобождается отъ наиболшаго беззаконія, буд- то бы отца своего по скаскамъ связалъ. Ибо

то Титанъ дядя его здѣлалъ, понеже Сатурнъ противъ договору и присяги дѣтей мужеска пола сохранилъ. Остальная исторія такъ продолжается: Юпитеръ въ возрастъ пришедши, когда услышалъ, что отецъ и мать его въ стражи заключены, и въ темницу ввержены, пришелъ съ великимъ множествомъ Критянъ, и Титана и сыновъ его войною побѣдилъ, родителей своихъ изъ темницы свободилъ, отцу царство возвратилъ, и такъ въ Критъ возвратился. Послѣ сего Сатурну предсказаніе было, чтобъ онъ берегся, дабы сынъ его изъ царства не изгналъ: онъ въ отвращеніе предсказанія, и ради убѣжанія отъ опасности, дѣлалъ козни на Юпитера, дабы его убить. Юпитеръ спознавши навѣты, царство себѣ паки возвратилъ, и прогналъ Сатурна: который по всѣмъ землямъ гонимый отъ вооруженныхъ, которыхъ послалъ Юпитеръ поймать его или убить, едва въ Італіи мѣсто, гдѣ бы укрытся, нашелъ.

ГЛАВА 15.

По какой причинѣ люди начали богами именоваться.

Изъ сего когда извѣстно, что они люди были, то нѣтъ сумнѣнія о причинѣ, по которой богами они начали именоваться. Ибо ежели никакъ царей прежде Сатурна или Урана не было, ради рѣдкости людей, которые

дикую жизнь безъ всякаго управителя препровождали, то нѣтъ сумнительства, что въ юныя времена люди самаго Царя и всю его фамилію превеликими похвалами, и новыми честьми превозносить стали, толь, что и богами назвали, или удивляяся храбрости, (такъ подлинно думали грубые еще и не просвѣщенные) или какъ обыкновенно случается, изъ ласкательства настоящему могуществу: или ради благодѣяній, которыя они оказывали людемъ. Къ томужъ самые цари, понеже любезны были тѣмъ, которыхъ житіе исправили, великое къ себѣ усердіе по смерти оставили. Того ради люди ихъ ваянія здѣлали, дабы имѣть нѣкоторое изъ зрѣнія на ваянія утѣшеніе. И поступая далѣе изъ чувствованія благодѣяній, память умершихъ почитать стали: дабы и возблагодарить за благодѣянія, и наслѣдниковъ ихъ привлечь къ желанію хорошо управлять государствомъ. Сіе Цицеронъ, о естествѣ боговъ показывая говоритъ: „Вошло въ обыкновеніе, дабы благодѣяніями „прославившихся мужей превозносить до небесъ славою и благоволеніемъ. Отсюду Ираклій, отсюду Касторъ, отсюду Поллюксъ, „отсюду Ескулапій, отсюду Либеръ. И на „иномъ мѣстѣ: выразумѣть можно, что во „многихъ городахъ ради поощренія къ добродѣтели, и дабы охотнѣе за общество „всякъ изящнѣйшій мужъ предавался въ опасность, мужественныхъ людей память, честію боговъ безсмертныхъ посвящена.„ По сей причинѣ Римляне Цесарей своихъ въ число

небо-

небожителей включили, и Мавры Царей своихъ. Такимъ образомъ помалу начались богопочитанія, когда первые оные, которые ихъ знали, оному обряду дѣтей своихъ и внуковъ, и всѣхъ наконецъ потомковъ научили. И сіи однако наибольшіе Цари по причинѣ славныхъ своихъ именъ, во всѣхъ странахъ почитаемы были. Частно же всякой народъ, начальниковъ своего рода, или основателей городовъ, или мужей храбростію знаменитыхъ, или женъ цѣломудріемъ славныхъ, съ великимъ благоговѣніемъ почитали, какъ то Египтяне Ізиду, Мавры Юбу, Македонцы Кабира, Пены Урана, Латини Фавна, Савинцы Санка, Римляне Квирина. Такимъ же образомъ и Аѳины Минерву, Самосъ Юнону, Пафосъ Венеру, Лемнъ Вулкана, Наксъ Либера, Аполлина Делфы. Такъ по народамъ и странамъ разныя богопочитанія приняты, понеже желали люди благодарными быть своимъ начальникамъ: не могши вымыслить иной чести, которую бы приносить умершимъ. Кромѣ сего любовь наслѣдниковъ много поспѣшествовала къ заблужденію: которые дабы почитаемы были отъ поколѣнія боговъ рожденными, божественныя чести родителемъ своимъ приносили, и приносить повелѣвали. Можетъ ли кто усумнѣваться, какъ богопочитанія введены, когда у Марона читаемъ Енеевы слова другамъ повелѣвающаго: „Нынѣ чаши жертвуйте Юпитеру, и моленіямя призывайте Анхиза родителя.„ Которому не только безсмертіе, но и власть надъ вѣтрами приписываетъ. „Испросимъ вѣтровъ,

„и

„ и сіи мои священнослуженія въ построенномъ „ мною градѣ повсягодно да принимаетъ въ „ храмахъ ему поставленныхъ. „ То же Юпитеру Либеръ, и Панъ и Меркурій, и Аполлинъ дѣлали: и послѣ имъ самимъ наслѣдники ихъ. Помоществовали въ томъ и Стихотворцы, которые сочинивъ пріятныя Стихи, до небесъ ихъ превознесли: такъ какъ дѣлаютъ у Царей хотя впрочемъ злыхъ, ложными выхвалами ласкательствуя. Сіе зло отъ Грековъ произошло: которыхъ легкомысліе совокупленное съ краснорѣчіемъ и велерѣчіемъ, повѣрить трудно, коликихъ лжей મракъ произвело. И такъ удивляяся имъ, и первые изъ всѣхъ приняли богослуженіе, и всѣмъ народамъ предали. За сіе нерадѣніе Сивилла такъ имъ поноситъ. „ Греція что уповаешъ на мужей начальни„ ковъ? къ чему пустыя дары приносишь, „ Жертвуешь идоламъ? кто тебѣ во умъ за„ блужденіе вложилъ, что сіе дѣлаешь, вели„ каго Бога оставивши „? Маркъ Туллій, который не только совершенный Риторъ, но и Философъ былъ (ибо одинъ Платону послѣдовалъ) въ той книгѣ, въ которой себѣ самаго о смерти дочери утѣшалъ, не усумнился сказать, что Боги всенародно почитаемые, были люди. Сіе его свидѣтельство тѣмъ должно за наиважнѣйшее почитаться, понеже и прорицательное имѣлъ священство, и признается, что боговъ почитаетъ. И такъ въ не многихъ строкахъ двѣ вещи намъ предложилъ. Ибо когда признается, что изображеніе дочери такимъ же образомъ посвятить имѣетъ, какимъ

оныя

оныя отъ древнихъ посвящены: и объявилъ, что они умерли, и показалъ начало тщетнаго суевѣрія. „Когда же говоритъ, и мужей и „женъ многихъ изъ людей въ числѣ Боговъ „видимъ, и ихъ въ городахъ и на поляхъ вели„колѣпнѣйшія храмы почитаемъ, то должны „повиноваться премудрости тѣхъ, которыхъ „умомъ и изобрѣтеніемъ все житіе законами „и наставленіями, украшено и составлено. „Ежели когда-какое животное долженствовало „посвящено быть, то сіе наипаче. Ежели „Кадмово, или Амфитріоново племя или „Тиндарово славою до небесъ превознесено „быть долженствовало; то поистиннѣ сей „туже честь присвоить должно, что я дѣй„ствительно учиню, и тебе отъ всѣхъ наи„лучшую и наичестнѣйшую при одобреніи са„мыхъ боговъ безсмертныхъ, въ числѣ ихъ „поставивши, по обыкновенію всѣхъ людей по„свящу." Можетъ быть скажетъ кто либо, что Цицеронъ отъ излишней печали безумствовалъ: но вся оная рѣчь и ученіемъ и примѣрами, и самымъ рѣчи родомъ совершенная, не печальнаго, но постояннаго ума и разсужденія была. И сіе самое мнѣніе никакой печали не показываетъ. Да и не думаю я, чтобъ онъ такъ красиво писать могъ, ежелибы сѣтованіе его, и разсужденіе самое, и утѣшеніе друговъ, и долгота времени не утолили. Но что, болѣе? когда онъ тоже говоритъ въ книгахъ о обществѣ, въ книгахъ о славѣ. Ибо въ книгѣ о законахъ, въ которыхъ послѣдуя Платону, законы хотѣлъ уставить, которыхъ по мнѣнію

нію его имѣлъ употреблять праведный и премудрый градъ, о вѣрѣ такое положеніе учинилъ: „Боговъ и небожителей почиталъ; и „тѣхъ, которые на небо за заслуги преселены, „Ираклія, Либера, Поллюкса, Кастора, Квирина„. Также въ Тускулянскихъ говоря, что почти все небо человѣческимъ родомъ наполнено: „Ежели захочу, говоритъ, изслѣдовать древность и изъ нея то, что писатели греческіе въ повѣстяхъ своихъ намъ оставили, испытать потщусь, то откроется, „что самые тѣ, которые большихъ народовъ богами почитаются, отсюду отъ насъ на небо „преселились. Вопроси чьи гробницы въ греціи показываемы бываютъ: воспомяни, понеже тебѣ извѣстны предлагаемыя въ повѣстяхъ тайны, тогда сіе, какъ далеко распространяется, выразумѣешъ„. Засвидѣтельствовалъ симъ предъ Аттикомъ, что изъ самыхъ таинъ понять можно, что всѣ тѣ, которыхъ богами почитаютъ, были люди: и когда о Иракліѣ, Либерѣ, Ескулапіѣ, Касторѣ, Поллюксѣ не медленно сказалъ: напротивъ о Аполлинѣ и Юпитерѣ отцахъ ихъ, также о Нептунѣ, Вулканѣ, Марсѣ, Меркуріѣ, которыхъ большихъ народовъ богами называетъ, боялся явно открыть. И того ради говоритъ, что сіе далеко распространяется, дабы тоже о Юпитерѣ и прочихъ древнѣйшихъ богахъ мы разумѣли. Которыхъ память ежели такимже образомъ древніе посвятили, каковымъ онъ ваяніе, или изображеніе, и имя дочери хотѣлъ посвятить: простить сѣтующимъ можно,

жно, вѣрующимъ же не можно. Ибо кто сыщется столько безуменъ, дабы думалъ, что согласіемъ и опредѣленіемъ безчисленныхъ дураковъ, небо мертвымъ отверзается? Или будто можетъ кто дать, чего самъ не имѣетъ? У Римлянъ богомъ Юлій, понеже такъ угодно было непотребному Антонію. Богомъ Квиринъ, понеже такъ заблагоразсудили пастухи: когда одинъ отъ нихъ братоубійцею былъ, а другій отечества разорителемъ. А ежелибы Консуломъ не былъ Антоній, то Кай Кесарь за свои къ обществу злодѣянія, и погребенія бы не удостоился, особливо по совѣту Пизона тестя, и Лукія Кесарева родственника, которые запрещали погребенію быть, и Долабеллы Консула, который столпъ на площади, то есть гробницу его разорилъ, и площадь очистилъ. Ибо что Ромулъ любимъ былъ народомъ, о томъ объявляетъ Енній, у котораго народъ лишившись Царя, и сѣтуя такъ говоритъ: „О Ромулъ, Ромулъ скажи, о какого тебя „отечеству стража боги родили? Ты изъ „велъ насъ въ страны свѣтлыя. О отецъ, „о родитель, о кровь отъ боговъ происходя„щая„. Посему усердію безъ дальней трудности поверено уже Юлію Прокулу, который наученъ былъ отъ Сенаторовъ, дабы объявилъ народу, будто онъ видѣлъ Царя имѣющаго видъ блистательнѣйшій, нежели каковъ есть человѣческій; и будто онъ повелѣлъ народу создать себѣ храмъ, и будто объявилъ, что онъ Богомъ и Квириномъ называется. Симъ и народъ увѣрилъ, что Ромулъ къ богамъ преселил-

селился, и сенатъ отъ подозрѣнія въ убивствѣ царя, свободилъ.

ГЛАВА 16.

Для чего богами быть не могутъ, которыхъ полъ различаетъ; и что естеству божію полъ неприличенъ, также совокупленіе и дѣторожденіе.

Могъ я вышесказаннымъ быть доволенъ, но остается еще много къ начатому дѣлу потребнаго. Ибо самую вѣръ главу разрушивши, хотя и все ужѐ разрушилъ: однако еще желаю изслѣдовать прочее, и обличить пространнѣе застарѣлое предѣубѣжденіе, дабы наконецъ люди стыдились и сожалѣли о своихъ заблуждевіяхъ. Великое сіе дѣло и человѣка достойное. „ Умы свободить тщусь отъ узъ суевѣрія, какъ говоритъ Лукрецій, хотя онъ сего здѣлать не могъ, понеже ничего истиннаго не говорилъ. Наша есть сія должность, которые бытіе истиннаго Бога доказываемъ, и ложныхъ опровергаемъ. И такъ тѣ, которые думаютъ, что стихотворцы басни о богахъ вымыслили, и признаютъ богинь и почитаютъ, допускаютъ по неразумію тожъ, что опровергали, будто бы Боги совокупляются и раждаютъ. Ибо статься тому не можно, чтобъ два пола не для рожденія были уставлены. Допустивъ же различіе пола, не понимаютъ, что изъ того слѣдуетъ, что должно имъ зачинать, что Богу неприлично, не какъ они

 дума-

думаютъ. Ибо признаютъ дѣтей и у Юпитера и другихъ боговъ. И такъ раждаются да еще и каждый день новые боги. Ибо они превосходятъ людей въ дѣторожденіи. И такъ боговъ безчисленностію наполнены всѣ мѣста, особливо когда изъ нихъ не одинъ не умираетъ. Ибо ежели безчисленное множество находится въ свѣтѣ людей, которые какъ рождаются, такъ и умираютъ: то коликое признавать будемъ число боговъ, которые чрезъ столь многіе вѣки народившись, остались безсмертными? Для чего же столь малочисленныхъ изъ нихъ почитаютъ? Развѣ только подумаемъ, что не для дѣторожденія, а только для сладострастнаго удовольствія, два пола находится боговъ, которые дѣлаютъ то, что люди дѣлать за стыдъ себе щитаютъ. А когда говорятъ, что нѣкоторые отъ нѣкоторыхъ родились, то слѣдуетъ, чтобы они всегда рождались: ибо нѣкогда родились: или ежели нѣкогда раждаться перестали, то знать намъ должно, для чего, или когда перестали. Забавно Сенека въ книгахъ нравоучительной Философіи: „Что за причина говоритъ, для чего „по скаскамъ стихотворцовъ наипохотливѣйшій Юпитеръ престалъ дѣтей раждать? „Для того ли что онъ шестидесятолѣтнымъ „ставши, получилъ запрещеніе отъ Папіева „закона? Или испросилъ себѣ право родить „трехъ дѣтей? Или наконецъ пришло ему на „память, отъ другаго ожидай, что иному „здѣлалъ? и боится, дабы ему кто не здѣлалъ тогожь, что онъ Сатурну„? А тѣ которые приз-

признаваютъ много боговъ, пущай смотрятъ, какъ будутъ отвѣтствовать на сей доводъ, которой я предложить имѣю. Ежели два пола боговъ, слѣдовательно и совокупляются; и ежели совокупляются, то должни и домы имѣть, ибо не столь они безстыдны, дабы тое беззарѣнія и явно могли дѣлать, такъ какъ безсловесные дѣлаютъ скоты. Ежелижъ домы имѣютъ, слѣдуетъ, что и города имѣютъ: какъ говоритъ Назонъ, Чернь живетъ въ разныхъ мѣстахъ, здѣсь же сильные и славные небесные жители свои создали домы „. Ежели имѣютъ города, то и поля имѣть будутъ. Теперь кто не видитъ того, что слѣдуетъ? то есть что они орутъ и сѣютъ: что дѣлается ради пищи: слѣдовательно они смертны. Сей доводъ превращенъ будучи, туже силу имѣетъ. Ибо ежели полей не имѣютъ, то ни городовъ, ежели городовъ не имѣютъ, то ни домовъ: ежели домовъ не имѣютъ, то ни совокупленія, ежели совокупленія не имѣютъ, то и пола женскаго Въ числѣ же боговъ видимъ мы и женъ, слѣдовательно они не боги. Пущай разрѣшитъ сей доводъ, ежели кто можетъ. Ибо такъ одно съ другимъ соединено, что сіе послѣднее должно признать по необходимости. Но и сего довода ни кто не разрѣшитъ: изъ двухъ половъ одинъ силнѣе, другой немощнѣе: ибо сильнѣе мужескій, немощнѣе женскій. Немощь же Богу неприлична, слѣдовательно и женскій полъ. Сему придается вышеписаннаго довода заключеніе, чтобъ ихъ не почитать богами, понеже въ числѣ боговъ находятся и жены

ГЛАВА 17.

Что Стоики достовѣрность историй и стихотворческие вымыслы пустымъ физическимъ разсужденіемъ прекращаютъ: и какоцыя бѣды и гнусности о богахъ воспоминаются.

Ради сихъ причинъ Стоики инако боговъ толкуютъ. И понеже не предвидятъ, въ чемъ есть истина, силятся ихъ съ разсужденіемъ вещей натуральныхъ совокупить: которымъ Цицеронъ послѣдуя, о богахъ и вѣрахъ ихъ сіе мнѣніе предложилъ: Видите ли, какъ отъ „натуральныхъ вещей изрядно и съ пользою „изобрѣтенныхъ доходимъ до вымышленныхъ и „ложныхъ боговъ? Что породило ложныя „мнѣнія, и заблужденія вредныя и суевѣрія „бабьи. Ибо и виды боговъ намъ, и возрасты, „и одѣяніе и украшенія извѣстны: кромѣ сего „роды, браки, сродства всѣ, и все приведено „къ подобію немощи человѣческой.„ Что явственнѣе, что истиннѣе сказать можно? Римской Философіи начальникъ, и наивысшее жречество или первосвященство имѣющій, вымышленныхъ и ложныхъ боговъ обличаетъ: которыхъ почитаніе суевѣріемъ бабьимъ признаваетъ: и сожалѣетъ, что люди въ ложныя мнѣнія, и заблужденія впали. Ибо вся книга третія о естествѣ боговъ, всѣ вѣры совсѣмъ опровергаетъ и искореняетъ. И такъ чегожъ отъ насъ болѣе ожидать? Или мы краснорѣчіемъ можемъ превзойти Цицерона? Никакъ. Но не имѣлъ онъ дерзно-

вновенія, не зная истины, вЪ чемЪ самЪ вЪ той же книгѣ признается. Ибо говоритЪ о „ себѣ, что онЪ легче можетЪ сказать небы- „ лицу, нежели правду: то есть, что онЪ ложЪ „ понимаетЪ, а истины не знаетЪ. „ И такЪ видно, что люди были тѣ, которые богами почитаются, и ихЪ память по смерти посвящена: и для того лѣта видятся разныя и извѣстныя виды каждаго, понеже вЪ томЪ одѣяніи и возрастѣ каждаго виды изображены, вЪ которомЪ всякЪ изЪ нихЪ умерЪ. РазсудимЪ (ежели угодно) бѣды нещастныхЪ боговЪ. Изида сына потеряла, Церера дочь: изгнанная и по свѣту скитающаяся Латона, едва островЪ малый, на которомЪ бы родить, нашла. БоговЪ мать и любила краснаго юношу, и онатожЪ сЪ наложницею заставши, и отрѣзавЪ дѣтородныя уды, неспособнымЪ кЪ дѣторожденію учинила: и для того то нынѣ священнослуженіе ей отправляемо бываетЪ отЪ обрѣзанныхЪ жрецовЪ. Юнона наложницЪ жестоко гнала, понеже сама родить отЪ брата не могла. ПишетЪ ВарронЪ, что островЪ СамосЪ прежде Партеніею назывался, понеже тамЪ Юнона возрасла, и тамЪ за Юпитера вышла. И того ради наизнатнѣйшій и наидревнѣйшій храмЪ ея есть вЪ Самосѣ, и изображеніе ея вЪ видѣ замужЪ выходящей здѣлано, и годовыя ей священнослуженія образомЪ брака празднуемы бываютЪ. И такЪ ежели возросла, ежели дѣвицею прежде была, потомЪ женою, то, кто не разумѣетЪ, что она человѣкЪ, тотЪ признаетЪ себя скотомЪ. Что скажу о нечистотѣ Венеры для всѣхЪ сладострастія готовой,

вой, не только боговъ, но и людей? Ибо она отъ славнаго Марсовя любодѣянія родила Армонію, отъ Меркурія Ермафродита, который родился Андрогиномъ: отъ Юпитера Купидона, отъ Анхиза Енея, отъ Бута Ерику: а отъ Адониса никого родить не могла, ибо еще въ отрочествѣ отъ вепря умерщвленъ. Которая, первая изъ всѣхъ, какъ священная исторія пишетъ, промыслъ любодѣяніемъ завела, и научила женъ въ Кипрѣ любодѣяніемъ пріобрѣтать корысть. И сіе для того повелѣла, дабы непоказаться другимъ, что она одна изъ всѣхъ женъ безстыдная, и къ мужескому полу страстная. Сія ли имѣетъ нѣчто божественное, которой больше изчитается прелюбодѣяній, нежели рожденій? Но и оныя дѣвицы непорочной чистоты сохранить не могли. Ибо откуду Ерихтоній родился (отъ земли ли какъ стихотворцы думаютъ? Но самое дѣло иное открываетъ. Ибо когда Вулканъ богамъ оружія здѣлалъ, и ему Юпитеръ на волю далъ просить награжденія какого захочетъ, и клялся (по обыкновенію своему) адскимъ болотомъ, что ни въ чемъ ему не откажетъ, тогда кузнецъ хромый просилъ въ замужство себѣ Минервы. Тутъ Юпитеръ преблагій и великій обязанъ будучи толь великимъ благоговѣинствомъ, отказать не могъ. Однако Минервѣ совѣтовалъ противиться, и чистоту защищать. Тогда въ ономъ усильствіи Вулканъ на землю излилъ сѣмя, и оттуда Ерихѳоній родился, и оное ему имя дано отъ тисъ еридосъ ке тисъ хѳоносъ, то есть, отъ усилія и земли. И

такъ

такЪ для чего дѣвица того отрока съ змїемЪ замкнувши и запечатавши тремЪ дѣвицамЪ ЦекропскимЪ вручила? Видимое (какЪ думаю) кровосмѣшенїе, котораго ничемЪ не можно прикрасить. Другая, когда полюбовника своего едва не лишилась, который взбѣсившимися конями почти былЪ разтерзанЪ, призвала наискуснѣйшаго врача для излеченїя онаго Юноши, и вылѣчивЪ его, вЪ тайныхЪ изЪ милости держала покояхЪ; и кЪ дѣвицѣ Егерїи вЪ лѣсЪ сослала, чтобЪ онЪ вЪ лѣсахЪ ІталїйскихЪ вЪ незнатности и уединенїи вѣкЪ препровождалЪ, и перемѣнивши тамЪ имя ВирбїемЪ назывался. Что значитЪ сїе толь попечительное, толь тщательное врачеванїе? Что тайныя жилища? Что сосланїе или толь дальнее, или кЪ женѣ, или вЪ пустыню? Что потомЪ имени премѣненїе? НаконецЪ что коней толь упрямыхЪ ненавидѣнїе? Что значитЪ сїе все, кромѣ извѣстнаго блудодѣянїя и не дѣвической любви? Было подлинно чего ради толикїй трудЪ, для столь вѣрнаго юноши предпринимать, понеже любви мачихиной не подвинулся.

ГЛАВА 18.

Какимъ образомъ возражать тѣмъ, которые лгутъ, будтобы боги здѣлались изъ людей.

Здѣсь должно возраженіе учинить и тѣмъ, которые не только признаютъ, что боги изъ людей здѣлались, или за храбрость, какъ то Ираклій: или за благодѣянія, какъ то Церера и Либеръ: или за изобрѣтеніе художествъ, какъ то Ескулапій и Минерва: но дабы ихъ похвалить, еще хвастаютъ. Сіе сколь непристойно и сколь недостойно, дабы людемъ по причинѣ того согрѣшать непростительно, и быть врагами истинному Богу, котораго они презрѣвъ, мертвыхъ боговъ священнослуженіе принимаютъ; покажу изъ всѣхъ вещей. Добродѣтель, говорятъ, возводитъ человѣка на небо: не та добродѣтель, о которой Философы говорили, которая состоитъ въ дарованіяхъ духовныхъ: но оная тѣлесная, которая называется мужествомъ, которое поелику въ Ираклiѣ было отмѣнное, того для думаютъ, что онъ заслужилъ безсмертіе. Кто столь безуменъ, чтобъ тѣлесныя силы за божественное или человѣческое благо почелъ? когда несравненно большія безсловеснымъ дарованы: и одною болѣзнію повреждаются, и умаляются отъ старости, и смертію оканчиваются и погибаютъ? И того ради Ираклій, когда увидѣлъ, что тѣло его чирьями обезображено, ни лѣчиться не захо-

тѣлъ

тѣлъ ни состарѣваться; дабы не показаться малосильнѣе обыкновеннаго, или безобразнѣе. О немъ думали, что онъ съ сруба, на которомъ себя за живо сжегъ, возшелъ на небо, и то самое, чему безумно удивлялися, на ваяніяхъ и образахъ изобразивъ и посвятивъ, поставили, дабы вѣчно безумія ихъ память пребывала, которые вѣрили, будто за убіеніе звѣрей люди богами дѣлаются. Но въ семъ можетъ быть виноваты Греки, которые вещи наиподлѣйшія наивеличайшими всегда почитали. Что наши? Благоразумнѣе ли? которые бойцовъ храбрость хотя презираютъ, понеже ничего не вредитъ; но царской храбрости (ежели обыкновенно великой вредъ причиняетъ) толь удивляются, что храбрыхъ и мужественныхъ предводителей или полководцовъ въ числѣ боговъ поставляютъ, и думаютъ, что нѣтъ никакого инаго къ безсмертію пути, какъ предводительствовать арміею, чуждое опустошать, городы разорять, мѣстечки истреблять, вольные народы или убивать, или въ рабство покорять. То есть, чѣмъ больше они людей оскорбятъ, обнажатъ, убьютъ, тѣмъ знатнѣйшими предъ собою и славнѣйшими почитаютъ: и суетной славы видомъ прельщены будучи, пороки и беззаконія свои именемъ добродѣтели называютъ. Лучшебъ желалъ я, дабы они за убійство звѣрей боговъ себѣ вымышляли, нежели чтобъ одобряли толь кровопролитное безсмертіе. Ежели кто одного человѣка убьетъ, того за мерзскаго и беззаконнаго поставляютъ, и за грѣхъ вмѣняютъ допускать такого въ земный

храмъ

храмъ боговъ: то какъ тотъ, который безчисленныхъ людей тысячи убилъ, кровію поля обагрилъ, рѣки осквернилъ, не только въ храмъ, но и на небо принятъ быть можетъ? У Еннія такъ говоритъ Африканъ: „Ежели „убійствомъ можно кому на небо взойти, „то мнѣ наипаче небесныя врата отверзены.„ То есть, понеже онъ большую половину рода человѣческаго истребилъ и погубилъ. О Африканъ! въ какомъ ты заблужденіи находишся! или лучше сказать, о несмысленный стихотворецъ! который думаешъ, будто бы убивствомъ и кровію отверстъ людемъ на небо восходъ! Сему безумію и Цицеронъ равное думаетъ: Подлинно, говоритъ, такъ, о Африканъ! ибо и Ираклію тѣжъ врата были отверзсты: какъ будто бы Цицеронъ въ самомъ дѣлѣ въ то время, когда оное съ Иракліемъ дѣлалось, былъ на небѣ привратникомъ или придверникомъ. Поистиннѣ разсудить не могу, сожалѣть ли наипаче или смѣяться, когда вижу, что честные и ученые, и (какъ имъ кажется) премудрые мужи въ толь бѣдственныхъ заблужденій волнахъ колеблются. Ежели сія есть добродѣтель, которая насъ безсмертными дѣлаетъ, то умереть лучше бы я хотѣлъ, нежели погубить безчисленныхъ: ежели инако безмертія приобрѣсти не можно, какъ только кровію, то что произойдетъ, ежели всѣ союзно жить станутъ? А сіе подлинно статься можетъ, ежели люди отринувъ пагубное и беззаконное неистовство, кроткими и праведными быть восхотятъ. Такъ не

уже

ужѐ ли ни кто не будетъ достоинъ неба? Неужѐ ли погибнетъ добродѣтель, понеже однимъ на другихъ свирѣпствовать будетъ не можно? Но тѣ, которые разорятъ города и народы, за найвеличайшую себѣ поставляютъ славу, общественному спокойствію быть не попустятъ: они будутъ похищать, станутъ неистовиться, и стремиться обидами наглыми прервать человѣческій союзъ, дабы могли имѣть непріятеля, котораго бы беззаконнѣйшимъ образомъ погубить, нежели раздражить. Теперь къ прочимъ приступимъ. Богами Цереру и Либера за благодѣянія назвали. Могу отъ божественнаго писанія показать, что віно и плоды прежде дѣтей неба и Сатурновыхъ были въ употребленіи у людей. Но положимъ, будто бы ими въ самой вещи изобрѣтены: то что болѣе кажется? жита ли собирать, и оныя смоловши дѣлать хлѣбъ научить: или ягоды съ виноградной лозы собравъ и выдавивъ здѣлать віно? или то, чтобъ самыя жита и виноградныя лозы произвесть отъ земли? Правда предоставилъ Богъ разуму человѣческому изыскивать сіе: однако статься тому не можно, дабы не его все то было, который и мудрость далъ человѣку, дабы изыскивалъ: и самое то что можно изобрѣсть. И художества своихъ изобрѣтателей безсмертіемъ одарили, какъ то Ескулапія врачебная наука, Вулкана кузнечное художество. И такъ должни мы почитать за боговъ и бѣлильниковъ и сапожниковъ, которые своему художеству людей научили. Для чего же горшечнаго художе-

ства

ства изобрѣтателю чести божеской не приносятъ. Развѣ что будучи богатыми, сосуды Самійскіе презираютъ? Находятся и иныя художества, которыхъ изобрѣтатели человѣческому житію много пользы принесли. Для чего и имъ не посвящено храмовъ? Минерва всѣ художества изобрѣла, и того ради ей художники молятся. Слѣдовательно отъ сихъ гнусностей Минерва взошла на небо. Подлинно есть за что оставлять того, который землю съ животными, небо съ звѣздами и свѣтилами произвелъ: дабы только почитать ту, которая полотно ткать научила. Что той, который раны въ тѣлахъ лѣчить научилъ? можетъ ли быть лучшимъ того, который самыя тѣла произвелъ? чувство и жизнь далъ? ктомужъ и самыя зелія и прочее, въ чемъ врачебная наука состоитъ, произвелъ?

ГЛАВА 19.

Что боговъ суетныхъ и Бога истиннаго никто купно почитать не можетъ.

Но скажетъ кто либо что и сему найвысочайшему Создателю всѣхъ вещей, и тѣмъ, кои нѣкоторую пользу здѣлали пристойное почтеніе воздавать должно. Но вопервыхъ никогда сего не было, дабы кто боговъ почитая почиталъ и Бога, и статься тому не можно, понеже ежели туюжъ честь воздаютъ инымъ, то его совсѣмъ не почитаютъ, къ кото-

торому благоговѣніе въ томъ состоитъ, дабы вѣровать, чтъ онъ есть единъ Богъ. Вопіетъ великій стихотворецъ, что тѣ всѣ, которые изобрѣтенными художествами житіе человѣческое украсили, находятся во адѣ, и что и самый врачебной науки изобрѣтатель къ Стигійскимъ водамъ Перуномъ низверженъ, дабы выразумѣли мы, сколь силенъ всемогущій Отецъ, который и боговъ Перунами поражаетъ. Но разумные люди такъ можетъ быть въ себѣ разсуждали: понеже Бога Перуномъ поразить не можно, слѣдовательно того не было; но понеже оное въ самомъ дѣлѣ было: слѣдовательно онъ былъ человѣкъ, а не Богъ. Ибо лгутъ стихотворцы не въ разсужденіи имени: понеже боялися бѣды, ежелибы противъ общаго мнѣнія признавать начали истину. А ежели сіе имъ извѣстно, что оные изъ людей богами зделались, то для чего не вѣрятъ стихотворцамъ, когда они боговъ и бѣгства, и раны, и смерти, и войны, и прелюбодѣянія описываютъ? Изъ сего разумѣть можно, что не могли они никакъ быть богами, понеже и добрыми людьми не были, и то въ житіи своемъ дѣлали, что вѣчную смерть раждаетъ.

ГЛАВА

ГЛАВА 20.

О собственном богопочитании Римлян.

Теперь приступаю к собственному богопочитанию Римлян, понеже о общественном уже говорил я. Ромулова кормилица Лупа честію почтена божественною. И сносно бы было, ежелибы то животное самое было, котораго образ носит. Свидетельствует Ливій, что Ларенціино есть изображеніе, и подлинно не тела, но ума и нравов. Ибо она была Фавстулова жена, и по причине безстыдных своих любодеяній, волчицею между пастухами, то есть блудницею названа: откуда и Лупанар (блудилище) называется. В изображеніи сем Римляне подлинно последовали примеру Аѳинейцов, у которых блудница некоторая именем Леена, когда убила тиранна, и как нельзя было образа блудницы поставить в храме, то они животнаго изображеніе поставили, котораго имя она имела. И так как Аѳиняне зделали достопамятность из имени, так Римляне учинили оное из самаго дела. Ея имени и день праздничный уставлен был, и учреждены Ларенціалія. И не только сію блудницу Римляне почитают, но и Фавлу, о которой Веррій пишет, что она была блудницею Иракліевою. Какое уже сіе безсмертіе, которое и блудницы получают? Флора великія богатства блудодейством наживши, народ Римскій наследником учинила, и известное число

сло денегъ оставила, дабы изъ годоваго оныхъ проценту день рожденія ея праздновали представленіемъ игръ, которыя называются Флораліи. И понеже зазорнымъ дѣломъ сіе Сенату показалось, за благо разсудили взять доводъ отъ самаго имени, дабы срамному дѣлу придать нѣкоторую важность. Вымыслили богиню, которая надъ цвѣтами начальствуетъ, и будтобы ея надлежитъ умолять, дабы плоды съ древами, и віноградами благополучно цвѣли. Сему вымыслу въ святцахъ послѣдуя стіхотворецъ, сказалъ, что знатная была дѣвица называемая Хлора, и будто бы вышедъ за Зефира въ замужство, вмѣсто приданаго получила отъ него, дабы имѣть власть надъ всѣми цвѣтами. Честно сіе говорятъ, но нечестно и мерзско вѣруютъ. Не долженъ, когда мы изыскиваемъ истинну, таковой покровъ насъ обманывать. И такъ отправляютъ оныя игры со всякимъ своевольствомъ приличнымъ памяти блудницы. Ибо кромѣ сквернословія, раздѣваются до нага по прошенію народа блудницы, которыя тогда должность отправляютъ комедіантовъ, и предъ народомъ къ удовольствію безстыдныхъ зрителей срамными тѣлодвиженіями день препроводятъ. Клоаціны ваяніе въ большомъ стокѣ нечистотъ найденное Тацій посвятилъ: и понеже не зналъ, чіе есть изображеніе, то отъ мѣста ему имя далъ. Страхъ и Блѣдность Туллъ Гостилій изобразилъ и почиталъ. Что о семъ скажу, кромѣ того, что достоинъ былъ онъ, дабы всегда боговъ своихъ (какъ обыкновенно люди желаютъ)

ютъ) при себѣ имѣлъ? Отъ сего оное установленіе Марка Маркелла, о причтеніи въ число боговъ чести и добродѣтели, честностію именъ разнствуетъ, дѣломъ же самымъ сходствуетъ. Съ такоюжъ тщетностію и умъ между богами поставилъ Сенатъ: который ежели бы умъ умѣлъ, такихъ богопочтеній никогда бы не принялъ. Цецеронъ говоритъ, „ что великій и отважный совѣтъ предприняла Греція, что Купидоновъ и Амуровъ ваянія въ школахъ посвятила. „ Ласкательствовалъ, то есть Аттику, смѣяся надъ своимъ другомъ. Ибо не только великимъ, но нимало совѣтомъ сіе не было, но безстыдныхъ людей пагубнымъ и оплакиванія достойнымъ бездѣлничествомъ, что дѣтей своихъ, которыхъ должны были честности научать, руководствовали къ сластолюбію юности, и повелѣли, дабы они боговъ пороковъ, и въ тѣхъ наипаче мѣстахъ, гдѣ нагія тѣла развращенныхъ очамъ представляются, почитали въ такомъ возрастѣ, который будучи малоразумнымъ и неосторожнымъ, прежде попасться, и въ сети впасть можетъ, нежели предохранить себя. Дивно ли, естьли отъ сего народа всѣ пороки проистекли, у котораго пороки въ святыню вмѣняютъ, и отъ оныхъ не только не удаляются, но и почитаютъ. И для того то онъ сему мнѣнію, какъ будто бы Грецію благоразуміемъ превосходилъ, придалъ: „ Добродѣтели „ надлежало, а не пороки боготворить. „ Ежели сіе принимаешь о Маркѣ Туллій, то не видишь ли, что вкрадутся пороки съ доброде-

тель-

тельми: понеже злое съ добромъ соединено, и въ сердцахъ человѣческихъ сильнѣйше дѣйствуетъ: и ежели пороки запрещаешь боготворить, то во отвѣтъ скажетъ тебѣ тажъ самая Греція: однихъ боговъ почитаю, дабы они дѣлали пользу, другихъ, дабы не причиняли вреда. Ибо сіе всегдашнимъ есть извиненіемъ тѣхъ, которые злодѣянія свои за боговъ почитаютъ, какъ то Римляне ржавщину и лихорадку. Такъ ежели пороковъ боготворить не должно, въ чемъ я съ тобою согласенъ, то слѣдовательно ни самыхъ добродѣтелей. Ибо сами собою они не разумѣютъ и не чувствуютъ: и не внутрь стѣнъ или храминъ отъ блата содѣланныхъ, но внутрь сердца полагать ихъ должно, во внутренности хранить, дабы не были ложными, ежели будутъ оныя внѣ человѣка. И такъ смѣюся я надъ преславнымъ твоимъ закономъ, который ты полагаешъ сими словами: „ Но оное, за что невозбраненъ человѣку „ восходъ на небо, должно состоять изъ мысли „ или ума, добродѣтели, благочестія, вѣры, „ и ихъ капищей „. Но сіи отъ человѣка отдѣлены быть не могутъ. Ибо ежели почитать ихъ должно, то должно почитать оныя въ самомъ человѣкѣ. А ежели они внѣ человѣка, то для чего почитать, то, чего неимѣешь? Ибо добродѣтель должно почитать, а не образъ добродѣтели, и почитать не жертвою, или ладаномъ, или молитвою торжественною, но хотѣніемъ единымъ и произволеніемъ. Ибо что иное есть почитать добродѣтель, какъ только имѣть оную въ серд-

цѣ и содержать? Что самое всякъ, сколь скоро хотѣніе его дѣйствовать начинаетъ, получаетъ. Сіе одно добродѣтели почтеніе. Ибо никакого богопочитанія инаго содержать не должно, кромѣ благоговѣнія къ единому богу. И такъ какая нужда о мужъ премудрый! излишними строеніями мѣста занимать, которыя могутъ употребленію человѣческому служить? для чего священниковъ поставлять для почитанія тщетныхъ и безчувственныхъ вещей? для чего приносить жертвы? къ чему такія иждивенія или въ дѣланіи или въ почитаніи ваяній употреблять? Крѣпкій и нетлѣнный храмъ есть сердце человѣческое: сіе паче должно украшать: сіе истинными оными божествами наполнять. И такъ слѣдуетъ, что оныя боготворенія суть ложныя, какъ оныя и въ самомъ дѣлѣ таковы. Ибо кто добродѣтели такъ почитаетъ, то есть, кто тѣни и образу добродѣтели послѣдуетъ, тотъ самой истины содержать не можетъ: того ради ни въ комъ никакой добродѣтели нѣтъ, когда пороки вездѣ господствуютъ: никакой вѣры, когда всякъ похищаетъ: никакой любви, когда ни родственниковъ ни родителей не щадитъ сребролюбіе, когда вожделѣніе стремится къ яду, и оружію: никакой тишины, никакого согласія, когда войны свирѣпѣютъ общественныя, частно же вражда неистовствуетъ до пролитія крови: никакого цѣломудрія, когда необузданныя похоти всякой полъ и вся уды тѣлесныя оскверняютъ. Однако не престаютъ то почитать, чего убѣгаютъ и ненавидятъ.

Ибо почитають ладономъ, и концемъ перстовъ, чего внутренними чувствованіями должно было трепетать: и сіе все заблужденіе происходитъ отъ незнанія онаго главнѣйшаго и наивысочайшаго добра. Когда Галлы Римъ взяли, осажденные въ Капитоліи Римляне когда изъ женскихъ волосовъ бичи себѣ здѣлали, храмъ Венерѣ плѣшивой посвятили. Ибо не разумѣютъ сколь суетны вѣры тѣмъ самымъ, что онымъ сими глупостями насмѣхаются. Можетъ быть отъ Лакедемонцовъ научились боговъ себѣ по случаю вымышлять: которые, когда Миссенцовъ въ осадѣ содержали, и Миссенцы обманувъ осаждающихъ, и вышедъ тайно, пошли разорять Лакедемонъ, но отъ Спартанскихъ женъ побѣждены и прогнаны. Лакедемонцы узнавъ непріятельскій навѣтъ, пошли въ слѣдъ за Миссенцами. Имъ на стрѣчу вооруженныя жены далеко вышли: и какъ увидѣли своихъ мужей готовящихся къ сраженію, почитающихъ своихъ женъ Миссенцами, до нага раздѣлися. Лакедемонцы познавши женъ, и зрѣніемъ къ любовнымъ дѣйствіямъ возбудившись, какъ были вооружены, устремились къ совокупленію безъ разбору: ибо не было и времени разсматривать. Такимъ образомъ юноши, отъ нихъ же прежде посланные, съ дѣвицами, отъ которыхъ родились Партеніи, въ память сего дѣйствія храмъ Венерѣ вооруженной и ваяніе поставили. Которое хотя отъ гнуснаго дѣла началось, однако честнѣе кажется вооруженную Венеру обоготворить, нежели плѣшивую. Въ тожъ время Юпитеру

хлѣбнику олтарь посвятили, понеже онъ во снѣ повелѣлъ Римлянамъ, чтобъ они изъ всякаго жита, которое имѣли, хлѣбы дѣлали, и въ непріятельскій лагерь кидали, и сіе здѣлавши свободились отъ осады, понеже отчаялися Галлы, изнуривъ недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ, ихъ покорить. Какое сіе смѣха достойное богопочитаніе? Ежели бы я ихъ защитникомъ былъ, то очемъ бы такъ тяжко жаловаться могъ, какъ что боговъ имя въ такое пришло презрѣніе, что по причинѣ презрѣнныхъименъ посмѣяніе собою составляютъ. Кто не посмѣется богини Печи? или паче, что ученые люди Печи празднуютъ? Кто слыша богиню нѣмую удержаться отъ смѣха можетъ? Сія есть та самая, какъ сказываютъ, отъ которой родились Лари, и ея Ларіею или Ларундою называютъ. Что почитателю своему учинить въ состояніи та, которая говорить не можетъ? Почитаютъ и Каку, которая Ираклію обьявила о похищенныхъ волахъ, и получила божество, понеже доказала на брата. И Кунину (повивальницу) которая младенцевъ въ пеленахъ хранитъ, и уроки прогоняетъ. И Стеркула, навозника, понеже первый научилъ навозить землю. И Мутина, на котораго дѣтородной удѣ бракосочетающіеся садятся, дабы показать, что ихъ дѣвства прежде Богъ отвѣдалъ. И тысящу иныхъ страшилищъ, такъ что уже суетнѣйшими сіе почитающихъ назвать можемъ, нежели были Египтяне, которые чудовищныя и смѣшныя нѣкоторыя Ваянія почитаютъ, которые однако имѣютъ нѣкоторый видъ. Но благора-

разумно ли тѣ дѣлаютъ, которые камень почитаютъ безобразный и неотесанный, которому имя было терминъ? Онъ тотъ есть самой, которой вмѣсто Юпитера Сатурнъ, какъ сказываютъ, сожралъ. Да и достойно ему честь воздаютъ. Ибо когда Тарквиній Капитолію дѣлать хотѣлъ, и на томъ мѣстѣ многихъ боговъ были храмы, то вопросилъ онъ ихъ чрезъ прорицателя, хотятъ ли они уступить мѣсто Юпитеру, и когда прочіи уступили, одинъ терминъ не уступилъ. Для сего стихотворецъ называетъ его не движимымъ Капитоліи каменемъ. Ужè изъ сего самаго видишь, сколь великъ Юпитеръ, когда ему камень мѣста не уступилъ: въ той можетъ быть надеждѣ, что его отъ отеческихъ устъ свободилъ. Того ради здѣлавши Капитолію, надъ самымъ терминомъ кровли не здѣлали, дабы когда онъ не уступилъ мѣста, вольнымъ воздухомъ пользовался, котораго тѣ самые не употребляли, которые думали, будто бы камень онаго употребляетъ. И такъ сему публично молятся, какъ бы Богу хранящему предѣлы, которыя составляетъ не только камень, но иногда и пѣнь. Что скажу о почитающихъ таковыя вещи, развѣ то только, что они сами камни и пни.

ГЛАВА 21.

О жертвахъ и тайнахъ ихъ.

Сказалъ я о самыхъ богахъ, которыхъ почитаютъ, теперь о жертвоприношеніяхъ или священнослуженіяхъ ихъ и тайнахъ нѣсколько поговорить должно. Въ Кипрѣ въ Саламинѣ жертву состоящую изъ человѣка Юпитеру Тевкръ принесъ, и оную жертву потомкамъ предалъ, что самое недавно въ царство Адріаново отмѣнено. Былъ законъ у Тавровъ безчеловѣчнаго и дикаго народа, Діанѣ чужестранцовъ въ жертву приносить, и сія жертва чрезъ многіи времена отправлялась. Галлы Еза и Тевтату человѣческою кровію умилостивляли. Да и самые Латины въ такомъже безчеловѣчіи находились, понеже Латинскаго Юпитера и нынѣ человѣческою кровію почитаютъ. Какого добра отъ боговъ просятъ, которымъ такія жертвы приносятъ? Или что таковые боги учинить могутъ людемъ, коихъ закланіемъ они умилостивляемы бываютъ? Но вразсужденіи варваровъ не столь удивительно, коихъ богопочитаніе съ нравами одинаково. Наши же, которые людскости и человѣколюбія славу себѣ всегда присвояли, сими проклятыми жертвами не безчеловѣчнѣйшими ли здѣлались? Ибо сихъ наипаче непотребнѣйшими почитать должно, кои будучи просвѣщены свободными науками, отъ людскости удаляются, нежели которые грубыми будучи и невѣжами, въ злыя дѣла по незнанію о добрѣ, впадаютъ. Однако видимъ будучи, что сіе обыкновеніе, то

то есть приносить въ жертву людей самое древнее: понеже такими жертвами Сатурна въ Латiи почитали: не человѣка при олтарѣ убивая, но въ Тибръ съ мосту Милвiева ввергая. Варронъ пишетъ, что сiе дѣлали по нѣкоторому оракулу, котораго послѣднiй стихъ такого былъ содержанiя: „ И главы Сатур„ну, и отцу посылайте свѣтила „. Которое понеже было неразумительно, то и свѣчу ему и человѣка обыкновенно бросали. Но сiю жертву Ираклiй изъ Гишпанiи возвращаяся уничтожилъ: однако оставилъ, обыкновенiе, дабы вмѣсто настоящихъ людей ваянiя бросать здѣланныя изъ тростника, какъ Овидiй въ святцахъ объявляетъ „. Пока къ сему „ мѣсту не пришолъ Ираклiй, повсягодно пла„ чевныя Левкадскому богу приносимы были „ жертвы: онъ тростниковыя бросилъ въ воду „ ваянiя: ты по примѣру Ираклiя мещи прит„ ворныя тѣла. Сiе священнослуженiе отпра„ вляли Вестины дѣвицы, какъ Овидiй гово„ ритъ: „ И тогда дѣвица древнiя образы людей тростяныя, съ дубоваго моста бросаетъ. Что сказать о младенцахъ, которые о ному Сатурну въ жертву приносимы были по ненависти къ Юпитеру? Не нахожу такихъ варваровъ, которые бы столь были безчеловѣчны, чтобъ отцеубiйство свое, то есть мерзское и проклятое вразсужденiи человѣческаго рода дѣло, жертвою называли: когда младыя и невинныя души, который возрастъ для родителей есть наилюбезнѣйшимъ безъ всякаго пощадѣнiя убивали, и лютость всѣхъ

звѣрей, которые исчадіе свое любятъ, свирѣпствомъ превосходили. О неисцѣлное безуміе! что бы имъ боги тѣ больше могли здѣлать, хотябъ они были крайнѣ раздражены, нежели какъ дѣлаютъ, будучи къ нимъ милостивы? Когда своихъ почитателей дѣтоубійствомъ сквернятъ, безчадствомъ оскорбляютъ, человѣческихъ чувствъ лишаютъ? Какую могутъ сіи люди имѣть святость? Или что внѣ храмовъ будутъ дѣлать, которые при олтаряхъ боговъ ужаснѣйшія беззаконія дѣлаютъ? Песценній Фестъ въ книгѣ Исторій съ насмѣшкою воспоминаетъ, что Карѳагенцы Сатурну человѣческія жертвы обыкновенно приносили, и когда побѣждены были отъ Агаѳокла Царя Сицилійскаго, думали, будто бы Богъ на нихъ прогнѣвался, того ради дабы скорѣйше грѣхъ очистить, двѣстѣ благородныхъ Юношей въ жертву принесли. Къ толикому злу довело ихъ богопочитаніе, которое виною было многихъ беззаконныхъ и нечестивыхъ дѣлъ. И такъ кому наибезумнѣйшіи пользу дѣлали, когда столько гражданъ убили; сколько можетъ быть и Агаѳоклъ ставши побѣдителемъ не умертвилъ бы. Изъ числа сихъ неменшаго безумія почитать должно и оныя общественныя священнослуженія, изъ коихъ иныя отправляются въ честь матери боговъ: нѣкоторые люди сами свои дѣтородные уды въ жертву приносятъ, отрѣзавши бо уды ни мужами ниженами себе дѣлаютъ! иные храбрости, которую они Беллоною называютъ: которой сами священники не чужою, но своею

кро-

кровію жертвуютъ. Ибо здѣлавъ себѣ на плечахъ раны, и держа обнаженныя мечи въ обѣихъ рукахъ, бѣгаютъ, свирѣпѣютъ, и неистовятся. Преизрядно Квинтіліанъ говорилъ: „Къ сему ежели Богъ понуждаетъ; то конеч„но онъ раздраженъ„. Сіе ли есть священнослуженіе? Не лучше ли жить на подобіе скотовъ, нежели боговъ толь нечестивыхъ, толь скверныхъ, толь жаждущихъ крови почитать. Но откуду сіи заблужденія, и сіи великіе пороки произошли, объ ономъ, гдѣ будетъ прилично, скажу. Между тѣмъ посмотримъ на прочее неимущее беззаконія, дабы невозмнилъ кто, будто бы мы на посрамленіе представляемъ хуждшее. Ізидѣ въ Египтѣ священнослуженіе отправляется, которая малолѣтнаго сына или потеряла или нашла. Ибо первѣе священники ея обривши тѣло, въ перси свои бьютъ, рыдаютъ, такъ какъ она дѣлала, когда сына потеряла. Потомъ приводятъ отрока какъ бы найденнаго, и въ веселіе плачь оный премѣняется. Потому то Луканъ сказалъ: „И никогда совершенно не най„денный Озиридъ„. Ибо они всегда теряютъ всегда и находятъ И такъ представляется, въ священнослуженіи образъ вещи въ самомъ дѣлѣ бывшей, которой, ежели мы не потеряли ума, показываетъ, что она была женщиною смертною, и бездѣтною, ежели бы единороднаго своего не сыскала. Зналъ сіе оный стіхотворецъ, который пишетъ, что Помпей Юноша услышавъ о смерти отца, такъ говорилъ: „Ужѐ открою въ гробѣ богиню народамъ Изи-

„ду,

„ду, и покрытаго деревомъ разглашу въ наро„дѣ Озирида„. Сіе есть Озиридъ, котораго Сераномъ и Серапидомъ народъ называетъ, ибо обыкновенно мертвыхъ обоготворенныхъ имена премѣняютъ, думаю для того, дабы не почелъ кто, что они были люди. Ибо и Ромулъ по смерти Квириномъ названъ, и Леда Немезою, и Цирка Марикою, и Іна, когда въ море бросилась, Левкофоею, и матерь Матутою, и Мелицертъ сынъ ея Палемономъ и Портунномъ. Священнослуженіе же Церерѣ Елевзинской симъ же подобно. Ибо какъ тамъ Озирида отрока мать съ плачемъ искала, такъ здѣсь по похищеніи Прозерпины къ кровосмѣсному дядиному браку, которой поелику съ зажженными на верху Етны горы свѣщами искала, какъ сказываютъ, Церера въ Сициліи: для того священнослуженіе ея бросаніемъ зажженныхъ свѣчь отправляется. Въ Лампсакѣ Пріапу умилостивительную жертву составляетъ оселъ, которой жертвы причиною въ святцахъ сіе представляется: когда боги всѣ на праздникъ великой матери собрались, и кушанья насытившись, ночь въ забавахъ провождали, тогда лежавъ на земли Веста заснула: въ то время Пріапъ вознамѣрился въ просонкахъ нарушить ея цѣломудріе, но она отъ не благовременнаго рева ослинаго, на которомъ ѣздилъ Силенъ, пробудилась, и Пріапъ въ своемъ намѣреніи обманулся. По сей причинѣ Лампсакійцы Осла Пріапу какъ бы въ отмщеніе на жертву приносятъ. А у Римлянъ то же въ Вестиныхъ священнослуженіяхъ въ честь сохраненной чисто-

стоты хлѣбами вѣнчаютъ. Что гнуснѣе? что беззаконнѣе? какъ сiе, что Веста помощiю Осла дѣвицею осталась? а Стихотворецъ вымыслилъ басню. И такъ не справедливѣе ли то, что объявляютъ списатели явленiй? говоря о двухъ раковыхъ звѣздахъ, отъ Грековъ Онусомъ называемыхъ, будто бы они ослами были, которые Либера отца перевозили, когда рѣки перейти не могъ: изъ которыхъ одному сiе въ награжденiе далъ, дабы человѣческимъ гласомъ онъ говорилъ. И такъ между имъ и Прiапомъ начался споръ о величинѣ дѣтороднаго уда: Прiапъ побѣжденъ и раздраженъ будучи, убилъ побѣдителя. Но сiе несравненно безумнѣе: привсемъ томъ Стихотворцамъ все позволяется по ихъ желанiю. Не испытываю таковой гнусной тайны, и Прiапа не обнажаю, дабы не явилося чего смѣха достойнаго. Вымыслили то подлинно Стихотворцы, но вымыслили для прикрытiя большей нѣкоторой мерзости. Какая же оная, поищемъ. Но она подлинно явна. Ибо какъ лунѣ быка въ жертву приносятъ, понеже подобно лунѣ имѣетъ рога: и „ Персiя умоляетъ конемъ солнце окру„ женное лучами, дабы скорому Богу не прино„ сить косной жертвы. „ такъ и здѣсь, понеже величина уда дѣтороднаго чрезвычайна, то не могла тому чудовищу приличнѣйшая жертва сыскаться, какъ которая самому тому, кому приносится, можетъ подобна быть. Въ Линдѣ городѣ Родiйскомъ, Ираклiевы отправляются священнослуженiя, которые весьма различны отъ прочихъ. Понеже не

Евфи-

Евфиміею какЪ Греки говорятЪ) благими словами, но злословіемЪ и проклинаніемЪ отправляются, и то за оскверненіе почитаютЪ, ежели когда между праздничными церемоніями по неосторожности кто выговоритЪ доброе слово. Сего дѣйствія вину объявляютЪ, ежели можетЪ какая вЪ дѣлахЪ наисуетнѣйшихЪ быть вина. Ираклій когда туда прибылЪ, и былЪ голоденЪ, земледѣльца нѣкотораго увидѣлЪ работающаго, и онаго началЪ просить, дабы ему одного вола продалЪ. ЗемледѣлецЪ отвѣчалЪ, что статься тому не можно: понеже вся надежда моего хлѣбопашества состоитЪ вЪ двухЪ сихЪ скотахЪ. Ираклій употребивши обыкновенное насильство, понеже одного взять не могЪ, обоихЪ отнялЪ. А земледѣлецЪ нещастный когда увидѣлЪ, что его воловЪ убиваютЪ, обиду свою злословіемЪ отмстилЪ: и сіе Ираклію, какЪ человѣку честному и учтивому весьма пріятно было. Ибо когда другамЪ своимЪ кушанье готовилЪ, и когда чужихЪ воловЪ жралЪ, отЪ земледѣльца наижесточайшія укоризны сЪ смѣхомЪ и хохотаніемЪ слушалЪ. Но когда Ираклія божественными честьми, удивляяся его храбрости, почтили, граждане ему олтарь поставили, который отЪ дѣла вузигонЪ, то есть воловымЪ ярмомЪ онЪ назвалЪ. На томЪ олтарѣ двухЪ запряженныхЪ воловЪ убивалЪ, наподобіе оныхЪ отнятыхЪ у пахаря, и тогожЪ самаго земледѣльца священникомЪ себѣ поставилЪ, и повелѣлЪ; дабы такоежЪ злословіе вЪ приношеніи жертвЪ употреблялЪ, понеже призналЪ,

что

что никогда съ большимъ удоволствіемъ онъ не пировалъ. Сіе ужѐ не священнослуженіе есть, но святотатство, на которомъ то дѣлано, за что, ежели бы оное въ иныхъ священнослуженіяхъ здѣлано было, наижесточайше казнили бы. Самаго же Критскаго Юпитера священнослуженія, что иное, какъ то, какимъ убразомъ онъ украденъ у отца, или воспитанъ, показываютъ? Коза бо Амалтійской дѣвицы, которая сосцами своими кормила младенца, о которой Ерманикъ Цесарь въ Аратскихъ стіхахъ такъ говоритъ: „ея почитаютъ кормилицею Юпитеровою, ежели „подлинно Юпитеръ младенецъ наивѣрнѣйшей „сосцы Критской козы ссалъ, которая звѣз„дою ясною благодарнаго свидѣтельствуетъ „питомца.„ Музей объявляетъ, что Юпитеръ противъ Тatановъ воюя сея козы кожу употреблялъ вмѣсто щита. По сему отъ Стіхотворцовъ Агіохосъ именуется. Такимъ образомъ что ни было дѣлано въ укрываніи отрока, то самое чрезъ подобіе дѣлается въ священнослуженіи. Но и матери его тайна тоже содержитъ, что Овидій объявляетъ въ святцахъ. „Высокая ужѐ давно гла„ситъ звукомъ Іда, дабы безопасно младен„ческими устами кричалъ отрокъ. Иныя по „щитамъ, другіе по пустымъ шлемамъ уда„ряютъ. Сіе дѣло Куреты, сіе Корібанты „дѣлаютъ. Дѣло тайно было, и древняго дѣй„ствія продолжается подобіе. Иныя трубятъ „сиповато въ трубы богинины, въ цимбалы „вмѣсто шлемовъ, вмѣсто щитовъ въ тим-

„па-

„ паны бьютъ, свирѣль издаетъ Фригійскіе, „ какъ издавала прежде, гласы и тоны. „ Сіе все мнѣніе какъ бы отъ Стіхотворцовъ вымышленное Салюстій отвергаетъ, и хочетъ разумно истолковать, для чего Куреты называются кормителями Юпитеровыми, и такъ говорятъ: понеже они первые „ божественная уразумѣли, и древность, какъ все прочее въ „ лучшее приводя, кормителями Юпитеровыми „ ихъ иазва і „. Сколь заблудилъ человѣкъ ученый, самое дѣло показуетъ. Ибо ежели Юпитеръ есть начальникъ и боговъ и вѣръ, ежели прежде его вообще накакихъ боговъ непочитали, понеже еще боги не были рождены, дабы ихъ почитать, видимъ, что Куреты первые божественныхъ не разумѣли, которые все заблужденіе ввели, и истиннаго Бога забыли, и того ради изъ самыхъ таинъ и обрядовъ должни были разумѣть, что молятся людемъ мертвымъ. Я не требую, дабы тотъ стіхотворческимъ вымысламъ вѣрилъ, который думаетъ, будто бы они лгутъ, пускай самыхъ первосвященниковъ писанія разсмотритъ, и разберетъ всѣ тѣ писанія, которыя къ священнодѣйствію принадлежатъ, то вѣроятно, что найдетъ болѣе, нежели сколько я предлагаю, и выразумѣетъ изъ того, что все то пустое, непристойное, и вымышленное, что у нихъ за священное почитается. А ежели кто мудрости научившись оставитъ заблужденіе, тотъ подлинно будетъ смѣяться глупости людей безумныхъ: то есть оныхъ, которые или безчестными плясками отправляютъ

ютъ богослуженіе, или будучи нагими, намазанными масломъ, въ маскахъ или замаравшись грязью, бѣгаютъ. Что о щитахъ ужè отъ древности согнившихъ скажу? которыя когда носятъ, думаютъ, будто бы боговъ своихъ на раменахъ своихъ носятъ. Ибо Фурій Бибакулъ за особливой примѣръ набожности почитается: который будучи преторомъ, за предъидущими ликторами щитъ Анцилъ носилъ, хотя и былъ по причинѣ сана своего отъ ношенія онаго уволенъ. И такъ не Фурій онъ былъ, но подлинно Фуріозусъ (бѣшеный) понеже думалъ, будто бы симъ служеніемъ преторству дѣлаетъ честь. И такъ справедливо, когда оное дѣлалось отъ мужей ученыхъ и не невѣжь, Лукреций Восклицаетъ: „ О безумные человѣческіе умы! о пораженныя слѣпотою сердца! въ коликой тмѣ и коликихъ нещастіяхъ живутъ весь свой вѣкъ „. Какъ не посмѣется таковому безумію всякъ разумный? видя, что люди какъ бы ума лишившись, то дѣлаютъ вправду, что ежели бы кто дѣлалъ въ шутки, тотъ крайне дерзскимъ и безумнымъ всякому показался.

ГЛАВА 22.

Кто вышепомянутыя вздоры въ Италіи у Римлянъ изобрѣлъ, и кто у иныхъ народовъ.

Сіи пустоши у Римлянъ изобрѣлъ и уставилъ Сабинъ Царь оный, который наипаче людей простыхъ и невѣжъ въ новыя суевѣрія ввелъ: а сіе дабы ему здѣлать съ нѣкоторымъ уваженіемъ, притворялся, будтобы съ богинею Егеріею нощныя имѣетъ свиданія. Была нѣкоторая пещера весьма темная въ лѣсѣ Ариценскомъ, откуда ручей протекалъ, туда безъ товарищей обыкновенно хаживалъ дабы могъ лгать, будтобы по совѣту богини своей супруги оныя священнослуженія народу предаетъ, которыя наипріятнѣйшія для боговъ. Симъ образомъ хитрости Миноевой хотѣлъ подражать, который въ пещерѣ Юпитеровой скрывался, и тамъ долго пребывая, законы будто бы себѣ отъ Юпитера данныя приносилъ: дабы людей къ послушанію не только властію, но и благоговѣніемъ обязать. И не трудно было увѣщать пастуховъ. И такъ понтифексовъ, жрецовъ Марсовыхъ, священниковъ, прорицателей учредилъ. Боговъ по фамиліямъ раздѣлилъ. Такимъ образомъ новаго народа жестокія сердца укротилъ, и къ препровожденію мирнаго житія отъ дѣлъ воинскихъ привелъ. Но когда обманывалъ иныхъ, однако себя самаго не обманулъ. Ибо по многихъ лѣтахъ при консулахъ Корниліи и Бибіи на полѣ писаря Петилія въ Яникулѣ два ковчега

чега каменныя найдены землекопателями: изъ которыхъ въ одномъ тѣло Нумово было, а въ другомъ семь книгъ латинскихъ о законѣ понтифексовъ, и столькожъ греческихъ о премудрости написанныхъ: въ которыхъ всѣ вѣры, не токмо тѣ, которыя онъ самъ уставилъ, но и кромѣ тѣхъ всѣ другія опровержены. О чемъ когда донесено сенату, то опредѣлено оныя книги сжечь. Такъ ихъ К: Петилій начальникъ градскій въ собраніи народа сжегъ. Я не понимаю, какая изъ того польза, что книги сожжены, когда то самое, для чего оныя сожжены, въ исторіи описывается, то есть, что оныя книги уничтожали вѣры. И такъ всѣ тогда въ сенатѣ были наибезумнѣйшіе. Ибо можно было и книги истребить, и дѣла не объявлять. Такимъ образомъ желая себя одобрить потомкамъ, съ каковымъ жаромъ защищали они богослуженія, важность вѣръ самыхъ своимъ свидѣтельствомъ умалили. Но какъ Помпилій у Римлянъ уставилъ не пристойныя вѣры, такъ прежде Помпилія Фавнъ въ Латіи, который и Сатурну дѣду своему нечестивыя завелъ священнослуженія, и Пика отца своего между богами почтилъ, и сестру свою Фатую Фавну, которая ему была и супругою, къ богамъ причелъ: которая, какъ Габій Бассъ повѣствуетъ, потому Фатуа названа, понеже, Фата, судьбы обыкновенно предсказывала женамъ, такъ какъ Фавнъ мужамъ. Варронъ пишетъ, что такой она была чистоты, что никто ея отъ мужей кромѣ ея мужа во всю жизнь не видѣлъ, и о имени ея

 не

не слышалъ. Для сего ей жены жертвы приносятъ, и доброю богинею называютъ. И Секстъ Клодій, въ той книгѣ, которую погречески написалъ, воспоминаетъ, что она Фавнова жена была, но понеже противъ обыкновенія, и пристойности царской потаенно плошку вина выпила, и была пьяна, то лозами миртовыми до смерти отъ мужа засѣчена была: а послѣ какъ сталъ онъ о дѣлѣ своемъ сожалѣть, и желанія своего къ ней прекратить не могъ, божественную ей честь приписалъ: и того ради во время священнослуженій ей отправляемыхъ поставляютъ оберченное ведро віна. И такъ оставилъ потомкамъ и Фавнъ не мало заблужденія, однако оное всякъ благоразумный видитъ. Ибо Лукилій безуміе тѣхъ, которые идоловъ богами поставляютъ, пересмѣхаетъ сими словами: „Земнородныхъ волшебницъ, которыхъ Фавнъ и Помпилій Нума уставилъ, боятся, на нихъ уповаютъ. „Какъ отроки неразумные думаютъ, что всѣ „идолы мѣдные живутъ, и суть люди, такъ „оные все вымышленное за истинное вмѣняютъ: думаютъ, что идолы мѣдные имѣютъ сердца„. Хотя стихотворецъ безумныхъ людей съ младенцами сравнилъ, но я говорю что они несравненно безумнѣе. Ибо младенцы идоловъ за людей почитаютъ, а сіи за боговъ: младенцевъ возрастъ заставляетъ думать о томъ, чего нѣтъ, а сихъ безуміе: младенцы скоро перестаютъ обманываться, а сихъ безуміе долговременно пребываетъ, и всегда приумножается. Священнослуженіе Либеру

беру отцу первый Орфей ввелЪ вЪ Грецію, и первый отправлялЪ на горѢ вЪ Віотіи вЪ ѲивахЪ, гдѢ ЛиберЪ родился, вЪ близости находящейся, который когда часто на гусляхЪ игралЪ, КиѳерономЪ прозванЪ. Сіи священнослуженія и нынѢ Орфическими называются, на которыхЪ Орфей послѢ разорванЪ и растерзанЪ былЪ: и жилЪ вЪ тѢже почти времена, вЪ которыя ФавнЪ, но кто изЪ нихЪ старше, того сказать навѢрно не можно. Понеже вЪ тѢжЪ лѢта ЛатинЪ и ПріамЪ царствовали, также отцы ихЪ ПикЪ и ЛаомедонтЪ: котораго вЪ царствованіе Орфей сЪ Аргонавтами кЪ Троянскому берегу приплылЪ. И такЪ пойдемЪ далѢе, и поищемЪ, кто почитать боговЪ первый началЪ. ДидимЪ вЪ книгахЪ изЪясненія на Пиндара говоритЪ, что Мелиссей Критскій царь первый богамЪ жертвы приносилЪ, и обряды новыя, и торжественныя священнослуженія ввелЪ. У него были двѢ дочери, Амалѳеа и Мелисса: которыя Юпитера вЪ отрочествѢ козіимЪ молокомЪ и медомЪ кормили. Оттуду стихотворческая оная баснь начало получила, будто бы прилетали пчелы, и уста отроку медомЪ наполняли. Мелиссу же отецЪ первою священницею великой матери поставилЪ: почему и нынѢ тойже матери начальные священники Мелиссами называются. А исторія священная свидѢтельствуетЪ, что самЪ ЮпитерЪ воцарившись, вЪ такую гордость пришолЪ, что самЪ себѢ капища на многихЪ мѢстахЪ поставилЪ. Ибо когда земли обходилЪ, то вЪ какую бы страну

ну

ну ни пришелъ, царей и начальниковъ народныхъ угощеніемъ и дружествомъ себѣ соединялъ: и когда отъ всякаго отходилъ, повелѣвалъ себѣ капища созидать подъ именемъ угостителя своего: дабы такъ могла дружбы и союза память сохранена быть. Такимъ образомъ поставлены храмы Юпитеру Атабирію, Юпитеру Лабрандову: ибо Атабирій и Лабрандей угощали его, и на войнѣ помогали. Также Юпитеру Лапрію, Юпитеру Моліону, Юпитеру Касію, и подобнымъ. Что онъ прехитро выдумалъ, дабы и себѣ честь божественную, и угостителямъ своимъ вѣчное имя пріобрѣсть съ вѣрою совокупленное. И такъ радовалися они, и сему его повелѣнію охотно повиновалися, и ради своего имене церемоніи годовыя и праздники отправляли. Подобное нѣчто въ Сициліи здѣлалъ Еней, когда покоривъ городъ, Ацеста угостителя имя ему далъ, дабы послѣ того Ацестъ любилъ оный, и со удовольствіемъ распространялъ, и украшалъ. Такимъ образомъ вѣру почитанія своего по земли Юпитеръ разсѣялъ, и примѣръ прочимъ къ подражанію далъ. И такъ или отъ Мелиссея, какъ Дидимъ повѣствуетъ, почитать боговъ обыкновеніе произошло, или отъ самого Юпитера, какъ Евгемеръ пишетъ, однако извѣстно о времени, когда боговъ начали почитать. Правда что Мелиссей много упредилъ лѣтами, ибо онъ воспиталъ Юпитера внука. И того ради статься можетъ, что или прежде или въ отрочествѣ еще Юпитеровомъ боговъ почитать уставилъ, то есть,

питомца своего мать, и бабку Теллюру, которая была Уранова жена, и отца Сатурна: и самъ симъ примѣромъ и установленіемъ Юпитера въ такую гордость привелъ, что онъ наконецъ себѣ божественную честь дерзнулъ присвоять.

ГЛАВА 23.

Въ которое время началися суевѣрія и при которыхъ изобрѣтателяхъ.

Теперь, понеже тщетныхъ суевѣрій показали мы начало; осталось разсмотрѣть о временахъ, въ которыя были тѣ, которыхъ память почитается. Ѳеофилъ въ книгѣ о временахъ къ Автолику писанной говоритъ, что въ исторіи своей Ѳалъ пишетъ, что Вилъ, котораго Вавилоняне и Ассіріане почитаютъ, жилъ прежде Троянской войны за 322 года. Сатурну же Вилъ былъ современный, и оба въ одно время возрасли. И сіе столь истинно, что самымъ разсужденіемъ дойти до того можно. Ибо и Агамемнонъ, который предводителемъ былъ противъ Троянъ, отъ правнука Юпитерова рожденъ, и Ахиллъ и Аяксъ были правнуки, и Улиссъ въ томъ же степени былъ его родственникомъ, и самъ Пріамъ, хотя въ дальнемъ колѣнѣ. Но писатели нѣкоторые повѣствуютъ, что Дарданъ и Іасій были дѣти Кориѳовы, а не Юпитеровы. Ибо ежелибъ они были дѣти Юпитеровы, то бы

Юпитеръ Ганимеда не могъ употреблять для своихъ срамныхъ удовольствій. И такъ ежели по отцамъ ихъ вышеименованнымъ, правильно лѣта раздѣлить, то число сходствовать будетъ. А отъ раззоренія города Трои считается тысяча четыре ста седмдесятъ лѣтъ. Изъ сего о времени разсужденія видно, что не больше какъ за тысячу восемъ сотъ лѣтъ родился Сатурнъ, который отцемъ всѣхъ боговъ былъ. И такъ пускай не хвастаютъ они древностію священнослуженій, которыхъ и начало, и причина, и времена извѣстны. Остается еще нѣчто къ обличенію ложныхъ вѣръ гораздо сильное. Но я уже вознамѣрился окончать книгу, чтобъ не превзошла мѣры. Ибо о томъ должно пространнѣе изъяснить, что по видимому противится истинѣ, дабы отразивъ оное, могли мы научить истинному богопочитанію людей, которые по невѣдѣнію добра, не знаютъ чему послѣдуютъ. Ибо перьвый мудрости степень состоитъ въ томъ, чтобъ познать ложность, второй, познать истину. И такъ кто изъ перьваго моего поставленія, которымъ ложь я открылъ, получилъ успѣхъ, тотъ возбудится къ познанію истины, котораго нѣтъ ничего человѣку пріятнѣе; и будетъ уже ученія небесной мудрости достоинъ, кто къ познанію прочаго охотно приступитъ.

Конецъ перьвой книги.

Л. Ц. ЛАКТАНЦІЯ ФИРМІАНА.

БОЖЕСТВЕННЫХЪ НАСТАВЛЕНІЙ ПРОТИВЪ ЯЗЫЧНИКОВЪ КНИГА ВТОРАЯ, О НАЧАЛѢ ЗАБЛУЖДЕНІЯ КЪ КОНСТАНТІНУ ИМПЕРАТОРУ.

ГЛАВА 1.

Что забвеніе разума и незнаніе самихъ себя дѣлаетъ людей неблагодарными къ истинному Богу, котораго почитаютъ въ нещастіи, и въ щастіи презираютъ.

Хотя въ первой книгѣ показалъ я, что вѣры боговъ ложны, понеже тѣ, которыхъ разно и неодинаково по всей земли почитать по безумному предувѣренію люди приняли, были смертные, и окончавши житіе умерли: однако, дабы не осталось какого сумнительства, сія вторая книга откроетъ самый источникъ заблужденій, которыми люди прельстившись, и сперва боговъ признали, и потомъ застарѣлымъ мнѣніемъ въ принятыхъ безразсудно вѣрахъ закоснѣли. Ибо ревностно желаю отразивъ пустоту, и открывъ людское нече-

стивое безуміе, единаго Бога величество утвердить, предпринимая полезнѣйшее и большее дѣло, то есть отвести людей отъ лукавыхъ путей, и примирить съ самими собою: дабы себя (какъ нѣкоторые Философы дѣлаютъ) столько не презирали, и себя немощными, и излишними, и ничтожными и совсѣмъ напрасно родившимися не почитали: которое мнѣніе многихъ къ порокамъ побуждаетъ. Ибо когда думаютъ, будто никакой Богъ нималаго ю насъ попеченія не имѣетъ, или будто бы по смерти въ ничто мы обратимся, то во всякія предаются разпустности, и почитая, будто бы все имъ позволено, съ жадностію стремятся ко вкушенію удовольствій, чрезъ которыя попадаютъ несмысленные въ сѣти смертныя. Ибо не знаютъ человѣческаго состоянія, которое ежели бы въ памяти содержали, то познали бы во первыхъ Бога своего, добродѣтель и правду любили бы, земнымъ мечтаніямъ въ душахъ своихъ не давали бы мѣста, смертоносныхъ прихотей удовольствій не желали бы: притомъ самихъ себя почитали бы за велико, и разумѣли бы, что большее есть нѣчто въ человѣкѣ, нежели какъ наружность его показываетъ, котораго силу и состояніе не инако можно удержать, какъ только, ежели отвергнувъ развращеніе, единаго истиннаго отца своего почитать будутъ. Ибо я по должности о главнѣйшемъ дѣлѣ часто разсуждая, обыкновенно удивляюся, что величество бога единаго содержащаго и управляющаго вся въ толикое пришло забвеніе,

ніе, что когда его единаго должно было почитать, тогда о немъ единомъ болѣе всего нерадятъ: а люди самые такою слѣпотою поражены, что паче истиннаго и живаго Бога мертвыхъ почитаютъ, и земныхъ и въ земли погребенныхъ, паче создавшаго самую землю. Но однако сіе человѣческое заблужденіе могло бы быть извинено, ежели бы отъ незнанія совершеннаго о имени божіемъ оно происходило: но когда часто видимъ, что самые боговъ почитатели Бога наибольшаго и признаютъ и проповѣдуютъ, то какого себѣ прощенія надѣяться могутъ въ своемъ нечестіи, не зная почитать того, котораго совсѣмъ не знать человѣку не прилично. Ибо и когда кленутся, и когда желаютъ, и когда благодарятъ, не Юпитера или многихъ боговъ, но единаго Бога именуютъ: такъ то самая истина побужденіемъ природы и отъ нехотящихъ сердецъ происходитъ: хотя сего не дѣлаютъ въ благополучіи. Ибо когда благодѣяній Божіихъ наслаждаяся, долженствовали бы честь воздавать Божіей благости, тогда наипаче Бога забываютъ. А когда утѣснены бываютъ какою либо тяжчайшею нуждою, тогда Бога воспоминаютъ. Ежели страхъ войны поразитъ слухъ, ежели болѣзни смертоносныя усилятся, ежели жита отъ засухи долговременной не растутъ, ежели жестокая погода, ежели градъ найдетъ, тогда къ Богу прибѣгаютъ, отъ Бога просятъ помощи, Бога молятъ о пособіи: ежели кто на морѣ бурливыми вѣтрами носимъ бываетъ, тотъ Бога призываетъ: еже-

ли кто отъ чьеголибо насильства оскорбляется, тотчасъ Бога умоляетъ, ежели кто въ послѣднюю нищету пришедши милостыни проситъ, тотъ Богомъ свидѣтельствуетъ свою нищету, и его божественнымъ и единымъ именемъ у людей себѣ милосердія ищетъ. И такъ никогда Бога не воспоминаютъ, развѣ когда въ нещастіи находятся. А когда страхъ престанетъ, и опасности минуютъ, тогда скоро къ храмамъ боговъ собираются, имъ молятся, имъ жертвы приносятъ, на сихъ вѣнцы возлагаютъ. А Богу котораго въ самой нуждѣ умоляли, ни словомъ не благодарятъ: такъ то изъ благополучія роскошь, изъ роскоши же, какъ всѣ прочіе беззаконія, такъ и нечестіе противъ Бога раждается. Отъ какой же причины то бываетъ? не отъ другой какой, какъ только, что есть нѣкоторая развращенная сила, которая противъ истины всегда враждуетъ, которая о человѣческихъ заблужденіяхъ радуется: которой единое и всегдашнее есть дѣло разливать тьму, и человѣческіе ослѣплять умы, дабы они не видѣли свѣта, и дабы не смотрѣли на небо, и природы своего тѣла не знали. Ибо когда прочіе животные поникши тѣломъ на землю смотрятъ, понеже разума и премудрости лишены, а намъ стояніе прямое, высокое лице отъ Творца Бога дано; изъ сего видно, что вѣры боговъ неприличны человѣческому разуму, понеже преклоняютъ небесное животное къ почитанію земныхъ. Оный бо единый нашъ родитель созидая человѣка, то есть животное

раз-

разумное, онаго отъ земли возставивъ, къ размышленiю о своемъ художникѣ возвысилъ. Что изрядно разумный стихотворецъ изобразилъ. „И когда прочiе животные поникши смотрятъ „въ землю, лице человѣку высокое далъ, и на „небо взирать повелѣлъ, и поднятое лице „имѣть къ небу.„ отсюда дѣйствительно Антропонъ Греки назвали, понеже вверхъ смотритъ. И такъ сами себя отрицаются, и человѣческаго имени лишаютъ, которые не вверхъ смотрятъ, но внизъ, развѣ думаютъ, что то самое, что мы прямо ходимъ, безъ причины человѣку дано. Подлинно не напрасно Богъ повелѣлъ намъ смотрѣть на небо: ибо и птицы, и изъ безсловесныхъ почти всѣ небо видятъ: но намъ свойственно даровано зрѣть на небо прямымъ и стоящимъ, дабы вѣры тамъ искали, дабы Бога, котораго оно престоломъ, и котораго очами невозможно, умомъ созерцали: чего подлинно тотъ не дѣлаетъ, кто мѣдь или камень, который есть земля, почитаетъ. Весьма худо, имѣя тѣло прямое, которое есть временное, самую душу, которая есть вѣчная, низкою дѣлать: когда образъ и состоянiе не что иное означаетъ, какъ только, что умъ человѣческiй долженъ туда взирать, куда и лице: и душа такъ прама быть должна, какъ тѣло, дабы подобилася тому, чемъ обладать должна. Но люди и имя свое и состоянiе забывши, очи свои отъ высоты потупляютъ долу, и въ землю вперяютъ, и боятся дѣла рукъ своихъ, будто бы оно можетъ быть больше своего художника.

ГЛАВА 2.

Какая была первая причина дѣлать изображенія, и что прямый образъ Божій есть человѣкъ: и что внѣ себя никто вѣрно Бога не почитаетъ.

И такъ какое безуміе или дѣлать то, чего послѣ бояться, или бояться того, что сами здѣлали. Не самыхъ изображеній, говорятъ, боимся, но тѣхъ, чье изображеніе оныя представляютъ, и коихъ именамъ посвящены. То есть для того боитеся, понеже думаете, что они пребываютъ на небѣ. Ибо ежели они боги, то инако и быть неможно. И такъ для чего очей на небо не возводите? и призвавъ имена боговъ, явно жертвоприношеній не отправляете? для чего наипаче на стѣны и древа и каменіе смотрите, нежели туда, гдѣ боговъ быть вѣруете? что олтари знаменуютъ? что наконецъ самыя изображенія, которыя или мертвыхъ или отсутствующихъ лице представляютъ? Ибо всенепремѣнно дѣлать подобія для того люди изобрѣли, дабы могли помнить или умершихъ или отсутствующихъ. И такъ боговъ въ которомъ числѣ положимъ? Ежели въ числѣ мертвыхъ, то кто столь безуменъ, которой бы сталъ ихъ почитать? Ежели въ числѣ отсутствующихъ, слѣдовательно не должно ихъ почитать, ежели и невидятъ, что дѣлаемъ, и не слышатъ, о чемъ молимся. А ежели боги отсутствовать не могутъ: которые поелику божественное

ное свойство имѣютъ, въ какой бы части свѣта ни были, видятъ и слышатъ все, то не надобны изображенія ихъ, когда они вездѣ суть, когда довольно, слышащихъ имена молитвами призывать. Но присутствуютъ только при своихъ образахъ. Такъ подлинно, какъ народъ думаетъ, будто бы мертвыхъ души при гробахъ и при остаткахъ тѣлъ своихъ скитаются. Но однако, когда уже онъ богомъ сталъ, то ваяніе его не потребно. Ибо вопрошаю, ежелибы кто на образъ человѣка далеко находящагося смотрѣлъ чаще, дабы отъ того имѣть утѣшеніе о отсутствующемъ, то могъ ли бы такой человѣкъ за разумнаго почесться, ежели бы и по возвращеніи и при присутствіи онаго человѣка, на образъ его смотрѣлъ, и образомъ паче, нежели самаго человѣка лицезрѣніемъ наслаждался? Никакъ: ибо человѣка образъ тогда потребенъ, когда далеко отсутствуетъ: напротивъ не потребенъ тогда, когда лице самое предъ нами. Божій же, котораго духъ и божество вездѣ пребывая, отсутствовать никогда не можетъ; всегда образъ не надобенъ. Но боятся, дабы вся ихъ вѣра не была суетною и тщетною, ежели явно ничего видѣть не будутъ, чему бы покланяться: и того ради изображенія поставляютъ, которыя, понеже мертвыхъ составляютъ образъ, для того подобны мертвымъ: ибо никакого чувства не имѣютъ. Бога же во вѣки живущаго живое и чувствительное должно быть изображеніе. Ибо ежели отъ подобія сіе имя произошло, то какъ могутъ

оныя изображенія богу подобными почитаться, которыя ничего не чувствуютъ и движенія не имѣютъ? И такъ изображеніе божіе не есть то, которое руками человѣческими изъ камня, или мѣди, и иной матеріи дѣлается, но самъ человѣкъ, понеже и чувствуетъ и движется, и многія и великія дѣйствія имѣетъ. И неразумѣютъ наибезумнѣйшіе люди, что ежели бы изображенія чувствовать и двигаться могли, то сами бы людемъ кланялися, отъ которыхъ оныя здѣланы: ибо былибъ оныя презрѣннымъ и неотесанымъ камнемъ, или веществомъ безобразнымъ, и необработаннымъ, ежели бы не были отъ человѣка искусно содѣланными. И такъ человѣка какъ бы отцемъ ихъ почитать должно, коего руками оныя какъ бы родились, чрезъ котораго, видъ, изображеніе, и красоту имѣть начали. И для того лучше тотъ, кто здѣлалъ; нежели самое дѣло: однако мастеру самому никто не удивляется и не почитаетъ: а здѣланнаго боится, будто бы большее нѣчто находилося въ содѣланномъ, нежели въ томъ, кто оное здѣлалъ. И такъ изрядно Сенека въ книгахъ нравоучительныхъ: „Изображенія, говоритъ, „боговъ почитаютъ, онымъ молятся преклонивши колѣна, онымъ кланяются: предъ „оными сидятъ весь день, или стоятъ, предъ „оными деньги полагаютъ, жертвы убиваютъ. И когда изображенія почитаютъ, тогда „однихъ мастеровъ, которые оныя здѣлали, „презираютъ. Что можетъ быть столь между „собою противнымъ, какъ мастера ваянії

„ ній презирать, а ваянію покланяться: и она го и въ сообщество не принимать, который тебѣ боговъ дѣлаетъ? И такъ какую силу, какую власть имѣть могутъ ваянія, когда мастеръ, которой ихъ здѣлалъ, ничего не имѣетъ. Да и того не могъ имъ дать, что самъ имѣлъ, то есть, видѣнія, слышанія, словесности, движенія. И такъ найдется ли кто столь безумный, которой бы думалъ, что въ изображеніи находится нѣчто божественное, въ которомъ и человѣческаго нѣтъ ничего кромѣ тѣни? Но о семъ никто не разсуждаетъ: ибо заражены предразсужденіемъ, и умы ихъ піянствомъ безумія помрачились. И такъ кланяются нечувственнымъ чувствомъ одаренные, безсловеснымъ словесные, бездушнымъ одушевленные, земнымъ отъ неба происходящіе. И такъ прилично мнѣ, какъ бы ставъ на высокомъ столпѣ, откуда бы всѣ могли выслушать, провозгласить оный Персіевъ стихъ: „ О поникшіе на землю души, и „ непомышляющія о небесныхъ. На небо лучше смотрите, для котораго зрѣнія васъ воздвигнулъ оный творецъ вашъ Богъ. Онъ вамъ высокое лице далъ, вы на землю приклоняетеся: вы высокіе умы, и къ отцу своему съ тѣлами своими возвышенные, долѣ устремляете: какъ будтобы жалѣете, что не четвероногими вы родились. Непристойно небесному животному съ земными и къ земли поникшими равну быть. Для чего вы благодѣяній небесныхъ лишившися, и къ земли преклонившись самопроизвольно на оной возлежите? Ибо на земли бѣдные валяетеся, когда долѣ того

ищете,

ищете, чего на высотѣ искать вы долженствовали. Ибо оныя смертныхъ рукъ смѣха достойныя и немощныя изображенія изъ всякаго вещества здѣланныя, что иное суть, какъ только земля, отъ которой оныя произошли. Для чегожь вы хуждшимъ вещамъ повинуетеся? Для чего верху главъ вашихъ землю полагаете? Ибо когда себе земли подвергаете, подлѣйшими ставите, то сами себе самохотно во адъ низрѣваете и на смерть осуждаете: понеже ничего нѣтъ хуждшаго земли, кромѣ смерти и ада: которыхъ, ежели бы желали избавиться, то подверженную ногамъ вашимъ землю презирали бы, сохраняя состояніе тѣла, которое для того вы прямое приняли, дабы очи и умъ къ создавшему могли возводить. Презрѣть же и попрать землю не иное что есть, какъ изображеніямъ не покланяться, понеже оныя отъ земли здѣланы: также богатства не желать, удовольствія тѣлесныя презирать, понеже богатство и самое тѣло, котораго вмѣсто гостинницы употребляемъ, земля есть. Живаго почитайте, да живи будете. Ибо долженъ умереть, кто себе и свою душу мертвымъ препоручилъ.

ГЛАВА 3.

Что Цицеронъ и другіе, которые мудрыми казались, хуже прочихъ погрѣшили.

Но что пользы такимъ образомъ намъ къ простымъ людемъ и невѣжамъ говорить, когда видимъ, что ученые и разумные мужи понимая ложность вѣръ, однако не знаю по какой развращенности въ охуждаемомъ собою закоснѣваютъ богопочитаніи. Зналъ Цицеронъ, что люди почитаютъ. Ибо говоря много о томъ, что могло рузрушить вѣры, однако прилагаетъ: „ При простомъ народѣ разсуж„ дать не надлѣжитъ о томъ, дабы приня„ тыхъ обще вѣръ разглагольствіе такое не „ истребило. „ Что съ таковымъ дѣлать, который чувствуя свое заблужденіе, самохотно ю камень претыкается, дабы весь народъ поткнулся: самъ себѣ очи избодаетъ, дабы всѣ были слѣпы: который ни другимъ не пользуетъ, понеже попущаетъ заблуждать: ни себѣ самому, понеже пріобщается чужимъ заблужденіямъ: и не употребляетъ дара своея премудрости, дабы дѣломъ исполнить то, что умомъ понялъ: но разумѣя и зная, ногу въ сило влагаетъ, дабы купно съ прочими, которыхъ свободить, какъ разумнѣйшій, долженствовалъ, и самъ уловленъ былъ? Что болѣе? Ежели какую силу имѣешь о Цицеронъ! покусися народъ здѣлать мудрымъ. Достойное есть дѣло, дабы въономъ всѣ силы твоего краснорѣчія ты показалъ. Ибо не надобно опасаться, дабы тебѣ въ толь справедли-

вомъ дѣлѣ не стало рѣчи, понеже ты часто и несправедливыя дѣла пространно и крѣпко защищалъ. Но можетъ статься Сократовой темницы боишся: и того ради защищать истинны не смѣешь. Но смерть, какъ мудрый, долженъ ты презирать. И было бы подлинно несравненно лучше тебѣ за добрыя слова, нежели за злословіе умереть: и не болѣе тебѣ похвалы Филиппическія слова принесть могли, какъ отраженное заблужденіе человѣческаго рода, и умы человѣческіе къ здравому разсужденію твоимъ разглагольствіемъ наставленные. Но уступимъ боязни, которая въ мудромъ быть не должна. Для чего же самъ въ томже пребываешь заблужденіи? Вижу я, что ты земное и рукотворенное почитаешь. Суетнымъ быть разумѣешь, и однако то дѣлаешь, что дѣлаютъ тѣ, которыхъ самъ наибезумнѣйшими признаешь. И такъ какая тебѣ изъ того польза, что видѣлъ истинну, которой ни защищать, ни послѣдовать не хотѣлъ? Но ежели самохотно заблуждаютъ тѣ, которые чувствуютъ свое зеблужденіе, кольми паче народъ неученый, который тщетное великолѣпіе любитъ, и отроческимъ умомъ смотритъ на все, утѣшается суетнымъ, и видомъ изображеній уловляется, и самъ собою всякаго дѣла разсудить не можетъ, дабы уразумѣть, что ничего почитать не должно смертными очами видимаго, понеже оное смертное. И недивно, ежели Бога не видятъ, понеже и человѣка не видятъ, хотя думаютъ, будтобы видятъ. Ибо то, что очами зрится,

ся, не человѣкъ, но человѣческое обиталище есть, котораго качество и видъ не изъ начертаній сосуда, въ которомъ содержится, но отъ дѣлъ и нравовъ познавается. И такъ которые почитаютъ изображенія, тѣ составляютъ собою тѣла душъ неимѣющія: понеже тѣламъ себѣ предали, и не больше видятъ умомъ, какъ тѣломъ: понеже ума должность есть, то въ тонкость видѣть, чего око тѣлесное видѣть не можетъ. Сихъ людей тойже самый Философъ и Стихотворецъ жестоко обвиняетъ, такъ какъ подлыхъ и презрѣнныхъ, которые противъ естества своего преклоняются къ почитанію земныхъ: ибо говоритъ: „ И „ смиряютъ души страхомъ боговъ, и поник- „ шія преклоняютъ къ земли. „ Хотя онъ сіе сказуя, иное разумѣлъ: то есть, что ничего не должно почитать: понеже боги о людехъ не пекутся. Потомъ на иномъ мѣстѣ признаетъ, что вѣры и почитанія боговъ суетнымъ суть дѣломъ. „ Никакого благочестія „ нѣтъ накрываться часто, обращаться къ „ камню, и ко всѣмъ олтарямъ приступать: „ или падать на землю простершись, и поды- „ мать руки предъ храмами боговъ, или ол- „ тари кровію многою четвероногихъ окроп- „ лять, и обѣты къ обѣтамъ прилагать. „ Которое ежели въ самомъ дѣлѣ суетно, то не надлежитъ высокимъ и возвышеннымъ душамъ, отвлекаемымъ быть, и прекланяться къ земли, но помышлять не о другомъ чемъ, какъ о небесномъ. И такъ опровергали премудрѣйшіе мужи ложныя вѣры, понеже знали,

 что

что онѣ ложны: но не ввели истинной, понеже, какова она, и гдѣ находится, не знали. Почему такъ думали, будто совсѣмъ нѣтъ ни какой вѣры, понеже истинной не могли найти: и такимъ образомъ впали въ заблужденіе несравненно большее нежели тѣ, которые ложную вѣру содержали. Ибо и оные тлѣнныхъ почитающіе хотя безумны, понеже небесное поставляютъ въ вещахъ тлѣнныхъ и земныхъ, однако нѣкоторую мудрость имѣютъ, и извинены быть могутъ: понеже главнѣйшую человѣческую должность, хотя не дѣломъ самымъ, однако намѣреніемъ содержатъ. Ибо люди и безсловесныя животныя, или однимъ симъ, или особенно богопочитаніемъ различествуютъ. Сіи же чемъ были мудрѣйшими, поелику понимали ложнаго богопочитанія заблужденіе: тѣмъ сталися безумнѣйшими, поелику думали, акибы нѣтъ истиннаго богопочитанія. И такъ понеже легче разсуждать о иныхъ, нежели о себѣ, то когда видѣли стремнину для паденія другимъ, однако не примѣтили того, что предъ ихъ ногами находится. И такъ съ обѣихъ сторонъ и наивеличайшее безуміе примѣчается, и нѣкоторая тѣнь мудрости, такъ, что сумнѣваться можно, которыхъ наипаче назвать безумнѣйшими, тѣхъ ли, которые ложную вѣру принимаютъ, или тѣхъ, которые никакой не принимаютъ. Но (какъ сказалъ я) извинить можно невѣждъ, и которые себѣ мудрыми не признаваютъ: а тѣхъ не можно, которые мудростію хваляся, безуміе показываютъ. Я

не столь не справедливъ, дабы сталъ думать, что они угадать долженствовали, какъ истинну самимъ собою найти, ибо признаю, что сему статься не можно: но сего отъ нихъ требую, что умомъ самымъ здѣлать могли. Ибо здѣлали бы разумнѣе, ежели бы и разумѣли, что есть нѣкоторая истинная вѣра, и опровергши ложныя вѣры, явно сказали, что люди истинной вѣры не содержатъ. Но смутило ихъ можетъ быть то, что ежели бы, какая истинная вѣра была, то оная была бы видима, и себе защитила бы, и не попустилабъ быть иному чему. Ибо видѣть никакимъ образомъ не могли, для чего, или отъ кого, и какимъ образомъ вѣра истинная скрывается: понеже сіе есть Божіею и небесною тайною: которой, ежели кто наученъ не будетъ, то никакимъ образомъ никто знать не можетъ. Все дѣло въ томъ состоитъ. Невѣжи и непросвѣщенные ложныя вѣры за истинныя почитаютъ, понеже ни истинной не знаютъ, ни ложной не разумѣютъ. Разумнѣйшіе же, понеже истинной вѣры не знаютъ, или въ тѣхъ вѣрахъ пребываютъ, которыхъ ложность понимаютъ, дабы казаться содержащими нѣчто: или совсѣмъ ничего не почитаютъ, дабы не впасть въ заблужденіе: когда то самое наивеличайшимъ есть заблужденіемъ, житію скотскому подъ видомъ человѣческимъ подражать. А ложное знать, хотя и есть знакомъ премудрости, но человѣческія: далѣе сего степени простираться человѣкъ не можетъ. И такъ многіе Философы, вѣры (какъ

я сказалъ) отвергали, но истинну знать, Божіей премудрости есть дарованіе, и человѣкъ самимъ собою до сего знанія достигнуть не можетъ, ежели не будетъ наученъ отъ Бога. Такимъ образомъ Философы наивысочайшую человѣческую мудрость постигли, поелику познали ложное, но того постигнуть не могли, что есть истинное. Извѣстно Цицероново слово: „ О когдабъ я такъ легко истинну найти могъ, какъ могу ложъ обличать.„ Сіе понеже силы человѣческія превосходитъ, то сія должность намъ дана, которымъ предалъ Богъ знаніе истинны: которую въ четырехъ послѣднихъ книгахъ изъясню. Теперь между тѣмъ ложность, какъ началъ, открою.

ГЛАВА 4.

Что никакого величества и почитанія не имѣютъ идолы.

И такъ какое величество могутъ имѣть ваянія, которыя были во власти человѣка, чтобъ или быть имъ инымъ чемъ, или совсѣмъ не быть? Того ради у Горація Пріапъ такъ говоритъ: „ Прежде пѣнь я былъ смоковный, не „ потребное древо, когда плотникъ не зная, „ скамью ли дѣлать или Пріапа, лучше захо„ тѣлъ здѣлать Бога: откуда я Богъ, воровъ „ и птицъ пугало большое. При толикомъ стражѣ кто не будетъ безопасенъ. Ибо

воры столь безумны, что боятся Пріапова дѣтороднаго уда: когда самыя птицы, которыхъ, думаютъ, будто бы ужасною косою, или дѣтороднымъ удомъ прогоняетъ, на ваяніяхъ совсѣмъ подобящихся людемъ садятся, гнѣзда вьютъ, и оскверняютъ. Но Флаккъ какъ Сатирическихъ стиховъ писатель, смѣялся безумію людей: но которые ваянія дѣлаютъ, тѣ думаютъ, будто бы вещь важную дѣлаютъ. Наконецъ Стихотворецъ великій, человѣкъ впрочемъ разумный, въ семъ только не по стихотворчески поступилъ, но по бабьему безумію, когда въ оныхъ изряднѣйшихъ книгахъ сему быть повелѣваетъ. „И „стражъ отъ воровъ и птицъ съ косою ивовою, да хранитъ въ Геллеспонтскій Пріапъ.„ такъ Кланяются тлѣннымъ и отъ смертныхъ здѣланнымъ, ибо сокрушены, и сожжены и въ ничто обращены быть могутъ. Ибо и когда домы отъ ветхости падаютъ, часто обыкновенно ломаются, пожаромъ обращаются въ пепелъ: не рѣдкожь, развѣ только вразсужденіи великости ихъ неможно ихъ поднять, или неусыпная стража не попуститъ, въ добычу ворамъ достаются. И такъ какое безуміе есть тѣхъ бояться, о которыхъ дабы или они неупали, или не сгорѣли, или не украдены были, люди безпокоятся? Какая суета надѣяться отъ нихъ какоголибо защищенія которые самихъ себя защищать не могутъ? Какое развращеніе къ помощи тѣхъ прибѣгать, которые сами за обиды свои не отмщеваютъ, ежели почитатели ихъ не отмстятъ? гдѣже истинна есть? Тамъ

гдѣ никакого насильства здѣлать неможно вѣрѣ: гдѣ нѣтъ ничего, которое бы можно осквернить: гдѣ святотатства быть не можетъ. А что зрѣнію и осязанію подвержено, оное совсѣмъ смертно: потому наипаче, понеже немощно есть. И такъ напрасно люди златомъ, слоновыми костьми, маргаритами боговъ украшаютъ, будто бы они отъ тѣхъ вещей нѣкоторое могутъ имѣть удовольствіе. Какая нужда въ драгихъ дарахъ ничего нечувствующимъ? Не та ли, какая въ нихъ мертвымъ? ибо равнымъ образомъ тѣла умершихъ благовонными мастьми обливши, и дорогими одеждами обвивши, въ землю хоронятъ, какъ боговъ почитаютъ: которые, и когда ихъ дѣлали, не чувствовали, и когда ихъ почитаютъ, не знаютъ. Ибо чувства отъ боготворенія не приняли. Не нравилось Персію, что золотые сосуды въ храмы вносимы были: онъ за излишнее почиталъ быть тому между вѣрами, что не святости, но сребролюбія есть орудіемъ. Ибо то лучше Богу, изъ истиннаго почитанія, вмѣсто дара приносить. „Изрядный судъ, и правду духа, и святое уединеніе ума, и украшенное сердце благородною честностію. Изрядно и премудро разсудилъ: но оное смѣшно придаетъ: „То въ храмахъ есть злато, что венерѣ подаренныя „отъ дѣвицы куклы„: которыя онъ за малость можетъ быть презрѣлъ. Ибо не видѣлъ, что ваянія самыя и образа боговъ Поликлетовою, и Евфраноровою, и Фидіевою рукою изъ злата и слоновой кости здѣланныя, не что иное суть,

какъ

какъ великія куклы, не отъ дѣвицъ, которыхъ въ игрушкахъ извинить можно, но отъ бородатыхъ людей посвященныя. И такъ достойно и старыхъ безумію Сенека смѣется. „Не „дважды, говоритъ, отроками мы бываемъ, „(какъ обще говорятъ) но всегда: въ томъ „состоитъ разность, что въ большихъ дѣлахъ „мы играемъ„. Ибо симъ забавнымъ, и украшеннымъ, и великимъ кукламъ, и масти, и ладанъ и благоуханія приносятъ: симъ обильныя и тучныя жертвы убиваютъ, которыя хотя имѣютъ уста, но не дѣйствуютъ зубами: симъ епанчи и одежды драгія, которыя одеждъ неупотребляютъ: симъ золото и серебро посвящаютъ, котораго какъ пріемлющіе, такъ и дарующіе не имѣютъ. Не худо Діонисій Сицилійскій тираннъ по побѣдѣ Греціею завладѣвши, боговъ такихъ презиралъ, грабилъ, и имъ насмѣхался: когда святотатство свое шуточными прикрывалъ словами. Ибо съ Юпитера Олимпійскаго золотыя ризы снявши, шерстяныя повелѣлъ на него положить, сказавъ: что золотое лѣтомъ тяжело, зимою холодно. Онъ же золотую бороду снимая у Ескулапія говорилъ: что не пристойно и неправедно тому быть, когда Аполлонъ отецъ его бороды не имѣетъ, и что несогласно съ разумомъ чтобъ у сына прежде отца выросла борода. Онъ же чаши и вѣнцы, и малыя нѣкоторыя печати, которыя ваянія въ распростертыхъ рукахъ держали, снималъ, и говорилъ: я беру а не похищаю: ибо безумнымъ и неблагодарнымъ былъ бы, ежели бы не хотѣлъ принять отъ

тѣхъ

тѣхъ добровольно подающихъ, отъ которыхъ добра себѣ люди просятъ. Сіе онъ дѣлалъ не опасаясь за то зла, понеже былъ Царемъ и побѣдителемъ. Но что болѣе? имѣлъ онъ великое счастіе: ибо прожилъ вѣкъ свой до глубокой старости, и царство вручилъ сыну. Ему, понеже люди за святотатство отмстить не могли, надлежало богамъ самимъ за себе отмстить. А ежели бы кто изъ подлыхъ такое преступленіе учинилъ, для такова готовы бичи, огни, древяныя острохребетныя кони, кресты, и все то, что можетъ вымыслить ярость и неистовство. Но когда казнятъ пойманныхъ на святотатствѣ, то сами могуществу боговъ своихъ не довѣряютъ. Ибо для чего богамъ наипаче къ отмщенію за себя не даютъ мѣста, ежели думаютъ, что боги ихъ чтолибо учинить въ состояніи. Но что еще? они думаютъ, будто бы боговъ силою то случилось, что похитители священныхъ вещей пойманы: и тирански съ ними поступаютъ не столько изъ негодованія за то, сколько изъ страха, боясь, дабы, ежели за обиду боговъ не отмстятъ, самимъ имъ не принять казни. Не вѣроятное подлинно безуміе, когда думаютъ, будто бы боги имъ отмстятъ за чужее беззаконіе, которые тѣмъ самимъ, отъ коихъ обижены и ограблены, нималаго наказанія учинить не могли. Но иногда и сами святотатцамъ отмщевали: что однако самое могло быть по случаю, да и то иногда, а не всегда. Но однако я нѣсколько ниже покажу, какимъ образомъ оное приключалось. Теперь во-

про-

прошаю, для чего они за толь многія и толь великія святотатства Діонисію не отмстили, который не тайно, но явно богамъ насмѣхался? Для чего сего толь наглаго святотатца отъ храмовъ, отъ церемоній, отъ ваяній своихъ не отогнали? Для чего также священныя вещи похитивши благополучно рѣзъѣжжалъ по морю? что шуткою своею обыкновенною засвидѣтельствовалъ, сказавъ своимъ спутникамъ боящимся кораблекрушенія: Видите ли, говоритъ, сколь благополучное плаваніе святотатцемъ самые боги безсмертные даруютъ? Но онъ можетъ быть отъ Платона научился боговъ нивочто вмѣнять. Что Кайй Верръ, котораго Туллій обличитель его, томужъ Діонисію, и Фалариду, и тираннамъ всѣмъ уподобляетъ? не всю ли Сицилію обокралъ, похитивъ боговъ ваянія и украшенія капищъ? Излишно будетъ представлять все: одно хощу воспомянуть, что обличитель всѣми краснорѣчія силами, мѣрами голоса и тѣлодвиженія оплакивалъ Цереру Катанскую или Енненскую, изъ коихъ къ единой такое хранилось благоговѣніе, что во внутреннее ея храма святилище не позволялось входить мужамъ: другой толикая была древность, какъ всѣ повѣсти свидѣтельствуютъ, что самая богиня на Енненской землѣ хлѣбопашество въ первые изобрѣла, откуда и дочь ея была похищена. На конецъ въ Граховы времена, въ которыя возмущена была республика и бунтами и худыми предзнаменованіями, когда найдено въ стихахъ Сивиллиныхъ, что наидревнѣйшую

Це-

Цереру должно умилостивлять, то посланы въ Енну послы. И такъ сію съ крайнимъ благоговѣніемъ обожаемую Цереру, которой не только покланяться, но и видѣть мужамъ позволяемо не было: или древнѣйшую, которую Сенатъ и народъ Римскій жертвами и дарами умилостивлялъ, изъ тайныхъ и древнихъ святилищъ, Кайй Верръ чрезъ подосланныхъ разбойниковъ изъ невольниковъ, безъ всякаго себѣ за то наказанія похитилъ. Той же Цицеронъ, когда увѣрялъ, что Сициліане просили его, дабы онъ попечителемъ былъ въ ихъ дѣлѣ, таковыя выговорилъ слова: „ что „ они ужè въ своихъ городахъ и боговъ не „ имѣютъ, къ которымъ бы прибѣгнуть, что „ ихъ ваянія наисвятѣйшія Кайй Верръ изъ „ капищъ наипочтеннѣйшихъ похитилъ. „ какъ будто бы, когда Верръ изъ городовъ и капищъ похитилъ ваянія, тѣмъ самимъ и съ неба боговъ похитилъ. Откуду видно, что боги оные ничего болѣе въ себѣ не имѣютъ, какъ только вещество, изъ котораго они здѣланы. И такъ не ошиблись, Маркъ Туллій! Сициліане, что къ тебѣ, то есть человѣку смертному прибѣгли, когда извѣдали чрезъ три года, что боги оные сами собою ничего учинить не могутъ. Ибо были бы они наибезумнѣйшими, ежели бы къ тѣмъ для защищенія отъ обидъ человѣческихъ прибѣгли, которые на Кайя Верра и за себе самыхъ разгнѣваться не могли. Но Верръ за сіи дѣла юсужденъ. И такъ не боги отмстили, но Цицероново стараніе: понеже или защитни-

ковъ

ковЪ его отразилЪ, или благодѣтелемЪ воспротивился. Да что болѣе? самому Верру не было то осужденіемЪ, но покоемЪ? Ибо какЪ Діонисію похищенныя священныя вещи везущему боги безсмертные доброе даровали по морю плаваніе, такЪ и Верру добрый покой даровали, дабы вЪ ономЪ чрезЪ святотатство похищенными вещми могЪ спокойно довольствоваться. Ибо когда послѣ того возгорѣлись междоусобныя войны, то онЪ живучи подЪ видомЪ осужденника, и будучи свободнымЪ отЪ всякой опасности и страха, чувствовалЪ другихЪ тяжкія паденія, и жалости достойныя кончины: и котораго почитали падшимЪ во время благополучнаго пребыванія другихЪ, тотЪ при паденіи всѣхЪ одинЪ оставался благополучнымЪ: покуда удовольствовавшись богатствомЪ чрезЪ святотатство нажитымЪ, вЪ глубокой старости отЪ тріумвировЪ назначенЪ будучи во изгнаніе, убитЪ: вЪ то, говорю, время, вЪ которое и Туллій защитникЪ поруганнаго величества боговЪ, умерщвленЪ. Да что болѣе? онЪ и тѣмЪ самымЪ щастливЪ былЪ, что прежде своей смерти о наилютѣйшей кончинѣ своего обличителя услышалЪ: боги, то есть, такЪ судили, дабы святотатецЪ и грабитель ихЪ не прежде умерЪ, покуда не получитЪ утѣшенія о отмщеніи за него.

ГЛАВА 5.

Что единъ всяческихъ создатель истинный есть Богъ, и его единаго почитать должно: и что ни стихіи ни тѣла небесныя не имѣютъ никакой божественной силы: и что Стоики въ семъ безумствуютъ, когда звѣзды богами признаваютъ, которые не своею, но Божіею волею и хотѣніемъ движутся: и для чего тамъ имъ быть повелѣлъ.

И такъ сколь справедливѣе презрѣвъ не чувственныхъ и суетныхъ, туда очи возводить, гдѣ пребываніе и жилище истиннаго Бога, который землю недвижимо утвердилъ, небо украсилъ сіяющими звѣздами, солнце блистательнѣйшее свѣтило, въ пользу человѣкамъ, въ познаніе своего величества возжегъ, землю же морями окружилъ, рѣкамъ течь непрестаннымъ стремленіемъ повелѣлъ: „распро„стертися полямъ, опуститься долинамъ, „вѣтвьми покрыться лѣсамъ, каменистымъ „возвыситься горамъ.„ Сіе подлинно все не Юпитеръ здѣлалъ, который спустя тысячу семь сотъ лѣтъ родился, но той же: „Онъ „содѣтель вещей, міра лучшаго начало.„ который называется Богъ: котораго начала, понеже не можемъ постигнуть, то и испытывать объ ономъ не должно. Довольно для человѣка, дабы имѣть ему полное и совершенное благоразуміе, ежели будетъ знать Бога. Котораго знанія сила въ томъ состоитъ, дабы онъ любилъ и почиталъ об-

общаго рода человѣческаго отца, и дѣлъ чудныхъ строителя. Откуда нѣкоторые безумцы, стихіямъ сотвореннымъ, и чувства неимущимъ такъ какъ богамъ поклоняются: которые удивляяся дѣламъ Божіимъ, то есть небу съ свѣтилами различными, земли съ полями и горами, морямъ съ рѣками и озерами и источниками: сихъ вещей удивительностію приведены бывши въ изумленіе, и самаго творца забывъ, котораго видѣть не могли; его дѣла почитать стали: и никогда не могли уразумѣть, сколь величественнѣе, и сколь дивнѣе тотъ, который оныя здѣлалъ изъ ничего. И хотя видятъ, что оныя Божіимъ законамъ повинуются, пользѣ и употребленію человѣческому непрестанно служатъ, однако оныя богами ставятъ, будучи неблагодарными за благодѣянія Божія, предпочитая Богу и премилосердому отцу дѣла его. Но дивно ли, когда или варвары или невѣжи заблуждаютъ; когда и самые Философы Стоическаго ученія въ томъ же находятся мнѣніи, что все на небѣ движущееся въ числѣ боговъ почитать должно. Ибо Лукилій Стоикъ у Цицерона такъ говоритъ: „Сіе въ звѣздахъ постоянство, сіе толикое въ толь различныхъ „теченіяхъ во всей вѣчности сходство времянъ, не могу повѣрить, чтобъ было „безъ мысли, разума и совѣта. И сіе когда „въ звѣздахъ мы видимъ, то не можемъ ихъ „самихъ въ числѣ боговъ не поставить.„ Также не много выше: остается, говоритъ, „сказать, что движеніе звѣздъ есть само-

„ произвольное, которое всякЪ видя не токмо „ глупо, но и нечестиво здѣлаетъ, ежели „ богами ихЪ не признаетЪ. „ А мы безЪ сумнѣнія того не признаемЪ, и васЪ о Философы не токмо невѣжами, и нечестивыми, но и слѣпыми, и безумными и сумозбродами почитаемЪ, когда вы незнаніе невѣждЪ глупостію и легкомысліемЪ превзошли. Ибо они солнце и луну, а вы и звѣзды богами поставляете. И такЪ внушите намЪ звѣздЪ тайны, чтобЪ мы олтари и храмы каждой изЪ нихЪ построили: чтобЪ мы знали, какими обрядами каждую, вЪ который день почитать; которыми именами, которыми молитвами призывать: развѣ можетЪ быть, безЪ всякаго разбору, столь безчисленныхЪ, толь мѣлкихЪ боговЪ вообще подЪ именемЪ толпы почитать мы ихЪ должны. Но что болѣе? Самый доводЪ, которымЪ они доказываютЪ, что все небесное богами почитать должно, обратить можно противЪ ихЪ самихЪ. Ибо ежели за то богами звѣзды почитаютЪ, что онѣ извѣстныя или назначенныя и разумоподобныя теченія совершаютЪ: то они заблуждаютЪ. Ибо изЪ того видно, что онѣ не боги, что отступить имЪ отЪ уставленныхЪ путей не можно. ВпрочемЪ, ежелибы богами онѣ были то сюда бы и туда безЪ всякаго препятствія ходили, такЪ какЪ животные на земли: которыхЪ понеже свободна есть воля, то сюда и туда бродятЪ, какЪ захотятЪ, и куда котораго желаніе поведетЪ, туда идетЪ. И такЪ движеніе звѣздЪ не есть самопроизвольное,

ное, но необходимое: понеже уставленнымЪ законамЪ и должностямЪ повинуется. Но разглагольствуя о теченіи звѣздЪ, которое изЪ самаго вещей и временЪ сходства казалось ему не случайнымЪ, то подумалЪ, что оное самопроизвольное: будтобы не могли столь порядочно, столь чинно двигаться, ежелибы не было вЪ нихЪ смысла должность свою знающаго. О сколь трудна для не знающихЪ истинна, и сколь легка знающимЪ! ежели, говоритЪ, теченіе звѣздЪ не случайно, то остается сказать, что оно самопроизвольное. При всемЪ томЪ, какЪ извѣстно, что оно не случайное, такЪ равно, что оно и не самопроизвольное. КакимЪ же образомЪ вЪ совершеніи путей постоянство свое хранятЪ? Поелику БогЪ всяческихЪ творецЪ такЪ оныя расположилЪ, такЪ оныя устроилЪ, дабы по пространству небесному, БожественнымЪ и дивнымЪ разумомЪ текли, ради произведенія послѣдующихЪ имЪ временЪ различія. АрхимедЪ Сицилійскій на мѣди вдавшейся подобіе міра и образЪ моглЪ устроить, на которомЪ такЪ солнце и луну здѣлалЪ, что они неравныя движенія и небеснымЪ подобныя своими обращеніями, какбы днями производили, и не только приближеніе и удаленіе солнца, или приращенія и умаленія луны, но и звѣздЪ или неподвижныхЪ или бродящихЪ неравныя теченія, кругЪ оный обращаяся показовалЪ: такЪ БогЪ ли не моглЪ оныхЪ прямыхЪ свѣтилЪ устроить и здѣлать, которыя могло искуство человѣческое чрезЪ подражаніе предста-

ставить? И такъ Стоикъ, ежели бы звѣздъ образъ на оной мѣди начертанный и устроенный увидѣлъ, сказалъ ли бы, что оныя своимъ совѣтомъ движутся, а не разумомъ художника. И такъ есть разумъ въ звѣздахъ къ совершенію теченій ихъ довольный, но оной разумъ есть Божій, который и создалъ и управляетъ все, а не самыхъ звѣздъ, которыя движутся. Ибо ежели бы благоволилъ, чтобъ солнце всегда на одномъ мѣстѣ пребывало, то былъ бы непрерывный день. Также ежели бы движенія звѣзды не имѣли, то кто усумнится, что была бы непрестанная ночь. Но дабы день и нощь попеременно были, то повелѣлъ двигаться онымъ, и толь различное имѣть теченіе, дабы не только свѣта и тмы взаимныя перемѣны были, и въ нихъ бы попеременно труда и покоя времена состояли, но дабы и хладъ и теплота, по силѣ и свойству различныхъ времянъ, или рожденію или созрѣнію жита приличествовала. Сея премудрости божія могущество въ устроеніи путей звѣздамъ, понеже Философы не знали, то почли звѣзды животными, будто бы они ногами и самопроизвольно, а не Божіимъ разумомъ ходятъ. Для чего же оныя устроилъ Богъ, кто не разумѣетъ? То есть дабы безъ солнечнаго свѣта чрезмѣрно темная ночь мракомъ и ужасною тмою не была скучна, и не повредила живущихъ. Того ради и небо купно дивнымъ различіемъ украсилъ, и тму самую многими и малыми свѣтилами благоумѣренною учинилъ. И такъ благоразумнѣе Назонъ, нежели оные мудрости сниска-

скатели, который признаетъ, что Богъ свѣтила оныя поставилъ, дабы разгоняли ужасъ тмы. Онъ тую книгу, въ которой о феноменахъ, (явленіяхъ) писалъ, сими тремя стихами окончилъ: „ Толикое число и такимъ „ видомъ звѣзды устроилъ на небѣ: и по мрачной разсѣявъ оныя тмѣ, повелѣлъ просвѣщать росоносную ночь „. А ежели статься тому не можно, дабы звѣзды были богами, то ни солнце ни луна богами быть не могутъ: понеже отъ свѣтилъ звѣздныхъ не образомъ разнятся, но величиною. А ежели они не боги, то ни небо, на которомъ всѣ оныя содержатся.

ГЛАВА 6.

Что ни земля ни вода ни другая какаялибо часть міра ни весь міръ богомъ не есть, и что онъ не одушевленъ, какъ Стоики лгутъ, которые что ни утверждаютъ, оное равно и опровергаютъ.

Равнымъ образомъ ежели земля, которую попираемъ, которую топчемъ, которую пашемъ для пищи, не Богъ, то ни поля, ни горы богами быть не могутъ. А ежели сіи не боги, то и вся земля богомъ быть не можетъ. Также ежели вода, которая служитъ животнымъ къ питію или омовенію, не Богъ: то ни источники, изъ которыхъ вода истекаетъ. Ежели источники не Богъ: то ни рѣки, которые изъ источниковъ составляются. Ежели рѣки богами не

 суть,

суть, то и море, которое изъ рѣкъ составляется, богомъ быть не можетъ. А ежели ни небо ни земля, ни море, которыя міра части составляютъ, богами быть не могутъ, то и весь міръ не Богъ, о которомъ тѣжь самые стоики спорятъ, акибы міръ есть одушевленнымъ и премудрымъ, и потому богомъ. Въ семъ они такъ непостоянны были, что ничего не сказали, чего бы сами не опровергли. Ибо такъ доказываютъ: статься не можно, дабы чувства не имѣло то, что чувственныхъ отъ себя раждаетъ: но міръ раждаетъ человѣка чувственнаго: слѣдовательно и самъ имѣетъ чувство. Также: безъ чувства быть не можетъ, котораго часть имѣетъ чувство: слѣдовательно, понеже человѣкъ чувствомъ одаренъ, то и міръ, котораго часть, человѣкъ, чувство имѣетъ. Предложенія хотя истинныя, понеже и чувственное есть то, что чувственныхъ раждаетъ: и имѣетъ чувство то, котораго часть чувствомъ одарена: но заключенія ложны, которыми доводы заключаютъ. Ибо и міръ не родитъ человѣка, и человѣкъ не есть часть міра: понеже изъ начала той же Богъ человѣка сотворилъ, который и міръ: и человѣкъ не есть часть міра, такъ какъ тѣла членъ. Ибо можетъ міръ быть безъ человѣка, какъ и городъ и домъ. Но какъ домъ единаго человѣка жилищемъ есть, и городъ единаго народа, такъ и міръ, есть домъ всего человѣческаго рода. И иное есть въ чемъ жизнь препровождается, иное же то, что живетъ. Но они когда хо-

тятъ

тятъ ложно принятое утвердить: будто бы и чувственнымъ есть міръ, и Богомъ, доводовъ своихъ послѣдствія не видѣли. Ибо ежели человѣкъ есть частію міра, и чувственнымъ есть міръ потому, понеже человѣкъ чувствуетъ: слѣдовательно, поелику смертенъ есть человѣкъ, то смертнымъ и міръ быть долженъ, и не только смертнымъ, но и всѣмъ недугамъ и страстямъ подверженнымъ. И напротивъ, ежели міръ есть Богъ, то и части его безсмертны; слѣдовательно и человѣкъ есть Богъ, понеже часть есть (какъ говорите) міра: ежели человѣкъ, то и скотъ, и прочіе роды звѣрей, и птицъ, и рыбъ: понеже и они также чувствомъ одарены, и суть частьми міра. Но сіе для нихъ не столь важно; ибо и животныхъ почитаютъ Египтяне. Но дѣло до того дошло, что жабы и комары, и муравьи богами будутъ, понеже и они чувство имѣютъ, и частьми суть міра. Такимъ образомъ доводы отъ лжи взятыя безумныя и безмѣстныя окончанія имѣютъ. Но что болѣе? Сами они говорятъ, что для боговъ и людей міръ устроенъ, какъ общій домъ? Слѣдовательно міръ и не Богъ, и не животное, ежели устроенъ. Ибо животное не устроевается, но рождается. И ежели есть созданъ, то такъ подлинно, какъ домъ, какъ корабль. Слѣдовательно находится нѣкоторый устроитель міра Богъ, и такъ особно будетъ міръ, который созданъ, особно той, который создалъ. Да и то сколь само себѣ противно и безмѣстно, что, когда небесныя огни и про-

чія міра стихіи богами признавают, также самый мір богом называют? то как может из толпы многих богов быть один Бог? Ежели звѣзды боги, то мір не бог, но жилище богов. Ежели мір бог, то все оное, что в нем находится, не бог, но божіи члены, которые единаго Бога имя принять не могут. Ибо не может справедливым образом ктолибо сказать, что члены единаго человѣка, многіе суть люди. Но однако не сходственно сравненіе животнаго и міра. Ибо животное, понеже чувство имѣет, то и члены его имѣют чувство, и не лишаются чувства, ежели от тѣла отторгнуты не будут. И так чье подобіе носит мір? Сами они учат, когда признаются, что он создан, дабы был богам и людем, как бы общим домом. Почему ежели состроен как дом, то ни сам он, ни стихіи, части его, богами быть не могут: понеже ни дом владѣть собою не может, ни то, из чего дом составлен. И так не только истиною, но и своими словами во лжи обличаются. Ибо как дом для жилища здѣланный, собою ничего не чувствует, и господину подчинен, который его здѣлал, или в нем живет: так мір сам собою ничего нечувствующій создателю своему подвластен, который его для себе создал.

ГЛАВА

ГЛАВА 7.

Что двояко погрѣшаютъ безумные, и что сребролюбіе подъ видомъ благочестія почитается, когда преодолѣваетъ разумъ преданіе предковъ: и какіе были предки, которыхъ важность предосуждаетъ истину.

И такъ двоякимъ образомъ несмысленные заблуждаютъ: вопервыхъ что стихіи, то есть дѣла божія, паче бога почитаютъ. Во вторыхъ что стихій самыхъ образы человѣческимъ видомъ начертанныя почитаютъ. Ибо солнца и луны видъ наподобіе человѣческое изображаютъ: также огня, земли и моря: которыхъ они Вулканомъ, Вестою, Нептуномъ называютъ: и стихіамъ самымъ явно жертвъ не приносятъ. Толь то люди пристрастились къ ваяніямъ, что подлѣйшими почитаютъ самыя истинныя вещи: понеже златомъ, жемчугомъ, и слоновыми костми увеселяются. Сихъ красота и блескъ ослѣпляютъ ихъ очи: и никакого благочестія не признаютъ, гдѣ оныя не сіяютъ. И такъ подъ подлогомъ боговъ сребролюбіе и вожделѣніе почитаютъ. Ибо вѣруютъ, будто бы боги любятъ то, чего люди желаютъ, а оное есть то самое, ради чего воровства, и разбой и убійства ежедневно свирѣпѣютъ, ради чего войны по всему міру народы и городы разоряютъ. И такъ посвящаютъ добычи и хищенія свои богамъ, которые подлинно немощны и не всесильны, ежели подвержены вожделѣніямъ. Ибо

для чего ихъ за небесныхъ почитать, ежели они чего либо земнаго желаютъ? Или за блаженныхъ, ежели въ чемъ недостатокъ имѣютъ? Или за честныхъ, ежели за удовольствіе почитаютъ тѣ вещи, за пожеланіе которыхъ людей достойно осуждаютъ. И такъ приходятъ къ богамъ, не столько ради богопочитанія, которое не можетъ быть въ вещахъ злѣ приобрѣтенныхъ и тлѣнныхъ, а только дабы золотомъ очи насытить: блескъ выполированнаго мармора, или слоновой кости посмотрѣть: дабы разпещренныя дорогими камнями, и цвѣтами одежды, или украшенныя блещащимися маргаритами чашы, съ ненасытнымъ разсматриваніемъ осязать: и чемъ великолѣпнѣе храмы, и красивѣе ваянія, тѣмъ болѣе божества по мнѣнію ихъ въ оныхъ признавается. Толь то вѣра не что иное есть, какъ только, чему жадность человѣческая удивляется. Сіи суть вѣры, которыя отъ предковъ своихъ принявши, упорно защищаютъ: и не разсуждаютъ, каковы онѣ: но потому неложными и истинными ихъ почитаютъ, понеже ихъ предки имъ предали: и въ таковомъ почтеніи древность имѣютъ, что разсматривать и разсуждать о ней вмѣняютъ за беззаконіе: и такъ ей вѣрятъ, какъ познанной истиннѣ. Къ томужъ у Цицерона Котта такъ говоритъ Лукилію: „Имѣешъ Бальбе, что Котта, что Понтифексъ мудрствуетъ: открой „нынѣ, какихъ ты о томъ мыслей: ибо отъ „тебе какъ отъ Философа вину вѣры слышать долженъ: а предкамъ нашимъ хотя ни-

„ какой

„ какой причины они не дали, разсудокъ велитъ вѣрить „. Ежели вѣришъ, то для чего причины требуешъ, которая здѣлать можетъ, что не будешъ вѣрить? А ежели причины требуешъ, и думаешъ, что должно требовать: слѣдовательно не вѣришь. Ибо для того требуешъ, чтобъ оную увѣдавши, ей послѣдовать. Разсудокъ тебя наставляетъ, что вѣры боговъ ложны: что будешъ дѣлать? предкамъ ли наипаче или разсудку будешъ послѣдовать? Сіе не отъ другаго ты получилъ, но самъ собою нашелъ, когда всѣ вѣры до основанія разорилъ. Ежели разсужденія хочешъ, то отступить тебѣ должно отъ установленій и важности предковъ, понеже то только справедливо, что разсудокъ предписываетъ: а ежели любовь къ предкамъ совѣтуетъ послѣдовать имъ: то признаешъ, что и они безумны были, которые вымышленнымъ противъ разума вѣрамъ служили, и ты несмысленъ, понеже почитаешъ то, что ложнымъ самъ ты призналъ. Но понеже намъ многократно противополагаютъ имя предковъ, то посмотримъ, какіе были предки оные, отъ которыхъ важности отступить за неправедное почитается. Ромулъ намѣревая построить городъ, пастуховъ, между которыми выросъ, созвалъ, и когда имъ показалося число къ созиданію города не довольное, то поставилъ убѣжище. Тогда изъ ближнихъ мѣстъ обыкновенно убѣгали всѣ непотребные и злодѣи безъ всякаго различія состоянія: такимъ образомъ изъ всѣхъ тѣхъ собралъ народъ,

родъ, и выбралъ въ сенаторы тѣхъ, которые лѣтами другихъ превосходили, и отцами ихъ назвалъ: и по ихъ совѣту все дѣлалъ. О семъ сенатѣ Проперцій елегій сочинитель такъ говоритъ: „ Высокая ратуша, которая „ нынѣ составляетъ сенатъ облеченный въ ве„ ликолѣпную претексту, въ шубы одѣтыхъ, „ и непросвѣщенныхъ имѣла судей. Труба со„ зывала древнихъ римлянъ на совѣтъ. Часто „ оные сто отцовъ составляли на лугу се„ натъ. „ Сіи суть отцы, которыхъ установленіямъ ученые и разумные мужи съ благоговѣніемъ повинуются. И то за истинное и непремѣнное все потомство ставитъ, что сто одѣтыхъ стариковъ въ шубы уставили: которыхъ однако (какъ въ первой книгѣ сказано) Помпилій увѣрилъ, дабы они почитали за истинныя богослуженія, которыя онъ ввелъ. И такъ есть довольное основаніе, для чего ихъ важность потомкамъ почитать, которыхъ, покуда живы были, ни кто ни изъ знатныхъ ни изъ подлыхъ за достойныхъ не почиталъ принять въ родство.

ГЛАВА

ГАЛВА 8.

Что на резонѣ наипаче утперждаться должно, и которыя чудеса написаны для утпержденія заблужденія многихъ

Для сего надлѣжитъ всякому въ томъ дѣлѣ наипаче, въ которомъ все житіе заключается, себѣ самому вѣрить, и на своемъ разсужденіи и собственномъ разумѣ утверждаться, въ изслѣдованіи и разсмотреніи истинны, нежели вѣруя чужимъ заблужденіямъ, обманываться, такъ какъ своего ума неимущему. Далъ Богъ всѣмъ по силѣ мѣры мудрость: дабы и неслышанное разсудить. Ибо предки тѣмъ, что временемъ насъ упредили, мудростію не превзошли: которая понеже равно всѣмъ дается, то завладѣть ею предварившіе насъ не могли. Она не вредима какъ свѣтъ и сіяніе солнца: понеже какъ солнце очамъ, такъ мудрость свѣтиломъ сердцу человѣческому. Чего для понеже мудрствовать, то есть истинны искать, всѣмъ сродно: то лишаютъ себя мудрости, которые безъ всякаго разсужденія, изобрѣтенія предковъ одобряютъ, и другими наподобіе скотовъ водими бываютъ. Но сіе ихъ обманываетъ, понеже предковъ имя воспомянувъ, за невозможное почитаютъ, чтобъ или сами они больше разумѣли, понеже они потомками называются, или чтобъ предки меньше ихъ разумѣли, понеже предками имянуются. Чтожъ мѣшаетъ отъ нихъ взять примѣръ, дабы какъ они ложъ изо-

изобрѣтши потомкамъ предали: такъ мы истинну нашедъ, потомкамъ лучшее оставимъ. Остается великій вопросъ, о которомъ разглагольствіе не отъ разсужденія, но отъ знанія приходитъ: которой много изъяснять надлежитъ, дабы никакого сумнительства не осталось. Ибо можетъ статься кто къ тому прибѣгнетъ, о чемъ многіе достовѣрные писатели повѣствуютъ, что тѣ самые, о которыхъ мы говорили, что они не боги, величество свое не рѣдко показывали и чудесами, и сновидѣніями, прорицаніями по птичьимъ движеніямъ, и оракулами. И подлинно много представить можно достойнаго удивленія. Вопервыхъ оное, что Акцій Навій главный прорицатель, когда Терквинія Приска увѣщевалъ не начинать ничего новаго дѣлать, покуда не будетъ посвященъ: и ему Царь, не довѣряя знанію его, сказалъ; посмотрѣвши на птицъ объяви мнѣ, можетъ ли статься то, что я думаю, и Навій утверждалъ, что можетъ: тогда Царь: возми, сказалъ, сей оселокъ, и оный бритвою разрѣжь: и онъ немедленно взялъ, и пререзалъ. Во вторыхъ то, что Касторъ и Поллюксъ во время Латинской войны, при озерѣ Юторнскомъ видѣны были коней отъ поту омывающими, когда храмъ ихъ при источникѣ находящійся самъ собою отворился. Онижъ во время войны Македонской на коняхъ бѣлыхъ сидя Публію Ватинію въ Римъ ночью ѣдущему явились, объявляя, что въ той день Царь Персей побѣжденъ и плѣненъ, что истиннымъ по

нѣ-

нѣколикихъ дняхъ письмо Павлово показало. И то чудно повѣствуютъ, что ваяніе Фортуны женской не единожды говорило. Также изображеніе Юноны Монеты, когда по взятіи города Веій одинъ изъ воиновъ для взятія ея будучи посланъ, шутя вопросилъ ея, желаетъ ли въ Римъ пойти, отвѣчала, что желаетъ. И Клавдіа полагается въ примѣръ чуда. Ибо по книгамъ Сивиллинымъ Ідея мать, когда была привезена, и на отмѣли Тивера рѣки корабль, въ которомъ везена была, сѣлъ, и никакою силою двигнуть быть не могъ, сказываютъ, что Клавдіа, которую всегда за нечестную почитали, по причинѣ излишняго тѣла украшенія, богинѣ преклонивши колѣна помолилась, дабы, ежели ея чистою признаетъ, послѣдовала ея поясу. Такимъ образомъ корабль, котораго все юношество не могло подвигнуть, отъ одной жены былъ двигнутъ. Равно и сіе чудно, что во время моровой язвы Ескулапій изъ Епидавра привезенъ бывши, городъ Римъ отъ долговременнаго мороваго повѣтрія свободилъ. Можно и святотатцевъ представить, которымъ сильными казньми обиду свою Боги отмстили. Аппій Клавдій надзиратель, когда въ противность отвѣта, священнослужителемъ общественнымъ священнослуженіе Иракліево препоручилъ, то зрѣнія лишился: и Потиціевъ родъ, который тому не воспротивился, въ одинъ годъ вымеръ. Также надзиратель Фулвій, когда изъ храма Юноны Лацинійской мраморныя плиты похитилъ, дабы покрыть храмъ Фортуны всадниковъ, который

рый

рый въ Римѣ здѣлалъ: съ ума сшелъ, и лишившись двухъ сыновъ въ Іллирикѣ въ военной службѣ находящихся, отъ жестокой печали умеръ. Начальникъ также Марка Антонія Туруллій, когда при Кои вырубивши Ескулапіеву рощу, здѣлалъ изъ того лѣса флотъ, то послѣ того, на томже мѣстѣ отъ воиновъ Кесаревыхъ убитъ. Къ симъ присовокупить можно Пирра, который похитивши изъ сокровищницъ Прозерпины Локрской денги, утонулъ, и къ блискимъ богини берегамъ прибитъ, такъ что ничего кромѣ тѣхъ денегъ въ цѣлости не нашлось. И Церера Мелиссійская много себѣ почтенія у людей пріобрѣла. Ибо когда отъ Александра взятъ былъ городъ, и воины ограбить ея ворвались, то всѣмъ незапно явившееся огненное сіяніе очи ослѣпило. Находятся и сновидѣнія, которыя могущество боговъ повидимому показываютъ. Ибо сказываютъ, что Тиверію Антонію человѣку простому во снѣ явился Юпитеръ, и ему повелѣлъ обѣявить Консуламъ и сенату, что на недавно бывшихъ Цирценскихъ играхъ начальникъ пляшущихъ ему не понравился: понеже нѣкто Антоній Максимъ бивши слугу подъ виселицею, изъ среды Цирка къ смертной казни повелъ, и для того надлежитъ игры возобновить. А когда онъ о семъ нерадилъ, то въ тойже день сына лишился, а самъ въ тяжкую болѣзнь впалъ. И когда паки тойже образъ видѣлъ, вопрошающій, довольно ли наказанія принялъ за презрѣніе повелѣнія, тогда на носилкахъ принесенъ къ Консуламъ, и

все

все дѣло въ Сенатѣ изъяснивши, получилъ крѣпость тѣла, и своими ногами въ домъ возвратился. И оный сонъ не меньшаго удивленія, которымъ какъ сказываютъ Цесарь Августъ сохраненъ. Ибо когда будучи на войнѣ междуусобной Брутіанской ради тяжкаго недуга восхотѣлъ отъ сраженія удержаться, тогда лѣкарю его Арторію образъ Минервы явился, повелѣвая, дабы ради слабости своего тѣла Цесарь въ лагерѣ не оставался. Того ради въ строй на носилкахъ принесенъ, и въ той же день отъ Брута обозъ былъ захваченъ. Много кромѣ сего примѣровъ подобныхъ можно представить, но опасаюсь, чтобъ, ежели долго буду вещи противныя предлагать, не показаться позабывшимъ о своемъ намѣреніи, или впадшимъ въ порокъ суесловія.

Глава 9.

Что завистію діавольскою пошла смерть, и возрастаютъ корени заблужденій, и что Богъ есть единъ естествомъ, который вещество первое и все изъ ничего сотворилъ.

И такъ изъясню всѣхъ сихъ вину, дабы легче вещи трудныя и темныя уразумѣть: и сіи всѣ ложнаго божества прелести открою, которыми прельщены будучи люди, отъ истиннаго пути далеко уклонились. Но начну издалека,

дабы, ежели не знающій истинны начнетъ читать, получилъ наставленіе и уразумѣлъ, какое сего зла начало и причина, и просвѣтившися увидѣлъ свои и всего рода человѣческаго заблужденія. Богъ понеже есть въ изобрѣтеніи наиразумнѣйшій, въ дѣланіи наиискуснѣйшій, прежде нежели началъ дѣлать сей міръ, понеже полнаго и совершеннаго добра источникъ въ немъ былъ, какъ и всегда есть, дабы отъ онаго добра какъ потокъ происходилъ, и далече проистекалъ, произвелъ подобнаго себѣ духа, имущаго силу Бога отца. Какимъ же образомъ оное здѣлалъ, въ четвертой книгѣ показать потщусь. Потомъ здѣлалъ другаго, въ которомъ природа божіяго свойства не пребыла. Того ради своею завистію какъ ядомъ заразившись, и отъ блага къ злу ниспалъ, и своимъ произволеніемъ, которое даровано ему было свободное, противное себѣ имя принялъ. Откуду видимъ, что всего зла источникомъ есть зависть. Ибо по завидѣлъ оному предварившему его, который постоянно пребывая, Богу отцу благоугоденъ и любезенъ есть. И такъ сего изъ благаго собою злымъ здѣлавшагося Греки діаволомъ, а мы клеветникомъ нарицаемъ! понеже преступленія, въ которыя самъ привлекаетъ, къ Богу доноситъ. И такъ начиная Богъ созидать міръ, онаго перваго и наибольшаго сына начальникомъ поставилъ надъ всѣми дѣлами, и его употребилъ совѣта и художества въ изобрѣтеніи, украшеніи, и совершеніи дѣлъ! понеже онъ и промысломъ, и разумомъ, и могуще-

существомъ совершенъ есть. О семъ нынѣ мало, понеже на иномъ мѣстѣ, и о силѣ, и о имени, и о разумѣ говорить я намѣренъ. Никто вопрошать не долженъ, изъ какого вещества толь великія, толь чудныя дѣла Богъ сотворилъ. Все бо сотворилъ изъ ничего, и не должно слушать стихотворцовъ, которые говорятъ, будтобы въ началѣ Хаосъ былъ, то есть смѣшеніе вещей и стихій: но послѣ Богъ раздѣлилъ все оное совокупленіе: и всѣ вещи изъ смѣшенія раздѣливъ, и чинно расположивъ, устроилъ міръ и украсилъ. Легко отвѣчать власти Божіей не разумѣющимъ, которые думаютъ, будтобы Богъ ничего здѣлать не можетъ безъ вещества предлежащаго и готоваго. Въ которомъ заблужденіи и Философы были. Ибо Цицеронъ о естествѣ боговъ разглаголствуя пишетъ: И такъ первое не вѣроятно, дабы „матерія вещей, изъ которой все произошло, „Божіимъ промысломъ здѣлана была: но имѣ„ла и имѣетъ силу и природу свою. Почему „какъ плотникъ, когда нѣчто созидать хо„четъ, не самъ дѣлаетъ матерію, но готовой „употребляетъ: также дѣлатель воска; та„кимъ образомъ оному промыслу Божію дол„жна была матерія быть въ готовности, „дабы не самъ онъ ея дѣлалъ, но имѣлъ го„товую. А ежели матерія не есть отъ Бога „сотворена, то ни земля, ни вода, ни воз„духъ, ни огнь отъ Бога не сотворены.„ О сколь много пороковъ въ сихъ десяти строкахъ. Во первыхъ, что той, который въ

 про-

прочихъ разглагольствіяхъ, и почти во всѣхъ книгахъ промыслъ утверждалъ, и который наисильнѣйшими доводами вооружался на тѣхъ, которые говорили, будто бы промысла нѣтъ; тотъ нынѣ какъ измѣнникъ нѣкоторый или переметчикъ промыслъ силится уничтожить. Въ чемъ ежели захочешь противорѣчить, то ни размышленій не надобно, ни труда: его слова только ему предложить должно. Ибо никто не можетъ сильнѣйше уличить Цицерона, какъ изъ Цицерона. Но уступимъ то обычаю и установленію Академиковъ, пущай вольно будетъ людемъ чрезъ мѣру свободнымъ говорить и мудрствовать, что хотятъ: мнѣнія самыя разсмотримъ. Не вѣроятно сказываетъ, дабы матерія вещей отъ Бога была создана. Какими сіе доводами утверждаешь? Ибо ничего ты не сказалъ, для чего сіе не вѣроятно: того ради мнѣ напротивъ наивѣроятнѣйшимъ кажется. При всемъ томъ не безразсуднымъ дѣломъ представляется, когда помышляю, что большее нѣчто есть въ богѣ, котораго ты описываешь наподобіе немощнаго человѣка, когда ничего другаго ему возможнымъ не почитаешь, кромѣ дѣланія. Чемъ же будетъ отъ человѣка Божія сила разниться, ежели какъ человѣкъ такъ и Богъ помощи чужей требуетъ? Требуетъ же, когда ничего дѣлать не можетъ, естьли иной ему не дастъ матеріи. А ежели такъ, то онъ несовершенное могущество имѣетъ, и матеріи или вещества творца, сильнѣйшимъ его почитать должно. И такъ, которымъ именемъ назо-

вемъ

вемъ того, который могуществомъ Бога превосходитъ? Ибо несравненно большимъ есть дѣломъ собственное здѣлать, нежели чужее расположить. А ежели статься тому не можно, дабы что было сильнѣе Бога, ибо Богъ долженъ быть совершенной силы, власти, разума: слѣдовательно той же есть вещества Создатель, который есть Творцемъ и вещей изъ матеріи состоящихъ. Ибо ежели бы Богъ не восхотѣлъ и не сотворилъ, то ничто быть и не могло и не долженствовало. Но вѣроятно, говоритъ, что матерія вещей и имѣетъ и имѣла природу свою и силу. Какую могла имѣть силу, ежели никто не далъ? Какую природу, ежели никто не родилъ? Ежели имѣла силу, то отъ коголибо ея приняла. Отъ кого же могла принять, ежели не отъ Бога. Также ежели имѣла природу, которая отъ рожденія производится, то всенепремѣнно она рождена: отъ кого же могла она родиться, ежели не отъ Бога? Природа бо, отъ которой, какъ сказываютъ, все произошло, ежели совѣта не имѣетъ, то ничего здѣлать не можетъ. А ежели раждать и творить можетъ, то имѣетъ совѣтъ, и того ради должна быть богомъ. И инымъ именемъ не можно назвать той силы, въ которой находится и предъусмотреніе изобрѣтать, и искусство и сила дѣлать. И такъ лучше Сенека изъ всѣхъ стоиковъ наиблагоразумнѣйшій, который видѣлъ, что ничто иное есть природа, какъ Богъ: почему говоритъ: не похвалимъ ли имущаго природную силу, которую онъ не отъ

 дру-

другаго принялЪ, похвалимЪ всенепремѣнно. Ибо хотя она ему природная, себѣ оную далЪ, понеже БогЪ самая есть природа. И такЪ когда начало вещей причитаешь природѣ, и отнимаешь оное у Бога, то вЪ большую себя ввергаешЪ опасность. Ибо кому созданія міра не присвояешь, того творцемЪ онаго, перемѣнивЪ только имя, признаваешь. СлѣдуетЪ теперь наибезразсуднѣйшее его сравненіе. Ибо какЪ плотникЪ, говоритЪ, когда нѣчто созидать хочетЪ, не самЪ дѣлаетЪ матерію, но употребляетЪ готовой, также дѣлатель воска, такЪ оному промыслу Божію матерія должна была вЪ готовности быть, дабы не самЪ ея дѣлалЪ, но имѣлЪ готовую. Лучше сказать: не должна была быть вЪ готовности; ибо БогЪ не будетЪ всемогущимЪ, ежели изЪ готоваго дѣлаетЪ, ибо то человѣку есть свойственнымЪ. ПлотникЪ бо безЪ дерева ничего не созидаетЪ, понеже древа самого здѣлать не можетЪ. Немощь же знакомЪ есть безсилія человѣческаго. БогЪ же дѣлаетЪ самЪ себѣ матерію, понеже можетЪ: ибо могущество, Божіе есть свойство: ибо ежели не можетЪ, то не есть БогЪ. ЧеловѣкЪ дѣлаетЪ изЪ того, что имѣетЪ бытіе: понеже посмертности немощенЪ есть, вЪ разсужденіи немощи ограниченной и малой силы. БогЪ же дѣлаетЪ изЪ несущаго: понеже по вѣчности силенЪ есть, по силѣ могущества безконечнаго, которое конца и мѣры не имѣетЪ, какЪ пребываніе Творца. И такЪ дивно ли, ежели БогЪ намѣревая сотворить мірЪ, во первыхЪ

мате-

матерію, изъ которой имѣлъ творить, уготовалъ, и уготовалъ изъ ничего? Понеже не прилично Богу отъинуду нѣчто заимствовать, понеже въ немъ и отъ него есть все. Ибо ежели находится нѣчто прежде его, или нѣчто отъ него не сотворенное, то власть Божію и имя потеряетъ. Но матерія никогда не была, какъ Богъ, который изъ матеріи создалъ сей міръ. И такъ два поставляются вѣчные, и между собою противные: чему быть безъ несогласія и погибели не можно. Ибо сразятся между собою тѣ, которыхъ сила и состояніе различно. Такимъ образомъ вѣчными быть не могутъ, ежели они между собою противны, понеже одно другаго должно преодолѣть. Слѣдовательно статься не можно, чтобъ природа вѣчнаго не была простая, дабы отъ оной все, какъ отъ источника проистекало. И такъ или Богъ изъ матеріи произошелъ, или матерія отъ Бога. Изъ коихъ положеній, которое справедливѣе, легко разсудить можно. Ибо изъ сихъ двухъ одно чувствительное, другое чувства не имѣетъ. Сила дѣлать чтолибо, не можетъ быть, развѣ въ томъ только, которое чувствуетъ, которое разумѣетъ, которое помышляетъ, которое движется. И не можетъ ничто ни начаться ни дѣлаться, ни совершиться, ежели не будетъ разумомъ предъусмотрѣно, или прежде своего бытія, какъ ему быть, или по сотвореніи своемъ какъ состоять. Наконецъ той дѣлаетъ нѣчто, кто имѣетъ волю къ творенію, и руки къ исполненію своего хотѣ-

 нія.

нія. А что не имѣетъ чувства, то лежитъ безъ дѣйствія и движенія, и ничего оттуда произойти не можетъ, гдѣ никакого нѣтъ движенія самопроизвольнаго. Ибо ежели всякое животное разумъ имѣетъ, по истиннѣ родиться отъ него не разумное не можетъ: и не можно того отъинуду взять, чего тамъ нѣтъ, откуду заимствуется. Да не смущается никто, видя, что нѣкоторые животные отъ земли раждаются; ибо оныхъ не земля отъ себе раждаетъ, но духъ Божій, безъ котораго ничто не раждается. Слѣдовательно не Богъ отъ матеріи: понеже чувственное отъ нечувственнаго, мудрое отъ безумнаго, безстрастное отъ страстнаго, безтѣлесное отъ тѣлеснаго никогда не можетъ произойти: но матерія бытіе свое получила отъ Бога. Ибо что состоитъ изъ дебелаго и осязаемаго тѣла, то принимаетъ внѣшнюю силу: что принимаетъ внѣшнюю силу, то разрушиться можетъ: что разрушается, то погибаетъ: что погибаетъ, то имѣло начало: что имѣло начало, то имѣло источникъ, откуду началось, то есть Творца нѣкотораго, чувствительнаго, промыслительнаго, и искуснаго въ дѣланіи. А оный не иный кто есть, токмо Богъ: который понеже чувство, разумъ, промыслъ, могущество имѣетъ, то животныхъ и не одушевленныхъ создать и сотворить можетъ: понеже знаетъ, какимъ образомъ все дѣлать. А матерія всегда быть не можетъ, понеже премѣненія не принимала бы, ежели бы была она таковою. Ибо что все-

всегда было, оное всегда быть не престаетъ, что не имѣло начала, оное, не должно имѣть и конца. Да что болѣе? Удобнѣе тому не имѣть конца, что имѣло начало, нежели имѣть конецъ тому, что начала не имѣло. Слѣдовательно ежели матерія не сотворена, то ничего изъ нея сотворить не можно. Ежели сотворить изъ нея не можно, то она и матеріею не есть. Ибо матерія есть, изъ которой дѣлается нѣчто. А все то, изъ чего чтолибо дѣлается, понеже принимаетъ руку художника, разрушается, и инаковымъ быть начинаетъ: слѣдовательно, понеже конецъ имѣла матерія тогда, когда сотворенъ изъ нея міръ, то и начало имѣла. Ибо что разоряется, оное есть сооружено: что разрѣшается, оное связано: что кончается, оное было начато: и такъ ежели изъ премѣненія и конца познаемъ, что вещество имѣло начало, то отъ кого инаго могло сотворено быть, ежели не отъ Бога? И такъ одинъ Богъ несотворенъ, и того ради иное разрушить можетъ, а самъ разрушиться не можетъ. Пребудетъ всегда съ тѣмъ, что былъ: понеже не отъинуду рожденъ или произшелъ, и рожденіе его ни отъ какой вещи не зависитъ, которая бы премѣнившись, его разрушила. Отъ себе самаго есть, какъ въ первой книгѣ я сказалъ: и того ради таковъ есть, каковымъ быть восхотѣлъ, безстрастный, непремѣнный, не тлѣнный, блаженный, вѣчный. Заключеніе же, которымъ мнѣніе свое окончилъ Туллій, несравненно безмѣстнѣйшее. А ежели матерія,

 гово-

говоритъ, отъ Бога не сотворена, то и земля, и вода, и воздухъ и огонь отъ Бога не сотворены. Сколь хитро опасность мимо перелетѣлъ. Ибо такъ оное предложенiе принялъ, какъ будто бы оно не требовало подкрѣпленiя, когда оное гораздо неизвѣстнѣе, нежели то, для чего принято. Ежели говоритъ, отъ Бога не сотворена матерiя, то и мiръ отъ Бога не созданъ: лучше восхотѣлъ изъ ложнаго заключить ложное, нежели изъ истиннаго, истинное. И когда должно неизвѣстное извѣстнымъ утверждать, онъ подтвержденiе взялъ изъ неизвѣстнаго, къ превращенiю извѣстнаго. Ибо что божественнымъ промысломъ мiръ, хотя умолчу о Трисмегистѣ, который сiе проповѣдуетъ: умолчу о стихахъ Сивиллъ, которыя тожъ объявляютъ: умолчу о пророкахъ, которые единодушно и единогласно свидѣтельствуютъ, что сотворенiе мiра есть дѣло Божiе: и философы почти всѣ въ томъ согласуютъ. Ибо оное и Пиѳагорики, которые начальниками всего ученiя почитаются, утверждаютъ. И отъ первыхъ оныхъ седми мудрецовъ, отъ Сократа до Платона за извѣстное и несумнительное оное почиталося: покуда спустя нѣсколько вѣковъ, появился безумный Епикуръ, который дерзнулъ опровергать то, что есть наиизвѣстнѣйшимъ, желая то есть найти новое, дабы отъ имени своего ввести ученiе. И понеже ничего новаго не могъ найти, однако, дабы съ прочими не согласовать, прежнее хотѣлъ опровергнуть: въ чемъ его всѣ Философы ругая обличаютъ.

И такъ извѣстнѣе то, что міръ промысломъ устроенъ, нежели что безъ нея не могъ міръ быть сотворенъ. Сего ради не надлежитъ думать, будтобы того ради міръ не божіимъ промысломъ сотворенъ, понеже матерія его божіимъ промысломъ не сотворена: но понеже міръ божіимъ промысломъ сотворенъ, то и матерія сотворена отъ Бога. Ибо вѣроятнѣе, что матерія отъ Бога сотворена, понеже Богъ всемощенъ, нежели то, будто міръ отъ Бога не сотворенъ, понеже безъ ума, разума, совѣта, ни что сотворено быть не можетъ. Но въ томъ не Цицеронъ виноватъ, но секта. Ибо когда предпринялъ онъ разглагольствовать о отверженіи природы боговъ, о которой Философы брѣдили, то по незнанію истинны хотѣлъ доказать, что нѣтъ никакого божества. И такъ боговъ моглъ опровергнуть, понеже ихъ не было. А когда промыслъ божій, который есть въ единомъ Богѣ, тщался отринуть, понеже противъ истинны силиться началъ, то по недостатку доводовъ необходимо въ сію яму впалъ, откуда выйти не можетъ. И такъ держу я его здѣсь увязшаго, и погрязнувшаго, понеже Лукилій, который противо разглаголствовалъ, онѣмѣлъ. Сіе есть основаніе вещи, въ семъ состоитъ все. Пускай свободитъ себя отъ сея пропасти Котта, ежели можетъ: пускай представитъ доводы, и оными покажетъ, что всегда была матерія, ни отъ какого промысла не сотворенная. Пускай покажетъ, какъ могло что тяжелое или быть безъ творца, или премѣниться: и престало быть тѣмъ, чемъ

все-

всегда было, дабы начать быть тѣмъ, чемъ никогда не было. Сіе ежели покажетъ, тогда уже соглашуся, что и міръ не божіимъ промысломъ составленъ: однакожъ соглашуся съ тѣмъ, чтобъ другимъ силомъ мнѣ его держать. Ибо туда, куда не хочетъ, обратится: и скажетъ, что и матерія, изъ которой міръ состоитъ, и міръ, который изъ матеріи, натурою сотворенъ; когда я буду спорить, что самая натура есть Богъ. Ибо не можетъ дѣлать дивныхъ дѣлъ, кто не имѣетъ ума, промысла, силы: такимъ образомъ воспослѣдуетъ, что Богъ сотворилъ все, и не можетъ быть ничто, не принявъ бытія отъ Бога. Но онъ же, поелику Епикурова мнѣнія держится, и не признаетъ отъ Бога сотвореннымъ міръ, обыкновенно вопрошаетъ; какими руками, какими машинами, какими бревнами, какимъ предпріятіемъ сіе толикое дѣло сотворилъ. Увидѣлъ бы, можетъ быть, ежели бы въ то время могъ онъ быть, въ которое Богъ сотворилъ. Но дабы не видѣлъ человѣкъ дѣлъ Божіихъ, не хотѣлъ его ввести въ сей міръ прежде нежели совершитъ все. Но и ввести было не можно. Ибо какимъ образомъ предстоять онъ могъ бы, когда созидалося свыше небо, земля принимала свои основанія, когда можетъ быть мокрота, или излишними стужами оледенѣвши, сгущалася, или сильнымъ огня жаромъ изсушаема будучи, становилась твердою? Или какимъ образомъ могъ бы онъ жить, когда солнца еще не было, ни пищи ни животныхъ. И такъ должно было человѣ-

ку

ку послѣ сотворену быть, когда уже мiръ и прочiя вещи совершились. Ктомужъ Священное Писанiе показываетъ, что человѣкъ былъ послѣднее божiе дѣло: и такъ введенъ былъ въ сей мiръ, какъ въ домъ готовый и украшенный. Ибо все для него сотворено. Тожъ и стихотворцы признаютъ. Овидiй по совершенiи уже мiра, и произведенiи всѣхъ животныхъ, сiе придаетъ: „Святѣйшаго сихъ жи„вотнаго, и могущаго вмѣстить высокiй ра„зумъ, еще не было, и которое могло бы „обладать прочими. Родился человѣкъ„. Такъ то не прилично испытывать то, что Богъ восхотѣлъ скрыть. Но онъ не ради слышанiя или познанiя вопрошалъ, но ради опроверженiя: понеже надѣялся, что никто того сказать не можетъ. Будто бы изъ того заключить слѣдуетъ, что все не отъ Бога сотворено, когда не можно было видѣть, какимъ образомъ оное сотворено. Ежелибъ ты воспитанъ будучи въ дому сооруженномъ и украшенномъ, не видалъ другихъ зданiй: то не ужели бы ты подумалъ, что домъ тотъ не отъ человѣка построенъ, когда не зналъ бы ты, какимъ образомъ созидаются домы. Я думаю, что ты тоже бы вопрошалъ о домѣ, что нынѣ вопрошаешъ о мiрѣ, то есть какими руками, какими орудiями человѣкъ толикое дѣло совершилъ, юсобливо, ежели бы наивеличайшiя камни, безмѣрное множество матерiаловъ, огромныя столпы, и все дѣло великолѣпно содѣланнымъ увидѣлъ: не подумалъ ли бы ты, что сiе человѣческiя силы превосходитъ, понеже не зналъ

бы

бы ты, что оное не столь силою, какъ разумомъ и художествомъ сотворено. А ежели человѣкъ, въ которомъ нѣтъ ничего совершеннаго, однако больше дѣлаетъ разумомъ, нежели сколько малыя его силы могутъ, то, для чего не вѣроятнымъ тебѣ кажется, когда говоримъ, что міръ сотворенъ отъ Бога? въ которомъ, понеже онъ совершенъ есть, то и мудрость не имѣетъ предѣловъ, и крѣпость не имѣетъ мѣры. Дѣла его видимъ очами: а какъ оныя сотворилъ, и умомъ не постигаемъ: понеже (какъ Ермій говоритъ) смертное безсмертному, временное вѣчному, и тлѣнное нетлѣнному приближиться не можетъ: то есть ближе приступить, и умомъ постигнуть. И того ради земное животное вещей небесныхъ совершенства не понимаетъ; понеже тѣломъ, какъ бы темницею огражденное, окружается, дабы свободно всего не видѣло. И такъ пускай вѣдаетъ, сколь не пристойно дѣлаетъ тотъ, кто о вещахъ несказанныхъ вопрошаетъ. Ибо сіе значитъ мѣру свою преходить, и не разумѣть, до какой степени доходить человѣку можно. Къ томуже открывая Богъ человѣку истинну, то только знать ему дозволилъ, что надлежало знать человѣку къ продолженію житія. А что къ любопытной и мірской касалось, надлежало, умолчалъ, дабы тайно было. Для чего убо вопрошаешь о томъ, чего и знать не можешь, а ежели бы и зналъ, то блаженнѣйшимъ не будешь? совершенная есть въ человѣкѣ мудрость, ежели знаетъ, что единъ Богъ есть, и онъ сотворилъ все.

ГЛАВА

ГЛАВА 10.

Что Богъ четыре стихіи раздѣлилъ и четыре качества и четыре времена: и что изъ теплоты и мокроты состоитъ жизнь: и для чего люди огня, прочіе животные воды наипаче употребляютъ.

Нынѣ опровергши тѣхъ, которые о мірѣ, и о создателѣ его Богѣ инако мудрствуютъ, нежели какъ истинна показываетъ, къ божественному міра употребленію возвратимся: о которомъ въ таинственномъ святыя вѣры писаніи повѣствуется. И такъ прежде всего сотворилъ Богъ небо, и на высотѣ повѣсилъ: дабы было жилищемъ самаго Бога создателя. Потомъ землю утвердилъ, и подъ небомъ поставилъ: дабы на ней человѣкъ съ протчими животныхъ родами обиталъ. Оную окружилъ водою: а свое жилище украсилъ и наполнилъ блистающими свѣтилами: то есть солнцемъ и сіяющимъ кругомъ луны, и блещащимися и свѣтозарными украсилъ звѣздами: а тьму симъ противную разліялъ по земли. Ибо никакого въ себѣ не имѣетъ свѣта, ежели не пріиметъ отъ неба, на которомъ распростеръ Богъ свѣтъ вѣчный, и небожителей, и животъ вѣчный: и напротивъ на земли тьму, адъ и смерть. Ибо столько сіи отъ оныхъ горнихъ различны, сколько добро отъ зла, и пороки отъ добродѣтелей. И самой земли двѣ части противныя между собою и отмѣнныя положилъ, то есть востокъ и западъ: изъ которыхъ

рыхъ востокъ Богу приписывается и присвояется: понеже онъ свѣта источникъ, и просвѣтитель вещей, и даруетъ, что мы востекаемъ къ жизни вѣчной. А западъ мятежному оному и злому духу приписывается: понеже свѣтъ сокрываетъ, тьму всегда наводитъ, и дѣлаетъ, что люди умираютъ и погибаютъ во грѣхахъ. Ибо какъ свѣтъ происходитъ отъ востока, и во свѣтѣ препровождается житіе: такъ отъ запада происходитъ тьма, во тьмѣ же содержится и смерть и погибель. Потомъ другія части такимъ же образомъ размѣрилъ, полудень и сѣверъ: которыя части съ оными двумя союзъ имѣютъ. Ибо горячайшая по причинѣ солнечной теплоты находится ближе, и соединяется съ востокомъ. А другая по причинѣ стужи и всегдашняго мраза ужасная, тогожъ есть, котораго и послѣдній западъ. Ибо какъ свѣту тьма, хладъ теплотѣ противны. И какъ теплота свѣту близка, такъ полдень востоку. Какъ хладъ тьмѣ, такъ страна сѣверная западу. Которымъ всѣмъ частямъ свое время назначилъ. То есть весну востоку, лѣто полуденной странѣ, западу осень, сѣверу зиму. И въ сихъ двухъ частяхъ полуденной и сѣверной изображеніе живота и смерти содержится: понеже животъ въ теплотѣ состоитъ, а смерть въ хладѣ. А какъ теплота отъ огня происходитъ, такъ холодъ отъ воды. По размѣренію сихъ частей сотворилъ день и нощь: дабы разстоянія и круги временъ вѣчныя и обращаемыя, которыхъ называемъ годами,

дами, перемѣннымъ преемствомъ совершали. День, который производитъ востокъ, долженствуетъ быть Божіимъ, какъ и все изящнѣйшее. А нощь, которую западъ послѣдній наводитъ, есть того, котораго Божіимъ противникомъ называемъ. И сіи два, Богъ предвидя будущее, сотворилъ, дабы тѣми и истинной вѣры, и ложныхъ суевѣрій образъ нѣкоторый показать. Ибо какъ солнце, которое восходитъ для открытія дня, хотя едино, solus, есть, чего для по мнѣнію Цицеронову и солнцемъ, sol, названо, понеже помрачивши звѣзды, одно, solus, видимо бываетъ: однако поелику есть прямое и совершенно полное свѣтило, потому и теплотою наибольшею, и блистаніемъ наисвѣтлозарнѣйшимъ просвѣщаетъ все: такъ въ Богѣ, хотя есть единъ, и величество, и сила и свѣтлость находится совершенная. А нощь, которая злому оному противнику Божію присвоена, многія и различныя его вѣры по подобію показываетъ. Ибо хотя звѣзды безчисленныя блистаютъ и сіяютъ, однако понеже онѣ не полныя и не совершенныя свѣтила, то и тѣплоты никакой не имѣютъ, и тьмы множествомъ своимъ не разгоняютъ. И такъ два оныя начальныя находятся, которыя различную и другъ другу противную имѣютъ силу, теплота и мокрота: которыя дивно Богъ къ содержанію всего изобрѣлъ. Ибо какъ сила Божія есть въ теплотѣ и огнѣ, то ежели бы жаръ и силу его, примѣшаніемъ мокроты и холоду, благоумѣренною не содѣлалъ,

то ни что родиться, ни соединиться не могло бы, и не только то, но вскорѣ бы отъ огня погибло все то, что бытiе свое ни получило бы. Почему и Философы нѣкоторые и стихотворцы говорили, что мiръ состоитъ изъ раздорнаго согласiя: но основанiя тому совсѣмъ не знали. Ираклитъ сказалъ, что изъ огня все родилось. Ѳалесъ Милетскiй, изъ воды. Оба видѣли нѣчто, но однако оба заблудили: понеже ежели бы только одно изъ нихъ было, то ни вода отъ огня не могла бы родиться, ни огнь также отъ воды. Но справедливѣе то, что изъ обоихъ купно смѣшанныхъ все раждается. Огнь хотя не можетъ смѣшаться съ водою, поелику обѣ сiи вещи одна другой противны; и ежелибы одно къ другому приближилося, то одно изъ нихъ преодолѣвъ другаго, вовсе его истребило бы: но ихъ существа соединены быть могутъ. Существо огня есть теплота; воды мокрота. И такъ не ошибся Овидiй, сказавъ: „когда „смѣшается мокрота и теплота, тогда онѣ „нѣчто зачинаютъ, и отъ сихъ двухъ раж„дается все, и понеже есть огнь водѣ проти„венъ, то пары влажныя всѣ вещи раждаютъ, „и несогласное согласiе раждаемымъ способ„ствуетъ. Ибо одна изъ нихъ какъ бы „мужескаго пола стихiею есть, другая какъ „бы женскаго. Одна дѣйствующая, дру„гая страдательная. И того ради древнiе „уставили, для утвержденiя союзовъ брач„ныхъ клясться огнемъ и водою; понеже плодъ „животныхъ отъ теплоты и мокроты зачи-

„нает-

,,нается, и оживотворяется,,. Ибо какъ всякое животное состоитъ изъ души и тѣла, и вещество тѣла состоитъ въ мокротѣ, а души въ теплотѣ: что изъ птичьихъ приплодовъ выразумѣть можно, которыхъ въ яищахъ содержащаяся густая мокрота, ежели теплотою согрѣта не будетъ, то ни мокрота невозможетъ принять вида тѣла, ни тѣло оживотвориться. И въ изгнаніе посланнымъ, огнь и воду обыкновенно запрещали: ибо еще за неприличное почитали, людей хотя злыхъ смертію казнить. И такъ по запрещеніи употребленія тѣхъ вещей, которыми житіе человѣческое подкрѣпляется, тѣхъ, кои таковой приговоръ получили, почитали казнь смертную принявшими. Столь-то сіи двѣ стихіи всегда главнѣйшими почитаемы были, что всѣ вѣрили, что ни зачаться человѣку, ни продолжать жизни безъ нихъ не возможно. Изъ сихъ одна есть общая намъ съ прочими животными: другая единому человѣку собственная. Ибо мы, понеже небесное и безсмертное животное есмы, огня употребляемъ, который намъ данъ въ доказательство безсмертія: котораго природа поелику легка и къ высотѣ стремится, потому образъ житія содержитъ. Прочіе же животные, понеже совсѣмъ смертны, только воды употребляютъ: которая стихія есть тѣлесна и земная. Ея природа поелику движима, и стремится внизъ, потому показываетъ образъ смерти. Того ради скоты и на небо не смотрятъ, и вѣръ не знаютъ: понеже огня не употребляютъ. Откуду же

или какимъ образомъ Богъ сiи двѣ начальныя стихiи, огнь и воду, или возжегъ, или учинилъ влажною, единъ знать можетъ сотворившiй оныя.

ГЛАВА II.

Что по созданiи мiра сотворены животные ради человѣка, и потомъ самъ человѣкъ. И что значитъ, что стихотворцы выдумали, будто Девкалiонъ людей возобновилъ, и что Аристотель ложно думалъ, что мiръ есть вѣченъ, и какiе находятся три Парки.

И такъ по сотворенiи мiра повелѣлъ быть животнымъ различнаго рода и разновиднымъ, и великимъ и малымъ. И сотворены по два изъ каждаго рода двухъ половъ, которыхъ плодомъ, и воздухъ, и земля, и моря наполнились: и далъ имъ всѣмъ обще Богъ пищу отъ земли, дабы могли быть для употребленiя человѣческаго, то есть иные для пищи, иные для одѣянiя. А которые великую имѣютъ силу, тѣ дабы спомоществовали; iuvarent, въ воздѣлыванiи земли, чего для и названы оныя, iumenta, скоты. Такимъ образомъ все дѣла чуднымъ распредѣленiемъ устроивъ, царство себѣ вѣчное уготовить вознамѣрился, и безчисленныя души произвесть, дабы имъ безсмертiе даровать. Тогда сотворилъ образъ чувственный и разумный: то есть

есть по образу своему, котораго ничего совершеннѣе быть не можетъ: человѣка изобразилъ изъ тины земной: по чему, ћото, человѣкомъ, названъ, понеже сотворенъ изъ, ћито, земли. Притомъ Платонъ человѣческій образъ богоподобнымъ называетъ и Сивилла, которая говоритъ: „ Образъ мой есть „ человѣкъ правый разумъ имѣющій. „ О семъ человѣка сотвореніи и стихотворцы хотя испорченнымъ образомъ, однако не инаково написали. Ибо говорили, что человѣка изъ грязи сотворилъ Промиѳей. Въ дѣлѣ они не обманулись, но въ имени творца. Ибо писанія истиннаго не читали, но что пророками повѣствованное въ священномъ писаніи содержится, тое изъ басенъ, и темнаго мнѣнія собравши, и испортивши, какъ обыкновенно въ народѣ разсѣянную истинну портятъ, когда всякъ къ тому, что слышалъ, прибавляетъ, въ стихахъ своихъ написали. И сіе подлинно безразсудно, что такое дивное, и такое божественное дѣло человѣку причли. Ибо какая была нужда человѣка изъ грязи дѣлать, когда можно было такимъ же образомъ его родить, какимъ самъ Промиѳей отъ Іапета рожденъ? Который ежели былъ человѣкъ, то родить человѣка могъ, а не сотворить. А что онъ не былъ изъ числа боговъ, то казнь его на горѣ Кавказѣ доказываетъ. Но и отца его Іапета, и дяди Титана никто богами не называлъ: понеже достоинство царское при Сатурнѣ одномъ было, по которому божественную честь съ потомками своими получилъ.

чилЪ. Многими доводами сей стихотворческій вымыслЪ обличить можно. Извѣстно всѣмЪ, что былЪ потопЪ для погубленія и истребленія злобы отЪ міра. Ибо оное и Философы и стихотворцы и историки древніе утверждаютЪ, и вЪ томЪ сЪ пророческими словами гораздо согласуютЪ. И такЪ ежели потопЪ отЪ Бога для того наведенЪ, дабы злобу, которая крайне умножилась, потребить, то какЪ создалЪ человѣка Промиѳей? о которомЪ тѣжЪ самые говорятЪ, что сынЪ его ДевкаліонЪ за правду одинЪ сохраненЪ: то какЪ одна степень, и одно колѣно кругЪ земный толь скоро могло людьми наполнить? Но и сіе также испортили, какЪ и первое, понеже не знали, вЪ которое время потопЪ былЪ на земли, и кто за правду удостоился при погубленіи рода человѣческаго сохраненЪ быть, и какЪ или сЪ кѣмЪ сохраненЪ онЪ, о чемЪ всѣмЪ писанія пророческая обЪявляютЪ. И такЪ видимЪ, что ложно то, что о твореніи ПромиѳеевомЪ говорятЪ. Но понеже сказалЪ я, что стихотворцы не совсѣмЪ лгутЪ, но фигурами нѣкоторыми прикрываютЪ и затемняютЪ то, что говорятЪ! я не говорю будто бы они солгали, понеже Промиѳей прежде всѣхЪ ваяніе человѣческое здѣлалЪ изЪ влажной и мягкой земли, и отЪ него началось сперва художество дѣлать обличія и ваянія или болваны; понеже во времена Юпитеровы онЪ жилЪ, вЪ которые сперва начали храмы поставлять, и новыя богамЪ почитанія вводить. ТакимЪ образомЪ истинна прикрыта

ложью,

ложью, и то, что отъ Бога сотворено, человѣку дѣло Божіе подражавшему началь приписываться. Въ прочемъ сотвореніе истиннаго и живаго человѣка отъ земли дѣло Божіе есть, о чемъ и Ермій пишетъ, который говоритъ, что не токмо человѣка по подобію своему сотворилъ Богъ, но и оное изъяснить покусился, какъ искусно всѣ въ тѣлѣ человѣческомъ уды устроилъ: когда ни единаго изъ нихъ нѣтъ, который бы не столькожъ къ употребленію, сколько къ красотѣ не служилъ. То же и стоики, о промыслѣ говоря, дѣлаютъ, и имъ послѣдуя Цицеронъ на многихъ мѣстахъ: но однакожъ матеріи толь обширной кратко коснулся: которую я нынѣ для того оставляю, понеже не давно нарочную о семъ дѣлѣ книгу къ Димитріану ученику моему написалъ. Сего здѣсь оставить не могу, что нѣкоторые Философы заблуждая говорятъ, будто бы люди и прочіе животные безъ творца произошли отъ земли, откуду оное Виргилій написалъ: „земное порожденіе вознесло „главу отъ твердыхъ полей.„ И тѣ особливо сего мнѣнія держались, которые промыслъ отвергали. Ибо стоики сотвореніе животныхъ Божіей премудрости приписываютъ. А Аристотель себе отъ труда и отъ скуки свободилъ, говоря, будто бы всегда міръ былъ, и того ради и человѣческій родъ, и прочее въ немъ находящееся начала не имѣло, но всегда было, и всегда будетъ. Но когда видимъ, что всякое животное, которое прежде не было, начинаетъ быть, и быть престаетъ, то

и весь родъ нѣкогда быть началъ, и нѣкогда быть престанетъ, понеже начался. Ибо все въ трехъ временахъ содержится, прешедшемъ, настоящемъ, и будущемъ. Прошедшаго есть начало, настоящаго существа, будущаго разрушеніе. Сіе все во всякомъ человѣкѣ видимъ. Ибо и начинаемъ, когда раждаемся: и пребываемъ, когда живемъ: и престаемъ, когда умираемъ. Отсюду и трехъ Паркъ вымыслили, одну, которая житіе людемъ начинаетъ: другую, которая продолжаетъ: третію, которая прерываетъ и прекращаетъ. Во всемъ родѣ человѣческомъ хотя только настоящее время является, однако изъ того и прошедшее, то есть начало разумѣется, и будущее, то есть разрушеніе. Ибо что бытіе имѣетъ, то видно, нѣкогда началось. Ибо не можетъ никакая вещь быть безъ начала: и понеже начала, то видно, что нѣкогда престанетъ. Ибо не можетъ все быть безсмертнымъ, которое изъ смертныхъ состоитъ: понеже то, какъ всѣ по единому умираемъ, можетъ статься, что нѣкогда случаемъ всѣ совокупно или неплодствомъ земли, которое обыкновенно часто случается: или моромъ вездѣ разлившимся, который всѣ города и страны часто разоряетъ: или пожаромъ въ міръ посланнымъ, какой по сказскамъ уже былъ при Фаетонтѣ: или потопомъ воднымъ, какой былъ, какъ повѣствуютъ, при Девкаліонѣ, когда кромѣ одного человѣка весь родъ истребленъ былъ. Оный потопъ ежели случайно приключился, то могло статься, чтобъ и одинъ оный оставшійся умеръ. А

ежели

ежели божіимъ промышленіемъ, чего отвергнуть не можно, для возобновленія людей сохраненъ, то видно, что во власти божіей или животъ или смерть рода человѣческаго состоитъ. А ежели можетъ умереть совсѣмъ, понеже по частямъ умираетъ: то видно, что нѣкогда имѣлъ начало. И какъ немощь, начало, такъ и конецъ показываетъ. Сіе ежели справедливо, то не можетъ защищать Аристотель, будто бы неимѣлъ и самъ міръ начала. А ежели о семъ Аристотеля Платонъ и Епикуръ обличаютъ, и Платона и Аристотеля, которые думали, будто бы міръ конца имѣть не будетъ, хотя они и краснорѣчивы, однако не безъ основанія тойже Епикуръ обличитъ, понеже слѣдуетъ, что имѣетъ и конецъ. Но о семъ пространнѣе въ послѣдней книгѣ скажу. Теперь къ началу человѣка возвратимся.

ГЛАВА 12.

Что не отъ земли и не своею силою рождены животные, но властію божіею, о которой объявилъ бы намъ Богъ, ежели бы то знать намъ было полезно.

Говорятъ, что по извѣстнымъ обращеніямъ неба, и движеніямъ звѣздъ, зрѣлость нѣкоторая зделалась къ произведенію животныхъ. И такъ земля новая, сѣмя родотворное содержащая, произнесла нѣкоторые мѣхи неболь-

большіе на подобіе чревъ, о которыхъ говоритъ Лукрецій: росли изъ земли чрева для корней способныя: и оные созрѣвши, понужденіемъ природы растерзаны будучи, извели животныхъ младыхъ. Потомъ земля влажностію нѣкакою подобною молоку наполнилась; и оною пищею животные кормились. Какимже образомъ могли они снесть холодъ или жаръ, или отъ оныхъ уберечься, когда солнце палило, холодъ сжималъ? Не было; отвѣтствуютъ въ началѣ міра зимы и лѣта, но всегдашняя умеренность и весна равномѣрная. И такъ для чего нынѣ ничего такого не видимъ: понеже говорятъ, должно было единожды тому быть, дабы животные могли родиться: а когда оные бытіе уже получили, и дана имъ сила къ дѣторожденію, то и времени состояніе премѣнилось. О сколь легко ложь обличать! Вопервыхъ ничто не можетъ быть въ мірѣ семъ, которое бы не такъ пребывало, какъ оно было въ началѣ: ибо солнце и луна и звѣзды тогда были: и когда были, то теченіе имѣли: и божіе управленіе, теченіе ихъ благоумѣряющее и управляющее, съ ними совокупно началось. Вовторыхъ ежели оно такъ было, какъ говорятъ, то необходимо долженъ быть промыслъ: и впадаютъ въ тожъ самое, отъ чего наипаче удаляются. Ибо покуда еще животные не родились, промыслилъ конечно кто либо, дабы они родились, чтобъ кругъ земный пустымъ и необитаемымъ не былъ. А чтобъ отъ земли безъ родителей могли родиться, оное долженъ великій нѣкоторый умъ про-

промыслить. При томъ, дабы мокрота оная сгустѣвшаяся отъ земли въ разныя образы тѣлъ премѣнилась: также, дабы изъ мешечковъ, въ которыхъ они находились, по принятіи жизни и чувства, такъ какъ изъ утробы матерней произошло. Чудный и несказанный промыслъ. Но положимъ, что и сное здѣлалось случаемъ: однако слѣдующее не можетъ быть случайнымъ, какъ то, дабы земля безпрестанно млеко источала: дабы воздуха благорастворенiе было равномѣрное: и сiе ежели для того здѣлано, дабы животные новорожденные или имѣли пищу, или не имѣли опасности: то должно, дабы нѣкто божественнымъ незнаю какимъ образомъ о томъ промыслилъ. Кто же можетъ промыслить кромѣ Бога? Посмотримъ однако то самое, что говорятъ, могло ли статься, дабы люди родилися отъ земли? Ежели разсудитъ кто, какъ долго, и какимъ образомъ воспитывается младенецъ, уразумѣетъ подлинно, что не можно было земнородныхъ оныхъ младенцевъ безъ всякаго питателя воскормить. Ибо должно имъ было чрезъ многiя мѣсяцы лежать, покуда по укрѣпленiи жилъ движенiе имѣть, и съ мѣста на мѣсто бродить возмогли. Что самое едва ли чрезъ одинъ годъ здѣлаться можетъ. Разберижь пожалуй, могъ ли младенецъ такимже образомъ, и натомже мѣстѣ, на которомъ родился, лежать чрезъ многiя мѣсяцы? и какимъ образомъ или мокротою оною земною, которая для пищи подавалась, и своего тѣла нечистотами съ тою соединившимися окруженъ будучи и согнивъ,

не лишился жизни? И такъ никоимъ образомъ статься не могло, дабы отъ коголибо не былъ воспитанъ: развѣ можетъ быть, животныя всѣ не младыми родились, но возраслыми: чего сказать имъ никогда и на умъ неприходило: и такъ все разсужденіе оное невозможно и тщетно, естьли только разсужденіемъ назвать можно, что дѣлается безъ основанія. Ибо кто говоритъ, что все само собою родилось, и божію промыслу ничего неприписываетъ, тотъ посправедливости разсудокъ неутверждаетъ, но разоряетъ. А ежели ничто какъ бытія получить, такъ и родиться безъ вины не могло, то видно, что есть божій промыслъ, который есть виною. И такъ Богъ всѣхъ вещей создатель сотворилъ чоловѣка. И сіе Цицеронъ, хотя не зналъ небеснаго пасанія, однако видѣлъ: ибо въ книгѣ первой о законахъ тожь самое пишетъ, что пророки: : котораго слова предлагаю: „ Сіе „ животное промыслительное, проницательное, „ многоразличное, остроумное, памятливое, „ наполненное разума и совѣта, которое мы „ называемъ человѣкомъ, изящнѣйшимъ нѣкоторымъ образомъ рождено отъ всевышняго „ Бога: ибо одно оно изъ толь многихъ родовъ „ животныхъ и природъ одарено разумомъ и „ помышленіемъ; когда напротивъ всѣ прочіе „ онаго не имѣютъ. Видишь ли, что онъ хотя не зналъ истинны, однако поелику защищалъ образъ мудрости, то понималъ, что человѣкъ не могъ инаково родится, какъ только отъ Бога. Но однако потребно предло-

дложить божественныя свидѣтельства, дабы человѣческихъ не было не довольно. Сивилла свидѣтельствуетъ, что человѣкъ есть дѣло божіе: „ одинъ, говоритъ, есть Богъ, никому неподвластный. Онъ утвердилъ начертаніе образа „ человѣческаго, онъ смѣсилъ природу всѣхъ „ рожденія жизни „. Сіе и священное писаніе содержитъ. И такъ Богъ истиннаго отца долгъ исправилъ. Онъ тѣло изобразилъ: онъ душу, которою дышемъ, вліялъ. Его есть все, что мы имѣемъ. И ежели бы нужно было намъ знать, какимъ образомъ онъ то сдѣлалъ, то открылъ бы также, какъ и прочее, откуду мы познали и прежнее заблужденіе, и свѣтъ истинны.

ГЛАВА 13.

Для чего два пола находятся міра меньшаго, то есть человѣка: и что есть смерть первая, что вторая, и о праотеческой винѣ и казни.

И какъ сотворилъ по подобію своему мужа, тогда и жену по образу его создалъ, дабы совокупленіемъ двухъ половъ могъ умножиться родъ, и вся земля наполниться множествомъ. Въ созданіи же человѣка сіи два вещества одно другому противныя, огнь и воду соединилъ, и совершилъ оное дѣло. Ибо сотворивши тѣло, вдохнулъ въ него душу отъ живота источника духа своего, дабы онъ

онѣ самаго міра, изѣ противныхѣ составленнаго стихій, подобіе носилѣ. Ибо состоитѣ изѣ души и тѣла, то есть какѣ бы изѣ неба и земли: понеже душа, которою живемѣ, какѣ бы отѣ неба раждается, отѣ Бога: тѣло отѣ земли, которыя изѣ тины оно зделано. Емпедоклѣ, котораго, неизвѣстно, между Стихотворцами ли, или между Философами считать должно, понеже ю природѣ вещей стихи писалѣ, какѣ у Римлянѣ Лукреций и Варронѣ, четыре стихіи поставляетѣ, то есть огнь, воздухѣ, воду, и землю: можетѣ быть Трисмегисту послѣдуя, который сказалѣ, что тѣла наши изѣ сихѣ четырехѣ стихій составлены отѣ Бога. Ибо имѣютѣ вѣ себѣ часть огня, часть воздуха, часть воды, и земли: однако онѣ ни огнь, ни вода и не земля. Что и не несправедливо. Ибо свойство земли находится вѣ тѣлѣ, воды вѣ крови, воздуха вѣ духѣ, огня, вѣ теплотѣ жизненной. Но кровь отѣ тѣла отлучиться не можетѣ, какѣ вода отѣ земли: и теплота жизненная отѣ духа, какѣ огнь отѣ воздуха. Такѣ то во всѣхѣ вещахѣ двѣ сіи обрѣтаются стихіи, изѣ которыхѣ наше тѣло составлено. И такѣ изѣ вещей различныхѣ и противныхѣ человѣкѣ сотворенѣ, какѣ и мірѣ изѣ свѣта и тьмы, изѣ живота и смерти. Симѣ двумѣ между собою сражаться вѣ человѣкѣ повелѣлѣ: дабы ежели душа побѣдитѣ, которая отѣ Бога рождена, то была бы безсмертною, и во всегдашнемѣ свѣтѣ пребывала бы: а ежели тѣло побѣдитѣ душу и себѣ поко-

коритъ, дабы была во тьмѣ вѣчной и смерти: которой сила не въ томъ состоитъ, чтобъ неправедныя души совсѣмъ потребить, но дабы казнить во вѣки. Сію казнь смертію второю именуемъ, которая есть и сама также вѣчна, какъ и безсмертіе. Первую такъ описываемъ: смерть есть природы животныхъ разрушеніе. Или такъ: смерть есть тѣла и души разлученіе. А вторую такъ: смерть есть вѣчной болѣзни претерпѣніе. Или такъ: смерть есть душъ по достоинству на вѣчныя муки осужденіе. Сія безсловесныхъ животныхъ не касается, которыхъ души понеже не изъ Бога состоятъ, но изъ общаго воздуха, смертію разрушаются. И такъ въ семъ союзѣ неба и земли, которыхъ образъ въ человѣкѣ начертанъ, первенствуетъ сущее отъ Бога, то есть душа, которая владѣетъ тѣломъ: послѣднее же есть сущее отъ діавола, то есть тѣло: которое понеже есть земное, то души должно покаряться, какъ земля небу. Ибо земля есть какъ бы сосудъ, котораго такъ, какъ дому временнаго, духъ небесный употребляетъ. Обоихъ должность состоитъ въ томъ, дабы сущее отъ неба и отъ Бога повелѣвало, а сущее отъ земли и діавола, служило. Зналъ сіе и Салюстій человѣкъ не потребный, который говоритъ: „ но вся наша сила въ душѣ и тѣлѣ состоитъ. Душевнаго повелѣнія, тѣлеснаго служенія паче „ употребляемъ. „ Изрядно, ежели бы такъ жилъ, какъ говорилъ. Ибо работалъ мерзскимъ сладострастіямъ, и самъ свое мнѣніе злымъ жи-

житіемъ разрушилъ. А ежели душа есть огнь, какъ показалъ я, то къ небу должна возноситься, какъ огнь, то есть къ безсмертію сущему на небеси, дабы не угаснуть. И какъ горѣть и жить не можетъ огнь, ежели не будетъ содержаться въ тучномъ нѣкоторомъ веществѣ, которымъ бы питался: такъ души матерія и пища есть одна правда, въ которой состоитъ житіе. Потомъ Богъ человѣка такимъ образомъ, какъ сказалъ я, рожденнаго поселилъ въ раю, то есть въ саду наиплодоноснѣйшемъ и наиувеселительнѣйшемъ, который въ странахъ восточныхъ всякимъ родомъ древъ насадилъ, дабы оныхъ различными плодами питался, и не имѣя никакого труда, богу отцу съ великимъ благоговѣніемъ благоугождалъ. Тогда далъ ему извѣстныя заповѣди, которыя ежели сохранитъ, то будетъ безсмертнымъ: ежелижъ преступитъ, то смертію умретъ. Одна изъ оныхъ заповѣдь была, дабы отъ единаго древа, которое было посредѣ рая, не вкушалъ, въ которомъ сокрыто разумѣніе добра и зла. Тогда клеветникъ оный завидя дѣламъ Божіимъ, всѣ коварства и хитрости свои на прельщеніе человѣка употребилъ, дабы лишить его безсмертія. И вопервыхъ жену лестію привлекъ, дабы запрещенной вкусила пищи, а чрезъ нея и самаго человѣка уговорилъ, преступить Божій законъ. И такъ получивъ знаніе добра и зла, началъ стыдиться наготы своея, и сокрылся отъ лица Божія, чего прежде не дѣлалъ. Тогда Богъ изгналъ человѣка изъ рая, положивши приговоръ на грѣшниковъ, дабы

пищу себѣ трудомъ снискивали: и самый рай пламенемъ оградилъ, дабы человѣкъ не моглъ приступить, покуда послѣдній судъ сотворитъ на земли, и праведныхъ мужей почитающихъ его, въ то же мѣсто введетъ, упразднивши смерть, какъ священное писаніе показываетъ: и Сивилла Еритрейская, когда говоритъ: „почитающіи истиннаго Бога, вѣч„ную жизнь наслѣдятъ во вѣки, живущи въ „раѣ, въ наиувеселительнѣйшемъ саду.„ Но понеже сіе послѣднее есть, то о всемъ томъ въ послѣдней сочиненія сего части скажу: теперь изъяснимъ главнѣйшее. И такъ смерть послѣдовала человѣку, по Божію опредѣленію, что и Сивилла въ стихахъ своихъ показываетъ говоря: „Богъ человѣка сотворилъ свои„ми руками, котораго змій прельстилъ ле„стно, дабы подпалъ силѣ смерти, и при„нялъ знаніе добра и зла.„ Такимъ образомъ здѣлалось житіе человѣческое временнымъ, но однако продолжительнымъ, которое до тысячи лѣтъ присширалось. И сіе въ Божественномъ писаніи повѣствованное, и вездѣ разглашенное, вѣдая Варронъ, силился показать, для чего люди думаютъ о древнихъ, будто бы они по тысячи лѣтъ жили. Ибо говоритъ, что Египтяне вмѣсто годовъ имѣютъ мѣсяцы, и не солнце обходя двенадцать знаковъ, дѣлаетъ у нихъ годъ, но луна кругъ оный знаменоносный тридцатью деньми просвѣщая. Который доводъ очевидно ложенъ. Понеже никто тогда тысячнаго года не прешелъ. А нынѣ нѣкоторые проживаютъ до ста

лѣтъ, что нерѣдко бываетъ, тысячу и двѣстѣ мѣсяцовъ живутъ. И писатели достовѣрные повѣствуютъ, что до ста и двадцати лѣтъ достигнуть можно. Но понеже не зналъ Варронъ, для чего, или когда житіе человѣческое умалено, то самъ его умалилъ, вѣдая, что тысячу и сорокъ мѣсяцовъ можетъ жить человѣкъ.

ГЛАВА 14.

Что не Либеръ отецъ былъ изобрѣтателемъ віна, но Ной по потопѣ: и какое было начало язычниковъ: и кто первый имѣлъ знаніе звѣздъ и незнаніе Бога.

А Богъ послѣ того, видя кругъ земный злобою и беззаконіями исполненнымъ, опредѣлилъ человѣческій родъ потопомъ потребить: но однако для размноженія народа избралъ единаго, который, когда всѣ растлились, особливымъ правды былъ примѣромъ. Онъ будучи шести сотъ лѣтъ, здѣлалъ ковчегъ, какъ повелѣлъ ему Богъ: въ которомъ самъ съ женою, и тремя сынами, и тремя невѣстками сохраненъ, когда вода всѣ горы наивысочайшія покрыла. Потомъ когда высохла земля, возненавидѣвши Богъ не правду перваго вѣка, дабы паки долговѣчность житія не была виною къ изобрѣтенію зла, помалу во всякомъ поколѣніи умалилъ человѣческій вѣкъ, и

во стѣ двадцати годахъ предѣлъ поставилъ, котораго прейти не можно. Ной же вышедъ изъ ковчега, какъ священное писаніе показываетъ, землю тщательно воздѣлывалъ, и віноградъ своими руками насадилъ. Изъ сего во лжи обличаются тѣ, которые изобрѣтателемъ віна Либера почитаютъ. Ибо Ной не только Либера, но и Сатурна, и Урана за нѣсколько вѣковъ прежде жилъ, изъ онаго вінограда первый плодъ получивъ, на радостяхъ напился допьяна, и лежалъ нагъ. Что увидѣлъ единъ изъ сыновъ, называемый Хамъ, не покрылъ отеческой наготы, но вышедши и братьямъ сказалъ. А они взявъ ризы, вошли отвративши лица, и отца покрыли. Сіе дѣло познавши отецъ, отдалилъ и изгналъ сына. А онъ ушедши на той части земли вселился, которая нынѣ Аравіею именуется: и оная земля отъ имени его Ханаанскою названа, и потомки его Хананееми. Сей былъ первый народъ незнающій Бога: понеже начальникъ его и основатель богопочитанію отъ отца не научился, проклятъ будучи отъ него. И такъ незнаніе божества потомкамъ своимъ оставилъ. Отъ сего народа сосѣдніе всѣ народы чрезъ размноженіе произошли. А Ноя самаго потомки Евреями названы, при которыхъ богопочитаніе осталось. Но и отъ сихъ послѣ того когда безмѣрно умножились люди, когда теснота мѣстъ ихъ вмѣстить не могла, тогда юноши или посланны будучи отъ отцевъ, или самохотно, по недостатку вещей, ушедши для сысканія себѣ новыхъ селе-

 ній,

ній, туда и сюда разсѣявшись, всѣ островы, и весь мiръ наполнили: и отъ корене святаго отторгшись, новые себѣ обычаи и установленія по своей воли завели. Но прежде всѣхъ жители Египетскіе небеснымъ удивляться и покланяться начали. И поелику не имѣли домовъ покрытыхъ, по причинѣ благорастворённаго воздуха, понеже въ оной странѣ ни когда облаками не покрывается небо, теченіе звѣздъ и ущербы примѣтили, когда часто онымъ кланяяся, любопытнѣе и свободнѣе на нихъ взирали. Потомъ удивительныя животныхъ изображенія для почитанія вымыслили, нѣкоторыми чудесами къ сему приведены будучи, которыхъ заводчиковъ немедленно открою. А прочіе по земли разсѣянные удивляяся стихіямъ міра, небо, солнце, землю, море безъ всякихъ образовъ и храмовъ почитали, и онымъ жертвы явно приносили, покуда продолженіемъ времени наисильнѣйшимъ Царямъ храмы и ваянія здѣлали, и оныя жертвами и благовонными ароматами почитать уставили. Такъ заблудивши отъ знанія Божія, язычниками быть начали. И такъ заблуждаютъ тѣ, которые говорятъ, будто бы почитаніе боговъ отъ начала міра было: и будто бы древнѣе язычество, нежели истинное богопочитаніе, о которомъ думаютъ, будто бы оно послѣ изобрѣтено: понеже источника и начала истинны не знаютъ. Теперь къ началу міра возвратимся.

ГЛАВА

ГЛАВА 15.

О осквернении Ангелов, и двух родах демонов, которые присоветовали, дабы их как богов почитали: с коими и сообщество Философы имели, как то Сократ.

И так когда число людей начало умножатся, то провидя Бог, дабы лестію своею діавол, которому из начала дал власть на земли, или не растлил, или не погубил людей сотворенных в началѣ, послал Ангелов для защищенія и исправленія рода человѣческаго. Которым, поелику они имѣли свободное произволеніе, дабы не растлились на земли и не потеряли достоинства небеснаго существа, то есть, то им дѣлать запретил, что имѣли здѣлать, дабы ежели здѣлают оное, тоб прощенія надѣяться не могли. И так когда они с людьми пребывали, то князь оный мира наилукавѣйшій сообращеніем своим к порокам самым помалу их привлекл, и совокупленіем с женами осквернил. Тогда на небо за грѣхи, которыми осквернились, не приняты, пали на землю. Таким образом их діавол из Ангелов Божіих своими здѣлал сообщниками и слугами. А которые от них родились, понеже они были ни ангелами ни людьми, но среднюю нѣкоторую природу имѣли, тѣ не приняты во ад, как на небо отцы их. Таким образом два рода бѣсов здѣлались, един небесный, другій земный. Сій суть нечистые

 духи,

духи, дѣющихся золъ виновники, которыхъ тойже діаволъ есть княземъ: по чему Трисмегистъ онаго демоніархинъ (бѣсовъ начальникомъ) называетъ. А грамматики говорятъ, что демони названи суть какъ бы даимонасъ, то есть искусными, и дѣла знающими, и думаютъ, будто они боги. Хотя они знаютъ много будущаго, но не все: понеже имъ совершенно знать совѣта Божія не можно. И того ради обыкновенно сумнительныя отвѣты даютъ. Стихотворцы и знаютъ и говорятъ, что они суть демоны. Исіодъ такъ пишетъ: оные демоны по волѣ великаго Юпитера сотворены, благіе, обращаясь на земли хранятъ человѣковъ. Сіе того ради сказано, понеже послалъ ихъ Богъ на храненіе человѣческаго рода: но они хотя погубляютъ людей, однако хранителями себя представляютъ, дабы ихъ а не бога почитали. И Философы объ нихъ говорили. Ибо Платонъ природу ихъ изъяснить старался. И Сократъ говаривалъ, что при немъ находился всегда демонъ, который къ нему въ отрочествѣ прилѣпился, котораго изволеніемъ жизнь его была управляема. И волхвовъ наука вся и ихъ сила изъ вдохновенія сихъ состоитъ. Отъ которыхъ призываемы будучи, зрѣніе человѣческое привидѣніями ослѣпляющими прельщаютъ, дабы не видѣли того, что есть, и думали, будто бы видятъ то, чего нѣтъ. Сіи, говорю, духи оскверненные и погибельные по всей земли скитаются, и утѣшеніе погибели своей, погубленіемъ людей приобрѣтаютъ. Того ради все

навѣ-

навѣтами, хитростьми, лукавствами, заблужденіями наполняютъ. Ибо прилѣпляются ко всѣмъ людемъ, и всѣ домы занимаютъ, дабы себѣ имя геніевъ получить: ибо такъ Латинскимъ нарѣчіемъ демоновъ называютъ. Ихъ въ своихъ храминахъ боготворятъ: имъ по вседневно віно проливаютъ: и зная, демоновъ почитаютъ, такъ какъ земныхъ боговъ, и какъ прогонителей зла, которое они сами причиняютъ и наводятъ. Они поелику суть духи невещественные, и неосязаемые, то входятъ въ тѣла человѣческія, и тайно во внутренностяхъ скрывшись, здравіе повреждаютъ, недуги возбуждаютъ, сонными видѣніями сердца устрашаютъ, мысли неистовствомъ смущаютъ, дабы людей сими бѣдами принудить прибѣгать къ нимъ для испрошенія отъ нихъ помощи.

ГЛАВА 16.

Что оные пользу дѣлаютъ, когда предъ причинять престаютъ: и не властны надъ тѣми, которые въ вѣрѣ утверждены, но святымъ покорены они будучи, такъ какъ раби повинуются.

Сихъ всѣхъ прелестей не понимаютъ не знающіи истинны. Ибо мнятъ, будто бы они пользуютъ, когда вредить престаютъ, которые ничего инаго дѣлать не могутъ, какъ только причинять вредъ. Но скажетъ, можетъ

 быть,

быть, кто либо, слѣдовательно почитать ихъ должно, дабы не вредили, когда могутъ вредить. Безспорно они вредъ причиняютъ, да только тѣмъ, которые ихъ боятся, которыхъ рука Божія сильная и высокая не покрываетъ, которые не знаютъ тайны истинны. А праведниковъ, то есть почитателей Божіихъ боятся: и Божіимъ именемъ заклинаемы будучи, изъ тѣлесъ исходятъ; праведниковъ словами какъ бичами біемы, не только признаютъ себя демонами, но и имена свои объявляютъ, оныя, которыя въ храмѣ почитаются: и сіе часто предъ почитателями своими дѣлаютъ, не въ поруганіе вѣры, но чести своея, понеже ни богу, которымъ ихъ заклинаютъ, ни праведникамъ, которыхъ словами мучимы бываютъ, солгать не могутъ. И для того часто съ великимъ воплемъ признаются, что ихъ біютъ, и что они горятъ, и что тотчасъ исходятъ. Столько то познаніе бога, и правда имѣютъ силы. Кому же вредить могутъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ имѣютъ въ своей власти? Ктомужъ утверждаетъ Ермій, что познавшіи бога не только отъ нападенія бѣсовскаго безопасни суть, но и никакому случаю не подлежатъ. „ Едина, сказуетъ, стража, благо„честіе: благочестивымъ бо человѣкомъ ни бѣсъ „злый, ни случай не владѣетъ: понеже Богъ „благочестиваго сохраняетъ отъ всякаго зла: „ибо единое только въ людехъ добро есть „благочестіе „. Чтоже есть благочестіе, на иномъ мѣстѣ сими словами свидѣтельствуетъ, гово-

говоря: благочестіе есть познаніе бога. Асклепій ученикъ его тожъ мнѣніе пространнѣе изъяснилъ въ оной рѣчи совершенной, которую писалъ къ царю. Оба же утверждаютъ, что всѣ демоны суть враги и мучители людскія, которыхъ для сего Трисмегистъ Ангелами злыми называетъ. Толь что онъ не вѣдалъ, что они развратившись, изъ небесныхъ земными быть начали.

ГАЛВА 17.

Что она астрологію, звѣздочество; Аруспицину, науку прорицательную изъ внутренностей животнаго; и всѣ науки злясь изобрѣли: и усовѣтовали почитать идоловъ чудесами и различными прелестей сѣтьми.

Ихъ изобрѣтеніемъ есть астрологіа (звѣздочетство), Аруспицина (наука прорицательная изъ внутренностей животнаго), и авгурація (предсказаніе), и самые называемые оракулами (отвѣты боговъ), и некромантіа (волшебство чрезъ трупы мертвыхъ), и волшебная наука, и все зло кромѣ сего, которое дѣлаютъ люди или тайно или явно: которое все само по себѣ есть ложно, какъ Сивилла Еритрейская свидѣтельствуетъ: „Понеже все „сіе заблужденіе есть, о чемъ безумные люди „испытуютъ по вся дни„. Но тѣжъ самые изобрѣтатели присутствіемъ своимъ дѣлаютъ,

дабы за истинное почиталося. Таким образом легковѣріе людское притворным божеством обманывают, понеже они истиннаго ничего представлять не могут. Они изображенія и кумиры дѣлать научили, и дабы человѣческія сердца от почитанія истиннаго бога отвратить, здѣлав умерших царей подобія, и украсив новоизобрѣтенным великолѣпіем, вложили мысль людем поставлять, и боготворить оныя, и их имена себѣ присвоили, так какбы нѣкоторыя на себя надѣли маски. Но их волхвы, и тѣ, которых народ справедливо чародѣями называет, когда упражняются в своих проклятых науками, прямыми их именами призывают, оными небесными в священном писаніи содержащимися. Сіи паки нечистые и скитающіеся духи, дабы возмутить все, и заблужденіями сердца человѣческія исполнить, разсѣвают и мѣшают ложь с истинною. Ибо они вымыслили, будтобы многіе суть боги небесные, и един Царь над всѣми Юпитер: потому, что многіе находятся духи ангелскіе на небеси, и един отец и Господь всѣх Бог. Но истинну ложными именами потемнив, от очей скрыли. Ибо Бог (как в началѣ я сказал) имени не требует, понеже един есть, и Ангели будучи безсмертными, богами называться и не терпят и не хотят: ибо их должность единственно состоит в том, чтоб служить изволенію божію, и ничего без повелѣнія его не дѣлать. Ибо таким образом Бог управляет

вляетъ міромъ, какъ правитель страною, котораго служителей никто товарищами ему въ управленіи страны не называетъ, хотя ихъ служеніемъ дѣло отправляетъ. Однако сіи могутъ нѣчто безъ повелѣнія правителя по его не знанію, здѣлать, что свойственнымъ есть человѣческому состоянію: а оный начальникъ міра, и правитель всего всевѣдущій, предъ божественными очами котораго нѣтъ ничего сокровеннаго, единъ имѣетъ надъ всѣмъ съ сыномъ своимъ власть, а Ангели ничего не имѣютъ, кромѣ долга повиновенія. Того ради себѣ никакой чести не требуютъ, понеже ихъ честь въ богѣ есть. А оные, которые отступили отъ божія службы, понеже суть истинны врагами, и преступниками, божіе себѣ имя, и честь божію присвоить тщатся, не для того, будто бы какой чести желаютъ, (ибо какая честь погибшимъ) и не для того, дабы вредъ причинить богу, которому вредить не могутъ, но дабы вредить людемъ, которыхъ тщатся отъ почитанія и знанія истиннаго величества отвратить, дабы не могли получить безсмертія, которое они сами своею злобою потеряли. Того ради представляютъ тму, и истинну помрачаютъ, дабы господа и отца своего не знали: и дабы привлечь могли, то скрываются въ храмъ, и при жертвоприношеніяхъ находятся, и дѣлаютъ нѣкоторыя удивленія, которыми люди приведены будучи въ изумленіе, вѣрятъ, что въ ваяніяхъ или кумірахъ находится нѣкакая божественная сила. И отсюда то происходитъ,

дитЪ, что жрецЪ прорицающій по птичьимЪ движеніямЪ, оселокЪ бритвою перерѣзалЪ: и что Юнона Веійская отвѣчала, что хощетЪ итти вЪ РимЪ: что Фортуна женская бѣдствіе предвозвѣстила: что за Клавдиною рукою пошолЪ карабль: что святотатцемЪ и Юнона обнаженная, и Локрская Прозерпина, и Церера Милетская отмстила: и Ираклій Аппію, и ЮпитерЪ Атинію, и Минерва Цесарю. Отсюда произошло, что змій городЪ РимЪ отЪ мороваго повѣтрія свободилЪ изЪ Епидавра привезенной. Ибо туда начальникЪ демоновЪ во образѣ своемЪ безЪ притворства привезенЪ былЪ: понеже послы для того дѣла посланные змія сЪ собою чудной величины привезли. Оракулами же или отвѣтами побольшой части обманываютЪ, которыхЪ хитрости удалившіеся отЪ истинны разумѣть не могутЪ: и того ради думаютЪ, будтобы идолы даютЪ и власти, и побѣды, и богатства и щастіе. НаконецЪ будтобы ихЪ изволеніемЪ часто государства отЪ наступающихЪ бѣдствій избавлены, которыя бѣдствія и оракулами открывали, и жертвами умолены будучи отвращали оныя. Но все сіе есть коварство: ибо предусматривая опредѣленія божія, понеже его слугами были, мѣшаются вЪ тѣ дѣла, дабы о томЪ что БогЪ творитЪ, или сотворилЪ, думали люди, будто то они дѣлаютЪ, или здѣлали. И сколько кратЪ какому либо народу или городу по божію установленію нѣкоторое добро слѣдуетЪ, тое они здѣлать или чудесами, или сновидѣніями, или оракулами обѣщаются,

ежели

ежели имЪ храмы поставлены, чести воздаваемы, жертвы приносимы будутЪ. По учиненіи того, ежели то приключится, что по необходимости быть имѣло, то тѣмЪ величайшее почтеніе приобрѣтаютЪ. Сего ради храмы имЪ и новыя ваянія посвящаютЪ, и убиваютЪ стада жертвЪ. Но когда сіе учинено будетЪ, однако ни чѣмЪ не меньше жизнь и спасеніе тѣхЪ, кои оное здѣлали, бѣдствуютЪ. Коликократно же слѣдуетЪ бѣдствіе, тогда открываютЪ, что они раздражены нѣкоторою маловажною причиною; какЪ то Юнона на Варрона, что краснаго отрока вЪ храмѣ ЮпитеровомЪ держать кожи приставилЪ: и по сей причинѣ РимлянЪ имя при КаннахЪ едва совсѣмЪ не истреблено. Ежели Юнона другаго Ганимеда опасалась, то за что юношество Римское казнь приняло? А ежели боги о полководцахЪ только пекутся, о прочемЪ же множествѣ не радятЪ, то для чего ВарронЪ одинЪ ушолЪ, который сіе здѣлалЪ, а ПавелЪ, который ничего не согрѣшилЪ, убитЪ? То есть ничего тогда не здѣлалось РимлянамЪ по судьбѣ Юноны неправедной, когда АннибалЪ двѣ арміи народа Римскаго и хитростію и силою поразилЪ. Ибо Юнона не смѣла или КарѳагенЪ защищать, гдѣ оружіе ея и колесница находилась, или РимлянамЪ вредить: понеже „Она слышала, что племя отЪ Троянской „крови происходящее Тирскую нѣкогда разо„ритЪ крѣпость.„ Но оныхЪ духовЪ суть сіи шутки, которые подЪ именами мертвыхЪ укрываяся, живымЪ сѣти поставлютЪ. И

такЪ

шакЪ ежели слѣдующагo бѣдствія избавиться можно, то сказываютЪ, что они умилостивлены будучи оное отвратили: ежели же не можно, то обЪявляютЪ, что оное за презрѣніе кЪ нимЪ приключилось: такимЪ образомЪ у людей ихЪ незнающихЪ, пріобрѣтаютЪ себѣ почтеніе и страхЪ. СимЪ лукавствомЪ и сими хитростьми знаніе истиннаго и единаго Бога у всѣхЪ народовЪ истребили. Ибо за свои беззаконія погибши, свирѣпѣютЪ, и неистовятся, дабы людей погубить. Того бо ради ввели жертвовать людей, будучи врагами человѣческаго рода, дабы безчисленныя погубить души.

ГЛАВА 18.

Для чего попущаетЪ БогЪ, дабы они такЪ наругались человѣческому роду: и что для трехЪ причинЪ суетно есть почитаніе боговЪ.

Но скажетЪ ктолибо: для чегожЪ БогЪ сему быть попущаетЪ? И такихЪ злыхЪ заблужденій не истребляетЪ? Дабы сражалося злое сЪ благимЪ, дабы пороки противилися добродѣтелямЪ, дабы иныхЪ наказывать, инымЪ даровать почести. Ибо опредѣлилЪ вЪ послѣдніи времена живымЪ и мертвымЪ судить: о которомЪ судѣ буду говорить вЪ послѣднѣй книгѣ. И такЪ отлагаетЪ, покуда прі-

пріидетъ временъ конецъ, въ который изліетъ гнѣвъ свой со властію и силою небесною, какъ древнихъ пророковъ съ ужаснымъ прещеніемъ предсказанія предвозвѣщаютъ. А нынѣ попущаетъ людемъ заблуждать, и противъ его нечествовать, самъ будучи праведный, и кроткій, и долготерпѣливый. Ибо статься тому не можно, дабы имѣющій совершенную силу, не имѣлъ и совершеннаго долготерпѣнія. Откуду нѣкоторые думаютъ, будто Богъ совсѣмъ не гнѣвается: понеже страстямъ, которыя суть смущеніемъ духа, не подверженъ: ибо немощно есть всякое животное, которое смущается и раздражается. Сіе мнѣніе истинну и вѣру до основанія истребляетъ. Но отлагаю нынѣ здѣсь о гнѣвѣ Божіемъ говорить понеже, и матерія есть пространная, и что я особливое сочиненіе издать о томъ намѣренъ. И такъ кто оныхъ наинечестивѣйшихъ духовъ почитать, и онымъ послѣдовать будетъ, тотъ ни неба ни свѣта Божія не получитъ, но въ то впадетъ, что при раздѣленіи вещей приписали мы самому зла начальнику: то есть во тьму и адъ, и мученіе вѣчное. Показалъ я, что вѣры боговъ ради трехъ причинъ суетны. Первая понеже изображенія самыя, которыя почитаютъ, суть изображенія мертвыхъ: безразсудно же и неприлично почитать образу Божію образъ человѣческій. Ибо хуждшее и немощнѣйшее почитаетъ. Понеже не простительный есть грѣхъ, оставивши живаго, служить образамъ мертвыхъ, которые ни свѣта, ни живота ни кому даровать не могутъ,

гутъ, поелику сами не имѣютъ. И нѣтъ ни какого инаго Бога кромѣ единаго, котораго суду и власти всякая душа подвержена. Второе, что самыя ваянія священныя, которымъ несмысленнѣйшіе люди служатъ, никакого чувства не имѣютъ; понеже суть земля. Кто же не разумѣетъ, что не пристойно прямому животному наклоняться для поклоненія землѣ? которая для того ногамъ нашимъ подвержена, дабы мы ея топтали, а не кланялися ей: ибо для того мы возвышены отъ нея, и стояніе выспрь предъ прочими животными приняли, дабы не поникали внизъ, и сего небеснаго лица не устремляли на землю; но туда возводили бы очи, куда ихъ положеніе природы устроило; и дабы ничему иному не кланялися, ничего иного не почитали, кромѣ Божества единаго Отца нашего, который для того человѣка прямымъ создалъ, дабы мы знали, что насъ къ горнимъ и небеснымъ призываетъ. Третіе, понеже духи начальствующіи надъ вѣрами, осуждены и отвержены отъ Бога, по земли скитаются; которые не только ничего здѣлать почитателемъ своимъ не могутъ, понеже всю власть единъ имѣетъ, но и смертоносными оныхъ прелестьми и заблужденіями погубляютъ: понеже сіе имъ всегдашнимъ есть дѣломъ, то есть тьму на людей наводить, дабы они не искали истиннаго Бога. Слѣдовательно не должно ихъ почитать, понеже суду Божію подлежатъ. Ибо превеликій грѣхъ есть, вручать себѣ власти тѣхъ, которыхъ ежели правдѣ послѣдо-

вать

вать будешь, можешь быть сильнѣйшимъ, и ихъ заклиная именемъ Господнимъ изгонять и прогонять. А когда видно, что вѣры, по толь многимъ доводамъ, которыя я предлагалъ, тщетны, то извѣстно, что тѣ, которые или землю почитаютъ, или духамъ нечистымъ души свои предаютъ, имени человѣческаго недостойны: и за нечестіе и беззаконіе свое казнимы будутъ, которые измѣнивъ отцу рода человѣческаго Богу, пріятіемъ мерзскихъ священнослуженій, правду всю разрушили.

ГЛАВА 19.

Что въ почитаніи ваяній или изображеній никакой вѣры быть не можетъ: понеже оныя отъ принараплипанія или уподобленія, то есть отъ хитрости названы.

И такъ кто хощетъ быть человѣкомъ, и по природѣ своей жизнь препровождать, тотъ да подъемлется отъ земли, и возведши умъ свой, очи да устремляетъ къ небесамъ, и да не ищетъ Бога подъ ногами, ниже да ископываетъ изъ земли то, чему бы покланяться (ибо все что подвержено подъ ноги человѣку, оное должно быть хуже человѣка.) но да взыскиваетъ его горѣ, на высотѣ: ибо ничто не можетъ быть больше человѣка, развѣ то, что выше человѣка. Богъ же больше человѣ-

ка: слѣдовательно онъ горѣ, не низу: и не въ преисподнѣй, но наипаче въ вышней странѣ искать его должно. Почему нѣтъ сумнѣнія, что тамъ нѣтъ благочестія, гдѣ находятся ваянія или кумиры. Ибо ежели вѣра изъ божественныхъ вещей состоитъ, божественное же только находится въ вещахъ небесныхъ, слѣдовательно нѣтъ благочестія въ почитаніи кумировъ, понеже небесное не можетъ быть въ вещи земной. Что изъ самаго имени разумный человѣкъ видѣть можетъ. Ибо что, ſimulatur, подобится, оное должно быть не прямымъ и ложнымъ: и никогда не можетъ истиннымъ и прямымъ назваться, что истинну подобіемъ изображаетъ. И такъ ежели всякое подобіе не составляетъ вещи прямой, но шутку и игрушку: то въ ваяніяхъ не благочестіе, но притворство благочестія находится. И такъ предпочитать должно истинну всякой лжи, попирать земное, дабы небесное наслѣдовать. Ибо ежели кто душу свою отъ неба происходящую долу повержетъ, то туда впадетъ, куда самъ себѣ неизвергль. И того ради надлежитъ помня о состояніи и устроеніи своемъ, къ горнимъ всегда стремиться. Сіе кто учинитъ, тотъ подлинно мудрымъ, праведнымъ человѣкомъ, тотъ неба достойнымъ почтется: котораго отецъ его не долѣретнымъ, и къ земли на подобіе четвероногихъ поникшимъ, но стоящимъ, и прямымъ, такъ какъ его создалъ, признаетъ.

ГЛАВА 20.

Краткое заключеніе, въ которомъ говоритъ, что побѣдивъ язычниковъ, большаго сраженія ожидаетъ отъ Философовъ.

И такъ совершилъ я, ежели не ошибаюсь, великую и трудную предпріятаго дѣла часть, и при дарованіи способности слова отъ небеснаго величества, застарѣлыя разрушилъ заблужденія. Но теперь большая и труднѣйшая предлежитъ мнѣ брань съ Философами, которыхъ превысокое ученіе и краснорѣчіе, какъ тяжесть нѣкоторая мнѣ противополагается. Ибо какъ тамъ множество, и едва не всѣхъ народовъ согласіе меня утѣсняло, такъ здѣсь важность знаменитыхъ и славныхъ мужей. Кто же не знаетъ, что болѣе находится важности въ не многихъ ученыхъ, нежели въ безчисленныхъ невѣждахъ? Но не отчаяваюсь, что и сихъ подъ предводительствомъ Бога и истинны отъ мнѣнія ихъ могу отразить. И надѣюсь, не будутъ они столько упрямы, дабы могли сказать, что они пресвѣтлаго солнца здравыми и отверзстыми очами не видятъ. Было бы только то справедливымъ, что они обыкновенно говорятъ, будто бы они изслѣдывать истинну тщатся. Я всенепремѣнно зделаю, что они увѣряться, что

долговременно искомая истинна ужѐ обрѣтена, и признаютъ, что оныя человѣческимъ разумомъ найти было не возможно.

Конецъ второй книги.

Л. Ц. ЛАКТАНЦІЯ ФИРМІАНА.

БОЖЕСТВЕННЫХЪ НАСТАВЛЕНІЙ ПРОТИВЪ ЯЗЫЧНИКОВЪ КНИГА ТРЕТІЯ О ЛОЖНОЙ МУДРОСТИ КЪ КОНСТАНТІНУ ИМПЕРАТОРУ.

ГЛАВА 1.

Вопервыхъ похваляетъ истинну, и всему краснорѣчію ея предпочитаетъ: и открываетъ, для чего Философы ея не постигли: и для чего простыми словами священное пишется писаніе, и что тогда имъ наипаче вѣрить должно, когда свое незнаніе признаваютъ.

Понеже истинна еще въ тайнѣ крыется; или по заблужденію и невѣжеству простаго народа, многимъ и непристойнымъ суевѣріямъ служащаго, или понеже Философы злобою ума помрачаютъ ея наипаче, нежели изъясняютъ, то желалъ бы я себѣ хотя нетакого краснорѣчія, какое имѣлъ Туллій, ибо въ немъ превосходное и удивительное было: но однако нѣсколько подобнаго ему: дабы, сколь истинна сама собою сильна, столько притомъ и силою разума подкрѣплена будучи,

нѣкогда явилася: и разрушивъ какъ непросвѣщенныхъ людей, такъ и тѣхъ, кои премудрыми почитаются, заблужденіе, явила человѣческому роду пресвѣтлое свѣтило. Сего желалъ бы я для двухъ причинъ: или для того, дабы болѣе могли люди вѣрить укращенной истиннѣ, которые и лжи, плѣнившись красотою рѣчи и лестными словами, вѣрятъ: или для того, дабы самые Философы своимъ наипаче оружіемъ, которымъ хвалятся, и на которое уповаютъ, отъ меня побѣждены были. Но понеже таковой природѣ истинны благоволилъ Богъ быть, что она въ простотѣ безъ украшенія блистательнѣйшею кажется, поелику сама собою довольно благолѣпна; и для того по приложеніи съ наружности прикрасы, вредъ получаетъ: а ложь въ чужомъ видѣ болѣе нравится, поелику сама собою изчезаетъ и уничтожается, естьли внѣшнею лѣпотою прикровена и украшена не будетъ: и такъ безъ огорченія сношу, что мнѣ средственный дарованъ разумъ. Однако я не на краснорѣчіе, но на истинну уповая, за сіе дѣло принялся, которое можетъ быть болѣе, нежели силы мои снести могутъ: которое хотя я не возмогу, однако оное божіею помощію, котораго есть сіе дѣло, истинна сама дополнитъ. Ибо когда извѣстно мнѣ, что знатные Ораторы отъ адвокатовъ средственныхъ побѣждены часто были: понеже таковая есть сила истинны, что сама себе хотя въ малыхъ вещахъ своею свѣтлостію защищаетъ: то для чего мнѣ опасаться, дабы оная истинна

на въ важномъ дѣлѣ, хотя отъ премудрыхъ оныхъ и краснорѣчивыхъ мужей, но однако ложное глаголющихъ, побѣждена была? И дабы оная, ежели не моимъ словомъ, которое отъ малаго ума весьма скудное происходитъ, то своею свѣтлостію свѣтлѣйшею и блистательнѣйшею не явилась. Ибо хотя Философы ученіемъ знатны были, однако истинны не познали и не постигли, которыя никто размышленіемъ, или разглагольствіемъ постигнуть не можетъ. Я не охуждаю тщанія тѣхъ, которые истинну знать хотѣли, понеже Богъ сотворилъ природу человѣческую сильно желающею познать истинну: но то обличаю, что честное ихъ и изрядное желаніе не получило себѣ исполненія: понеже и того не знали, что есть прямая истинна, и какъ, или гдѣ, или какимъ образомъ ея искать. Такимъ образомъ желая человѣческія заблужденія разрушить; сами въ сѣти и заблужденія ужасныя впали. И такъ къ сему, то есть къ обличенію Философіи предпріятой матеріи порядокъ самъ меня привелъ. Ибо поелику все заблужденіе или отъ ложной вѣры происходитъ, или отъ мудрости, во обличеніе сего обое надобно возразить. Ибо когда намъ въ священномъ писаніи написано, что помышленія Философовъ суть безумны, то сіе самымъ дѣломъ и доводами показать мнѣ должно: дабы кто честнымъ мудростиименемъ уловленъ, или суетнымъ краснорѣчія блескомъ прельщенъ будучи, не почелъ бы залучшее человѣческимъ наипаче, нежели божіимъ изреченіямъ,

нïямЪ, которыя написаны кратко и безЪ украшенiя, вѣрить. Ибо инако было непристойно, дабы БогЪ глаголя кЪ людемЪ, доводами утверждалЪ свои рѣчи, какЪ будто бы не достоинЪ вѣроятiя: но какЪ надлежало, такЪ говорилЪ, какЪ судiя всѣхЪ наивысочайшiй, которой неимѣетЪ нужды дѣлать доказательства, а только предлагать истинну. ЯжЪ сЪ своей стороны имѣя на каждую вещь свидѣтельства Божiя слова, дѣйствительно покажу, сколь безсумнительными доводами можно защищать истинну, когда и ложЪ такимЪ образомЪ защищается, что почитаема бываетЪ за истинну, чего для нѣтЪ причины столько мнѣ уважать ФилософовЪ, или бояться ихЪ краснорѣчiя. Ибо могли они красно говорить, какЪ люди ученые, а истинны говорить не могли: понеже истиннѣ не научились отЪ того, который во истиннѣ силенЪ есть. И не великое дѣло здѣлаю, ежели ихЪ незнанiе обличу, вЪ которомЪ они сами нерѣдко признаются, сЪ тѣмЪ только, что имЪ не вѣрятЪ вЪ томЪ, вЪ чемЪ вѣрить надлежало. Потщусь показать, что они никогда столь справедливыми не были, какЪ тогда, когда признавались вЪ своемЪ незнанiи.

ГЛАВА 2.

Что самымъ Философіи именемъ обличается: сколь пустое было языческихъ Философовъ дѣло.

Понеже въ первыхъ двухъ книгахъ ложность вѣръ показана, и начало самое всего заблужденія изъяснено: теперь въ сей книгѣ хочу показать, сколь и самая философія тщетна и ложна, дабы разрушивъ все заблужденіе, истинна открыта будучи возсіяла. И такъ начнемъ отъ общаго философіи имени, дабы сокрушивъ самую главу, удобнѣйшій имѣть путь къ разрушенію всего тѣла: ежели только можетъ то назваться тѣломъ, котораго части и уды не согласуютъ, и никакимъ союзомъ между собою не соединяются, но какъ бы разтерзаны и разсѣяны будучи, болѣе кажутся трепещущими, нежели живыми. Философія есть, какъ имя ея показываетъ, и сами они опредѣляютъ, любленіе мудрости. И такъ чемъ доказать инымъ могу, что философія не есть мудрость, какъ знаменованіемъ ея имени? Ибо кто мудрости учится, тотъ еще назваться не можетъ мудрымъ, но тщащимся, дабы быть мудрымъ. Впрочихъ художествахъ ученіе что дѣлаетъ, и къ чему стремится, видимъ: которымъ ежели кто обучится, то ужѐ не ученикомъ, но мастеромъ или художникомъ называется. Но можетъ быть учащимися мудрости по скромности своей себя назвали, а не мудрецами. Пиѳагоръ

же, который первый сїе имя вымыслилъ, будучи нѣсколько разумнѣе своихъ въ философїи предшественниковъ, которые себя мудрецами почитали, понялъ, что никакимъ человѣческимъ ученїемъ мудрости постигнуть не можно: и того ради не надлежитъ не понятной и несовершенной вещи совершенное имя давать. И такъ когда его вопросили, кто бы онъ былъ, отвѣчалъ: Философъ, то есть искатель мудрости. И такъ ежели Философїя мудрости ищетъ, то и сама не есть мудрость: понеже должно быть иное ищущее, иное искомое: и исканїе мудрости не есть прямое, понеже ничего найти не можетъ. А я и снискателями мудрости не назвалъ бы Философовъ, понеже онымъ ученїемъ мудрости не постигаютъ. Ибо ежели бы тѣмъ ученїемъ истинну найти могли, и ежели бы то ученїе было путемъ къ мудрости, то когда нибудь нашли бы оную. Но понеже чрезъ толико времянъ, и столь много изломавъ головъ, ея не нашли, то видно что нѣтъ тамъ никакой мудрости. И такъ не учатся мудрости тѣ, кои философствуютъ, но только думаютъ о себѣ, что они учатся, понеже оное, чего ищутъ, гдѣ, или каково оно, не знаютъ. И такъ учатся ли они мудрости, или не учатся, однако они не мудрецы: понеже никогда найдено быть не можетъ, что или не прямо искомо, или совсѣмъ не искомо бываетъ.

ГЛАВА

ГЛАВА 3.

Изъ какихъ вещей Философія состоитъ: и кто былъ изобрѣтателемъ академическаго ученія, которое ничего извѣстнаго не преподаетъ: и что одно только мнѣніе находится въ Философіи язычниковъ, которые для того наиболѣе отвражатся: понеже заблужденій ихъ никто не обличаетъ кромѣ Бога.

Однако посмотримъ то самое, можно ли симъ ученіемъ найти что, или не можно. Изъ двухъ вещей философія состоитъ, знанія и мнѣнія, и болѣе ни изъ чего. Знаніе отъ ума произойти, и размышленіемъ постигнуто быть не можетъ: понеже имѣть въ самомъ себѣ собственное знаніе, не человѣческое есть свойство, но Божіе. А смертная природа развѣ то знаніе понимаетъ, которое приходитъ извнѣ. Ибо для того очи и уши и прочіи чувства устроила въ тѣлѣ Божія премудрость, дабы знаніе чрезъ оныя къ разуму доходило. Ибо изпытывать вины природныхъ вещей, или желать знать: солнце столь ли велико, какъ видимъ, или несравненно болѣе, нежели вся сія земля: также луна шаровидна ли или вдавшаяся или вогнута: и звѣзды водружены ли въ небѣ, или свободнымъ теченіемъ по воздуху ходятъ: небо самое сколь велико, изъ какого вещества состоитъ: и недвижимо ли оно, или невѣроятною скоростію обращается: коликая есть земли толщина, или на какихъ основаніяхъ она повѣшена. Сіе, говорю, стяза-

заніемъ и догадками желать постигнуть, подобно тому, какъ ежели бы мы хотѣли разсуждать, каковымъ бы намъ казался нѣкотораго наиотдаленнѣйшаго народа городъ, котораго мы никогда не видали, и ничего о немъ кромѣ единаго имени не слышали. Ежели бы мы въ такомъ случаѣ знаніе себѣ присвоили, котораго имѣть не можно, то не былиль бы почтены безумными, что осмѣливаемся утверждать, въ чемъ можно насъ обличить? Кольми паче тѣхъ, которые приписывають себѣ знаніе природныхъ вещей, коихъ познать человѣку не можно, неистовящимися и съ ума сшедшими поставлять должно. И такъ справедливо Сократъ и ему послѣдуя Академики знаніе уничтожили, ибо оное приличествуетъ не стязующемуся, но прямо безъ сомнѣнія утверждающему. Остается теперь, что въ философіи находится одно мнѣніе. Ибо гдѣ нѣтъ знанія, тамъ одно только находится мнѣніе: ибо о томъ всякъ мнѣніе только имѣетъ, чего не знаетъ. А тѣ, которыя о вещахъ природныхъ стязуются, мнѣніе свое о вещи прекословимой держатъ такое, какъ стязуются: слѣдовательно они не знаютъ истинны: понеже знаніе есть о извѣстномъ, мнѣніе же о неизвѣстномъ. Возвратимся къ оному вышепомянутому примѣру: Положимъ мнѣніе о положеніи и качествѣ города онаго, который намъ совсѣмъ кромѣ имени не извѣстенъ. Вѣроятно, что на равномъ стоитъ мѣстѣ, окруженъ каменными стѣнами: высокими зда-

ніями,

ніями, многими улицами, великолѣпными храмами наполненъ. Опишемъ ежели угодно нравы и одежды гражданъ. Но когда мы сіе будемъ говорить, тогда другой противное утверждать начнетъ, а когда и сей рѣчь свою окончатъ, то востанетъ и третій, и прочіи порядкомъ, и будутъ думать весьма различно нежели мы думали. Чтожъ изъ всѣхъ будетъ справедливѣе? Можетъ быть ни что. При всемъ томъ говорено то, что въ мірѣ бываетъ, и должно быть чемунибудь изъ того справедливымъ. Однако знать не можно, кто правду говорилъ: можетъ статься, что всѣ нѣсколько солгали, и нѣсколько сказали правды. И такъ безумны мы, когда стязаніемъ того ищемъ. Ибо можетъ ктолибо притти къ намъ, который станетъ нашимъ мнѣніямъ смѣяться, и насъ безумными почитать за то, что хощемъ мнѣніе свое положить о качествѣ того, чего не знаемъ. Но не для чего предлагать отдаленное, откуда можетъ быть никто не придетъ для обличенія насъ. Подумаемъ, что нынѣ на рынкѣ дѣлается, что въ ратушѣ. Но удалено и сіе. Скажемъ, что чрезъ стѣну отъ насъ дѣлается. Ни кто не можетъ того знать, развѣ кто слышалъ, или видѣлъ: никто не имѣетъ того сказать, понеже тотчасъ не словами, но самою настоящею вещію уличенъ будетъ. Но сіе самое дѣлаютъ Философы, стязуяся о томъ, что дѣлается на небѣ: но сіе дѣлаютъ они безпрепятственно, можетъ быть потому, что нѣтъ никого, которой бы уличилъ

чилъ ихъ въ заблужденіи. А ежели бы думали, что пріидетъ нѣкто, и скажетъ, что они дурачатся и лгутъ, то никогда бы о тѣхъ вещахъ, которыхъ знать не могутъ, не стязалися. Однако для того не должно почитать щастливѣйшими ихъ безстыдства и дерзости, поелику никто ихъ не уличаетъ: ибо обличаетъ ихъ Богъ, который одинъ знаетъ истинну, хотя повидимому имъ попущаетъ: и оную мудрость человѣческую за глубочайшее безуміе вмѣняетъ.

ГЛАВА 4.

Какимъ образомъ Зинонъ и Сократъ всю Философію уничтожили, которая своимъ побѣждена оружіемъ.

И такъ справедливо Зинонъ и Стоики мнѣніе отвергли. Ибо думать, будто бы ты знаешь то, чего не знаешь, не мудраго человѣка знакомъ есть, но безразсуднаго паче и безумнаго. Слѣдовательно ежели и знать ни чего не можно, какъ Сократъ училъ, и мнѣть не должно, какъ Зинонъ, то вся Философія разрушилась. Но что болѣе? Не только сіи два, которые были начальниками Философіи, ея разрушаютъ, но и всѣ? Такъ, что давно уже она своимъ собственнымъ оружіемъ пораженною кажется. На многія секты Философія раздѣлена, и всѣ разно умствуютъ. Въ которой

торой же сектѣ положимъ истинну? Ибо во всѣхъ ей быть не можно. Изберемъ какуюлибо, то во всѣхъ прочихъ мудрости не будетъ. переберемъ каждую порознь: то такимъ же образомъ, что одной присвоимъ, то у другихъ отъимемъ. Ибо каждая секта прочія всѣ разрушаетъ, и свое мнѣніе утверждаетъ: и ни одна другой мудрости не присвояетъ, дабы своего безумія не признать: но какъ она другія разрушаетъ, такъ и ея всѣ прочія истребляютъ. Однакожъ тѣ неинаково, какъ Философами почитаются, которые оную въ глупости обличаютъ. Какую бы ни похвалилъ и истинною назвалъ, оную Философы охуждаютъ, какъ ложную. И такъ повѣримъ ли одной сектѣ, себя и свое ученіе похваляющей, или многимъ одной нѣкоторой незнаніе обличающимъ? И такъ справедливѣйшимъ быть должно то, что многіе умствуютъ, нежели что одинъ. Ибо никто о себѣ не можетъ справедливо разсуждать, какъ свидѣтельствуетъ славнѣйшій стихотворецъ. То природно всѣмъ людемъ, что чужее лучше видятъ и разсуждаютъ, нежели свое. И такъ когда все сумнительно, то или всѣмъ должно вѣрить, или никому. Ежели никому, слѣдовательно они не мудрецы: понеже всякъ мудрымъ себе почитаетъ: ежелижъ всѣмъ, то они равно не мудрецы, понеже всѣ каждаго мудрымъ не признаютъ. И такъ истребляются всѣ симъ образомъ, и какъ Спартанцы оные стихотворческіе, такъ себя взаимно поражаютъ, что изъ всѣхъ ниединъ не остается: а сіе потому дѣлает-

лается, понеже мечь имѣютъ, а щита не имѣютъ. И такъ ежели каждая секта по разсужденію многихъ сектъ въ безуміи обличается, слѣдовательно всѣ онѣ тщетны и несмысленны. Такъ Философія себе самую истребляетъ и убиваетъ. Сіе выразумѣвъ Арцезилай, основатель академіи, собралъ всѣ обличенія Философовъ, коими они другъ друга уличали, и признаніе въ незнаніи знаменитыхъ Философовъ, и вооружился противъ всѣхъ. Такимъ образомъ установилъ новую Философію не Философствовать. По введеніи сего два рода Философіи начались: одинъ оный прежній, который знаніе себѣ присвояетъ; другій новый, противный, который оное отвергаетъ. Въ сихъ двухъ родахъ вижу несогласіе, и какъ бы междуусобную войну. Мудрость, которая раздѣлиться не можетъ, въ которой сектѣ положимъ? Ежели природу вещей знать можно, то сія новыхъ Философовъ толпа изчезнетъ: ежели же не можно, то старые ученики погибнутъ. Ежелижъ равными покажутся, однако и тогда погибнетъ вождь всѣхъ Философія, понеже будетъ разторгнута. Ибо ни что не можетъ безъ погибели своей быть себѣ противнымъ, а ежели, какъ уже я объявилъ, никакое не можетъ быть въ человѣкѣ внутреннее и свойственное знаніе, вразсужденіи немощи состоянія человѣческаго, то Арцезелай побѣдилъ. Но и его секта не устоитъ, понеже не знать ничего совсѣмъ не можно.

ГЛАВА

ГЛАВА 5.

Противъ Академиковъ, что много знать и природа вещей, и нужды житейскія понуждаютъ.

Ибо много находится такого, которое знать и природа самая, и частое употребленіе, и житейскія нужды принуждаютъ. И такъ погибнуть должно, естьли не будешь знать, что въ житіи полезно, дабы то избирать; и что вредно, дабы того удаляться и оберегаться. Сверхъ сего много есть такого, которое употребленіе изобрѣло. Ибо солнца и луны разныя теченія, и пути звѣздъ, и расположеніе временъ примѣчено: и природа тѣлъ отъ лѣкарей, и силы зелій, и отъ земледѣльцовъ природа земли, и будущихъ дождей и погодъ признаки. И нѣтъ ни единаго художества, которое бы не изъ знанія состояло. И такъ долженъ былъ Арцезилай ежелибы сколько нибудь въ немъ разума было, различить, что можно знать, и чего не можно. Но ежели бы сіе здѣлалъ, то самъ бы себе невѣждою здѣлалъ. Ибо простый народъ иногда больше смыслитъ: понеже столько, сколько потребно, смыслитъ: котораго ежели спросишъ, знаетъ ли онъ что нибудь, или ничего не знаетъ: скажетъ: знаю, что знаю: и признается, что не знаетъ того, чего не знаетъ. И такъ справедливо иныхъ опровергъ ученіе, но несправедливо утвердилъ свое. Ибо незнаніе всѣхъ вещей не можетъ быть му-

дростію, которой свойственно знать. Такъ Философовъ побѣдивши, и показавши, что ничего они не знаютъ, и самъ имя Философа потерялъ: понеже ученіе его состоитъ въ томъ, чтобъ ничего не знать. Ибо который прочихъ въ незнаніи обличаетъ, тотъ самъ долженъ быть знающимъ. А понеже ничего не знаетъ, то какое сумозбродство, какая глупость, для того самаго себе Философомъ называть., за что другихъ опровергаетъ? ибо могутъ такъ отвѣтствовать: ежели обличаешъ, что мы ничего не знаемъ, и потому не Философы, понеже ничего не знаемъ: слѣдовательно и ты не мудрецъ, понеже признаешся, что и ты ничего не знаешъ. И такъ что здѣлалъ Арцезилай, кромѣ того, что сразивъ всѣхъ Философовъ, тѣмже мечемъ и себя поразилъ?

ГЛАВА 6.

Какимъ образомъ мудрость была посреди заблуждающихъ: и Академики съ Физиками, и Физики съ Академиками сражались: и какія суть непостоянныхъ и неоснопательныхъ попросопъ примѣры. И что пещей небесныхъ или природныхъ знать не можно.

И такъ не уже ли нѣтъ ни гдѣ мудрости? Никакъ: она была между Философами: но никто ея не видалъ. Иные думали, что все можно

но знать: сіи мудрыми не были. Иные считали, что ничего знать не можно: и сіи мудрыми не были. Тѣ для того, понеже больше человѣку причитали: сіи, понеже меньше: съ обѣихъ сторонъ мѣры не было. Гдѣ же мудрость? Не думать, будто бы ты все знаешъ, ибо то свойственно богу: и не говорить, будто ничего не знаешь, ибо то свойственно скоту. Ино есть нѣчто среднее свойственное человѣку, то есть знаніе съ незнаніемъ совокупленное и растворенное. Знаніе въ насъ есть отъ души, которая происходитъ отъ неба: незнаніе отъ тѣла, которое есть отъ земли. Почему намъ и съ богомъ и съ животными есть нѣкоторое сродство. Такимъ образомъ поелику мы изъ сихъ двухъ состоимъ стихій, изъ которыхъ едина имѣетъ свѣтъ, другая тму, то часть намъ дана знанія, часть незнанія: чрезъ сей какбы мостъ прейти безъопастности паденія можно. Ибо тѣ всѣ, которые на одну сторону наклонились, или на десно или на шуее пали: а какимъ же образомъ обѣ оныя стороны заблудили, о томъ объявлю. Академики противъ Физиковъ изъ вещей невразумительныхъ доказывали, будто бы никакого нѣтъ знанія, и примѣрами немногихъ вещей непостижимыхъ будучи довольны, приняли незнаніе: какъ будто бы все знаніе опровергли и уничтожили, котораго нѣсколько упразднили. Физики напротивъ изъ явственныхъ вещей доказывали, что все можно знать, и довольствуяся ясными примѣрами, держалися знанія:

и думали, что всего знаніе защитили, когда отъчасти оное защитили. И такъ ни сіи явственнаго, ни оные невразумительнаго невидали: но объ оные стороны, когда знаніе или защищали или опровергали, не видали того, что оное въ срединѣ состоитъ, которое ихъ къ мудрости привесть могло. Но Арцезилай незнанія учитель, охуждая Зинона начальника стоическаго, дабы всю Философію разрушить, какъ Сократъ свидѣтельствуетъ, принялъ сіе мнѣніе, дабы утвердить, что ни чего знать не можно. И такъ обличилъ мнѣніе Философовъ, которые думали, будтобы ихъ умами изобрѣтена и найдена истинна. То есть понеже смертная была оная мудрость, и не за долго до тѣхъ временъ заведенная до такого возрасла степени, что уже обветшать или состарѣться и погибнуть долженствовала: то вдругъ появилась Академія, какъ бы старость Философіи, дабы оную уже обветшавшую истребить. И справедливо примѣтилъ Арцезилай, что тѣ надмѣнны, или лучше сказать безумны, которые думали, что знаніе истинны догадкою постигнуть можно. Но однако не можетъ обличить того, который ложъ говоритъ, ежели прежде не будетъ знать истинны. А Арцезилай не познавши истинны, силяся сіе здѣлать, ввелъ родъ Философіи Асистатонъ, который полатинѣ непостояннымъ назвать можемъ. Ибо какъ знать должно, что ничего знать не можно; то всенепремѣнно чтолибо знать потребно. Ибо ежели совсѣмъ ничего не будешь знать, то самое то,

что

что ничего знать не можно, изчезнетъ. И такъ какъ бы вмѣсто сентенціи произносящій, что ничего знать не можно, признаетъ какъ бы понятое и познанное: слѣдовательно нѣчто знать можно. Сему подобно оное, что въ школахъ предлагается въ примѣръ непостоянства: приснилося нѣкоторому, чтобъ онъ снамъ не вѣрилъ. Ибо ежели повѣрилъ, то слѣдуетъ, что не должно вѣрить. А ежели не повѣрилъ, то слѣдуетъ, что должно вѣрить. Такъ ежели знать ничего не можно, то должно то самое знать, что ничего не знаешъ. А ежели знаешъ, что ничего знать не можно, слѣдовательно ложно то, что ничего знать не можно. Такимъ образомъ вводится правило само себѣ противное, и себе разрушающее. Но человѣкъ лукавый хотѣлъ у прочихъ Философовъ знаніе отнять, дабы оное у себе сохранить. Ибо подлинно онаго у себе не отнимаетъ, который нѣчто утверждаетъ, дабы у прочихъ отнять: но ничего не успѣваетъ: ибо является, и во лжѣ обличается. Сколь бы разумнѣе и справедливѣе учинилъ, ежелибы выключеніе здѣлавъ, сказалъ, что только вещей небесныхъ или природныхъ, поелику оныя скрыты, знать не можно, понеже никто ихъ не открываетъ: и не должно оныхъ изслѣдывать, понеже ища найти ихъ не можно. Сіе выключеніе положивъ, Физиковъ заставилъ бы не изслѣдывать того, что превосходитъ мѣру человѣческаго понятія, и себе самаго отъ ненависти въ оклеветаніи свободилъ бы, и намъ подалъ бы нѣчто, чему

бы мы стали послѣдовать. Нынѣ же отвлекши насъ отъ послѣдованія прочимъ, дабы не больше желали мы знать, нежели сколько можемъ: равно и отъ себе самаго отвлеклъ. Ибо кто захочетъ трудиться, дабы ничего не знать? или такое принять ученіе, дабы и общее знаніе потерять? Сіе ежели ученіе есть, то состоять должно изъ знанія. А ежели не ученіе, то кто столь будетъ безуменъ, дабы пожелалъ тамъ учиться, гдѣ или совсѣмъ ничего не преподается, или знаніе превращается. Почему ежели и всего знать, какъ Физики думали; и ничего не знать, какъ Академики почитали, не можно, что вся Философія разрушилась.

ГЛАВА 7.

О нравоучительной Философіи, и для чего она какъ полѣзнѣйшею, такъ прочихъ частей Философіи удобнѣйшею есть: какія были всѣхъ почти Философовъ мнѣнія о высочайшемъ добрѣ.

Приступимъ теперь къ другой Философіи части, которую они нравоучительною называютъ, въ которой вся сила Философіи состоитъ. Ибо въ оной физикѣ одна находится забава, а въ сей и польза. И понеже въ благоустроеніи житія, и въ исправленіи нравовъ, съ вящшимъ вредомъ погрѣшаемъ, то большаго потребно тщанія употреблять, дабы знать,

ка-

какимъ образомъ намъ житіе препровождать должно. Ибо въ вышепомянутыхъ умствованіяхъ извинены они быть могутъ: понеже естьли чтолибо говорятъ, тѣмъ не приносятъ пользы: ежели брѣдятъ, никакого не причиняютъ вреда. А здѣсь нѣтъ никакого мѣста несогласію, никакого заблужденію. Всѣ должны одно умствовать, и сама Философія какбы одними устами должна учить: понеже ежели въ чемъ заблудимъ то, все житіе превращается. Въ оной первѣйшей части какъ меньше трудности находится; понеже невразумительныя вещи различно умствовать понуждаютъ: а здѣсь какъ опасности больше, такъ меньше трудности, понеже самое употребленіе вещей, и ежедневные опыты могутъ научить, что есть истиннѣйшее и лучшее. И такъ посмотримъ, согласуютъ ли, или что намъ предлагаютъ, дабы лучше житіе препровождать. Не надобно разсматривать всего: представимъ одно главнѣйшее и высочайшее, на которомъ вся мудрость основана. Епикуръ высочайшее добро въ удовольствіи духа поставляетъ. Аристиппъ въ удовольствіи тѣлесномъ. Каллифонъ и Диномахъ Киринейскіе честность съ удовольствіемъ совокупили, Діодоръ съ нечувствованіемъ прискорбности. Іеронимъ въ безприскорбности высочайшее добро полагалъ. А Перипатетики въ дарованіяхъ духа, тѣла и фортуны. Гerилловымъ высочайшимъ добромъ есть знаніе. Зиноновымъ, съ природою сходственно жить. Нѣкоторыхъ стоиковъ добродѣтели послѣдовать. Аристотель въ честности и добро-

бродѣтели высочайшее добро поставлялЪ. Сiи суть мнѣнiя почти всѣхЪ. ВЪ такомЪ разногласiи кому будемЪ мы послѣдовать? кому вѣрить? Они всѣ равно важны. Ежели избрать можемЪ лучшее, то уже Философiя намЪ непотребна: понеже мы ужѐ сами тѣмЪ самимЪ мудрецы, когда о мнѣнiяхЪ мудрецовЪ разсуждаемЪ. Но понеже мы пришли учиться мудрости, то какЪ можемЪ судить, когда еще мудрствовать не начинали? Особливо когда предстоитЪ намЪ АкадемикЪ, который епанчою своею насЪ удерживаетЪ, и запрещаетЪ никому не вѣрить, и самЪ не предлагаетЪ, чемубы мы могли послѣдывать.

ГЛАВА 8.

Что истинная мудрость учитЪ, что высочайшимЪ добромЪ не есть духа или тѣла удовольствiе, или нѣчто изЪ тѣхЪ вещей, которыя Философы поставляли.

И такЪ что остается, какЪ только оставивЪ стязателей неистовыхЪ и упорныхЪ, прибѣгнуть кЪ судiи оному, то есть Подателю простой и мирной мудрости, который не только наставить и привесть насЪ можетЪ на путь, но и о распряхЪ ихЪ дать свой приговорЪ. ОнЪ намЪ показываетЪ, что есть истинное и высочайшее человѣческое добро, о которомЪ прежде не-

нежели говорить начну, опровергнуть и отразить должно всѣ оныя мнѣнія, дабы показать, что никто изъ нихъ мудрымъ не былъ. Когда о должности человѣческой говоримъ, то надлежитъ высочайшее главнѣйшаго животнаго добро въ томъ поставить, что общимъ ему съ протчими животными быть не можетъ. Но какъ звѣрямъ зубы, скотамъ роги, птицамъ крила свойственны, такъ человѣку нѣчто свойственное должно приписано быть, безъ котораго состоянiе свое теряетъ. Ибо что для житія и рожденія дано всѣмъ, оное хотя добро природное, однако собою не составляетъ высочайшаго, кромѣ того, которое всякому роду свойственно. И такъ не былъ мудрымъ тотъ, который признавалъ высочайшимъ добромъ удовольствiе духа. Понеже оное въ спокойствiи ли или въ радости состоитъ, есть всѣмъ общее. Аристиппу и отвѣтствовать не хочу, который на тѣлесное удовольствiе всегда взирая, и ничему иному какъ только чреву и сладострастiю работая, безъ сумнѣнія человѣческаго имени не достоинъ. Ибо такъ жизнь препровождалъ, что между имъ и скотомъ никакого различія не было, развѣ только то одно, что онъ говорилъ. А ежели бы ослу, или псу, или свиньѣ рѣчь дана была, и вопросилъ бы ты ихъ, чего они хотятъ, когда за самкою толь неистовно бѣгутъ, что съ трудностiю отлучить ихъ можно, и о пищи и о питiи нерадятъ? для чего или иныхъ самцовъ жестоко отгоняютъ, или что и сами преодолѣны будучи отъ другихъ, не отстаютъ,

но часто сокрушены бывши отъ сильнѣйшихъ, тѣмъ паче преслѣдуютъ? для чего ни дождя ни стужи не боятся, трудъ принимаютъ, бѣдствіе терпѣть готовы? что иное отвѣтствовать будутъ, какъ только, что высочайшее есть добро тѣлесное удовольствіе: онаго желаемъ насладиться, дабы получить наипріятнѣйшія чувствованія, которыя столь дороги, что для полученія оныхъ ни труда не жалѣютъ, ни ранъ и смерти не страшатся. И такъ отъ сихъ ли правила житія будемъ требовать, которые тожь самое дѣлаютъ, что и безсловесныя. Говорятъ Циренаики, что добродѣтель самая потому есть похвальна, понеже дѣлаетъ удовольствіе. Истинну говоритъ мерзскій песъ, или свинья оная въ блатѣ замаравшаяся: ибо, для того съ соперникомъ всѣми силами сражаюся, дабы мужество мое принесло мнѣ удовольствіе, котораго я необходимо долженъ лишиться, ежели побѣжденъ буду. И такъ у сихъ ли мудрости научиться можемъ, которыхъ отъ скотовъ и звѣрей не разумъ, но языкъ различаетъ? Безприскорбность за высочайшее добро почитать не Перипатетическимъ, и Стоическимъ, но Киническимъ Философамъ прилично. Ибо кто не понимаетъ, что недугующіи, и въ нѣкоторой прискорбности находящіеся, сіе говорили? Что можетъ быть столь достойное смѣха, какъ почитать за высочайшее добро то, что лѣкарь дать можетъ? И такъ должно изнемогать, или болѣзни претерпѣвать, дабы насладиться добромъ: да еще претерпѣвать болѣзни тяжкія,

и часто, дабы послѣ, нечувствованіе болѣзни было пріятнѣе. Почему весьма нещастливѣ тотѣ, который никогда больнымѣ не былѣ: понеже не имѣлѣ добра: котораго мы наисчастливѣйшимѣ почитаемѣ, понеже не имѣлѣ зла. Отѣ сея глупости не далеко отстоялѣ, который говорилѣ, что никогда не чувствовать болѣзни, есть высочайшее добро. Ибо кромѣ того, что всякое животное болѣзни убѣгаетѣ, кто можетѣ себѣ сіе добро здѣлать, которымѣ дабы намѣ пользоваться, ничего иного не можемѣ, какѣ только желать? Высочайшее же добро не можетѣ никого здѣлать блаженнымѣ, ежели не будетѣ состоять всегда вѣ его власти. А сіе не добродѣтель человѣку, не ученіе, не трудѣ, но природа самая всѣмѣ животнымѣ даруетѣ. Которые удовольствіе сѣ честностію совокупили, общества сего удалиться хотѣли, но здѣлали добро само себѣ противное: понеже кто предается удовольствію, тотѣ честности не долженѣ имѣть: кто честность наблюдаетѣ тотѣ удовольствія не имѣетѣ. Перипатетиковѣ добро чрезмѣру многовидно, и выключая душевное добро, которое и само, вѣ чемѣ состоитѣ, не извѣстно, общимѣ сѣ безсловесными казаться можетѣ. Ибо тѣлесное добро, то есть ненарушимость здравія, безболѣзнованіе, крѣпость, не меньше безсловеснымѣ, какѣ и человѣку потребны, и не могу сказать, не болѣе ли имѣ. Понеже человѣкѣ и отѣ врачеваній и отѣ услугѣ спомоществованіе имѣть можетѣ, а безсловесныя не могутѣ.

Также, что они добромъ фортуны называютъ? Ибо какъ человѣкъ въ богатствѣ къ сохраненію жизни, такъ они въ добычѣ и ловѣ имѣютъ нужду. Такимъ образомъ вводя добро, которое не состоитъ въ человѣческой власти, всего человѣка подъ чужую власть покорили. Послушаемъ и Зинона. Ибо онъ между прочимъ и о добродѣтели брѣдитъ. Высочайшее, говоритъ, добро есть, жизнь препровождать сходственно съ природою. слѣдовательно позвѣрски намъ жить должно. Ибо чего человѣкъ имѣть недолженъ, оное все находится въ звѣряхъ. Желаютъ удовольствій, боятся, обманываютъ, навѣтуютъ, умерщвляютъ: и что къ нашему дѣлу принадлежитъ, Бога не знаютъ. Для чегожъ меня учитъ жизнь препровождать сходственно съ природою, которая къ худшему склонна, и нѣкоторыми нечувствительными приманками въ пороки низвергаетъ. Ежели же скажетъ, что иная есть природа безсловесныхъ, иная человѣческая: понеже человѣкъ рожденъ къ добродѣтели: то говоритъ похоже нѣсколько на правду: однако не будетъ опредѣленіе высочайшаго добра: понеже нѣтъ ни одного животнаго, которое бы не жило по своей природѣ. Который знаніе высочайшимъ добромъ поставилъ, тотъ нѣчто человѣку свойственное приписалъ; но знаніе снискивается для другой вещи, а не для его самаго. Ибо кто знаніемъ можетъ быть доволенъ, нежелая какоголибо плода отъ онаго? Художествамъ для того обучаются, дабы самимъ въ нихъ упражняться: упражняются

же въ оныхъ или для вспомоществованія житія, или для удовольствія, или для славы. И такъ не высочайшее есть то добро, которое снискиваемо бываетъ не для себя самаго. И такъ что мы за высочайшее добро почтемъ? Знаніе ли? или то, что отъ знанія происходитъ? то есть пропитаніе, славу, удовольствіе, которыя вещи несвойственны человѣку, и потому и высочайшимъ добромъ быть не могутъ. Ибо желать удовольствія и пищи, не только человѣку, но и безсловеснымъ свойственно. Что желаніе славы? Не примѣчается ли оное въ коняхъ, когда побѣдивъ веселятся, а побѣждены будучи печалятся: столь любятъ похвалу, столь стараются о побѣдѣ. И не безъ основанія первѣйшій стихотворецъ говоритъ, что изпытать должно: какъ печалятся побѣжденные, и какъ надымаются славою побѣды. И такъ ежели все то, что проистекаетъ отъ знанія, общее есть человѣку съ иными животными, слѣдовательно знаніе не есть высочайшее добро. Сверхъ сего немалый сего опредѣленія есть порокъ, что знаніе просто полагается. Ибо начнутъ блаженнѣйшими казаться тѣ, которые художество какое-либо знаютъ, не меньше и тѣ, которые вредныя вещи знаютъ, такъ что равно блаженнымъ будетъ, который научился составлять ядъ, какъ и тотъ, который искусенъ лѣчить. И такъ вопрошаю: къ какой вещи знаніе относить должно. Ежели къ причинамъ вещей природныхъ, то какое блаженство мнѣ будетъ

обі-

обѣщанно, ежели буду знать, откуду Нилъ проистекаетъ, или что о небѣ Физики брѣдятъ? Да что болѣе? Когда оныхъ вещей знаніе, не знаніе есть, но мнѣніе: которое поразличію умовъ, есть различно. Остается положить высочайшее добро въ знаніи добра и зла. Такъ для чегожь вздумалось назвать высочайшимъ добромъ знаніе, а не мудрость. Понеже обоихъ знаменованіе и сила едина? Ни кто однако до нынѣшнихъ временъ высочайшимъ добромъ не назвалъ мудрости, что приличнѣе сказать можно было. Ибо знаніе недовольно къ избранію добра, и удаленію отъ зла, ежели не будетъ съ онымъ соединена и добродѣтель. Ибо многія Философы о добрѣ и злѣ разсуждали, однако инако по убѣжденію природы жизнь препровождали, нежели какъ говорили: понеже добродѣтели не имѣли. А добродѣтель съ знаніемъ соединена будучи составляетъ мудрость. Остается и тѣхъ опровергнуть, которые добродѣтель за высочайшее добро вмѣняли, котораго мнѣнія держался и Маркъ Туллій, въ которомъ (мнѣніи) много безразсудства заключалось. Ибо не добродѣтель самая есть высочайшее добро, но она только дѣлательницею и матеріею есть высочайшаго добра. Понеже достигнуть до онаго безъ добродѣтели не можно. Обое то разумѣть удобно. Ибо вопрошаю, легко ли имъ кажется достигнуть онаго знаменитаго добра, или не удобно и съ трудностію? Пускай покажутъ остроту ума своего, и заблужденіе защищаютъ. Ежели легко къ оному и безъ труда достигнуть можно, то

оно

оно не будетъ высочайшимъ добромъ. Ибо для чего будемъ себе мучить? Для чего изнурять, силяся денноношно, ежели въ готовности искомое лежитъ, такъ, что оное всякъ безъ всякаго старанія сыщетъ? Но ежели и простаго и средственнаго всякаго добра безъ труда не получаемъ, понеже природа добра состоитъ въ трудности, а зла въ удобствѣ: слѣдовательно наивеличайшимъ трудомъ высочайшаго добра достигать должно. Сіе ежели справедливо, слѣдовательно другая потребна добродѣтель, дабы достигнуть къ той добродѣтели, которая называется высочайшимъ добромъ: но сіе сказать непристойно, дабы добродѣтель чрезъ себе самую достигала къ себѣ самой. Ежели не можно ни къ какому добру безъ труда достигнуть, то видно, что чрезъ добродѣтель достигнуть можно: понеже въ принятіи и понесеніи трудовъ сила и долгъ добродѣтели состоитъ, слѣдовательно высочайшимъ добромъ не можетъ быть то, чрезъ которое должно къ другому достигать. Но они понеже не знали, что дѣлаетъ добродѣтель, или куда стремится, а честнѣйшаго ничего не сыскали, то остановились на имени самой добродѣтели, и говорили, что оной безъ всякой намѣренной пользы желать должно: и добро себѣ постановили требующее добра. Аристотель отъ сихъ не далеко отступилъ, который добродѣтель съ честностію за высочайшее добро вмѣнялъ: будто бы какая добродѣтель можетъ быть не честною: и будто не престаетъ быть добродѣтелію, ежели имѣетъ нѣкоторую скверну.

ку. Но примѣтилъ и то, что можетъ статься по развращенному разсужденію худо будутъ люди думать о добродѣтели, и для того думалъ, что мнѣнію людскому должно повиноваться и послѣдовать. Сіе кто дѣлаетъ, тотъ отъ справедливости и добра отступаетъ: понеже не въ нашей состоитъ власти, дабы добродѣтель за свои заслуги почитаема была. Ибо что есть честность? какъ не всегдашняя честь внушаемая комулибо благополучнымъ народнымъ гласомъ. И такъ, что произойдетъ, ежели по заблужденію и развратности людской худое мнѣніе послѣдуетъ? Отринемъ ли добродѣтель, понеже отъ невѣждъ за порочное и гнусное нѣчто она почитается? Которая послику завистію утѣсняема и изнуряема быть можетъ, то дабы была сама свойственнымъ и всегдашнимъ добромъ, кикакой наружной помощи требовать не должна, наипаче же своими силами должна крѣпиться, и состоять. Того ради никакого ей добра отъ человѣка надѣяться не должно, и никакого зла не должно отрицаться.

ГЛАВА

ГЛАВА 9.

Какое есть истинной мудрости высочайшее добро: и сколь несправедлива была причина Анаксагорова, для чего родился человѣкъ.

Теперь приступаю къ высочайшему истинной мудрости добру, котораго природу симъ способомъ опредѣлить должно. Во первыхъ, дабы единому человѣку свойственнымъ оно было, и не приличествовало ни какому иному животному. Во вторыхъ, дабы одному духу было свойственно, и не могло присвояемо быть тѣлу. Наконецъ, дабы не могло ни кѣмъ безъ знанія и добродѣтели быть приобрѣтеннымъ. Сіе описаніе всѣ оныя мнѣнія изключаетъ и разрушаетъ, ибо въ тѣхъ мнѣніяхъ ничего такого нѣтъ. Теперь изъясню, что оно такое, дабы показать, какъ я былъ намѣренъ, что всѣ Философы слѣпы и безумны были, которые, какое человѣку назначено высочайшее добро, ни видѣть ни разумѣть, ни догадками до того доходить не могли. Анаксагоръ когда ево вопросили: для чего онъ родился, отвѣчалъ: зрѣть солнце и небо. Сему слову удивляются всѣ, и Философа достойнымъ почитаютъ. А я думаю, что онъ не имѣя что отвѣчать, произнесъ сіе безъ разсужденія, съ тѣмъ, дабы не остатся безъ отвѣта. А ежели бы онъ былъ мудрымъ, то долженъ былъ имѣть въ готовности нѣчто благоразумное. Понеже естьли кто вины бытія своего

не знаетъ: тотъ и человѣкомъ называться не долженъ. Но сочтемъ, что онъ небезразсужденія оное сказалъ. Посмотримъ же сколь много онъ въ трехъ словахъ, и сколь сильно погрѣшилъ: что всю человѣческую должность въ очахъ положилъ, ничего къ уму не относя, но все къ тѣлу. Что ежели бы онъ слѣпъ былъ? то лишился бы человѣческой должности: чему быть безъ погибели души не можно? Что прочія тѣла части? не будутъ ли имѣть своихъ должностей? Да что болѣе? когда природа даровала слуху болѣе, нежели очамъ? Ибо и ученіе и мудрость однимъ слухомъ понимаема быть можетъ, зрѣніемъ же однимъ не можетъ. Ты родился зрѣть небо и солнце? такъ кто тебя въ сіе зрѣлище ввелъ? Или какую небу и природѣ вещей зрѣніе твое приноситъ пользу? то есть, дабы ты безмѣрное сіе и чудное дѣло хвалилъ. И такъ признай, что всѣхъ вещей создатель есть Богъ, который тебе въ сей міръ какбы свидѣтеля и хвалителя толикихъ своихъ дѣлъ ввелъ. Великимъ дѣломъ почитаешъ ты видѣть небо и солнце. Такъ для чего же не благодаришь тому, который сего благотворенія есть виновникъ? Для чего о его силѣ, промыслѣ, власти не разсуждаешь, котораго дѣламъ удивляешся? Ибо несравненно дивнѣйшимъ долженъ быть, который дивная создалъ. Ежели бы тебе кто позвалъ на вечерю, и на оной бы тебе наилучше принялъ, не почлиль бы тебя за безумнаго, ежелибы ты за большее поставилъ удовольствіе, нежели того, кто оное здѣлалъ?

Толь

Толь то Философы относятъ все къ тѣлу, а къ душѣ совсѣмъ ничего: и больше ничего невидятъ, кромѣ того, что съ зрѣніемъ стрѣчается. Но оставивши всѣ должности тѣла, въ одной душѣ полагать должно человѣческаго бытія вину. И такъ не для того раждаемся, дабы твари видѣть, но дабы самаго всяческихъ Творца зрѣть, то есть созерцать умомъ. Того ради, ежели бы кто человѣка разумнаго вопросилъ: для чего онъ родился: отвѣчаетъ небоязненно и смѣло, что онъ родился для почитанія Бога, который насъ для того породилъ, дабы ему благоугождали. Благоугожденіе же не что иное есть, какъ добрыми дѣлами защищать и сохранять правду. Но Анаксагоръ какъ человѣкъ божественныхъ вещей не знающій, вещь наивеличайшую здѣлалъ малою, избравъ себѣ двѣ вещи, о коихъ сказывалъ, что зрѣть на оныя долженъ. Естьли бы онъ сказалъ, что родился, дабы весь міръ видѣть, то хотябы все вмѣстилъ, и большее слово произнесъ, однако не исполнилъ бы человѣческой должности: понеже чемъ болѣе душа, нежели тѣло, столь болѣе Богъ, нежели міръ: понеже Богъ міръ создалъ и управляетъ. И такъ не на міръ очами, понеже обое есть тѣлесное, но на Бога душею взирать должно: понеже Богъ какъ самъ есть безсмертный, такъ и душѣ благоволилъ быть вѣчною. Взирать же на Бога, есть почитать отца рода человѣческаго. Чего поелику Философы не дѣлали, и поникши къ землѣ жизнь препровождали, не зная божественныхъ

вещей, то думать должно, что Анаксагоръ ни неба ни солнца, для которыхъ зрѣнія рожденнымъ себя признавалъ, не видалъ. И такъ показалъ я вину мудраго человѣка, которому свойственно человѣчество. Ибо что иное есть самое человѣчество, какъ не правда? Что же есть правда; естьли не благочестіе? Благочестіе же нечто иное есть, какъ познаніе Бога отца.

ГЛАВА 10.

Что то, которое кажется человѣку свойственнымъ, и прочимъ животнымъ общее есть; человѣку же свойственно Бога знать и почитать.

И такъ высочайшее человѣческое добро, состоитъ въ одной вѣрѣ. Ибо прочее почитаемое свойственнымъ человѣку, и въ прочихъ животныхъ находится. Понеже когда голоса свои свойственными между собою знаками раздѣляютъ и распознаютъ, то видно, что они разговариваютъ: и смѣхъ нѣкоторый въ нихъ примѣчается, когда опустивъ уши, и стиснувъ зѣвъ, и взглядъ въ веселый премѣнивъ, или ласкаются къ человѣку, или играютъ съ своими самками и собственными дѣтьми. Но не показываютъ ли нѣсколько взаимной любви, и незлобія? А тѣ, которые о будущемъ пекутся, и собираютъ пищу на будущее время, не уже ли не имѣютъ намѣренія.

нія. И разума знаки въ нѣкоторыхъ примѣчаются. Ибо когда полезнаго себѣ желаютъ, вреднаго остерегаются, опасностей удаляются, жилища себѣ дѣлаютъ многія выходы имѣющія, то конечно что нибудь разумѣютъ. Можетъ ли кто сказать, что нѣтъ въ нихъ разума, когда человѣка самого часто обманываютъ? Ибо которые медъ дѣлаютъ, когда въ означенныхъ живутъ селеніяхъ, жилища укрѣпляютъ, домы нѣкоторымъ художествомъ созидаютъ, царю своему повинуются: не могу сказать не совершенный ли въ нихъ разумъ. И такъ не извѣстно, что все человѣку присвояемое, не общее ли ему съ прочими животными. Вѣры подлинно не знаютъ. Я такъ съ своей стороны думаю, что разумъ данъ всѣмъ животнымъ: но безсловеснымъ только къ защищенію живота, а человѣку къ продолженію. И поелику въ человѣкѣ самый разумъ есть совершенный, то и называется мудростію: которая потому дѣлаетъ человѣка превосходнымъ, понеже одному человѣку свойственно разумѣть божественная. О семъ Цицеронъ справедливо думаетъ: „Изъ толь без„численныхъ, говоритъ, родовъ нѣтъ ни одно„го животнаго, выключая человѣка, которое „бы какимъ нибудь образомъ признавало Бога. „И изъ самыхъ людей нѣтъ ни одного народа „столь грубаго и дикаго, который не понималъ „бы, что должно Бога имѣть, хотя и не „знаетъ какого.„ Отсюда происходитъ, что тотъ познаетъ Бога, который какъ бы воспоминаетъ, откуда онъ произшелъ. И такъ кото-

которые Философы хотятЪ мысли отЪ всякаго страха свободить, нЕ упраждняютЪ и вЕру, и лишаютЪ человЕка свойственнаго его и особливаго добра, что правому житію, и всему человЕчеству противно: понеже БогЪ какЪ всЕхЪ животныхЪ покорилЪ человЕку, такЪ самаго человЕка покорилЪ себЕ. Ибо для чего они же сами говорятЪ, что туда надобно возводить умЪ, куда лице возвышено? Ибо ежели намЪ на небо смотрЕть должно, то не для чего иного, какЪ только ради благочестія. Ежели вЕру уничтожить, то никакого намЪ общества сЪ небомЪ не будетЪ. И такЪ или на небо надобно смотрЕть, или на землю поникнуть. На землю поникнуть хотя бы и хотЕли, то не можемЪ, понеже стояніе прямое имЕемЪ. По чему на небо смотрЕть должно, куда природа тЕла насЪ устремляетЪ. А ежели знаемЪ, что сіе надобно дЕлать, то или для того дЕлать должно, дабы вЕрЕ служить, или для того, дабы вещи небесныя познать. Но вещей небесныхЪ познать никакЪ не можемЪ: понеже ничего такого разсужденіемЪ найти не возможно, какЪ прежде я показалЪ: слЕдовательно вЕрЕ должно служить, которой кто не принимаетЪ, самЪ себе повергаетЪ на землю, и скотскому житію послЕдуя, человЕчества себе лишаетЪ. Чего для мудрЕйшими кажутся неученые или невЕжды, которые хотя вЪ избраніи вЕры заблуждаютЪ, однако о природЕ своей и состояніи памятуютЪ.

ГЛАВА

ГЛАВА 11.

Что Богъ сотворилъ человѣка желающимъ богопочитанія и мудрости, изъ которыхъ одно безъ другаго быть не можетъ: и что изъ тѣхъ вещей, которыхъ люди желаютъ, ничто высочайшимъ добромъ быть не можетъ.

И такъ извѣстно по общему человѣческаго рода согласію, что благочестіе или вѣру принять должно: но какимъ же образомъ въ ней заблуждаютъ, изъяснить, потребно. Такую природу далъ Богъ человѣку, дабы двухъ вещей желалъ и хотѣлъ: вѣры и мудрости. Но люди потому ошибаются, понеже или вѣру принимаютъ оставивши мудрость, или одной мудрости ищутъ, оставивши вѣру: когда одно безъ другаго истиннымъ быть не можетъ. И такъ впадаютъ въ многочисленныя вѣры, но потому ложныя: понеже мудрость оставили, которая ихъ могла бы научить, что богамъ многимъ быть не можно. Или желаютъ мудрости, но того ради ложной: понеже вѣру всевышняго Бога оставили, который ихъ моглъ бы наставить къ познанію истинны. Такимъ образомъ люди, которые одно изъ двухъ избираютъ, шествуютъ путемъ многія распутія имѣющимъ, и заблужденій исполненнымъ: понеже въ сихъ двухъ неразлучно соединенныхъ и должность человѣческая, и вся истинна заключается. Я удивляюсь, что никто изъ философовъ жилища и обиталища высочайшаго

добра не нашолъ. Ибо могли такъ искать. Высочайшее добро должно всѣмъ быть предложеннымъ. Удовольствія всѣ желаютъ, но оное и общее есть съ звѣрьми, и честности не имѣетъ, и насыщеніе приноситъ, и излишествомъ вредъ причиняетъ, и съ возвратомъ умаляется, и многимъ имѣть оное не достается. Ибо не имѣющіи богатства, которыхъ больше числомъ, и удовольствія должни не имѣть. Слѣдовательно оно не высочайшее добро, да и совсѣмъ не добро. Что богатство? кольми паче высочайшимъ добромъ не есть. Ибо и малочисленнымъ, и по большой части случайно, и часто негоднымъ, и иногда беззаконно достается, и желаемо бываетъ отъ тѣхъ, которые его уже имѣютъ. Что царство самое? И то не оно. Ибо не всѣ люди царствовать могутъ, а должни всѣ къ высочайшему добру способными быть. И такъ поищемъ такого, которое предложено всѣмъ. Не добродѣтель ли? Спорить не можно, что она есть добро, и добро общее. Но ежели блаженною быть не можетъ, понеже сила и природа ея въ понесеніи напастей состоитъ, то подлинно не есть она высочайшимъ добромъ. Посмотримъ другаго, но ничего добродѣтели изряднѣе, ничего мудрости достойнѣе сыскаться не можетъ. Ибо ежели пороковъ по ихъ мерзости убѣгать, то добродѣтели по причинѣ ея благолѣпія желать должно. Чтожь? Можно ли тому статься, чтобъ доброе и честное награжденія не имѣло? И было толь безплодно, дабы никакой пользы собою не приносило? Усиліе оное великое и тру-

трудность и сраженіе съ напастьми, которыми настоящее наполнено житіе, должны приносить нѣкоторое непосредственное добро. Онымъ же что мы назовемъ? Удовольствіе ли? Но отъ сквернаго ничего честнаго произойти не можетъ. Богатство ли? Власти ли? Но оныя скорогибнущи и временны. Славу ли? Честь ли? Память ли имени? Но сіе все не въ самой добродѣтели, но въ мнѣніи и власти другихъ состоитъ. Ибо часто добродѣтель и ненавидима бываетъ, и напасть претерпѣваетъ. Должно ли же добро отъ добродѣтели родящееся толь быть совокупленнымъ, дабы разлучиться и раздѣлиться отъ нея не могло. И инако высочайшимъ добромъ быть не можетъ, только ежели будетъ свойственнымъ добродѣтели, и таковымъ, чтобъ ни прибавлено, ни умалено быть не могло. Ибо въ презрѣніи всего сего должность добродѣтели состоитъ. Понеже удовольствій, богатствъ, властей, честей, и всего, что за добро почитается, не желать, не хотѣть, не любить, что прочіе побѣждены будучи страстію желанія дѣлаютъ, оное подлинно знакомъ есть добродѣтели. И такъ другое высочайшее и знаменитѣйшее добро дѣйствуетъ оное; и не напрасно сіи настоящія блага презираетъ, понеже большихъ и истиннѣйшихъ желаетъ. И такъ не отчаяваемся, что можемъ найти оное, только разсмотримъ все разсужденіемъ. Ибо не маловажной и смѣха достойной мзды ищемъ.

ГЛАВА 12.

О двоякой брани тѣла и души, и о врагахъ обоимъ, и что добродѣтели не ради ея желать должно, но ради жизни вѣчной, которая высочайшимъ есть добромъ, и добродѣтели по нуждѣ послѣдуетъ, и въ настоящемъ вѣкѣ быть не можетъ.

Но вопрошаю, для чего мы рождаемся, что дѣлаетъ добродѣтель? Можемъ такъ изслѣдовать. Изъ двухъ вещей человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души, много свойственнаго душѣ, много свойственнаго тѣлу, много обоимъ общаго, какъ и самая добродѣтель, которая когда къ тѣлу относится, ради различія мужествомъ именуется. И такъ поелику обоимъ свойственно мужество, то обоимъ предлежитъ и сраженіе, обоимъ отъ сраженія побѣда. Тѣло поелику дебело и осязаемо есть, то ему съ дебелыми и осязаемыми должно сражаться. А душа поелику невещественна есть и невидима, то съ невидимыми и не осязаемыми врагами сражается. Какія же враги душевныя, ежели не вожделѣнія, пороки, и грѣхъ? Которыхъ ежели побѣдитъ добродѣтель, и проженетъ, то не порочною душею будетъ и чистою. Откуду же познать можно, что дѣлаетъ духовное мужество? Безъ сумнѣнія изъ союзнаго и равнаго, то есть изъ тлѣннаго мужества: которое ежели на нѣкоторое сраженіе и подвигъ пріидетъ, чего иного изъ побѣды, какъ житія желаетъ? Ибо хотя съ человѣкомъ, хотя съ звѣремъ будешь сражаться,

ся, то за здравіе будешь подвизаться. Слѣдовательно, какъ тѣло побѣждая то получаетъ, дабы не погибнуть, такъ и душа, дабы пребывать: и какъ тѣло отъ враговъ своихъ побѣжденное умерщвляется, такъ душа побѣждена будучи, должна умереть. Такъ какое же будетъ различіе между духовнымъ и тѣлеснымъ сраженіемъ? не иное, какъ только, что тѣло временной жизни желаетъ, душа вѣчной? Слѣдовательно, ежели добродѣтель сама собою не блаженна, понеже въ претерпѣніи, какъ выше я сказалъ, напастей вся сила ея состоитъ, ежели вся благая желаемыя презираетъ: ежели высочайшая ея степень къ смерти ведетъ: ежели жизнь, которой прочіе желаютъ, часто презираетъ: и смерть, которой прочіи боятся, мужественно принимаетъ: ежели должна нѣкоторое великое добро отъ себе произвесть, понеже принятые и преодолѣнные до смерти труды безъ награжденія остаться не могутъ: ежели никакого награжденія ея достойнаго на земли не обрѣтается; понеже все немощное и временное презираетъ: то что иное остается, какъ только дабы нѣчто небесное сдѣлала, понеже земное все презираетъ, и къ вышнимъ стремилася, понеже маловажное презираетъ. Онымъ же ни что другое быть не можетъ, какъ безсмертіе. Почему справедливо не послѣдній Философъ Евклидъ, который былъ изобрѣтателемъ Мегарицкаго ученія, не согласуя съ прочими, то высочайшимъ добромъ назвалъ, которое подобно было бы и всегда тожe. Уразумѣлъ по истиннѣ, какова

есть

есть природа высочайшаго добра, хотя того не изъяснилъ, что оно такое. А оное есть безсмертіе, и всеконечно не иное что: понеже одно оно ни умалиться, ни умножиться ни премѣниться не можетъ. И Сенека забывъ себя призналъ, что добродѣтели никакого иного нѣтъ награжденія, кромѣ безсмертія. Ибо похваляя добродѣтель въ той книгѣ, которую о безвременной смерти, написалъ, „ одна, говоритъ, добродѣтель безсмертіе намъ „ дать, и Богамъ подобными здѣлать можетъ. „ Но и Стоики, которымъ Сенека послѣдовалъ, говорятъ, что безъ добродѣтели никто блаженнымъ быть не можетъ. Слѣдовательно добродѣтели награжденіемъ есть блаженная жизнь, ежели добродѣтель, какъ справедливо сказано, блаженную жизнь составляетъ. И такъ не должно, какъ говорятъ, добродѣтели для ея самой желать, но ради жизни блаженной, которая понуждѣ за добродѣтелію послѣдуетъ. Сей доводъ могъ имъ показать, которое есть высочайшее добро. А сія жизнь настоящая и тѣлесная блаженною быть не можетъ: понеже напастямъ подвержена есть по тѣлу. Епикуръ Бога блаженнымъ и нетлѣннымъ называетъ, понеже вѣчный есть. Блаженство же совершенное быть должно, дабы ничто его огорчить, и умалить, или премѣнить не могло. И неинако чтолибо блаженнымъ почитаться можетъ, какъ только, ежели будетъ нетлѣннымъ. Нетлѣннымъ же ничто быть не можетъ, какъ только безсмертное. Слѣдовательно одно безсмертіе есть блаженно: понеже

же истлѣть и разрушиться не можетъ. А ежели человѣку приличествуетъ добродѣтель, о чемъ спорить ни кто не можетъ, то приличествуетъ и блаженство. Ибо не можно статься, дабы бѣднымъ былъ добродѣтель имѣющій. Ежели приличествуетъ блаженство, слѣдовательно и безсмертіе приличествуетъ человѣку, которое есть блаженно. И такъ высочайшимъ добромъ одно безсмертіе находится, понеже ни инаго животнаго, ни тѣла не касается, и никто не можетъ его безъ добродѣтели знанія, то есть безъ познанія Божія и правды получить. Котораго желаніе сколь истинно, сколь праведно, оное показываетъ желаніе настоящей жизни: которая хотя временна и преисполненна труда, всѣ однако ее хотятъ и желаютъ. Ибо оной какъ старые, такъ отроки, какъ цари такъ подлые, наконецъ какъ мудрые, такъ безумные желаютъ. И столь драгоцѣнною она кажется, какъ Анаксагору взирать на небо и солнце; что всякія бѣды охотно претерпѣваютъ, за оную. И такъ когда исполненная трудовъ и краткая сія жизнь, согласіемъ не только людей, но и всѣхъ животныхъ, великимъ добромъ почитается, то явно, что жизнь высочайшимъ и совершеннѣйшимъ становятся добромъ, ежели и конца, и никакихъ бѣдъ не имѣетъ. Ктомуже ни кого никогда не было, которой бы сію самую краткую презрѣлъ, или умеръ не надѣясь долговѣчнѣйшей. Ибо предавшіи себѣ на смерть за спасеніе гражданъ, какъ то въ Ѳивахъ Менецей, въ Аѳинахъ

нахѣ Кодрѣ, вѣ Римѣ Курцій и два Декія, никогдабы не предпочли смерти выгодамѣ сея жизни, ежели бы не думали, что по мнѣнію гражданѣ безсмертіе получатѣ: которые хотя не знали пути кѣ безсмертію, однако вѣ дѣлѣ самомѣ не ошиблись. Ибо ежели добродѣтель богатство для того презираетѣ, понеже оно тлѣнно: удовольствія за тѣмѣ, что онѣ кратки: слѣдовательно и житіе тлѣнное и краткое для того презираетѣ, дабы неизмѣняемое и вѣчное получить. Ибо самая мысль идучи порядкомѣ, и о всемѣ разсуждая, приводитѣ насѣ кѣ превосходному оному и особливому, для котораго раждаемся, добру. Сіе ежели бы здѣлали Философы, ежели бы, что однажды поняли, точно того не защищали, то подлинно достигли бы до истинны сей, которую я позналѣ теперь. Но ежели сего не могли понять тѣ, которые думали, что небесныя души вмѣстѣ сѣ тѣлами умираютѣ: то тѣ покрайнѣй мѣрѣ, которые о безсмертіи души разглагольствуютѣ, разумѣть должни были, что для того предложена намѣ добродѣтель, дабы обуздавши прихоти, и вещей земныхѣ вожделѣніе побѣдивши чистыми и побѣдительницами души кѣ Богу, то есть кѣ началу своему возтекли. Ибо для того одни мы изѣ животныхѣ кѣ зрѣнію неба возвышены, дабы высочайшее добро наше вѣ всевышнемѣ Богѣ поставляли. Для того вѣру одни имѣемѣ, дабы изѣ того знать, что душа человѣческая безсмертна, понеже Бога безсмертнаго и желаетѣ и познаетѣ. Слѣдовательно

всѣ

всѣ Философы, которые за высочайшее добро или знаніе, или добродѣтель полагали, хотя шли путемъ истинны, но не дошли до совершенства. Ибо сіи два совокупно составляютъ то, чего ищемъ. Знаніе то дѣлаетъ, дабы знали, какъ и куда пріити должно: добродѣтель, дабы мы туда достигли. Одно безъ другаго ничего не можетъ. Ибо отъ знанія добродѣтель, отъ добродѣтели высочайше добро раждается. И такъ блаженной жизни, которой Философы искали, и всегда ищутъ, нѣтъ ни въ почитаніи боговъ, ни въ Философіи. И для того они не могли найти, понеже высочайшаго добра не на высотѣ искали, но долѣ. Высочайшее же что есть, какъ только небо и Богъ, откуду душа происходитъ? Дольнее же что есть, кромѣ земли, отъ коей начало свое имѣетъ тѣло? И такъ хотя нѣкоторые Философы высочайшее добро не тѣлу, но душѣ причитали, однако понеже оное къ нынѣшнему житію съ тѣломъ оканчивающемуся присвоили, то къ тѣлу обратились: котораго есть все сіе на земли препровождаемое время. Того ради достойно высочайшаго добра не поняли: понеже все къ тѣлу надлѣжащее, и безсмертія не имѣющее, должно быть суетнымъ. И такъ не приличествуетъ блаженство человѣку ни какимъ образомъ, какъ Философы думали: но такъ приличествуетъ, дабы не тогда блаженнымъ былъ, когда живетъ въ тѣлѣ, которое, дабы разрушиться, должно истлѣть, но тогда когда душа сообщества тѣлеснаго свободившись, въ единомъ духѣ живетъ.

ветъ. Симъ единымъ въ семъ житiи блаженными быть можемъ, ежели не будемъ казаться блаженными. Ежели убѣгая прелестныхъ удовольствiй и единой добродѣтели служа, во всякихъ трудахъ и бѣдствiяхъ будемъ жить, которыя суть упражненiями и укрѣпленiями добродѣтели: ежели наконецъ прискорбнымъ онымъ путемъ и труднымъ будемъ шествовать, который ведетъ къ блаженству. Слѣдовательно высочайшимъ добромъ, которое блаженными дѣлаетъ, не можетъ быть, развѣ въ оной вѣрѣ и ученiи, которому надежда безсмертiя присоединена.

ГЛАВА 13.

Что душа есть безсмертна, и для чего божественное писанiе Логики не желаетъ и не прiемлетъ или Философiи, кромѣ одной Нравоучительной: въ преподаванiи которой славнѣйшiе Философы заблудили: и для чего Философiя не есть вождемъ въ житiи, и родительницею добродѣтели, и изгонительницею пороковъ, что однако Цицеронъ и другiе утвердить старалися.

Матерiя въ семъ мѣстѣ требуетъ, чтобъ, поелику мы показали, что высочайшимъ добромъ есть безсмертiе, тѣмъ самимъ доказать, что души суть безсмертны. О семъ великiй между Философами споръ происходитъ: но одна-

однако ничего немогли изъяснить или доказать. Которые справедливо умствовали о душѣ, не зная сего божественнаго ученія, ни доводовъ истинныхъ, дабы ими побѣдить, ни свидѣтельствъ, дабы ими утвердить, не представили. Но приличнѣе сей вопросъ разрѣшу въ послѣднѣй книгѣ, когда о жизни блаженной буду говорить. Остается оная часть третія Философіи, которую называютъ Логикою, въ которой вся діалектика, и весь глаголанія способъ седержится. Оной божественное ученіе не требуетъ: понеже не въ языкѣ, но въ сердцѣ мудрость есть, и нѣтъ нужды, какія кто употребляетъ рѣчи. Ибо дѣла а не слова потребны. И я не о грамматикѣ или ораторѣ, которымъ знать надлежитъ, какъ говорить прилично: но о мудрецѣ разглаголствую, котораго ученіе есть, какъ жить должно. А ежели физика непотребна, то и логика. Понеже блаженными насъ здѣлать не могутъ: остается, что въ одной нравоучительной всея Философіи сила содержится, къ которой Сократъ, оставивъ все, прилѣпился. Въ чемъ понеже Философы заблудили, какъ я показалъ, которые высочайшаго добра, для коего мы рождены, не поняли, то видно, что и вся Философія тщетна и ложна: понеже не наставляетъ должности правды, ни должности человѣческой и состоянія не утверждаетъ. Такъ пускай вѣдаютъ свое заблужденіе, которые Философію почитаютъ мудростію: пускай непрельщаются важностію чьеюлибо, но истинну наипаче да любятъ, и оной да прилѣпляются.

ются. Нѣтъ здѣсь мѣста безразсудству: вѣчно за безуміе казненъ будетъ, кого или лице суетное, или ложное мнѣніе прелститъ. Человѣкъ же каковъ бы ни былъ, ежели себѣ вѣритъ, то есть, ежели человѣку вѣритъ, хотя не назову его безумнымъ, который не видитъ своего заблужденія, однако тщеславенъ, который себѣ дерзаетъ присвоять то, что человѣческое состояніе превосходитъ. Оный самый Римскаго діалекта славный авторъ, сколь много ошибается, можно то изъ онаго мнѣнія усмотрѣть: который когда въ книгахъ о должностяхъ Философію назвавъ ученіемъ мудрости, самую же мудрость, вещей божественныхъ и человѣческихъ знаніемъ, приложилъ: которыя ученіе кто охуждаетъ, то не знаю, чтобы такое онъ похвалить могъ. „ Ибо ежели кто „ удовольствія духа ищетъ, и покоя отъ по„печеній, то что можетъ съ ученіемъ тѣхъ „ сравниться, которые всегда нѣчто испытыва„ютъ надлежащее къ доброму и блаженному „ житію? А ежели постоянство и доброде„тель наблюдаемъ, или симъ ученіемъ, или „ совсѣмъ ни какимъ оной не получимъ. Го„ворить, будто бы къ показанію наивеличай„шихъ вещей никакого ученія знать неможно, „ знакомъ есть людей неразсудныхъ, и въ вели„кихъ вещахъ заблуждающихъ. Ежели же есть „ нѣкоторое ученіе къ добродѣтели, то гдѣ оное „ сыщешъ, ежели отъ сего ученія удалишся „. Правда хотя я учился риторики ради краснорѣчія, однако краснорѣчивымъ ни когда не былъ, понеже за судебныя дѣла никогда не хва-

хватался: но должна меня краснорѣчивымъ здѣлать самая справедливость дѣла, къ котораго краснорѣчивому и довольному защищенію знаніе Бога и самая истинна довольна. Хотѣлъ бы я, дабы Цицеронъ на малое время отъ адаársталъ, дабы мужъ наикраснорѣчивѣйшій отъ человѣка не краснорѣчиваго научился. Вопервыхъ чтобъ онъ почиталъ похвалы достойнымъ, который охуждаетъ Философію. Вовторыхъ, что ни Философія добродѣтели и правдѣ не научаетъ, ни другое нѣкоторое ученіе, какъ онъ думалъ. Наконецъ понеже Философія добродѣтели научаетъ, то гдѣ добродѣтели научишся, ежели отъ Философіи удалишся, о чемъ онъ не ради слушанія или наученія вопрошалъ. Ибо отъ кого моглъ онъ слышать, когда того ни кто не зналъ. Но какъ въ дѣлахъ судебныхъ обыкновенно дѣлалъ, вопросомъ хотѣлъ понудить, и къ признанію привесть, какбы уповая, что совсѣмъ ничего не можно противъ сего отвѣтствовать, что Философія есть учителницею добродѣтели. Сіе и въ Тускуланскихъ разглагольствіяхъ явно признавалъ, къ Философіи самой обратившн слово, какъ бы хвастая рѣчью. „О Философія житія вождь, говоритъ, и добродѣтели испытательница, и изгонительница пороковъ: „чтобы не только мы, но и все житіе человѣческое безъ тебе быть могло? Ты изобрѣтательница законовъ, ты исправительница „нравовъ и ученія была„. Будтобы она сама собою нѣчто чувствуетъ, и будто бы не того наипаче хвалить надлежало, который

ея предалъ. Могъ онъ такимъ же образомъ благодарить пищи и питію: понеже безъ оныхъ вещей житіе быть не можетъ, въ которыхъ какъ чувства, такъ благодѣянія никакого нѣтъ. Но какъ оныя составляютъ пищу тѣла, такъ мудрость души.

ГЛАВА 14.

Что Лукрецій и другіе заблудили, думая, будтобы мудрость изобрѣтена отъ человѣка, а не отъ Бога дана людемъ. И какъ Цицеронъ своими словами обличается: и что Философія истиннѣ не научаетъ, и къ правому житію не наставляетъ.

И такъ справедливѣе Лукрецій, когда хвалитъ того, кто сперва мудрость изобрѣлъ: но въ томъ неразсудно поступилъ, что отъ человѣка изобрѣтенною почелъ. Будтобы оную нѣгдѣ лежащую человѣкъ оный, котораго хвалитъ, нашолъ, такъ какъ флейты при источникѣ, какъ стихотворцы говорятъ: онъ такъ изобрѣтателя мудрости, какъ Бога похвалилъ. Ибо такимъ образомъ говоритъ: никто „(какъ надѣюсь) не почтетъ отъ смертныхъ „рожденнымъ: ибо какъ самое требуетъ познан„ное величество вещей, должно сказать, что „Богъ онъ былъ, Богъ, подлинно, почтен„ный Меммій„. Однако не такъ должно хвалить Бога, что мудрость изобрѣлъ, но что человѣка сотворилъ, могущаго вмѣстить мудрость.

дрость. Ибо уменшаетъ похвалу, кто часть хвалитъ а не все. Но онъ какъ человѣка хвалилъ, котораго однако за то самое должно бы за Бога почитать, понеже мудрость изобрѣлъ. Ибо такъ говоритъ: „ Не пристойно„ли того человѣка къ богамъ причесть „! Откуда видимъ, что или Пиѳагора хотѣлъ хвалить, который первый (какъ сказалъ я) себе Философомъ назвалъ: или Милетскаго Ѳалеса, который о природѣ вещей первый разсуждалъ. Но желая человѣка превознесть, вещь самую понизилъ. Ибо не велика она, ежели отъ человѣка могла изобрѣтеною быть. Но его какъ стихотворца извинить можно. А оный совершенный ораторъ, и знатный Философъ, дабы не уличить Грековъ; коихъ легкомысліе всегда охуждаетъ, однако оному и послѣдуетъ, самую мудрость иногда даромъ, иногда изобрѣтеніемъ боговъ называя, стихотворческимъ образомъ изображенную лицемѣрно хвалитъ, и съ огорченіемъ жалуется, что нѣкоторые ея охуждали. „Посмѣетъ ли кто, говоритъ, „ охуждать житія родительницу, и симъ от„цеубійствомъ себе сквернить, и столь нече„стиво неблагодарнымъ быть „? Такъ мысли Маркъ Туллій отцеубійцы, и по твоему приговору достойны зашиты быть въ кожаный мѣшокъ, которые говорятъ, что Философія не есть житія родительницею? Или ты, который противъ Бога столь нечестиво неблагодаренъ (не противъ того, котораго изображеніе почитаешъ въ Капитоліи сѣдящее, но противъ онаго, который міръ сотворилъ, и

человѣка произвелъ, который и мудрость самую между прочими небесными своими благодѣяніями даровалъ) ты учительницею добродѣтели, или родительницею житія называешъ, къ которой ежели кто приступитъ, тотъ понеобходимости въ большемъ незнаніи останется, нежели былъ прежде? Ибо какой добродѣтели, которая въ чемъ состоитъ, Философы не изъясняютъ? Какого житія, когда сами учители прежде состарѣлися и умерли, нежели уставить могли, какъ жить должно? Какой истинны изслѣдовательницею признать можешъ, когда часто свидѣтельствуешъ, что хотя столь великое множество было Философовъ, однако мудрымъ еще не было никого? И такъ чему тебя учительница оная житія научила? Тому ли, дабы наисильнѣйшаго Консула ты злословилъ, и его врагомъ отечества язвительными твоими рѣчьми дѣлалъ? Но оставимъ оное, въ чемъ можно извинить именемъ фортуны. Учился ты Философіи, и такъ учился, что никто никогда прилѣжнѣе тебя въ ней не упражнялся, понеже все позналъ ея ученіе, какъ самъ обыкновенно хвалишся: и Философію самую на латинскомъ языкѣ изъяснилъ, и себе подражателемъ Платоновымъ назвалъ. Скажижъ пожалуй, чему ты научился? и въ какомъ ученіи истинну нашолъ? Въ академіи ли точно, которой ты послѣдовалъ, которую утверждалъ? Но она ничему не учитъ, толькобъ ты зналъ, что ничего не знаешъ. Потому твои книги тебе обличаютъ, что ни чего отъ

Фило-

Философіи къ житію не можно научиться. Сіи суть твои слова: „ А мнѣ кажется, что „ не только въ мудрости слѣпы мы, но и въ „ томъ самомъ, что нѣсколько повидимому „ разумѣемъ, тупы и не проницательны. „ И такъ ежели Философія есть учительницею житія, то для чего себе почитаешь тупымъ и непроницательнымъ, которому должно было по ученію Философіи чувствовать и разумѣть, и въ наиблистательнѣйшемъ свѣтѣ находиться? А какую ты призналъ Философіи истинну, оное показываютъ твои завѣщанія къ сыну, которыми наставляешь его, дабы онъ правила Философскія зналъ необходимо, а жилъ бы по обыкновенію народному. Что столь само себѣ противное выговорить можно? Ежели должно знать правила Философскія, то для того ихъ должно знать, дабы право и мудро жить. Или ежели по обыкновенію народному жить должно, то Философія не есть мудрость: понеже лучше по обыкновенію народному, нежели по Философски жить. Ибо ежели мудрость есть называемая Философіею, то безумно живетъ, кто не по Философіи живетъ. А ежели не безумно живетъ, кто по обыкновенію народному живетъ, то слѣдуетъ, что безумно живетъ, кто по Философски живетъ. И такъ по твоему суду Философія въ безуміи и тщетѣ обличается. Ты же въ утѣшеніи, то есть въ дѣлѣ не забавномъ, сіе о Философіи мнѣніе положилъ: „ Но не знаю какое насъ держитъ заблужденіе, или достойное сожалѣнія не знаніе истинны. „ Куда

же

же дѣвалось Философіи учительство? Или чему тебе научила оная житія родительница, ежели съ сожалѣніемъ признаешся, что истинны не знаешь. А ежели сіе заблужденія и незнанія признаніе, почти не хотя, отъ внутренняго сердца ты изобразилъ, то для чего ты нѣкогда истинны не призналъ, что Философія, которую ты ни чему тебя не научившую до неба похвалами превознеслъ, учительницею добродѣтели быть не можетъ.

ГЛАВА 15.

Что въ томъ же заблужденіи былъ Сенека: и что есть Философія по его мнѣнію: и что какъ Богъ есть единъ и истинна едина: такъ едина есть и простая мудрость: и сколь Философовъ слова не сходны съ ихъ жизнію.

Въ тоже заблужденіе впадши Сенека (ибо кто можетъ прямымъ путемъ итти, когда Цицеронъ заблудилъ) „Философія говоритъ, „не что иное есть, какъ только образъ пра„во жить; или честнаго житія знаніе; или „наука провождать право житіе. Не погрѣ„шимъ, ежели скажемъ, что Философія есть „законъ добродѣтельнаго и честнаго житія: „и кто ея назвалъ правиломъ житія; прилич„ное ей имя далъ.„ Сей не воззрѣлъ на общее имя Философіи: которая поелику на многія секты и ученія раздѣлена, и ничего извѣстна-

стнаго не имѣетъ, и ничего, въ чемъ бы всѣ единодушно согласовали: что можетъ быть столь ложное, какъ правиломъ житія Философію называть, въ которой разность повелѣній правому пути препятствуетъ и мѣшаетъ? Или закономъ добраго житія, которой главы весьма не согласуютъ? Или знаніемъ провождать житіе, въ которой ничего инаго не производится, въ разсужденій противорѣчій, какъ только, дабы никто ничего не зналъ? Ибо вопрошаю, не Академію ли Философіею почитаетъ онъ? Думаю, что такъ. Ежели такъ, то ничто изъ преждереченныхъ не приличествуетъ Философіи: которая дабы все здѣлать неизвѣстнымъ, законъ уничтожаетъ, художества никакого не признаетъ, разумъ превращаетъ, правило повреждаетъ, знаніе въ конецъ истребляетъ. И такъ ложно все то, понеже вещи всегда неизвѣстной, и еще ничего не изъясняющей приличествовать не можетъ. Почему нѣтъ никакого правила, или знанія, или закона добраго житія ни въ чемъ, какъ только въ одной истинной и небесной мудрости, которая Философамъ была не извѣстна. Ибо оная земная, поелику ложная есть, потому и сама себѣ противна. И какъ единъ есть сего міра создатель и правитель Богъ, едина истинна; такъ должна быть одна простая мудрость: ибо что есть истинно и добро, оное не можетъ быть совершеннымъ, ежели не будетъ единственнымъ. И ежели бы Философія могла житіе здѣлать благоустройнымъ, то никто другой кромѣ Философовъ не могъ

бы быть добрымЪ человѣкомЪ: и всѣ не учившіеся оной были бы всегда злыми. Но когда безчисленные находятся, и всегда были, которые безЪ всякаго ученія были добрыми, а изЪ ФилософовЪ весьма рѣдкіе, которые вЪ житіи нѣчто похвалы достойное здѣлали, то кто не видитЪ, что тѣ люди не могутЪ научить добродѣтели, которые сами оной не имѣютЪ? Ибо ежели бы кто нравы ихЪ прилѣжно изслѣдовалЪ, то найдетЪ ихЪ гнѣвливыми, всего желающими, сластолюбивыми, дерзскими, и подЪ прикрытіемЪ мудрости, свои пороки скрывающими, вЪ дому дѣлающими то, что вЪ школахЪ поносятЪ. Можетъ быть я лгу желая ихЪ уличить. Но не то ли самое и Туллій признаетЪ и жалуется? „Кто говоритЪ, изЪ ФилософовЪ найдется, который „бы столь былЪ добронравенЪ, столь умЪ и „житіе управляющій, какЪ разумЪ требуетЪ? „который бы ученіе не вЪ хвастовствѣ знанія, но вЪ законѣ житія почиталЪ? Который бы повиновался самЪ себѣ, и опредѣленій „своихЪ слушалЪ? Ибо видимЪ иныхЪ столь „подлыхЪ и хвастливыхЪ, что лучше бы было „имЪ не учиться: иные желаютЪ денегЪ, иные „славы, многіе сластолюбію служатЪ, такЪ, „что сЪ ихЪ житіемЪ крайне не согласуетЪ „рѣчь. И НепотЪ Корнилій на тоже Цицероново такЪ пишетЪ: „Не только за учительницу жизни и блаженнаго житія совершительницу, я не почитаю Философію, но думаю, „что никому такЪ не потребны учители житія, какЪ многимЪ изЪ тѣхЪ, которые вЪ

„ней

„ ней упражняются. Ибо вижу, что большая „ часть тѣхъ, которые въ школѣ о цѣломудріи „ и воздержаніи повелѣваютъ остроумно, всяка- „ го рода въ прихотяхъ жизнь препровождаютъ. Также Сенека въ увѣщаніяхъ: многіе, гово- „ ритъ, Философы таковыми находятся, кра- „ снорѣчивы къ своему безчестію, которыхъ „ ежели послушаешь разговаривающихъ о среб- „ ролюбіи, и о сладострастіи, о надмѣніи, то „ будешь думать, что они то говорятъ о се- „ бѣ. Столь то приличествуютъ имъ самимъ „ злословія, которыя они на общество произ- „ носятъ. На которыхъ мы не инаково взи- „ рать можемъ, какъ на лѣкарей, у которыхъ „ надписи показываютъ лѣкарства, а сосуды „ содержатъ ядъ. Нѣкоторые же въ порокахъ и „ нестыдятся, но защищенія своей гнусности „ вымышляютъ, дабы казалося, что честно „ грѣшатъ. Здѣлаетъ мудрый (говоритъ той- „ же Сенека) то, чего не хвалитъ, дабы къ „ большему путь найти: и не оставитъ че- „ стныхъ нравовъ, но времени принаровитъ, „ дабы чего иные употребляютъ для славы, „ или сластолюбія, онъ могъ употребить для „ совершенія дѣла. И мало ниже: все ето не- „ воздержные дѣлаютъ, и что невѣжи, здѣ- „ лаетъ и мудрый: но не такимъ образомъ, и „ не съ тѣмъ намѣреніемъ. Однако нѣтъ въ „ томъ различія, съ какимъ бы умысломъ ты „ ни дѣлалъ, что дѣлать за порокъ считает- „ ся: понеже дѣло видимъ, намѣренія не ви- димъ. Аристиппъ Киринейскій учитель съ Лаидою славною блудницею имѣлъ обхожденіе,

въ которомъ порокѣ, важный оный Философіи учитель, такимъ образомъ оправдаться тщался: говоря: великая между мною и прочими Лаиды любовниками разность: понеже я владѣю Лаидою, а иными Лаида владѣетъ. О Знаменитая, и которой добрые должни подражать, мудрость! ему бы ты своихъ дѣтей въ наученіе отдалъ, дабы научилися они владѣть блудницею. Говорилъ онъ, что между имъ и развращенными есть нѣкоторая разность: то есть что тѣ имѣніе свое тратили, а онъ безденежно забавлялся съ блудницею. Но въ семъ случаѣ Лаида разумнѣе, которая въ оныхъ дѣлахъ Философа употребляла вмѣсто сводника, дабы къ ней всѣ юноши развращенные, смотря на примѣръ своего учителя, безъ всякаго стыда стекались. И такъ какая была разность, съ какимъ бы намѣреніемъ Философъ къ славной ходилъ блудницѣ, когда его народъ, и другіе ея полюбовники почитали изъ всѣхъ развращенныхъ хуждшимъ? И не довольно было ему такъ жить, онъ учить еще сластолюбію сталъ, и нравы свои изъ блудилища въ школу перенесъ, утверждая, что сладострастіе тѣлесное есть высочайшее добро. Сіе ученіе проклятое и срамное, не въ сердцѣ Философа, но въ нѣдрѣ блудницы родилось. Ибо что я о Киническихъ скажу? у которыхъ обыкновеніе было явно съ женами совокупляться? Но дивно ли, когда отъ псовъ, которыхъ житію подражали, званіе и имя приняли? И такъ нѣтъ никакого въ семъ ученіи учительства добродѣтели;

когда

когда и тѣ, которые честнѣйшее повелѣваютъ, или не дѣлаютъ сами того, что совѣтуютъ, или ежели дѣлаютъ (что рѣдко случается) то не наука ихъ къ справедливости, но природа приводитъ, которая часто и неученыхъ приводитъ къ похвальнымъ дѣламъ.

ГЛАВА 16.

Что право учащіе и худо живущіе, по свидѣтельству Цицеронову, не пользу, но пустое удовольствіе получаютъ изъ философіи. И что мудрость всегда упражняется въ добрыхъ дѣлахъ. И что не философіи, но мудрости самой непрестанно прилѣжать должно.

Но всегдашней лѣности себѣ предавшіе, и никакой добродѣтели не дѣлающіе, и свое житіе ни въ чемъ иномъ, только въ краснорѣчіи провождающіе, за каковыхъ наипаче, естьли не за лѣнивыхъ почитаться должны? Ибо мудрость ежели не будетъ въ какомъ либо дѣлѣ силы своея показывать, то пустою будетъ и ложною. И справедливо Туллій, гражданъ, которые государство управляютъ, которые города или новыя созидаютъ, или созданныя справедливостію защищаютъ: которые спасеніе и свободу гражданъ или добрыми законами, или здравыми совѣтами, или судами важными сохраняютъ, паче учителей философіи почитаетъ. Ибо добрые дѣлать должны

наипаче, нежели запершися въ углѣ дѣло повелѣвать, котораго и сами не дѣлаютъ повелѣвающіе. И понеже отъ истинныхъ удаляются, то видно, что они ради обученія языка, или для стряпчества самое философіи художество изобрѣли. А которые учатъ только, а не дѣлаютъ, тѣ сами повелѣній своихъ умаляютъ важность. Ибо кто будетъ повиноваться? Добро есть справедливое и честное повелѣвать, но ежели не будешъ и дѣлать, то окажешся, ложнымъ: и непристойнымъ и непотребнымъ дѣломъ есть не въ сердцѣ, но во устахъ показывать доброту. Слѣдовательно не пользы въ философіи, но удовольствія ищутъ. О чемъ и Цицеронъ свидѣтельствуетъ: „ подлинно, говоритъ, все философовъ разглагольствіе, хотя изобильные источники добродѣтели и знанія содержитъ, однако ежели сравнить оное съ ихъ дѣлами и совершенными вещми, то опасаюся, дабы не открылося, что оно не столько принесло людемъ пользы, сколько имъ увеселенія.„ Опасаться подлинно не долженъ былъ, истинну говоря, но будто бы боялся, дабы не былъ обвиненъ отъ Философовъ, какъ предатель тайны, не смѣлъ отважно произнесть истинны, что Философы не для того разглагольствуютъ, дабы чему научить, но дабы себя увеселить въ праздности: которые понеже наставляютъ, какъ отправлять дѣла, а сами ничего не дѣлаютъ, то за болтуновъ почесть ихъ должно. Но по истиннѣ, понеже никакого добра житію не при-

но-

носили, и сами опредѣленіямъ своимъ не повиновалися, и чрезъ столько вѣковъ ни одного не сыскалось, которой бы по ихъ законамъ жилъ. Слѣдовательно отбросить должно всю философію: понеже не учиться должно мудрости, ибо сіе конца и мѣры не имѣетъ, но должно мудрыми быть, да еще и благовременно. Ибо намъ два вѣка жить не дано, дабы въ семъ искали мудрости, въ другомъ могли мудрыми быть: въ семъ обое должно дѣлать. Скоро найти должно, дабы скоро принять, дабы ничто изъ житія не погибло, котораго конецъ не извѣстенъ. Цицероновъ Гортенсій противъ философіи разглагольствуя, обманутъ былъ остроумнымъ заключеніемъ: ибо говоря, что не должно философствовать, однако философствовалъ: понеже философство дѣло есть разглагольствовать о томъ, что въ житіи должно, и чего не должно дѣлать. Мы отъ сея клеветы свободны, которые философію уничтожаемъ, понеже она есть человѣческаго разсудка изобрѣтеніемъ: мудрость защищаемъ, понеже она божественное преданіе: и свидѣтельствуемъ, что всѣ ея должны принять. Гортенсій когда философію уничтожалъ, а лучшаго ничего не предлагалъ, то думали о немъ, будто онъ мудрость уничтожаетъ, и тѣмъ удобнѣе отъ мнѣнія своего отраженъ, понеже извѣстно, что человѣкъ не къ безумію но къ мудросши раждается. Кромѣ сего и оный доводъ противъ философіи великую силу имѣетъ, котораго той же Гортенсій употребилъ: изъ того можно знать, что философія

софія не есть мудрость: понеже начало и происхожденіе ея видимъ. „Когда, говоритъ, Философы быть начали? Ѳалесъ (какъ я думаю,) первый„. Не давное сіе подлинно время. Гдѣ же у древнѣйшихъ скрывалася любовь оная къ изслѣдованію истинны? То же Лукрецій говоритъ: „потомъ природа сія „вещей и состояніе найдено не давно: и я „первый сыскался нынѣ, который оную могу „превесть на природной языкъ.„ И Сенека: „еще нѣтъ, говоритъ, тысячи лѣтъ, какъ „начала мудрости извѣстны стали.„ И такъ не ужѐ ли чрезъ многіе вѣки человѣческой родъ безъ разума жилъ? Сему смѣясь Персій. „Когда, говоритъ, въ Римъ превезена мудрость „съ перцомъ и финиками.„ Будто бы мудрость съ пряными товарами была привезена: которая ежели сродна человѣку, то должна была и начаться съ человѣкомъ: а ежели нѣтъ, то не могла бы ея и понять природа человѣческая: но понеже вмѣстила; слѣдовательно должна она была съ самаго быть начала. И такъ поелику Философія не была отъ начала, слѣдовательно она не есть истинная мудрость. Но Греки незнающіе Священнаго истинны Писанія, не вѣдали, какъ испорчена была мудрость. И того ради думая, что человѣческое житіе мудрости не имѣетъ, Философію вымыслили, то есть укрывающуюся и невѣдомую себѣ истинну разглагольствіемъ найти желали: и Философію, не зная истинны, за мудрость вмѣнили.

ГЛАВА

ГЛАВА 17.

Какое было самое ученіе Епикуровo, который всѣмъ повелѣвалъ сходственное съ ихъ нравомъ: и какимъ образомъ Левциппа и Демокрита имѣлъ онъ изобрѣтателями заблужденія, и вымыслителями несѣкомыхъ.

Сказалъ я о самой Философіи сколько могъ сокращенно, теперь къ Философамъ приступимъ, не для сраженія съ тѣми, которые стоять не могутъ, но дабы ихъ бѣгущихъ преслѣдовать. Епикурово ученіе несравненно славнѣйшимъ всегда было, нежели прочихъ: не потому будто бы оно нѣкоторую истинну имѣло, но поелику многихъ сластолюбіе къ себѣ привлекало. Ибо всякъ къ порокамъ склоненъ. Сверхъ сего, дабы привлечь къ себѣ множество народа, то выгодное для всѣхъ и по нраву каждому говорилъ: Лѣнивому запрещалъ письменамъ учиться. Скупаго отъ подаянія свобождалъ. Не проворному запрещалъ приступать къ правленію государственныхъ дѣлъ: нерадивому въ дѣлахъ упражняться, боязливому сражаться. Беззаконнымъ говорилъ, что Богъ ни о чемъ не радитъ. Безчеловѣчному и своей выгоды ищущему повелѣвалъ ничего никому не давать: ибо все для себя долженъ дѣлать мудрый. Удаляющемуся мятежа, уединеніе похвалялъ. До крайности бережливымъ говорилъ, что можно жизнь препровождать водою и крупою. Ненавидящему жены вычислялъ пользы холо-

стаго

стаго житія. Имѣющему злыхъ дѣтей одобрялъ безчадство: противъ нечестивыхъ родителей никакого нѣтъ обязательства природы. Нетерпѣливому и роскошному говорилъ, что прискорбность всѣхъ золъ тяжчае. Мужественному: что и въ мукахъ блаженъ есть мудрый. Который знатности и власти желаетъ, потому повелѣвалъ Царей почитать. Который скуки снести не можетъ, тому царскаго дому убѣгать. Такимъ образомъ человѣкъ коварный изъ разныхъ нравовъ общество собралъ, и желая всѣмъ угодить, болѣе самъ съ собой не согласовалъ, нежели всѣ между собою. Откуду же все ученіе его происходитъ? какое начало имѣетъ? изъяснить мнѣ должно. Видѣлъ Епикуръ, что добрымъ часто нещастіе приключается, нищета, труды, изгнанія, потеряніе любезныхъ: злые же напротивъ блаженную жизнь провождаютъ, умножаютъ свою власть, получаютъ чести. Видѣлъ, что невинность всегда въ опасности: а беззаконія безъ наказанія дѣлаемы бываютъ. Видѣлъ, что безъ разбору, нравовъ, чина, и различія лѣтъ похищаетъ смерть, но иные до старости достигаютъ, иные въ отрочествѣ похищаются, иные уже въ мужественномъ возрастѣ погибаютъ, иные въ первомъ юности цвѣтѣ безвременною смертію умираютъ, и что на войнахъ наипаче превосходнѣйшіе мужи и побѣждаемы бываютъ и погибаютъ. А наипаче смущался, что люди набожнѣйшіе напасти терпятъ, а тѣмъ, которые о богахъ или совсѣмъ не помышляютъ,

или

или не благочестно почитаютъ, или меньше нещастій случается, или никакихъ, и что самыя храмы отъ перуновъ згараютъ. О чемъ Лукрецій жалуется, говоря о Богѣ: „ то „ перуны посылаетъ, и храмы самъ свои раз- „ биваетъ: „ и въ пустыню удаляясь, во гнѣ- „ вѣ разитъ стрѣлою, которая часто винова- „ тыхъ миновавъ, умерщвляетъ недостойныхъ и невинныхъ. А ежели бы хотя мало истинну разумѣть могъ, то никогда бы не сказалъ, что свои храмы разбиваетъ: ибо того ради разбиваетъ, понеже оныя не его. Капитолія, которая есть Римскаго града и вѣры высочайшая слава, не одинъ разъ, но часто отъ громоваго удару згарала. Люди же разумные, что о семъ думали, изъ слова Цицеронова видно, который говоритъ, что оный пламень ниспосланъ съ небесъ, не для того дабы земный оный домъ Юпитеровъ разрушить, но дабы высочайшій и великолѣпнѣйшій вмѣсто того былъ воздвигнутъ. О семъ и въ книгахъ консульства своего тоже говоритъ, что Лукрецій: „ Ибо отецъ высокогремящій „ пребывая на блистающемъ небѣ самъ въ свой „ замокъ, и знаменитый храмъ ударилъ, и „ на Капитольскій домъ бросилъ огнь. „ И такъ упорнымъ безуміемъ не только силы и величества истиннаго Бога не уразумѣли, но и нечестіе своего заблужденія умножили: которые храмъ небеснымъ судомъ часто разрушаемый возобновлять противъ всякой справедливости старались. И такъ о семъ разсуждая Епикуръ, сихъ дѣлъ, какъ бы неправостію

приведенъ будучи (ибо такъ вины не знающему казалось) думалъ, что никакого нѣтъ промысла: и въ семъ утвердившись предприялъ оное доказывать. Такимъ образомъ въ заблужденія неизбѣжныя себя заключилъ. Ибо ежели никакого промысла нѣтъ, то какимъ образомъ столь стройно, столь порядочно міръ сотворенъ. Никакого, говоритъ, нѣтъ благоустройства: „Ибо много здѣлано инако, „нежели какъ здѣлать долженствовало.„ И нашелъ человѣкъ божественный, что охуждать. Все сіе ежели бы время было опровергать, легко бы я показалъ, что Епикуръ ни мудрости ни здраваго разсудка не имѣлъ. Также ежели никакого промысла нѣтъ, то какъ животныхъ тѣла столь промыслительно устроены, что всѣ члены дивнымъ образомъ расположены будучи, свои должности отправляютъ. „Ничего, говоритъ, въ созданіи животныхъ „промыслъ не здѣлалъ. Ибо ни очи не здѣ„ланы для видѣнія, ни уши для слышанія, „ни языкъ для глаголанія, ни ноги для хо„жденія: понеже они прежде рождены, нежели „глаголаніе, слышаніе, видѣніе, хожденіе. И „такъ не они для употребленія устроены, „но употребленіе изъ нихъ произошло.„ Ежели никакого промысла нѣтъ, то для чего дожди идутъ, жита раждаются, древа распущаются? „Не всегда, говоритъ, ради живот„ныхъ то бываетъ: понеже промыслу ничего „они не пользуютъ, но все самопроизволь„но бываетъ.„ Откудужъ раждается, или какъ бываетъ все, что дѣлается. „Не есть,

„гово-

,, говоритъ промысла дѣло. Ибо суть сѣмена ,, по пустотѣ летающіе, изъ которыхъ между собою безъ порядку въ грамаду совокупившихся все раждается и произрастаетъ. ,, Для чего же сѣменъ тѣхъ не чувствуемъ или не видимъ? ,, Понеже они ни цвѣта не имѣютъ, говоритъ, ни теплоты ни какой, ни запаху, и вкусу и мокроты, а толь малы, ,, что пресѣчены и раздѣлены быть не могутъ. Такимъ образомъ его, поелику съ начала ложное предпринялъ, слѣдующія вещи понуждѣ къ сумозбродству привели. Ибо гдѣ, или откуда сіи малѣйшія тѣла? Для чего оныя никому кромѣ одного Левциппа во снѣ не пригрѣзились? отъ котораго Демокритъ научившись наслѣдство безумія Епикуру оставилъ. Которыя ежели дѣйствительно суть тѣлами, да притомъ и твердыми, какъ говорятъ, слѣдовательно видѣть ихъ можно. Ежели одинакая всѣхъ природа, то какимъ образомъ различныя вещи они производятъ? ,, Разнымъ, ,, говоритъ порядкомъ и положеніемъ соединяются, какъ писмена, которыя будучи числомъ не многи, однако различно положенныя безчисленныя слова составляютъ. ,, Но писмена разныя виды имѣютъ. ,, Такъ, говоритъ и оныя самыя начала: ибо суть жескія, багровидныя, легкія. ,, Слѣдовательно пресѣчены и раздѣлены быть могутъ, ежели въ нихъ находится какая выпуклость. А ежели они легки, и мокроты не имѣютъ, то соединиться не могутъ. Такъ должны они быть багровидными, дабы могли взаимно сцѣ-

питься. А когда они по скаскамъ столь малы, что никакою желѣза остротою разсѣчены быть не могутъ, то какимъ образомъ имѣютъ они крючки или углы, которыя поелику выпуклы, по необходимости отдѣлены быть могутъ? Къ томужъ какимъ союзомъ между собою, и съ какимъ намѣреніемъ соединяются, дабы изъ нихъ нѣчто составилось? ежели чувства не имѣютъ, то и соединиться толь порядочно не могутъ: понеже ничто разумнаго здѣлать не можетъ, кромѣ разума. Сколь многими доводами обличить можно сей вздоръ, но поспѣшность не позволяетъ. „Сей „есть тотъ, который родъ человѣческій ра„зумомъ превзошелъ, и всѣ помрачилъ звѣ„зды, возшедши какъ небесное солнце.„ Сихъ стиховъ поистиннѣ никогда безъ смѣха читать не могу. Ибо не только о Сократѣ или Платонѣ сіе говорилъ, которые Самодержцами Философовъ почитаются, но о человѣкѣ, который въ полномъ будучи умѣ столько набрѣдилъ, что ни одинъ больной въ горячкѣ болѣе вздору никогда наговорить не могъ. И такъ стихотворецъ наибезумнѣйшій хвалами приличными льву, мыши не украсилъ, но обременилъ и умертвилъ. Но онъ же свобождаетъ насъ отъ страха смерти, о которой сіи его суть слова: „Когда мы находимся, то смер„ти нѣтъ: когда насъ нѣтъ, то смерть „находится:„ слѣдовательно смерть до насъ не касается. Какъ насъ хитро обманулъ! будто бы смерти бывшей боимся, когда ужѐ чувство отнято, а не самаго умиранія, въ кото-

которомъ чувство отнимается. Ибо есть время нѣкоторое, въ которое и насъ уже нѣтъ, однакъ и смерти еще нѣтъ. И то самое кажется бѣднымъ, когда смерть быть начинаетъ, и мы быть престаемъ. И ненапрасно сказано, не смерть нещастна, но приближеніе къ смерти бѣдно и нещастно. То есть болѣзнію чахнуть, ударъ терпѣть, железомъ уязвляться, огнемъ горѣть, зубами звѣрей растерзаему быть. Сего боимся, не потому что смерть причиняетъ, но что производитъ болѣзнь великую, чрезъ что дѣлается, что болѣзнь почитается зломъ. Изъ всѣхъ, говоритъ, золъ „наибольшимъ есть.„ Какъ же могу не бояться, ежели то, что смерть предваряетъ, или дѣлаетъ, зло есть? Что болѣе? Когда весь оный доводъ есть ложный? Понеже души не погибаютъ. Но говоритъ, что съ тѣломъ раждается, съ тѣломъ погибаетъ. Я уже прежде сказалъ, что сіе мѣсто отлагаю впредь до послѣдней книги, дабы сіе Епикурово мнѣніе (Демокритово ли оно было, или Дицеархово) доводами и божественными свидѣтельствами обличить. Но можетъ быть онъ безнаказательность порокамъ своимъ обѣщалъ; ибо былъ онъ премерзскаго сладострастія защитникомъ, и думалъ, будто бы для удовольствія сластолюбіемъ человѣкъ раждается. Кто сіе слыша отъ пороковъ и баззаконій воздержится? Ибо ежели погибнутъ души, то не станемъ ли желать богатства, дабы всѣми удовольствіями насладиться могли. А ежели богатства не имѣемъ, то начнемъ у имущихъ

 похи-

похищать тайно, обманомъ, силою: для того наипаче, что ежели о дѣлахъ человѣческихъ Богъ не радитъ, слыша о безнаказательности устремимся на похищеніе и убійство. Мудраго человѣка знакомъ есть злодѣйствовать, ежели то и полезно и безопасно: понеже ежели Богъ есть на небесахъ, то онъ не гнѣвается ни на кого. Равно безумнаго человѣка дѣломъ есть: добро дѣлать, понеже онъ какъ гнѣвомъ не раздражается, такъ на милость не преклоняется. Слѣдовательно сладострастію всѣми способами работать мы должни. Ибо въ скоромъ времени совсѣмъ насъ не будетъ. Почему никакого дня, никакой времени черты пропускать мы безъ сладострастія не должни, дабы, поелику мы сами нѣкогда погибнемъ, и то самое, что мы жили, не пропало. Сего онъ хотя не говорилъ словомъ, однако дѣломъ училъ. Ибо когда говоритъ, что мудрый все для себя дѣлаетъ, къ пользѣ своей относитъ все, что дѣлаетъ, то слышащій сіи беззаконія помыслитъ, что и добра никакого дѣлать не должно: понеже добротвореніе къ пользѣ чужой надлежитъ, и отъ беззаконія не должно воздерживаться, понеже съ злодѣяніемъ совокуплено. Морскихъ разбойниковъ начальникъ или разбойническій вождь, ежелибы своихъ къ грабленію увѣщевалъ, какую иную рѣчи употребить моглъ, не тожъ либъ сказалъ, что говоритъ Епикуръ? Боги ни о чемъ не радятъ: ни гнѣваются, ни милуютъ: адскихъ мукъ не должно бояться, понеже души по смерти умираютъ, и совсѣмъ нѣтъ

ника-

никакого ада: сластолюбіе есть высочайшее добро: никакого нѣтъ человѣческаго дружества: о себѣ долженъ всякъ промышлять: никто не долженъ другаго любить, развѣ для себя. Смерти не должно бояться храброму мужу, и никакой болѣзни: но ежели бы имучимь, ежели бы жегомь былъ, долженъ говорить: ни о чемъ неражу. Подлинно есть причина всякому думать, что сіи слова суть мудраго мужа, которыя могутъ разбойникамъ наиприличнѣйшими быть.

Галва 18.

Какъ Пиѳагорики и Стоики противнымъ Епикуру заблужденіемъ безумствуютъ: такъ душъ безсмертіе поставляя, что лгутъ, будтобы души въ разныя тѣла переходятъ, и самопроизвольную смерть присовѣтываютъ тщетно философствующимъ.

Иные же противное сему говорятъ, что души пребываютъ и по смерти, и сіи суть изъ числа Пиѳагориковъ и Стоиковъ: которымъ хотя простить должно, понеже истинно умствуютъ, однако не могу не обличить ихъ, понеже они не знаніемъ но случаемъ попали на истинну. И такъ въ томъ самомъ, что справедливо умствовали, нѣсколько заблудили. Ибо боялся довода онаго, которымъ утвер-

ждается, будтобы души умираютъ съ тѣлами, понеже съ тѣлами раждаются, говорили, будтобы не раждаются души, но посылаются въ тѣла, и изъ однихъ въ другія тѣла переходятъ. Они думали, что статься тому не можно, дабы души пребывать могли по смерти, ежели не будетъ доказано, что онѣ были прежде тѣлъ, и такъ равное и почти подобное есть заблужденіе обоихъ сторонъ. Но сіи въ прешедшемъ обманулись, а оные въ будущемъ. Ибо никто не видѣлъ, что есть самое истиннѣйшее, что и раждаются души и не умираютъ: понеже для чего то дѣлается, или какая тому вина, люди не знали. И такъ многіе изъ тѣхъ, которые догадывались, что души суть вѣчны, въ томъ мнѣніи, акибы на небо преселиться имѣли, сами себя умертвили, какъ то Клеанѳъ, Хризиппъ, Зинонъ, Емпедоклъ, который въ разсѣлину горящія Етны нощію бросился, дабы, какъ его вдругъ нестало, подумали о немъ, что онъ къ Богамъ преселился. И изъ Римлянъ Катонъ, который во всю свою жизнь былъ Сократовой тщетности послѣдователемъ. Ибо Демокритъ былъ въ иномъ мнѣніи. Однако самопроизвольно предалъ себе смерти. Сего ничто не можетъ быть беззаконнѣйшимъ. Ибо ежели человѣкоубійца законопреступникомъ почитается: понеже человѣка убиваетъ: то тому же беззаконію повиненъ самоубійца, понеже убиваетъ человѣка. Но еще и большимъ преступленіемъ почитать должно оное дѣло, котораго мщеніе одному Богу принадлежитъ.

Ибо

Ибо какъ въ сію жизнь не своею мы. волею вошли, такъ изъ сего тѣлеснаго жилища, которое намъ препоручено охранять, того повелѣніемъ исходить намъ должно, который насъ поселилъ въ семъ тѣлѣ, въ которомъ дотолѣ мы жить должни, покуда онъ повелитъ вытти. И ежели какое насиліе здѣлается, то великодушно претерпѣвать должно: понеже убіеніе неповиннаго души безъ отмщенія не останется: и имѣемъ высочайшаго судію, который единъ всегда отмстить можетъ. Слѣдовательно человѣкоубійцы суть оные всѣ Философы, и самъ Римской мудрости начальникъ Катонъ, который прежде нежели себя умертвилъ, прочиталъ Платонову книгу написанную о вѣчности душъ, и къ ужаснѣйшему беззаконію важностію Философа возбужденъ былъ. Однако сей повидимому нѣкоторую имѣлъ причину умирать, то есть то, что онъ ненавидѣлъ невольничества. Но Амбракіонъ оный, какую причину имѣлъ, который прочитавъ оную же книгу бросился въ стремнину? конечно ни какой другой кромѣ той, что увѣрился Платону. Проклятое совсѣмъ ученіе и отверженія достойное, которое лишаетъ людей жизни. А ежелибы зналъ Платонъ и училъ, отъ кого, и какъ, и кому и за что, и когда безсмертіе дается, то ни Клеомброта не привелъ бы къ смерти самопроизвольной, ни Катона: но оныхъ бы жить и правду хранить научилъ. Ибо Катонъ кажется мнѣ, искалъ причины умирать, не столько дабы Цесаря избавиться, какъ дабы

Стои-

Стоическимъ опредѣленіямъ, коимъ послѣдовалъ, повиноваться, и имя свое важнымъ нѣкоторымъ поступкомъ прославить: ибо я не понимаю, какое зло, ежелибъ онъ живъ былъ, приключится бы могло. Ибо Кайй Цесарь будучи человѣкомъ милосердымъ въ самомъ жару междоусобной брани ни чего инаго не желалъ, какъ только благодѣтельствовать республикѣ, сбереженіемъ двухъ лучшихъ гражданъ Цицерона и Катона. Но возвратимся къ тѣмъ, которые смерть какъ нѣкоторое благо похваляютъ. Жалуешся на житіе, какъ будто бы ты жилъ прежде, или зналъ нѣкогда, для чего ты родился. Оный истинный и общій всѣхъ отецъ не скажетъ ли тебѣ въ поношеніе оныя Терентіевы слова: Сперва познай, что „есть житіе, и ежели не понравится житіе, „то тогда сего употреби.„ Сердишся, что ты многимъ напастемъ подверженъ, какъ будтобы ты заслужилъ нѣкоторое добро, когда отца, Господа, и Царя твоего не знаешь, когда хотя наиблистательнѣйшій свѣтъ ты видишь очами, однако умомъ слѣпъ, и въ глубокой невѣдѣнія тмѣ лежишь. Сіе незнаніе здѣлало то, что нѣкоторые не стыдятся говорить: для того мы родились, дабы за беззаконія казнь претерпѣвали. Я не знаю, чтобы можно было сказать безумнѣе сего. Ибо когда, или какія беззаконія могли мы дѣлать, когда совсѣмъ насъ не было? Развѣ можетъ быть повѣримъ глупому оному старику, который лгалъ, будто онъ въ прежде сей бывшей жизни былъ Ефорбомъ. Онъ надѣюсь, поелику

елику былъ отъ незнатнаго рода рожденъ, фамилію себѣ изъ Гомеровыхъ стиховъ избралъ. О дивная и особливая Пиѳагорова память! о бѣдное забвеніе всѣхъ насъ, понеже не знаемъ, что прежде мы были. Но можетъ быть ошибкою нѣкоторою, или по особенной къ нему милости здѣлалось, что онъ единъ Летейской пучины не прикоснулся, и забвенія воды не вкусилъ, то есть старикъ сумозбродъ, какъ безумныя дѣлаютъ обыкновенно старухи, басни такъ какъ для легкомысленныхъ младенцовъ вымыслилъ. А ежели ли бы хорошо разсуждалъ онъ о тѣхъ, которымъ сіе говорилъ, ежелибы за людей ихъ почиталъ, то никогда бы столь нагло лгать не осмѣлился. Но смѣяться должно глупости легкомысленнаго человѣка. Что Цицерону здѣлаемъ? Который въ началѣ утѣшенія своего, сказавши, что люди раждаются для наказанія за беззаконія свои: повторилъ то самое послѣ, какъ бы ругая того, кто житія за казнь не почитаетъ. И такъ справедливо онъ сказалъ, что онъ въ заблужденіи и жалостномъ истинны невѣденіи находится.

ГЛАВА

ГЛАВА 19.

Что Цицеронъ и другіе наимудрѣйшіе мужи о безсмертіи душъ, но не справедливо учатъ: и что о доброй или злой смерти должно разсуждать изъ преждебывшаго житія и благодати Божіей.

Но тѣ, которые о пользѣ смерти разглагольствуютъ, поелику истинны не знаютъ, то такимъ образомъ доказываютъ. Доводятъ: ежели ничего нѣтъ по смерти, то смерть не есть зло. Понеже отнимаетъ чувство зла. А ежели души пребываютъ, то она еще и добро: понеже безсмертіе за оною слѣдуетъ. Сіе мнѣніе Цицеронъ о законахъ такъ изъяснилъ: „ Поздравимъ себе, понеже „ смерть или лучшее, нежели въ житіи, или „ покрайней мѣрѣ не хуждшее принесетъ со„ стояніе. Ибо безъ тѣла пребывающей душѣ „ Божественное есть житіе, чувства не имѣю„ щему поистиннѣ нѣтъ никакого зла. „ Остроумно, какъ ему казалось, будтобы ничего инаго быть не можетъ. Но обое сіе ложно. Ибо научаетъ божественное писаніе, что не погибаютъ души, но или за правду награжденіе получаютъ, или за беззаконія муку вѣчную. Ибо несправедливо было бы, дабы беззаконникъ въ житіи счастливо жившій могъ избавиться того, что заслужилъ, или за правду зло претерпѣвшій своего награжденія лишился. И сіе столь истинно, что тойже Тулліи въ утѣшеніи признался, что не въ еди-

единомъ мѣстѣ живутъ праведные и нечестивые. „Ибо оные, говоритъ, самые мудрецы „думали, что не всѣмъ единъ путь на небо „отверстъ: ибо учили, что пороками и беззаконіями оскверненные низвергаются во „тму, и въ блатѣ лежатъ: а непорочные „духи, чистые, неповинные, неповрежденные, „и хорошими науками и художествами украшенные, легкимъ нѣкоторымъ и удобнымъ „шествіемъ къ богамъ, то есть къ натурѣ „себѣ подобной прелетаютъ.„ Сіе мнѣкіе вышеупомянутому оному доводу противно. Оный въ себѣ зеключалъ, акибы по нуждѣ всѣ родившіеся люди безсмертіе получаютъ: и такъ какое будетъ различіе между порокомъ и добродѣтелію: ежели нѣтъ разности Аристидъ ли кто, или Фаларидъ? Катонъ ли или Катилина? Но сего несогласія вещей и мнѣній не видитъ не знающій истинны. И такъ ежели кто меня вопроситъ, смертъ добра или худа? Буду отвѣтствовать, что качество ея отъ житія зависитъ. Ибо какъ житіе самое добро, ежели добродѣтельно живемъ, зло же ежели беззаконно: такъ и о смерти изъ прешедшихъ житія дѣлъ разсуждать должно. Отъ сего происходитъ, что ежели житіе въ Божіемъ законѣ препровождено, то смертъ не есть зло: понеже она прелагаетъ къ вѣчному безсмертію: а ежели инако; то зло есть, понеже (какъ сказалъ я) на вѣчныя мученія отсылаетъ. И такъ, что скажемъ, какъ только что заблуждаютъ тѣ, которые или смерти желаютъ, наподобіе добра, или житія убѣгаютъ,

ютъ, наподобіе зла? И что они суть наинесправедливѣйшіе, которые меншаго зла не награждаютъ большимъ добромъ. Ибо когда все житіе въ нововымышленныхъ и различныхъ препровождаютъ роскошахъ, то умереть желаютъ, ежели что имъ горестное и прискорбное приключится: и такъ оное почитаютъ, какъ будто бы имъ никогда не было добра, ежели когда либо приключилось худое. И такъ охуждаютъ все житіе, и почитаютъ оное наполненнымъ напастей. Отсюду родилось не потребное оное мнѣніе: что жизнь сія отъ насъ почитаемая жизнію, смерть есть, а чего мы подъ видомъ смерти боимся, жизнь есть: и такъ первымъ есть добромъ не родится, вторымъ, скоряе умереть. И чтобъ сіе мнѣніе имѣло болѣе важности, то Силену приписывается. Цицеронъ въ утѣшеніи: „Не родиться, говоритъ, весьма лучше, и не впасть „въ сіи житія опасности; подобное же тому „родившись тотъ часъ какъ бы пожара убѣгать насильства фортуны.„ Вѣрилъ онъ, какъ видно, непотребному оному слову, понеже нѣчто придалъ отъ себя для украшенія. И такъ вопрошаю: кому онъ думаетъ хорошо не родиться, когда никого нѣтъ, кто бы чувствовалъ? Ибо чувство дѣлаетъ, что нѣкоторая вещь почитается добромъ или зломъ. Ктомужъ же, для чего онъ все житіе ничемъ инымъ, какъ бѣдствіемъ и пожаромъ почитаетъ? будто бы или въ нашей власти было не родиться: или житіе намъ Фортуна даетъ, а не Богъ: или житіе имѣетъ нѣчто похожее

на

на пожарѣ. Подобное есть оное Платоново, изрѣченіе что говаривалѣ: „ Благодарю природѣ, во„ первыхѣ, что я человѣкомѣ родился, а не без„ словеснымѣ животнымѣ: вовторыхѣ, что „ родился мущиною, а не женщиною: что Гре„ комѣ, а не варваромѣ: наконецѣ что Аөи„ няниномѣ, и что во времена Сократовы. „ Сказать не можно, коликую умовѣ слѣпоту, и коликое раждаетѣ заблужденіе не знаніе истинны. Я бы могѣ спорить, что никогда ничего не говорено сего безумнѣе. Какѣ будто бы, ежели бы онѣ или варваромѣ, или женою, или наконецѣ осломѣ родился, тѣмѣ же бы самымѣ былѣ Платономѣ, а не тѣмѣ самимѣ, чтобы родилось. Но Пиөагору повѣрилѣ: который дабы запретить людемѣ употреблять вѣ пищу животныхѣ, сказалѣ, что души изѣ тѣлѣ вѣ тѣла иныхѣ животныхѣ переходятѣ. Что и безумно и невозможно. Безумно потому, понеже не было нужды древнія души вѣ новыя тѣла вводить: понеже тойже творецѣ, который первыя нѣкогда сотворилѣ, можетѣ всегда новыя творить. Не возможно потому, понеже, прямо разсуждая, душа толь безвременно перемѣнить природы состоянія своего не можетѣ, какѣ огнь или вѣ низѣ силится, или вѣ поперекѣ по подобію молніи пламень свой разливать. И такѣ думалѣ человѣкѣ мудрый, что душа, которая тогда была вѣ Платонѣ, вѣ нѣкоторое безсловесное животное могла преселиться, и имѣть человѣческій разумѣ, дабы разумѣть и болѣзновать, что она непристойнымѣ тѣломѣ обременена. Сколь

благоразумнѣе здѣлалъ бы онъ, ежели бы сказалъ, благодарю, что я разумнымъ, что переимчивымъ и къ наученію способнымъ родился, что въ такомъ богатствѣ, помощію котораго могъ беззаботно учиться. Ибо что въ Аѳинахъ родился, какое въ томъ благодѣяніе было? Не было ли въ иныхъ городахъ множество превосходнаго разума и ученія мужей, изъ которыхъ каждый лучшимъ былъ, нежели всѣ Аѳиняне? колико тысячей людей было, которые и въ Аѳинахъ родились, и во времена Сократовы, однако неучены были и безумны? Ибо не стѣны или мѣсто, на которомъ кто родился, даетъ человѣку мудрость. И надлежало ли величаться, что въ Сократовы времена родился? Моглъ ли Сократъ умъ учащимся даровать? Не пришло на мысль Платону, что и Алкивіадъ и Критій, тогожъ Сократа учениками были, изъ которыхъ одинъ былъ врагомъ отечеству наижесточайшимъ, другій наилютѣйшимъ изъ всѣхъ тиранномъ.

ГЛАВА 20.

Что Сократъ въ томъ былъ разумнѣе прочихъ, понеже о небесныхъ и натуральныхъ вещахъ не испытывалъ, въ которыхъ неразсудно тратится разумъ и время: и во многихъ безумствовалъ, чему представляетъ примѣры.

Посмотримъ теперь, что въ Сократѣ самомъ толь отмѣнное и высокое было, за чтобы человѣкъ мудрый достойно благодарилъ, что въ его времена родился. Не спорю, что былъ онъ нѣсколько разумнѣйшимъ, нежели прочіе, которые думали, что природу вещей разумомъ понять можно. Я думаю, что они не только безумны были, но и нечестивы: понеже тайну онаго небеснаго промысла любопытно видѣть хотѣли. Въ Римѣ и во многихъ городахъ суть нѣкоторыя священнослуженія, на которыя мужамъ смотрѣть не льзя. И такъ воздерживаются отъ зрѣнія, дабы оныхъ не осквернить: и ежели бы по невѣдѣнію или по нѣкоторому случаю мужъ оныя увидѣлъ, то вопервыхъ наказаніемъ его, потомъ возобновленіемъ жертвы, беззаконіе очищается. Что съ тѣми дѣлать, которые не позволенное испытать хотятъ? Подлинно тѣ несравненно нечестивѣйшими суть, которые тайну міра, и сей небесный храмъ осквернить нечестивыми стязаніями хотятъ, нежели оные, которые въ храмъ Весты, или доброй Богини, или Цереры вошли, въ которыя хра-

храмы хотя входить мужамъ не позволено, однако оныя отъ мужей построены: сіи же не только отъ порока нечестія свободны, но, что недостойнѣе есть, краснорѣчія и разума славу получаютъ. Что, ежели бы они нѣчто изслѣдовать могли? Ибо столь безумно утверждаютъ, сколь дерзновенно изслѣдываютъ: понеже ни найти ничего не могутъ, ни защищать, хотя бы и нашли. Ибо ежели истинну хотя случайно увидятъ, то дѣлаютъ, дабы иные то, какъ ложное опровергали. Понеже никто не сходитъ съ неба, который бы рѣшеніе всѣхъ мнѣніямъ принеслъ. По чему никто не сумнѣвается, что тѣ, которые о семъ испытываютъ, безумны, непотребны, и глупы. И такъ Сократъ нѣсколько изъ нихъ былъ разумнѣе, который вѣдая, что сего не можно найти, отъ такихъ вопросовъ удалился. И опасаюся, въ семъ ли единомъ. Ибо многія его мнѣнія находятся, не только недостойныя похвалы, но и наидостойнѣйшія поношенія и охужденія, которыми онъ былъ похожимъ на прочихъ. Изъ сихъ я предложу одно, которое всѣми одобрено. Знатную пословицу Сократъ имѣлъ сію: что выше насъ, то нимало не принадлежитъ до насъ. И такъ поникнемъ къ землѣ, и руки намъ для дѣланія изящныхъ дѣлъ данныя обратимъ въ ноги. Ни мало не принадлежитъ до насъ небо, къ созерцанію котораго мы возвышены, и самый свѣтъ ни мало къ намъ не надлежитъ. По истиннѣ пищи нашей вина отъ неба происходитъ. Ежели онъ такъ думалъ,

малъ, что не должно о вещахъ небесныхъ разсуждать, то и того, что подъ ногами было, не моглъ понять. Чтожъ? Погрѣшилъ ли въ словахъ? Невѣроятно; но именно то думалъ, что сказалъ: вѣрѣ не должно служить, которое ежели бы явно сказалъ, то ни ктобы не потерпѣлъ. Ибо кто не знаетъ, что мiръ сей толь чудно устроенный нѣкоторый промыслъ управляетъ? Понеже ничто не можетъ безъ своего управителя пребывать. Такимъ образомъ домъ отъ хозяина оставленный развалевается: корабль безъ управителя потопаетъ: и тѣло оставленное отъ души растлѣвается: такъ можемъ ли подумать, что толь великая громада могла составиться безъ художника, или пребывать столь долговременно безъ управителя? А ежели общiя оныя вѣры хотѣлъ онъ уничтожить, то не охуждаю, но еще и похвалю, ежелибы онъ нѣчто лучшее нашолъ. Но онъ же псомъ и гусемъ клялся. О человѣкъ смѣшный, (какъ говоритъ Зинонъ Епикурской секты) непотребный, пагубный, отчаянный, ежели желалъ насмѣхаться вѣрѣ: безуменъ напротивъ того, ежели сiе вправду дѣлалъ, дабы животное гнусное за Бога почитать. Кто уже суевѣрiя Египтянъ отважится охуждать, которыя Сократъ въ Аѳинахъ важностiю своею утвердилъ? А оное не уже ли не крайне безумно, что прежде смерти друговъ своихъ просилъ, дабы Ескулапiю пѣтуха, котораго обѣщалъ, за него принесли? Боялся то есть, дабы у Радаманта мстителя за обиды не обвиненъ былъ отъ Ескулапiа. Наибезумнѣйшимъ

шимъ бы человѣкомъ я его почелъ, ежели бы онъ въ болѣзни о томъ просилъ. Но понеже онъ сіе здѣлалъ здравый, то самаго того и почесть должно безумнымъ, который его мудрымъ почитаетъ. Вотъ о какомъ человѣкѣ мудрый радуется, что въ его времена родился.

ГЛАВА 21.

Что Платонъ научился отъ Сократа тому, которое ежели бы исполнилось и произведено было въ дѣйство, то человѣческаго рода погибло бы общество.

Посмотримъ однако, чему его Сократъ научилъ, который всю Физику опровергши устремился къ изслѣдованію о добродѣтели и должности. Чего для нѣтъ сумнѣнія, что онъ слушателей своихъ правдѣ научалъ. И такъ по ученію Сократову извѣстно Платону, что правды сила въ равенствѣ состоитъ: понеже всѣ въ равномъ состояніи раждаются: слѣдовательно, говорилъ, ничего приватнаго и собственнаго имѣть не должни: но дабы могли быть равными, какъ правда требуетъ, то все общее имѣть должни. Можно тому статься, ежели онъ говоритъ сіе о деньгахъ. Но и сіе самое сколь не возможно, и сколь не праведно, могъ бы я многими доказать примѣрами. Однако уступимъ, что можно тому статься, ибо всѣ будутъ мудрыми, и деньги пренебрегать станутъ. Куда же его общество

сіе

сіе привело. И супружества, говоритъ, общими быть должни: то есть дабы къ одной женѣ многіе мужи, такъ какъ псы, збѣгалися, и той бы имѣлъ верхъ, который сильнѣе: и ежели великодушны и терпѣливы, такъ какъ Философы, должни ждать, дабы попеременно, подобно какъ въ блудилище, входили. О дивное Платоново равенство. Такъ гдѣ же добродѣтель чистоты? гдѣ вѣрность супружеская? которую ежели уничтожишь, то вся правда уничтожится. Но онъ же говорилъ, что щастливыми и блаженными были бы города, ежелибы или Философы царствовали, или Цари Философствовали. Такому то толь правдивому, толь равенство наблюдающему мужу препоручилъ бы ты государство, то онъ у иныхъ бы собственное отнялъ, инымъ чужее бы далъ? Осквернилъ бы цѣломудріе женъ, чего никогда никакой не только Царь, но и мучитель не дѣлалъ. Какую же представилъ причину премерскаго сего совѣта? Такимъ образомъ, говоритъ, городъ согласенъ будетъ, и взаимной любви связанъ союзомъ, ежели все всѣмъ будутъ и мужьями, и отцами, и женами и дѣтьми; Какое сіе смѣшеніе рода человѣческаго? Какъ можетъ сохранена быть любовь, гдѣ ничего нѣтъ извѣстнаго, чтобы любить. Какой или мужь жену, или жена мужа будетъ любить, ежели не будетъ жить всегда вмѣстѣ? Ежели благочестная мысль, и сохраняемая взаимно вѣрность не здѣлаетъ любви не раздѣльною? Которая добродѣтель въ ономъ смѣшанномъ

сластолюбіи мѣста не имѣетъ. Къ томужъ, ежели всѣ общими дѣтьми будутъ, то кто такъ можетъ любить дѣтей какъ своихъ, когда, его ли они, или не знаетъ, или сумнѣвается? Кто произведшему на свѣтъ, такъ какъ отцу воздавать будетъ честь, когда отъ кого рожденъ онъ не знаетъ? Изъ чего дѣлается, что не только чужаго за отца почитать будетъ, но и отца за чужаго. Но что болѣе? Когда жена можетъ быть общею, а сынъ не можетъ? Который зачинаться долженъ только отъ одного. И такъ разрушается оное одно общество разстроиваемое будучи самою природою. Остается, дабы только ради согласія жены были общими. Но никакой не согласія нѣтъ сильнѣйшей причины, какъ самое вожделѣніе единой жены отъ многихъ мужей. Сего Платонъ ежели не умомъ, то отъ примѣровъ моглъ познать иныхъ животныхъ, которые за сіе наижесточайшимъ образомъ сражаются: и людей, которые всегда за сіе дѣло въ смертельныя между собою поединки входятъ.

ГЛАВА

ГЛАВА 22.

Что ученіе Платоново было источникомъ беззаконія и поджегою, и всѣхъ добродѣтелей истребленіемъ.

Остается, что общество оное ничего не имѣетъ кромѣ прелюбодѣяній и похотей, которыми въ конецъ разоряется добродѣтель необходимо потребная. И такъ не нашелъ согласія, котораго искалъ, понеже не видѣлъ, откуда происходитъ. Ибо правда во внѣшнихъ вещахъ никакой важности не имѣетъ, и не въ тѣлѣ, но вся въ человѣческой душѣ состоитъ. И такъ кто хощетъ людей уравнять, тотъ не супружества не богатства отнимать долженъ, но киченіе, гордость, надменіе: дабы оные сильные и напыщенные знали, что они убогимъ равны. Ибо отнявши у богатыхъ наглость и несправедливость, не будетъ никакого различія, богаты ли иные, и убоги другіе, когда они равнодушны. Чего здѣлать ничто не можетъ, кромѣ вѣры божія. И такъ думалъ Платонъ, будтобы нашолъ правду, когда ея совсѣмъ разрушилъ: понеже не вещей тлѣнныхъ, но умовъ должно быть общество. Ибо ежели правда всѣхъ добродѣтелей есть матерію, то когда всѣ добродѣтели истребляются, тогда и правда разрушается. Истребилъ же прежде всего Платонъ умѣренность, ибо оной быть тамъ не можно, гдѣ ничего нѣтъ собственнаго. Истребилъ воздержаніе, понеже нѣтъ ничего чужаго, отъ

чего бы воздерживаться. Истребилъ чистоту и мѣрность, которыя добродѣтели въ обоихъ полахъ признаваются наивеличайшими. Потребилъ цѣломудріе, зазрѣніе, скромность, когда честнымъ и законнымъ начинаетъ быть то, что беззаконнымъ и мерзкимъ почиталося. Такимъ образомъ желая всѣмъ дать добродѣтель, у всѣхъ оную отнялъ. Ибо особенность вещей, и пороковъ и добродѣтелей матерію содержитъ: а общественность не что иное, какъ вольность пороковъ. Ибо мужи многихъ женъ имѣющіи ничемъ инымъ не могутъ назваться, какъ блудниками, и не законнорожденными. Также и жены, многимъ мужчинамъ вмѣсто женъ служащія, не прелюбодѣицами, понеже прямаго супружества нѣтъ, но блудницами и любодѣицами. И такъ привелъ житіе человѣческое въ подобіе не говорю безсловесныхъ просто, но скотовъ и звѣрей. Ибо птицы почти всѣ видъ имѣютъ супружества, совокупляются попарно, и гнѣзда свои, какъ бы ложе единодушно защищаютъ; и дѣтей своихъ, поелику оные прямо ихъ, любятъ, и ежели чужихъ подложишъ, то отгоняютъ. А человѣкъ мудрый, противъ обыкновенія человѣческаго, и противъ природы безумнѣйшее себѣ избралъ, которому бы послѣдовать. И понеже примѣтилъ онъ, что въ прочихъ животныхъ должности мужей и женъ не раздѣльны, то почелъ, что надлѣжитъ и женамъ въ сраженіяхъ имѣть участіе, и въ общественныхъ совѣтахъ присутствовать, начальствовать, и повелѣвать. И такъ назначилъ женамъ оружіе и коней,

слѣ-

слѣдовательно повелѣлъ и мужчинамъ прясть и ткать, и нянчить дѣтей. И не примѣтилъ, что говоритъ невозможное, потому что не было никогда никакаго народа ни глупаго ни мудраго, которой бы такимъ образомъ жизнь препровождалъ.

ГЛАВА 23.

О меньшихъ Философахъ и какъ тѣ житіи изъ презрѣнія богатства успѣхъ имѣютъ, и заблужденія утверждаютъ.

И такъ когда таковую глупость въ самыхъ начальникахъ Философовъ видимъ, то что о тѣхъ меньшихъ будемъ думать, которые не столь почиталися мудрыми, а только хвастали презрѣніемъ богатства? мужественный духъ! но примѣчаю, что такое они дѣлаютъ, и къ чему клонится сіе ихъ презрѣніе? Оставленное отъ родителей наслѣдство на подобіе зла мещутъ. И дабы отъ бури на морѣ не потонуть, то въ тишинѣ сами себя низвергаютъ не добродѣтелію, но страхомъ укрѣпившись наподобіе тѣхъ, кои боясь, дабы отъ непріятеля имъ не быть убитымъ, сами себя умерщвляютъ, дабы смертію избавиться отъ смерти. Такимъ образомъ, отъ чего могли бы славу получить за щедрость, оное безъ пріобрѣтенія чести и благодарности погубляютъ. Похваляютъ Демокрита, что поля свои оставилъ, и позволилъ онымъ быть общею пасствою скотамъ. Одобрилъ бы и я сіе дѣло, ежели

бы

бы онъ ихъ подарилъ: но не благоразумно то дѣло, которое, ежели всѣ дѣлаютъ, есть безполезно и зло. Но сіе нерадѣніе сносное. Что скажемъ о томъ, который собранныя за проданное наслѣдство деньги бросилъ въ море? Я сумнѣваюсь, чтобъ онъ былъ въ полномъ разумѣ, а не съ ума сшедшимъ. Подите, сказалъ, во глубину злыя вожделѣнія, лучше я васъ потоплю, дабы самому мнѣ отъ васъ не быть потоплену. Ежели толикое въ тебѣ презрѣніе къ деньгамъ, то употреби оныя на благодѣянія, покажи ими человѣколюбіе, раздай неимущимъ. Можетъ сіе, что ты погубить намѣреваешъ, многимъ учинить спомоществованіе, дабы оные отъ глада и жажды и наготы не лишились жизни. Подражай покрайней мѣрѣ глупости и безразсудству Тудитанову, мечи въ народъ на расхищеніе. Ты можешъ и денегъ избавиться, и съ пользою оныя употребить. Понеже непогибшимъ то почитается, что для многихъ было полезнымъ. Зиноновы же равныя поступки кто похвалитъ? но оставимъ то, что всегда всѣ осмѣвали. Оное довольно можетъ обличить неистоваго человѣка заблужденіе: что онъ въ числѣ пороковъ и болѣзней милосердіе положилъ. Отнимаетъ у насъ человѣколюбіе, въ которомъ почти все человѣческое житіе состоитъ. Понеже какъ природа человѣческая немощнѣе прочихъ животныхъ, которыхъ къ сношенію неблагоумѣренности временъ, и къ отгнанію отъ себя нападенія, природною обороною промыслъ небесный вооружилъ: а человѣку поелику

лику ничего такого не дано, то вмѣсто всего того получилъ страсть милосердія, которая называется человѣколюбіемъ, дабы онымъ люди себе взаимно защищали. Ибо ежели бы человѣкъ увидѣвъ другаго человѣка прочь убѣгалъ, (какъ дѣлаютъ животные дикіе) то никакого бы люди не имѣли общества, никакихъ бы городовъ не созидали. Такимъ образомъ и житіе человѣческое, было бы бѣдственнымъ, когда и прочимъ животнымъ подвержена была бы немощъ и безсиліе человѣческое, и сами люди между собою позвѣрски свирѣпѣли. Не меньшее же и въ прочихъ безуміе. Ибо что сказать можно объ ономъ, который говорилъ, что снѣгъ есть вещество черное. Куда какъ прилично было ему же сказать, что смола есть вещество бѣлое. Сей есть тотъ самый, который говаривалъ, будтобы для того онъ родился, дабы небо и солнце зрѣть, который при солнечномъ сіяніи на земли нечего не видалъ. Ксенофанъ сказующимъ Математикамъ, что кругъ луны въ осмнатцать кратъ болѣе, нежели земля, несмысленно повѣрилъ: и что оному легкомыслію было прилично, говорилъ, будто бы внутрь выпуклости лунной находится иная земля, и тамъ другой родъ человѣческій такъ живетъ, какъ мы на сей земли. И такъ имѣютъ оные въ лунѣ живущіе люди другую луну, которая имъ въ ночи свѣтитъ, какъ сія свѣтитъ намъ: и можетъ статься сей нашъ кругъ другой нижшей земли луною есть. Сенека сказываетъ, что изъ числа Стоиковъ былъ одинъ такой; который разсуждалъ,

ждалъ, не положить ли жителей и въ самомъ солнцѣ. Безразсудно подлинно сумнѣвался. Ибо какой бы ему изъ того послѣдовалъ убытокъ, ежели бы положилъ въ солнцѣ жителей? Да, да, можетъ быть страшился онъ жара, дабы толикаго множества не поселить въ опасномъ мѣстѣ. Дабы, ежели отъ безмѣрнаго жара они погибнутъ, не сказали люди, что онъ тому причиною: или что отъ него оное учинилось.

ГЛАВА 24.

О Антиподахъ, которыхъ для того пымыслили, понеже думали, что міръ есть круглъ.

Что тѣ, которые Антиподовъ признаваютъ? Говорятъ ли нѣчто похожее на правду? Сыщетсяль кто столь безуменъ, которой бы повѣрилъ, что есть люди, которые ходятъ верхъ ногами? Или что все, что у насъ лежитъ, то у нихъ горизонтально виситъ? Жита и лѣса внизъ растутъ? дожди и снѣги и грады вверхъ падаютъ на землю? Будетъ ли удивительно, что сады висящія между седмью чудесами считаются, когда Философы и поля, и моря, и городы висящими дѣлаютъ? И сего заблужденія открыть начало мнѣ должно. Ибо всегда такимъ же образомъ обманываются. Понеже принявши сперва нѣчто ложное

ное приведены будучи къ тому правдоподобіемъ, по необходимости впадаютъ въ то, что изъ того слѣдуетъ. Такимъ образомъ впадаютъ во многое смѣха достойное, понеже понеобходимости должно быть ложнымъ то, что ложнымъ вещамъ приличествуетъ. Ибо повѣривши первому, не разсматриваютъ, каково слѣдующее но защищаютъ всѣми мѣрами: когда надлежало оное первое, истинно ли оно или ложно, изъ слѣдующаго разсуждать. И такъ какая ихъ къ Антиподамъ причина привела? Видѣли звѣздъ теченіе на западъ идущихъ, что солнце и луна въ одну сторону всегда заходятъ, и отъ одной всегда восходятъ. Не разсмотрѣвшижъ, какая вина теченіе ихъ управляетъ, и какъ отъ запада на востокъ преходятъ, а небо самое на всѣ стороны почитая наклоненнымъ, понеже такъ казалося по причинѣ безмѣрной широты, начали думать, акибы круглъ сей міръ на подобіе мяча: и по движенію звѣздъ почли, будто бы небо обращается, такимъ образомъ звѣзды и солнце зашедши кругообращеніемъ самимъ на востокъ міра возвращаются. Того ради и небесные круги подѣлали, будто бы на подобіе міра: и на оныхъ вырѣзали дивныя нѣкоторыя изображенія, которыя звѣздами назвали. И такъ изъ сей неба круглости оное слѣдовало, что землю въ срединѣ онаго поставили. И ежели оно такъ, то и земля самая шару есть подобная; ибо не возможно, дабы не было кругло то, что въ кругломъ заключается. А ежели и земля кругла, то понеобходимо-

димости должна имѣть ко всѣмъ неба частямъ равный видъ: то есть горы возвышать, распростирать поля, и разливать моря. А ежели оно такъ, то слѣдовало оное послѣднее заключенie, что нѣтъ ни одной части земли, на которой не надлежалобъ жить людемъ и прочимъ животнымъ. Такимъ образомъ оныхъ Антиподовъ обрѣтательницею была круглость неба. А ежели вопросишь защищающихъ сiи чудеса, какъ не падетъ все на нижшую оную неба часть? Отвѣтствуютъ, такая, де, вещей природа, что тяжелыя вещи къ Центру своему стремятся, и съ Центромъ связано все, какъ спицы въ колесѣ: а легкiя вещи, какъ то туманъ, дымъ, огнь, отъ средины возносятся, и подымаются къ небу. Что сказать о сихъ, не знаю, которые однажды заблудивши, упорно въ безумiи пребываютъ, и тщетное тщетнымъ защищаютъ, развѣ подумать, что они иногда для шутокъ философствуютъ, или разумѣя и зная ложъ защищать предпринимаютъ, дабы умы свои къ злымъ вещамъ прiобучить, или оными похвастать. А я многими доводами утвердить могъ бы, что никакъ тому статься не можно, дабы небо было ниже земли, ежели бы и книги не должно было ужѐ окончать, и ежели бы еще не оставалося другаго къ настоящему дѣлу нужнѣйшаго: и поелику, дабы всѣхъ заблужденiя изчислить, не можетъ одна вмѣстить книга, то довольно было нѣсколько сказать, изъ чего можно бы выразумѣть, каково все прочее.

ГЛАВА

ГЛАВА 25.

Сколько и что должно и потребно напередъ выучить по язычески философствующимъ: что Философіи никто или рѣдкіе понимаютъ.

Теперь мнѣ о Философіи вообще не много поговорить должно, дабы утвердить, и намѣренное дѣло окончать. Важный оный нашъ Платоновъ послѣдователь думалъ, что Философія не есть общая, и что ея кромѣ ученыхъ людей понимать никто не можетъ. Философія, говоритъ, не многими бываетъ довольна судіями, многолюдства же не безъ основанія удаляется. Слѣдовательно не есть мудрость, ежели удаляется собранія человѣческаго. Ежели мудрость дана человѣку, то безъ всякаго различія всѣмъ дана, такъ, что нѣтъ совсѣмъ ни одного, которой бы понять ея не могъ. А они возможность человѣческому роду данную такъ принимаютъ, что сами одни общимъ добромъ наслаждаться хотятъ: столь завистливы, что желательно было бы для нихъ завязать, или выколоть прочимъ глаза, дабы они солнца не видали. Ибо что иное есть не допущать людей къ мудрости? какъ умы ихъ истиннаго и божественнаго лишать свѣта. А ежели природа человѣческая можетъ понять мудрость, то должны и художники, и земледѣльцы, и жены, и всѣ люди учиться мудрости: и народъ изъ всякаго языка, и состоянія, и пола, и воз-

раста составлять. И такъ главнѣйшій доводъ, что философія и къ мудрости не приводитъ, и сама не есть мудрость, составляетъ то, что тайна ея состоитъ только въ бородѣ и епанчѣ. Знали сіе совершенно Стоики, которые говорили, что и слугамъ и женамъ философствовать должно. И Епикуръ всѣхъ невѣждъ къ Философіи призываетъ. Также Платонъ, который городъ хотѣлъ изъ мудрыхъ составить. Силились они сіе здѣлать, чего истинна требовала, но не могли ничего въ дѣло произвесть. Вопервыхъ потому, что многія науки потребны, дабы къ Философіи можно было приступить. Должно учиться письменамъ онымъ общимъ для чтенія, понеже въ толикомъ вещей различіи ни переняпь всего не можно наслышкою, ни памятовать. И грамматикѣ не мало должно учиться, дабы умѣть прямо говорить. На сіе много лѣтъ употреблено будетъ. И Риторику должно знать, дабы то, что выучишь, выговорить моглъ. И геометрія и музыка и астрологія съ Философіею имѣютъ нѣкоторую связь: а сего всего выучить ни жены, понеже въ младыхъ лѣтахъ должностямъ для домашняго употребленія полезнымъ обучаться должны: ни слуги, которые въ тѣ лѣта, въ которыя моглибъ учиться, служить должны: ни убогіе, ни художники, ни земледѣльцы, которымъ всегда пищу трудомъ снискивать надобно, не могутъ. Для сего Туллій говоритъ, что Философія удаляется отъ многолюдства. Но Епикуръ невѣждъ пріемлетъ. Какимъ же обра-

зомъ

зомъ переймутъ они то, что о началахъ вещей преподается, котораго, поелику оно запутано и покровенно, едва ученые люди понимаютъ? И такъ въ вещахъ темнотою закрытыхъ, и по причинѣ умовъ различныхъ, смѣшанныхъ, и краснорѣчивыхъ мужей избранною рѣчью украшенныхъ, какое невѣжи и грубому участiе? Ктомужъ никогда никакихъ женъ философствовать они не научали, кромѣ одной на всемъ вѣку Ѳемисты. Ни слугъ, кромѣ одного Федона, котораго, поелику рабскую должность худо отправлялъ, сказываютъ, Цебесъ выкупилъ и научилъ. Считаютъ и Платона и Дiогена, однако они слугами не были, но имъ рабство, или невольничество приключилось по причинѣ плѣненiя. Говорятъ, что Платона выкупилъ Анницеръ нѣкоторый за восемь сестерцiевъ. Того ради бранитъ того самаго искусителя Сенека, что Платона дешево оцѣнилъ. Сумозбродный, какъ мнѣ кажется, сердится на человѣка, что не много денегъ потратилъ. То есть хотѣлось Сенекѣ, чтобъ выкупщикъ столькожъ далъ за Платона золота, сколько заплачено за мертваго Ектора: или столько на выкупъ употребить червонныхъ, сколько продавецъ не требовалъ. А изъ варваръ никого, кромѣ одного Анахарсиса, Скиѳа, которому Философiя и не приснилась бы во снѣ, ежели бы и языку и Греческимъ письменамъ прежде наученъ не былъ.

ГЛАВА 26.

Что ученіе небесное едино мудрость даруетъ, которой природа общая желаетъ, и ища въ Философіи не находитъ: и сколь силенъ естъ законъ Божій и церковные таинства.

И такъ что они по побужденію природы здѣлать хотѣли, того ни сами здѣлать не могли, ни Философы: сіе дѣлаетъ одно ученіе небесное, которое единственно есть мудростію. Могли ли они увѣщать кого, которые себе не увѣщаваютъ? или чужія вождѣлѣнія угасить, гнѣвъ укротить, похоть обуздать, которые и власть надъ собою даютъ порокамъ, и признаются, что больше можетъ природа? А заповѣди Божія, поелику и просты и истинны, то сколько могутъ въ душахъ человѣческихъ, оное всегдашній опытъ показываетъ. Дай мнѣ мужа гнѣвливаго, злословнаго, не укротимаго, то я весьма не многими Божіими словами толь кроткимъ его здѣлаю, какъ овцу. Дай вождѣлѣніемъ зараженнаго, сребролюбиваго, скупаго, то ужѐ тебѣ его щедрымъ возвращу, и деньги тароватою рукою раздающимъ. Дай страшащагося болѣзни и смерти: то ужѐ кресты и огни, и Фаларідова вола будетъ презирать. Дай сластолюбиваго, прелюбодѣя, блудника: то ужѐ трезвеннымъ, чистымъ, и воздержнымъ его увидишь. Дай лютаго и крови жаждущаго: ужѐ на истинную милость неистовство

оное премѣнится. Дай неправеднаго, безумнаго грѣшника: вдругъ и праведнымъ, и разумнымъ, и непорочнымъ будетъ. Ибо единою банею злоба вся потребится. Толикая божественной мудрости есть сила, что въ сердце человѣку вліяна будучи, мать грѣховъ безуміе, единымъ устремленіемъ изгоняетъ. Къ произведенію чего въ дѣйство ни награжденія, ни книгъ, ни трудовъ не потребно. Все сіе дѣлается даромъ, легко, скоро: только пускай отверзетъ уши, и сердцемъ мудрости жаждетъ. Пускай никто не опасается: мы воды не продаемъ, и солнца за цѣну не доставляемъ. Божій источникъ преизобильный и преисполненный открытъ для всѣхъ, и сіе небесное свѣтило всѣмъ имѣющимъ очи сіяетъ. Здѣлалъ ли когда сіе какойлибо Философъ? или моглъ ли здѣлать, хотябы и хотѣлъ? Они лѣта свои въ ученіи Философіи теряя, ни иного кого, ни себе самихъ (ежели природа хотя мало дѣлала препятствіе,) не могутъ здѣлать лучшими. И такъ мудрость ихъ сколь много ни дѣйствовала бы, не искореняетъ пороковъ, но прикрываетъ оныя. Заповѣди же Божіи немногочисленныя такъ всего человѣка перемѣняютъ, и отложеніемъ ветхаго, обновляютъ, что не познаемъ уже, тотъ ли самой онъ.

ГЛАВА 27.

Что Философы часто праведно повелѣвают, и иногда видят истину: и для чего им не должно вѣрить.

Чтожъ? не уже ли они ничего подобнаго не повелѣваютъ? Ни какъ весьма много, и къ истинѣ не рѣдко приближаются, но никакой силы не имѣютъ оныя повелѣнія: понеже онѣ человѣческія, и важности большей, то есть оной божественной, не имѣютъ. И потому ни кто онымъ не вѣритъ, понеже какъ тотъ есть человѣкъ, который слышитъ, такъ и тотъ, который повелѣваетъ. Кромѣ сего ничего у нихъ безсумнительнаго нѣтъ, ничего знанія достойнаго: но понеже все догадкою говорятъ, и много различнаго и несогласнаго произносятъ, то наибезумнѣйшаго человѣка знакомъ есть, повелѣніямъ ихъ повиноваться, о которыхъ, истинны ли оныя или ложны сумнѣвается: и того ради никто не повинуется, понеже никто не хочетъ для не извѣстнаго трудиться. Стоики говорятъ, что добродѣтель едина дѣлаетъ житіе блаженнымъ. Ничего неможно справедливѣе сказать. Но что, ежели будетъ мучимь, ежели болѣзнію изнуряемь? то возможетъ ли кто между мучителями быть блаженнымъ? пачежь нанесенная тѣлу болѣзнь матерію составляетъ добродѣтели: того ради и въ мученіяхъ таковый не нещастенъ. Епикуръ несравненно мужественнѣе,,, мудрый:, говоритъ, всегда блаженъ,

,, хо-

„ хотя былъ бы заключенъ и въ Фаларидо„вомъ волѣ, сей гласъ испуститъ: пріятно „мнѣ, ни о чемъ не радѣю „ Кто ему не посмѣется, наипаче когда человѣкъ сластолюбивый видъ принимаетъ на себя человѣка мужественнаго, да еще и выше мѣры. Ибо статься тому не можно, дабы кто мученія тѣлесныя за удовольствіе себѣ поставлялъ: понеже довольно къ исполненію должности добродѣтели снесть оныя и претерпѣть. Что говорите Стоики? Что ты Епикуръ? Блаженъ мудрый, когда его и мучатъ: ежели для славы, то терпѣнія мзды не получитъ: ибо можетъ статься, въ мученіяхъ умретъ: ежели для достопамятства, то или небудетъ чувствовать, ежели погибаютъ души: или хотя и будетъ чувствовать, однако ничего отъ оной не получитъ. Какой же иный плодъ въ добродѣтели? какое блаженство житія? Дабы великодушно умереть. представляете мнѣ добро единаго часа, или можетъ быть единаго мгновенія, для котораго не надлежитъ чрезъ все житіе бѣдъ и болѣзней терпѣть. Сколько же времени смерть занимаетъ? которая когда пріидетъ, великодушно ли или не великодушно понесешь, нѣтъ уже нужды. Отъ сего происходитъ, что ничего инаго отъ добродѣтели не ищутъ, кромѣ славы. Но слава или тщетная будетъ, и краткая, или по худому людей разсужденію не послѣдуетъ. И такъ никакой пользы нѣтъ изъ добродѣтели, гдѣ добродѣтель есть смертная и тлѣнная. И такъ которые сіе говори-

 ли,

ли, тѣ тѣнь нѣкоторую добродѣтели видѣли, а самой добродѣтели не видали. Ибо поникли они къ земли, и лица своего въ верхъ не поднимали, дабы могли видѣть добродѣтель, которая съ небесъ себя являла. Сіе причиною есть, что ихъ повелѣній ни кто не слушаетъ: понеже или научаютъ порокамъ, когда роскошь защищаютъ: или ежели добродѣтель утверждаютъ, то ни за грѣхъ казнію не грозятъ, а только одну предлагаютъ гнусность; ни добродѣтели никакого награжденія не обѣщаютъ, кромѣ того, что представляютъ честность и похвалы, когда говорятъ, что добродѣтель не для иного чего, но ради ея самой должно любить. И такъ блаженъ мудрый въ мученіяхъ: но только когда мучимъ бываетъ за вѣру, за правду, за бога. Оное болѣзни терпѣніе наиблаженнѣйшимъ здѣлаетъ. Ибо есть Богъ, который единъ можетъ почтить добродѣтель, которой награжденіе есть одно безсмертіе: а безсмертія не желающіе, и вѣры несодержащіе, которой вѣчная обѣщана жизнь, по истиннѣ и силы добродѣтели не знаютъ, которой награжденія не знаютъ, и на небо не взираютъ, хотя оное какъ имъ кажется, дѣлаютъ, когда вещи непостижимыя испытуютъ: понеже на небо взирать нѣтъ никакой иной причины, какъ только или вѣру содержать, или душу свою безсмертною почитать. Ибо кто или Бога почитаетъ, или безсмертіе получить надѣется, того мысль на небѣ есть: и хотя того не тѣлеснымъ, однако душевнымъ окомъ видитъ. А которые вѣры не принима-

ютъ,

ютъ, тѣ земные суть, понеже вѣра отъ небесъ происходитъ: и которые думаютъ, что душа съ тѣломъ погибаетъ, тѣ зрятъ на землю, понеже далѣе тѣла, которое есть землею, ничего безсмертнаго больше не видятъ. И такъ нѣтъ никакой пользы въ томъ, что человѣкъ устроенъ такъ, дабы прямымъ тѣломъ взирать на небо, ежели прямою мыслію не станетъ зрѣть Бога, и надежда вѣчной жизни все помышленіе его занимать не будетъ.

ГЛАВА 28.

Въ чемъ утперждается состояніе созданія; и откуда натуры имя, или фортуны: и какъ Философы споимъ мечемъ погибаютъ. Что фортуна есть ничто, которую Философы не только богинею, но и Богомъ ложно назыпаютъ. И какъ сіе заблужденіе напели на тѣхъ, которые Бога не знали или презирали.

Чего для нѣтъ ничего иного въ житіи, на чемъ бы состояніе наше утверждалося, кромѣ Бога родившаго насъ ради познанія и благочестнаго и благоговѣйнаго почитанія: отъ котораго поелику Философы заблудили, потому мудрыми подлинно они не были. Хотя они искали мудрости, но понеже неправильно искали, то зашли далѣе, и въ такія заблужденія впали, что и общей мудрости не удержа-

ли. Ибо не только вѣры утверждать не хотѣли, но и уничтожили: когда видомъ ложной добродѣтели привлечены будучи, тщалися людей отъ всякаго страха свободить, которое вѣры разореніе природою назвали. Ибо они или не зная отъ кого созданъ міръ, или желая показать, что нѣтъ ничего божественнымъ умомъ устроеннаго, говорили, что природа есть всѣхъ вещей матерію: какъ бы сказали: все самослучайно родилося. Которыми словами явственно неразуміе свое признали. Ибо природа безъ промысла и власти божественной совсѣмъ ничто есть. А ежели Бога природою называютъ, то какое развращеніе, природою его наипаче, нежели Богомъ называть. А ежели природою причина, или необходимость, или состояніе рожденія, то она сама собою нечувственна, понеже есть умъ Божественный, который своимъ промысломъ начало рожденія всѣмъ вещамъ подаетъ. Или ежели природою небо, и земля, и все что есть рожденно, то природа не Богъ, но Божіе дѣло. Подобнымъ заблужденіемъ вѣрятъ, что есть фортуна, будто бы богиня нѣкоторая дѣлами человѣческими чрезъ разныя случаи играющая. Понеже не знаютъ откуду имъ добро и худо случается. Думаютъ, что они опредѣлены для сраженія съ нею, однако не показываютъ никакого резона, отъ кого, и для чего, но только хвалятся, что съ фортуною всякую минуту сражаются. А которые иныхъ утѣшаютъ въ лишеніи и потеряніи любезныхъ, фортуны имя наижесточайшими

шими охужденiями порочатъ, и совсѣмъ нѣтъ никакого ихъ разглагольствiя о добродѣтели, въ которомъ бы фортуны не воспоминали. Маркъ Туллiй въ своемъ утѣшенiи говоритъ, будто бы онъ всегда съ фортуною сражался, и оную всегда побѣждалъ, когда крѣпко нападенiя не прiятелей отражалъ: и тогда отъ нея побѣжденъ не былъ, когда изъ дому изгнанъ, отечества лишился. А тогда, когда потерялъ наилюбезнѣйшую дочь, побѣжденнымъ себя отъ фортуны къ сраму своему признаетъ: уступаю, говоритъ, вотъ престаю. Что сего человѣка бѣднѣе, который такъ лежитъ? Безумно говоритъ, но такой, который себе признаетъ быть мудрымъ. И такъ что значитъ присвоенiе имени? что презрѣнiе оное вещей, которое пышными словами показываютъ? Что отмѣнное отъ прочихъ одѣянiе? Или для чего правила мудрости преподаются, ежели не нашлось ни одного, которой былъ бы мудрымъ? И будетъ ли мнѣ кто завидовать, что Философовъ мудрыми не признаваю? Когда они признаются, что ничего не знаютъ и не разумѣютъ. Ибо ежели когда такъ ослабѣваютъ, что и вымыслить уже ничего не могутъ, что дѣлаютъ въ вещахъ прочихъ: тогда уже не знанiе свое признаютъ, и будто бы бѣшеные выбѣгаютъ, и вопiютъ: мы слѣпы и безумны. Анаксагоръ говоритъ, что все окружено тьмою. Емпедоклъ жалуется, что тѣсны чувствъ стези: будто бы ему къ размышленiю карета и четверка коней потребна. Демокритъ, будто бы въ колодезѣ какомъ либо глубо-

глубокомъ и бездонномъ истинна лежитъ погружена: подлинно безумно, какъ и прочее. Ибо не такъ какъ въ колодезѣ погружена истинна, куда или сойти или и пасть ему можно было; но такъ какъ на высочайшемъ высокой горы верху, или паче на небѣ, что есть самая истинна. Ибо для чего онъ признаетъ истинну долѣ погруженною, нежели на высоту вознесенною, развѣ можетъ статься для того, что онъ и умъ въ ногахъ или въ пятахъ поставить хотѣлъ наипаче, нежели въ сердцѣ или въ главѣ? Толь то удалились они отъ истинны, что ихъ, и сложеніе ихъ тѣла не могло наставить, что истинны на высотѣ имъ искать должно. Изъ сего отчаянія признаніе оное Сократово произошло, который сказалъ: я ничего не знаю, только то одно знаю, что ничего не знаю. Отсюда Академіи ученіе произошло, ежели только его ученіемъ можно назвать, въ которомъ незнанію и учатъ и учатся. Но и тѣ, которые знаніе себѣ приписывали, того самого, въ чемъ себя почитали знающими, постоянно защищать не могли. Которые понеже разумъ имъ не согласовалъ, по незнанію вещей божественныхъ, толь различно, толь сумнительно, и себѣ противно говорили, что они разумѣли? чего хотѣли? понять и разсудить не можно. И такъ для чего сражаться съ такими людьми, которые отъ собственнаго своего меча погибаютъ? Къ чему трудиться, дабы тѣхъ разрушить, которыхъ собственныя ихъ разрушаютъ и уязвляютъ рѣчи? Аристо-

стотель (сказываетъ Цицеронъ) древнихъ Философовъ обвиняя, называлъ ихъ или славолюбивыми или наибезумнѣйшими, понеже они думали, будто бы своими умами совершили Философію: а онъ примѣчаетъ, что чрезъ не многія лѣта великое приращеніе здѣлалось, и въ скоромъ времени Философія прямо совершится. И такъ какое было оное время? Когда или отъ кого совершена? Ибо что называетъ ихъ наибезумнѣйшими, которые думали, будто бы своими умами совершили мудрость, оное есть истинно. Но и самъ не весьма разуменъ былъ, понеже думалъ, будто бы или отъ древнихъ началась, или отъ новыхъ умножена, или вскорѣ отъ послѣднихъ совершена будетъ. Ибо никогда не можно достигнуть того, что не собственнымъ своимъ путемъ искомо бываетъ.

ГЛАВА 29.

Также потореніе о фортунѣ и натурѣ и о опредѣленіи.

Но скажемъ теперь о томъ, что было пропустили. И такъ фортуна сама собою есть ничто: и не должно такъ думать, будто бы она имѣетъ нѣкоторый разумъ: понеже фортуна есть случайныхъ вещей внезапное и нечаянное приключеніе. Но Философы, дабы всегда заблуждать, въ дѣлѣ безумномъ хотятъ

быть

быть мудрыми: которые фортунѣ подъ пременяютъ, и ея не богинею, какъ простый народъ, но богомъ называютъ. Однако ея иногда природою, иногда фортуною называютъ, понеже много (какъ сказываетъ тойже Цицеронъ) дѣлаетъ нечаяннаго намъ по причинѣ сокровенности отъ насъ и незнанія винъ. И такъ когда не знаютъ причинъ, для которыхъ нѣчто бываетъ, то и того, кто дѣлаетъ, не знаютъ. Онъ же въ сочиненіи весьма важномъ, въ которомъ наставленія для жизни взятыя изъ Философіи сыну давалъ, говоритъ: „Кто не знаетъ, что велика есть фортуны „сила на обѣ страны? Ибо и когда благо„получнаго ея дуновенія наслаждаемся, къ „желаемому концу достигаемъ; и когда на„противъ повѣетъ, тогда оскорбляеми быва„емъ.„ Вопервыхъ утверждающій, что ни чего знать не можно, такъ сіе сказалъ, какбы ему, и всѣмъ оно извѣстно было. Потомъ тщащійся извѣстное сумнительнымъ здѣлать, то за извѣстное почиталъ, что ему долженствовало быть наисумнительнѣйшимъ: ибо для мудраго совсѣмъ оное ложно. Кто, говоритъ, не знаетъ? Вотъ я не знаю. Пускай мнѣ покажетъ (ежели можетъ) какая есть сила оная, какое дуновеніе оное, и которое противное вѣяніе. И такъ стыдно человѣку разумному говорить то, чего, ежели споришь будешъ, доказать не можетъ. Наконецъ сказующій, что не скоро должно вѣрить, понеже безумнаго человѣка знакомъ есть невѣдомымъ вещамъ не разсудно вѣрить, тотъ,

говор-

говорю, повѣрилъ мнѣнію народа и невѣждъ, которые думаютъ, что есть фортуна, которая людемъ даетъ добро и зло. Ибо ваяніе ея съ изобиліемъ и кормиломъ изображаютъ, будто бы она богатства даетъ, и человѣческими дѣлами управляетъ. Сему мнѣнію и Виргилій согласуетъ, фортуну называя всемогущею: и Историкъ сказываетъ: но по истиннѣ фортуна владычествуетъ. Что же прочимъ богамъ осталось? для чего или не одна она владычествуетъ, ежели больше можетъ? или для чего не одну ея почитаютъ, ежели все можетъ? или ежели только злое насылаетъ, то пускай покажутъ причину, для чего, ежели она богиня, людемъ завидитъ, и ихъ потребить хощетъ, когда они ея благоговѣйно почитаютъ? для чего крайне милостива къ злымъ, и немилосерда къ добрымъ? для чего навѣтуетъ, оскорбляетъ, прельщаетъ и истребляетъ? кто ея поставилъ рода человѣческаго вѣчною мучительницею? для чего наконецъ толь злую получила власть, дабы всѣ дѣла безразсуднымъ изволеніемъ наипаче, нежели по справедливости отправлять и помрачать? о семъ, говорю, наипаче надлежало испытовать Философамъ, нежели дерзко невинную обвинять фортуну: которая хотябы и была, однако ничего они не могутъ показать, для чего бы къ людемъ толь была враждебна, какъ о ней думаютъ. Того ради всѣ оныя рѣчи, которыми жестокость фортуны терзаютъ, собою и своимъ мужествомъ противъ фортуны надменно хвастаютъ,

ютъ, не что иное суть, какъ дурачества безразсуднаго легкомыслія. Того ради пускай не завидятъ намъ, которымъ Богъ открылъ истинну, которые, какъ знаемъ, что фортуна есть ни что, такъ вѣдаемъ, что есть злый и лукавый духъ, непріятель добрымъ, и врагъ правды, который противно Богу дѣлаетъ: котораго зависти причину я въ другой книгѣ показалъ. И такъ онъ навѣтуетъ всѣмъ; но тѣмъ, которые не знаютъ Бога, заблужденіемъ препятствуетъ, ихъ безуміемъ обременяетъ, тмою окружаетъ, дабы не могли пріити къ познанію имени Божія, въ которомъ единомъ содержатся и мудрость и жизнь вѣчная. А на тѣхъ, которые Бога знаютъ, лестію и хитростію устремляется, дабы вожделѣніемъ и похотію ихъ уловить, и грѣховною приманкою развративъ, привесть къ смерти: а ежели лестію ничего не успѣваетъ, то насильствомъ низвергнуть тщится. Того бо ради въ началѣ преступленія своего тотъ часъ въ мѣстѣ казни отъ Бога незаключенъ, дабы человѣка злобою своею обучалъ къ добродѣтели: которая ежели не будетъ имѣть поощренія, ежели всегдашнимъ озлобленіемъ не будетъ укрѣпляема, то не можетъ быть совершенною: ибо добродѣтель есть въ понесеніи зла крѣпкимъ и непобѣдимымъ терпѣніемъ. Того ради ни единой добродѣтели не будетъ, ежели противника не будетъ. И такъ сея пагубной власти зная силу, добродѣтели противную, а имени невѣдая, фортуны названіе пустое себѣ вымыслили: и сіе сколь удалено отъ истинны, показываетъ

Юве-

Ювеналъ сими стихами: ежели разсмотрѣть благоразумно, то ты никакого божества неимѣешъ, но мы тебя, фортуна! почитаемъ богинею, и на небѣ поставляемъ. И такъ безуміе и заблужденіе, и слѣпота, и (какъ Цицеронъ говоритъ) незнаніе вещей и причинъ, натуры и фортуны имена ввело. Но какъ противника своего не знаютъ, такъ и добродѣтели не вѣдаютъ которой, знаніе, отъ знанія противника происходитъ. Которая ежели совокуплена съ мудростію, или (какъ они говорятъ) тажъ самая есть мудрость: слѣдовательно не знаютъ, въ чемъ она состоитъ. Ибо ни кто не можетъ настоящимъ оружіемъ вооружаться, ежели непріятеля, противъ котораго вооружаться должно, не знаетъ: ни противника побѣдить, который въ сраженіи не истиннаго врага, но тѣнь поражаетъ. Ибо пораженъ будетъ тотъ, который инуда устремясь не предъусматривалъ удара стремящагося на его утробу, и не берегся онаго.

ГЛАВА 30.

Заключение, въ которомъ показываетъ, какъ преходитъ должно отъ суеты Философской къ истинной мудрости, то есть къ Слову Божію, въ которомъ одномъ истинна находится, и добродѣтель и блаженство: и отъ реченнаго къ слѣдующему переходитъ.

Показалъ я, сколько могъ, что Философы шли путемъ удаленнымъ отъ истинны: однако чувствую, что я весьма много пропустилъ, понеже я не располагался особенное противъ Философовъ дѣлать стязаніе: но того должно было коснуться, дабы показать, что толь многіе и великіе умы въ вещахъ ложныхъ потеряны, дабы кто отъ ложныхъ вѣръ отступивши, не присталъ къ Философамъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы найти истинну. И такъ одна надежда человѣку, одно спасеніе въ семъ ученіи, которое мы защищаемъ, состоитъ. Вся мудрость человѣческая въ семъ одномъ заключается, дабы бога познать и почитать. Сей есть нашъ догматъ, сіе мнѣніе. И такъ сколько могу свидѣтельствую, провозглашаю, проповѣдую. Сіе есть то, чего Философы всѣ чрезъ все житіе свое искали, однако никогда изслѣдовать, понять, найти не могли: понеже или не правую вѣру содержали, или всѣ вовся истребили. И такъ да престанутъ всѣ оные, которые житіе человѣче-

вѣческое не наставляютъ, но смущаютъ. Ибо чему учатъ? или кого наставляютъ тѣ, которые себѣ самихъ не наставили? кого врачевать больные, кого руководствовать слѣпые могутъ? и такъ сюда всѣ мудрости ищущіи приступимъ. Будемъ ли ждать, покуда Сократъ что нибудь познаетъ? или Анаксагоръ свѣтъ во тмѣ найдетъ? или Демокритъ истинну изъ колодезя извлечетъ? или Емпедоклъ разширитъ ума своего стези? или Арцезилай и Карнеадъ увидятъ, почувствуютъ, поймутъ? вотъ гласъ съ небеси истинны учащій, и намъ солнца самаго блистательнѣе свѣтъ показующій. Почто сами себѣ дѣлаемъ обиду? и мудрость принять медлимъ, которыя ученые люди потерявши въ исканіи свои лѣта никогда найти не могли? Кто хочетъ мудрымъ и блаженнымъ быть, пускай слушаетъ гласа божія, пускай учится правдѣ, пускай тайну рожденія своего познаетъ; пускай человѣческое презираетъ, божественное пріемлетъ, дабы высочайшее оное добро, для котораго родился, могъ получить. Разрушивъ вѣры всѣ, и все, что въ ихъ защищеніе или обыкновенно предлагается, или что можно сказать, опровергнувъ, потомъ изобличивъ Философскія ученія, къ истинной вѣрѣ и мудрости намъ приступить должно: понеже, какъ я покажу, обое то совокуплено, дабы мудрость или доказательствами, или примѣрами, или приличными свидѣтельствами утвердить; и показать, что безуміе, которое намъ оные боговъ почитатели непрестанно противополагаютъ,

ютъ, остается все при нихъ, а не при насъ. И хотя въ первыхъ книгахъ, когда ложныя обличалъ вѣры, и здѣсь, когда ложную опровергалъ мудрость, показалъ, гдѣ находится истинна: однако яснѣе того слѣдующая книга покажетъ, которая вѣра, и которая мудрость истинная.

Конецъ третьей книги.

Л. Ц. ЛАКТАНЦІЯ ФИРМІАНА.

БОЖЕСТВЕННЫХЪ НАСТАВЛЕНІЙ ПРОТИВЪ ЯЗЫЧНИКОВЪ КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ, ВЪ КОТОРОЙ ПОКАЗЫВАЕТСЯ, КОТОРАЯ ВѢРА, И КОТОРАЯ МУДРОСТЬ ИСТИННАЯ ЕСТЬ.

ГЛАВА I.

Какъ одного вѣка заблужденіе на всѣ вѣки распространилось, и весь свѣтъ объяло: и Греція послѣ седьми мудрецовъ позжелала изыскивать истинну, и искатели мудрости позжелали паче любомудрцами, нежели мудрецами называться.

Когда я помышляю, и умомъ моимъ часто разбираю первое оное рода человѣческаго состояніе, то и удивительнымъ и негодованія достойнымъ дѣломъ мнѣ кажется, что безуміемъ единаго вѣка разныя вѣры пріемлющаго, и Боговъ многихъ признавающаго, въ такое себе самихъ незнаніе скоро всѣ пришли, что потерявъ изъ очей истинну, ни вѣры въ истиннаго Бога, ни людскости не сохранили: понеже люди высочайшаго добра не на небѣ, но на земли искали, для сея причины поистиннѣ благополучіе древнихъ вѣковъ премѣнилось: ибо на-

чали оставивши отца и создателя всѣхъ Бога, нечувственная рукъ своихъ дѣла почитать. И сіе развращеніе что зделало? какое зло причинило: дѣло самое показываетъ? понеже отвратившись отъ высочайшаго добра, которое потому блаженно и вѣчно есть, понеже его видѣть, осязать, и понять не можно: и отъ добродѣтелей оному добру приличныхъ, которыя равно безсмертны, къ тлѣннымъ и немощнымъ Богамъ уклонились, и ища тѣхъ вещей, которыми одно тѣло украшается, питается, услаждается: смерть себѣ вѣчную съ Богами и съ благими тѣлесными приобрѣли; понеже всякое тѣло смерти подвержено. И такъ послѣдовала такой вѣрѣ неправда и нечестіе, какъ и необходимымъ то дѣломъ было. Ибо престали лице свое къ небу возносить, но внизъ умы человѣческіе поникши, къ земнымъ и вѣрамъ и благимъ прилѣпились. Послѣдовало несогласіе рода человѣческаго, и лесть, и всякое беззаконіе: понеже презрѣвъ вѣчная и нетлѣнная благая, которыхъ единственно люди должни желать; времянныхъ и краткихъ возжелали; и большая къ злу вѣра была, которые неправое паче праваго, понеже ближайшимъ было, почтили. Такимъ образомъ человѣческое житіе въ прежніе вѣки въ блистательнѣйшемъ свѣтѣ пребывающее, мракъ и тма постигла: и какъ сему развращу прилично было, когда уже мудрости нестало, тогда люди имя мудрецовъ присвоивать себѣ стали, а тогда никто мудрецомъ неназывался, когда всѣ мудрыми были. И о когдабы имя оное

об-

общимЪ нѣкогда бывшее, и не многимЪ присвоенное силу свою не потеряло. Ибо можетЪ быть моглибЪ малочисленные оные или важностію, или всегдашними увѣщаніями свободить людей отЪ пороковЪ и заблужденій. Но такЪ совсѣмЪ мудрость оскудѣла, какЪ изЪ самаго надменнаго имени видимЪ, что никто изЪ тѣхЪ, которые мудрыми назывались, мудрымЪ не былЪ, однако прежде нежели сія называемая Философія была изобрѣтена, было седьмь мужей, которые, понеже прежде всѣхЪ о вещахЪ натуральныхЪ изыскивать и разглагольствовать отважились, мудрецами почитаться и называться удостоились. О бѣдный и нещастный вѣкЪ! вЪ которомЪ во всѣмЪ свѣтѣ только седьмЪ было, которые человѣческимЪ именемЪ назывались. Ибо никто не можетЪ по справедливости человѣкомЪ называться, кромѣ мудраго: но ежели прочіе всѣ кромѣ ихЪ безумными были, то и они мудрыми не были; понеже никто истинно мудрымЪ быть не можетЪ по разсужденію безумныхЪ. Толь то удалена была отЪ нихЪ мудрость, что и потомЪ, когда возрасло ученіе, и многіе и великіе умы о семЪ самомЪ всегда старались, не могли усмотрѣть и понять истинны. ибо послѣ оныхЪ седьми мудрецовЪ невѣроятно, коликимЪ желаніемЪ ко взысканію истинны Греція вся воспламенилась, и вопервыхЪ самое имя мудрости надменнымЪ почли, и себе не мудрецами, но любителями мудрости назвали: симЪ и оныхЪ, которые безразсудно мудрецами себя называли, заблужденіе и безуміе обличили, и

свое собственное незнаніе, вЪ которомЪ и признавались. Ибо гдѣ только природы вещей умомЪ своимЪ не понимали, не могши нѣкотораго дать отвѣта, обыкновенно признавались, что ничего не знаютЪ, ни чего не видятЪ; по сему несравненно мудрѣйшими были, которые себе нѣсколько познали, нежели тѣ, которые почитали себя мудрецами.

ГЛАВА 2.

Что тамЪ должно искать мудрости, гдѣ язычникомЪ есть безуміе: и для чего ПиѳагорЪ и ПлатонЪ ученія искатели неприступили кЪ ІудеемЪ.

Того ради ежели и тѣ не были мудрыми, которые мудрецами назывался, и послѣ ихЪ бывшіе, которые незнаніе свое признавали, то остается намЪ вЪ иномЪ мѣстѣ искать мудрости; понеже тамЪ, гдѣ ея искали, ненашли. Какая же тому была причина, что толь многіе умы, чрезЪ толь многіе лѣта, сЪ превеликимЪ желаніемЪ и трудомЪ ища мудрости не нашли оной? не иная какЪ только, что Философы ея внѣ предѣловЪ оныя искали: которые понеже прошедши и испытавши все нигдѣ никакой мудрости не обрѣли: необходимо же гдѣ нибудь оной быть должно: то видно, что тамЪ ея наипаче должно искать, гдѣ невѣжество видимЪ, котораго подЪ покровомЪ БогЪ сокровище мудрости и истинны скрылЪ,

дабы

дабы тайна его божественнаго дѣла не была явна: почему обыкновенно удивляюся, что Пиѳагоръ, а потомъ Платонъ воспламенясь любовію къ изысканію истинны, странствовали въ Египтѣ, у Волхвовъ и Персовъ дабы тѣхъ народовъ обряды и священнослуженія познать; ибо догадывались, что мудрость въ вѣрѣ состоитъ; къ Іудеемъ однако не пришли, которые одни только тогда мудрыми были: и куда удобнѣе достигнуть они могли. Но отвращены, думается мнѣ, они были Божіимъ промысломъ, дабы не могли знать истинны: понеже не время еще было, дабы язычники познали благочестіе истиннаго Бога и правду. Ибо опредѣлилъ Богъ въ послѣднее время вожда великаго съ небесъ послать: дабы оныя у вѣроломнаго и неблагодарнаго народа отнявъ внѣшнимъ народамъ онъ отрылъ. О семъ я въ сей книгѣ предпринимаю разглагольствовать, показавши первѣе, что мудрость съ вѣрою такъ крѣпко соединяется, что раздѣлиться одно отъ другаго не можетъ.

ГЛАВА 3.

Что мудрость и вѣра нераздѣльно и крѣпко соединяется: и что должны быть тѣжь самые а не иные тайнники мудрости, и Божіи священники. И для чего противъ натуры поставляется почитать многихъ боговъ. И какъ по природѣ долженъ быть всякому единъ господинъ, такъ и отецъ единъ.

Показалъ я въ первой книгѣ, что почитаніе боговъ не имѣетъ мудрости, не только потому, что человѣка божественное животное земнымъ и немощнымъ подвергаетъ, но и что тамъ не разглагольствуютъ о способствующемъ къ исправленію нравовъ и наставленіи житія, и не имѣетъ никакого испытанія о истиннѣ, но только обрядъ почитанія, который состоитъ не въ служеніи душевномъ но телесномъ. И того ради оной вѣры не должно за истинную почитать: понеже правдѣ и добродѣтели не научаетъ, и лучшими не дѣлаетъ. Того ради Философія поелику истинной вѣры, то есть высочайшаго благочестія не имѣетъ, не есть истинная мудрость. Ибо ежели Богъ управляющій міръ сей, несказаннымъ благодѣяніемъ родъ человѣческій содержитъ, и какъ бы отеческою милостію сохраняетъ, то хощетъ, дабы его благодарили и почитали. И не можетъ человѣкъ быть благочестивымъ, ежели въ разсужденіи небесныхъ благодѣяній будетъ не благодар-

годарнымЪ, ибо сіе дѣло не есть знакомЪ мудраго. И поелику, (какЪ я сказалЪ) Философія и вѣра боговЪ между собою раздѣлены; ибо иные суть учителями мудрости, которые кЪ богамЪ не приводятЪ: иные первосвященниками вѣры, которые мудрости не учатЪ: то видно, что оная не есть истинною мудростію, и сія истинною вѣрою, того ради и Философія не могла истинны постигнуть, и вѣра отвѣта о себѣ, котораго не имѣетЪ, дать. А гдѣ мудрость сЪ вѣрою нераздѣльнымЪ союзомЪ соединяется, тамЪ обое всенепремѣнно истиннымЪ быть должно, понеже и вЪ почитаніи мы мудрствовать должны, то есть знать, что намЪ, и какимЪ образомЪ должно почитать; и вЪ мудрости почитать, то есть, вещію и дѣломЪ, что знаемЪ, исполнять. Гдѣ же мудрость сЪ вѣрою соединяется? тамЪ гдѣ единаго Бога почитаютЪ, гдѣ житіе и всѣ дѣйствія кЪ единой главѣ, и кЪ единому концу относятся притомЪ тѣжЪ самые суть учителями мудрости, которые и священниками божіими. И да не смущается кто, понеже не рѣдко было и быть можетЪ, что какій либо ФилософЪ пріиметЪ боговЪ священство. Сіе хотя и бываетЪ, однако не соединяется Философія сЪ вѣрою: понеже и Философія при священнослуженіи остается безЪ дѣйствія: и вѣра, когда Философіи преподавается. Ибо оная вѣра есть безсловесная не только потому, что безсловесныхЪ она есть вѣрою, но и потому, что обряды ея вЪ рукахЪ и перстахЪ, а не вЪ серд-

сердцѣ или языкѣ, какъ наша истинная состоитъ. Того ради и въ мудрости вѣра, и въ вѣрѣ мудрость находится. Слѣдовательно одно отъ другаго раздѣлится не можетъ: понеже мудрствовать не что иное есть, какъ Бога истиннаго праведно и благочестно почитать. А что многихъ боговъ почитаніе не есть по природѣ, и симъ доводомъ доказать можно: всякаго Бога отъ человѣкъ почитаемаго при священныхъ обрядахъ и моленіяхъ должно отцемъ называть, не только изъ почтенія, но и по благоразумію: понеже онъ и древнѣе человѣка, и что онъ жизнь, здравіе и пищу подаетъ, какъ отецъ. Того ради и Юпитеръ отъ молящихся называется отцемъ, и Сатурнъ, и Янусъ, и Либеръ, и прочіе; чему Луцилій въ собраніи боговъ смѣется! Нѣтъ ни одного изъ насъ, который не былъ бы отцемъ, какъ отецъ Нептунъ, отецъ Либеръ, отецъ Сатурнъ, Марсъ, Янусъ, отецъ Квиринъ всѣ до единаго отцами называемся. И ежели природа нетерпитъ, дабы единаго человѣка многіе были отцами (отъ единаго бо раждается) слѣдовательно и боговъ многихъ почитать есть противъ природы и противъ благочестія. И такъ единаго почитать должно, который можетъ истиннымъ отцемъ именоватся. Онъ же и Господемъ быть долженъ, понеже какъ можетъ миловать, такъ можетъ и обуздовать. Отцемъ для того называть его должно, понеже намъ многая и великая даруетъ: господемъ потому, понеже исправлять и наказывать людей имѣетъ высочайшую власть: а что

той·

тойже есть господь, который и отецъ, сіе и гражданское право показуетъ. Ибо ктобъ могъ дѣтей воспитывать, ежелибы не имѣлъ надъ ними власти господства? и по достоянію дому владыкою называется, хотя дѣтей только однихъ имѣетъ: ибо имя отца содержитъ и рабовъ, понеже за домомъ слѣдуетъ; и имя дома содержитъ и дѣтей: понеже отецъ предваряетъ. Откуда, что той же есть видно и отцемъ рабовъ, и господиномъ дѣтей. Ктомужъ и сынъ: уволняется какъ рабъ; и рабъ увольненый питомца имя принимаетъ какъ сынъ, а ежели того ради дому владыкою именуется дабы, извѣстно было, что двоякую имѣетъ власть, понеже и миловать долженъ, поелику отецъ, и обуздовать поелику господинъ есть: слѣдовательно рабъ тожъ есть что и сынъ, и господинъ, тоже что и отецъ. И такъ по необходимости природы единъ только отецъ, такъ и господинъ есть единъ. Ибо что станетъ дѣлать рабъ, ежели многіе господа различное будутъ ему повелѣвать? слѣдовательно противно уму и противно природѣ почитаніе многихъ Боговъ; понеже ни отцами многіе быть не могутъ, ни господами; а Боговъ и отцами и господами называть должно. Слѣдовательно не можно сохранить правды, гдѣ единъ человѣкъ многимъ отцамъ и господамъ подверженъ, гдѣ умъ на различное раздѣленъ будучи сюда и туда бродитъ. И не можетъ вѣра никакой имѣть крѣпости, ежели извѣстнаго и постояннаго основанія не имѣетъ. Слѣдовательно почита-

читанiи Боговъ истинными быть не могутъ такъ, какъ супружество не можетъ назваться, ежели жена многихъ мужей имѣетъ, но или блудницею или прелюбодѣйцею будетъ именоваться. Ибо которая стыда, чистоты и вѣрности не имѣетъ, та и добродѣтели не имѣетъ: такъ и вѣра Боговъ нечиста: понеже вѣры не имѣетъ, понеже честь оная непостоянная и неизвѣстная главы и начала не имѣетъ.

ГЛАВА 4.

Что мудрость надлежитъ къ сыномъ, вѣра къ рабамъ, и обоихъ источникъ Богъ единъ истинный, который неблагодарнаго оставляетъ сына, и бѣглаго казнитъ раба.

Изъ сего видно, сколь между собою соединены мудрость и вѣра; мудрость принадлежитъ къ дѣтемъ, понеже требуетъ любви: вѣра къ рабамъ, которая требуетъ страха, ибо какъ дѣти отца любить должны и почитать, такъ раби господина почитать и бояться. А Богъ единъ будучи, понеже оба лица содержитъ и отеческое и господское, то и любить его долженствуемъ, поелику мы дѣти, и бояться, поелику рабы. Слѣдовательно не можетъ ни вѣра отъ мудрости разлучиться, ни мудрость отъ вѣры, понеже тойже Богъ познаваемъ быть дол-

долженъ; что есть знакомъ мудрости: и почитаемь, что дѣломъ есть. Но мудрость предшествуетъ, вѣра послѣдуетъ: понеже первымъ дѣломъ есть Бога знать; послѣдующимъ почитать. Такимъ образомъ въ двухъ именахъ едина сила есть, хотя различными быть кажутся, ибо первое состоитъ въ разумѣніи, второе въ дѣйствіи: но однако подобны суть двумъ потокамъ отъ единаго источника истекающимъ. А источникомъ мудрости и вѣры Богъ есть: отъ котораго сіи два потока ежели потеряютъ свое стремленіе, не премѣнно изсохнутъ: и незнающіе его ни мудрыми ни вѣрными быть не могутъ. По сему Философы и Боговъ почитающіе подобны суть или дѣтямъ отъ наслѣдства отрѣшеннымъ, или рабамъ бѣглымъ: понеже ни тѣ отца не ищутъ, ни сіи господина: и какъ отрѣшенные отъ наслѣдства дѣти, наслѣдства отцовскаго не получаютъ, и бѣглые рабы свобожденія отъ казни: такъ и Философы безсмертія не получатъ, которое есть царствія небеснаго наслѣдіе, то есть высочайшее добро, котораго они наипаче ищутъ; ни почитатели боговъ казни вѣчной смерти не избѣгнутъ, которое есть наказаніе истиннаго Господа противъ бѣглыхъ рабовъ его величества и имени. Ибо что Богъ есть отецъ и Господь, оба не знали, какъ почитатели боговъ, такъ и самые учители мудрости: понеже или думали, что ничего не должно почитать, или вѣры ложныя утверждали: или хотя силу и власть высочайшаго Бога разумѣли, какъ то Платонъ,

тонЪ, который говоритЪ, что единЪ есть Создатель мира БогЪ: и МаркЪ Туллій, который признаетЪ, что человѣкЪ изящнымЪ нѣкоторымЪ образомЪ отЪ высочайшаго Бога рожденЪ: однако Богу должной чести, такЪ какЪ высочайшему отцу не воздавали, что и слѣдовало и долженствовало. А что боги ни отцами ни господами быть не могутЪ, не только то, что ихЪ много (какЪ выше я показалЪ) но и самой разсудокЪ показываетЪ, понеже боги и человѣка не создали, и сами они древностію человѣческаго рода не превосходятЪ: понеже были на земли люди прежде, нежели ВулканЪ, и ЛиберЪ, и АполлинЪ, и самЪ ЮпитерЪ родились. Но ни Сатурну созданіе человѣка, ни небу отцу его не приписывается; а ежели никто изЪ почитаемыхЪ боговЪ изЪ начала не создалЪ человѣка, слѣдовательно ни единЪ изЪ нихЪ отцемЪ человѣку, и богомЪ назваться не можетЪ. И потому не должно почитать тѣхЪ, которые не родили человѣка, понеже человѣкЪ отЪ многихЪ и родиться не можетЪ. Слѣдовательно единаго должно почитать, который Юпитера, Сатурна, неба самаго и земли древнѣе. Той бо человѣка создалЪ, который прежде человѣка небо и землю совершилЪ. Единаго отцемЪ называть должно, который сотворилЪ: единаго ГосподемЪ называть, который управляетЪ, который имѣетЪ живота и смерти прямую и вѣчную власть. которому кто не покланяется, тотЪ и безумнымЪ есть рабомЪ, поелику отЪ Господа своего или удаляется, или его не признаетЪ; и

нечестивымЪ сыномЪ, который своего отца или не навидитЪ или не знаетЪ.

ГЛАВА 5.

Что предсказаніе пророковЪ прилѣжно должно разсматривать, которые отЪ Бога научены будучи говорили, какЪ вещей много прежде предсказанныхЪ событіе показываетЪ. И вЪ которое время пророчествовалЪ Моисей: сколько лѣтЪ управлялЪ народомЪ Іисусъ: сколько лѣтЪ начальствовали Судіи: какЪ долго царствовали Цари: вЪ которое время владѣлЪ КирЪ: какое вЪ пророкахЪ есть основаніе мудрости.

Тепeрь понеже показалЪ я, что мудрость и вѣра не могутЪ быть раздѣлены, остается о самой вѣрѣ и мудрости поговорить. Знаю я, сколько есть трудно о вещахЪ небесныхЪ разглагольствовать; но однако отважиться должно, дабы по изЪясненіи открылась истинна, и многіе отЪ заблужденія и погибели свободились; которые оную подЪ покровомЪ буйства скрывающуюся презираютЪ и отвергаютЪ. Но прежде нежели начну о Богѣ и о дѣлахЪ его говорить, должно нѣсколько о пророкахЪ сказать, которыхЪ свидѣтельства нынѣ употреблять надлежитЪ: чего я вЪ первыхЪ книгахЪ не дѣлалЪ. Прежде сего желающій истинну

ну постигнуть не только долженъ стараться о уразуменіи речей пророческихъ, но и времена, въ которые кто былъ изъ нихъ, наиприлежнейше испытывать, дабы зналъ, и что будущее предсказали, и по прошествіи коликихъ летъ предсказанное исполнилось. И въ уразуменіи сего нетъ никакой трудности. Ибо свидетельствовали, при которомъ царе былъ кто духомъ Божіимъ вдохновенъ. И многіе о временахъ книги написали, начиная отъ пророка Моисея, который жилъ прежде Троянской войны безмала за девять сотъ летъ, онъ сорокъ летъ народъ управляя, наследника имелъ Іисуса, который двацать и семь летъ имелъ начальство. Потомъ подъ Судіями были Іудеи чрезъ триста седмдесятъ летъ. Потомъ пременивъ правленіе, Царей иметь начали, при которыхъ владеніи чрезъ четыре ста шездесятъ летъ даже до царства Седекіина, завоеваны отъ Царя Вавилонскаго и пленены будучи Іудеи, въ долговремянной неволе были, покуда седмдесятъ летъ спустя после того, Киръ старшій плененныхъ Іудеевъ въ землю и домы свои отпустилъ: который въ то время въ Персіи воцарился, когда въ Риме царствовалъ Тарквиній гордый: того ради понеже весь порядокъ временъ изъ Іудейскихъ и Греческихъ и Римскихъ исторій познавается, то и всехъ Пророковъ времена познать можно: изъ которыхъ последнимъ былъ Захарій, о которомъ известно, что онъ при Даріе Царе втораго года царства Даріева осьмаго месяца пророчествовалъ. Толь то пророки древнее Греческихъ писа-

писателей. Сіе все для того я предлагаю, дабы заблужденіе свое познали, которые обличають Священное Писаніе какЪ бы новое, и вновь вымышленное: не вѣдая, изЪ котораго источника вѣры святыя начало проистекло. А ежели кто сличивЪ и разсмотрѣвЪ времена, основаніе ученія твердо положитЪ, тотЪ и истинну совершенно постигнетЪ, и заблужденіе, познавши истинну, отринетЪ.

ГЛАВА 6.

Что БогЪ создатель всяческихЪ всесемогущаго родилЪ сына, и имЪ создалЪ всяческая. Свидѣтели суть Сивилла, Трисмегистъ; и прорицанія согласная пророкамЪ, и премудрому Соломону

И такЪ БогЪ изобрѣтатель и создатель вещей, какЪ во второй книгѣ сказалЪ я, прежде нежели сіе изящное дѣло началЪ, святаго и нетлѣннаго и непорочнаго духа родилЪ, которого сыномЪ назвалЪ. И хотя иныхЪ бесчисленныхЪ имЪ сотворилЪ, которыхЪ Ангелами называемЪ, сего однако единаго перворodного божественнымЪ именемЪ почтилЪ, отеческую силу и величество имѣющаго. А что всевышній БогЪ имѣетЪ сына всесильнаго, не только единогласіе пророковЪ, но и сказаніе Трисмегистово, и прорицанія СивиллЪ показываютЪ. Ермій вЪ той книгѣ, которая называется слово совершенное, такЪ говоритЪ:

Господь всяческихъ Творецъ, котораго Богомъ называемъ, втораго Бога произвелъ видимаго и чувственнаго. Чувственнымъ же называю не потому, аки бы онъ чувствуетъ: ибо сіе неизвѣстно, чувствуетъ ли онъ: но понеже онъ посылаетъ чувство и мысль. По произведеніи сего единаго показался онъ ему благолѣпнымъ и всѣхъ благъ наполненнымъ, освятилъ и возлюбилъ его какъ собственнаго сына. Сивилла Ериѳрійская, въ началѣ стиховъ своихъ, которыя отъ всевышняго Бога начала, сына Божія вождя и повелителя всѣхъ сими стихами проповѣдуетъ: всѣхъ питатель и создатель сладкаго духа всѣмъ предложилъ, и начальника надъ всѣми Богами сотворилъ. И паки въ концѣ тѣхъ же стиховъ: Его повелѣлъ вѣрнымъ людемъ почитать. И другая Сивилла повелѣваетъ, дабы сего единаго признавали, самаго твоего познай Бога, который сынъ Божій есть. То есть оный есть сынъ Божій, который чрезъ Соломона премудраго Царя, духа Божія исполненнаго, сказалъ сіе: Господь созда мя начало путей своихъ въ дѣла своя: прежде вѣкъ основа мя: вначалѣ прежде неже землю сотворити, и прежде бездны содѣлати, прежде неже произыти источникомъ водъ, прежде неже горамъ водрузитися, прежде всѣхъ холмовъ раждаетъ мя, Господь сотвори страны и земли и ненаселяемыя, и концы населенныя поднебесныя. Егда готовяше небо съ нимъ бѣхъ, и егда отлучаше престолъ свой на вѣтрѣхъ; и егда крѣпки творяше вышнія облаки, и егда тверды полагаше источники поднебесныя, и

егда полагаше морю предѣлъ его, да воды не мимо идутъ устъ его, и крѣпка творяше основанія земли, бѣхъ при немъ устрояя: азъ бѣхъ, о нейже радовашеся, на всякъ же день веселихся предъ лицемъ его на всяко время, егда веселяшеся вселенную совершивъ. Ибо для того Трисмегистъ художникомъ Божіимъ назвалъ, и Сивилла совѣтникомъ называетъ, понеже такую мудрость и силу имѣетъ отъ Бога отца, что и совѣта его и дѣйства употребилъ въ созиданіи міра.

ГЛАВА 7.

Что имя Сына и Ангеломъ и людемъ неизвѣстно есть, хотя имя имѣетъ отъ Ангеловъ и человѣкъ поклоняемое: и почему называется Іисусъ, и почему Христосъ

Можетъ быть вопроситъ кто либо здѣсь: кто есть оный толь сильный, толь Богу любезный, и какое имя имѣетъ, который рожденіемъ своимъ не только предварилъ міръ, но и разумомъ устроилъ силою соорудилъ. Вопервыхъ знать намъ должно, что имя его и Ангеламъ пребывающимъ на небеси неизвѣстно, но только ему единому и Богу отцу, и не прежде оное имя откроется, какъ въ священномъ писаніи написано, покуда строеніе Божіе исполнится. Во вторыхъ, что языкъ человѣческой изрещи не можетъ,

 какъ

какъ учитъ Ермій, такъ говоря: сія вины вина есть Бога благаго хотѣніе, котораго имя не можно человѣческимъ языкомъ изрещи. И мало послѣ къ сыну! „ Есть о сыне тайное нѣ„ кое Слово мудрости освященное отъ единаго Господа, о которомъ сказать человѣкъ „ не можетъ. „ Но хотя имени его, которымъ его въ началѣ Отецъ всевышній нарекъ, никто иный кромѣ его самого не знаетъ, однако имѣетъ и у ангеловъ иное названіе, и у людей иное. Понеже Іисусомъ отъ людей именуется. Ибо Христосъ не собственное имя есть, но названіе власти есть и царства. Понеже Іудеи такимъ образомъ царей своихъ называли. Но изъяснить должно сего имени вину ради заблужденія незнающихъ, которые премѣнивши письмена Хрестомъ его называютъ. Прежде было Іудеемъ повелѣно, дабы священный елей составляли ради помазанія тѣхъ, которые избираемы были на священство. И какъ нынѣ у Римлянъ порфира знакомъ есть царскаго достоинства полученнаго, такъ у нихъ помазаніе священнымъ елеемъ имя и честь царскую на знаменовало. Но понеже древніе Греки Хріесте называли помазаніе, которое нынѣ называется Алифесте, какъ показываетъ оный Омировъ стихъ, Αυτους δε δμωαι λοῦσαν καὶ χρῖσαν ελαίῳ: но ихъ рабыни омыли и помазали елеемъ. Для сей причины мы его Христомъ называемъ, то есть помазаннымъ, который по Еврейски называется Мессіею. Посему въ нѣкоторыхъ Греческихъ книгахъ, которые худо съ Еврейскихъ переведены, Илимме-

меносъ то есть помазаніемъ уврачеванный пишется отъ Алифесте. Но однако обоими нами царь означается, не потому, будто бы онъ царство сіе земное получилъ, которое принять еще время не приспѣло, но что получилъ царство небесное и вѣчное, о которомъ буду говорить въ послѣдней книгѣ, а теперь о первомъ его рожденіи скажу.

ГЛАВА 8.

Что Сынъ дважды рожденъ, предвѣчно отъ отца, временно отъ дѣвы матери, но рожденіемъ недомысленнымъ и несказаннымъ: и для чего называется Словомъ: и въ чемъ отъ иныхъ ангеловъ разнствуетъ: и для чего ангели не называются словомъ или словами Божіими: и для чего человѣческій духъ есть разрушаемъ: и что Давидъ и Соломонъ пророчествовали о семъ Словѣ. Что Соломонъ жилъ прежде Троянской войны. И что Іоаннъ Евангилистъ о семъже Словѣ.

Вопервыхъ утверждаю, что онъ дважды рожденъ, по духу и по плоти. Посему Іеремія такъ говоритъ: „Прежде неже мнѣ со„здати тя во чревѣ, познахъ тя:„ Ибо блаженнымъ былъ прежде нежели родился: и сіе сыне никому иному не приличествуетъ, какъ только Христу, который будучи въ началѣ сыномъ Божіимъ, рожденъ паки по плоти. Сіе

двоякое его рожденіе великое причинило умамъ человѣческимъ заблужденіе, и омрачило и тѣхъ, которые истинныя вѣры тайну знали. Но я сіе явно и ясно покажу, дабы любители мудрости удобнѣе и тщательнѣе были наставлены. Всякъ слышащій имя Сына Божія пускай не помышляетъ толь беззаконно въ умѣ, будто отъ супружества или совокупленія съ женою нѣкоею Богъ родилъ: ибо такъ рождаетъ только животное тѣлесное и смерти подлежащее. А Богъ единъ пребывая, съ кѣмъ моглъ совокупиться? Или такой будучи силы, что все, чтобы только ни восхотѣлъ, здѣлаетъ, къ рожденію помощи ни чьей не требовалъ. Развѣ только думать будемъ такъ, какъ Орфей, будто Богъ имѣетъ два пола мужескій и женскій: понеже инако родить не моглъ бы, ежелибъ не имѣлъ силъ обоего пола: будтобы или самъ съ собою совокупился, или безъ совокупленія не моглъ родить. Но и Ермій въ семъ же былъ мнѣніи, когда называетъ Автопатора (самоотчимъ) и Автомитора (самоматернимъ) ежели бы сіе такъ было, то какъ отъ пророковъ отцемъ называется, такъ назывался бы и матерію. Какъ же онъ родилъ? Вопервыхъ никто не можетъ ни знать ни сказать дѣлъ Божіихъ, но однако Священное Писаніе учитъ, въ коемъ дано знать, что онъ есть Сынъ Божій, и Божіе Слово: также, что прочіе Ангели Божіи суть духи. Ибо слово есть духъ со гласомъ нѣчто значущимъ произнесенный, но однако, понеже духъ и слово различными частьми произносят-

ся,

ся, понеже духъ изъ ноздрей, слово изъ устъ происходитъ, потому великое между симъ Божіимъ Словомъ и протчими Ангелами есть различіе, ибо Ангели отъ Бога молчащими духами произошли, понеже не къ предподаянію ученія Божія но къ служенію Божію созданы: а Сынъ Божій хотя и самъ есть духъ, однако съ гласомъ и звукомъ отъ устъ Божіихъ произшелъ, какъ слово, для сея причины, понеже Богъ гласа его къ народу имѣлъ употребить, то есть, что онъ имѣлъ быть наставникомъ ученія Божія, и небесную тайну къ людемъ принесть. Сіе самое Слово въ началѣ Богъ возглаголалъ, дабы чрезъ него къ намъ глаголать, и дабы онъ гласъ и волю Божію намъ открылъ. И такъ достойно словомъ и глаголомъ Божіимъ называется: понеже Богъ происходящаго изъ устъ своихъ гласнаго духа, котораго не во чревѣ но въ умѣ зачалъ, недомыслимою нѣкоторою величества своего силою по образу собственный умъ и мудрость имѣющему произвелъ, а иныхъ духовъ Ангелами изобразилъ. Нашъ духъ есть разрушаемый; понеже мы смертны: Божіи же духи и живутъ и пребываютъ и смыслятъ: понеже Богъ безсмертенъ и смысла и жизни есть датель: наши гласы хотя съ воздухомъ смѣшиваются и исчезаютъ: однако писменами изображенныя всегда пребываютъ: кольми паче вѣровать должно, что гласъ Божій и пребываетъ во вѣки, и чувство и силу имѣетъ, которую отъ Бога отца, какъ потокъ отъ источника принялъ. А ежели кто удив-

вляется, что Богъ отъ Бога произнесеніемъ гласа и духа могль родиться: тотъ, ежели священная пророческая писанія познаетъ, по истиннѣ престанетъ удивляться. Извѣстно сіе изъ Священнаго Писанія не знающимъ, что Соломонъ и отецъ его Давидъ наисильнѣйшими царями и пророками были: о чемъ думаю и тѣмъ извѣстно, которые Священнаго Писанія никогда не касались: изъ коихъ другій, то есть Соломонъ, который послѣ царствовалъ, жилъ прежде разоренія Трои за сто сорокъ лѣтъ. Его отецъ писатель Божественныхъ псалмовъ, въ псалмѣ тридцать второмъ такъ говоритъ: Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и духомъ устъ его вся сила ихъ. Также въ псальмѣ сорокъ четвертомъ: Отрыгну сердце мое слово благо, глаголю азъ дѣла моя цареви. Засвидѣтельствовалъ симъ, что дѣла Божія никому иному не извѣстны, только единому Сыну, который есть Слово Божіе, и который во вѣки царствуетъ. Также Соломонъ показываетъ, что онъ есть Слово Божіе, котораго руками сей міръ созданъ „ Азъ говоритъ изъ устъ вышняго изыдохъ, и яко мгла покрыхъ землю. „ Азъ на высокихъ вселихся, и престолъ мой „ въ столпѣ облачнѣ „. И Іоаннъ такъ написалъ: въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога: вся тѣмъ быша, и безъ него ничто же бысть.

ГЛАВА 9.

Что лучше Греки говорятъ Логосъ, нежели Латынцы Вербумъ: и что о Богѣ умствовали языческіе Философы Зинонъ и Трисмегистъ

Но лучше Греки говорятъ Логосъ, нежели мы Вербумъ или сермо: логосъ бо значитъ слово и разумъ: понеже онъ есть гласъ и премудрость Божія. Сіе Слово Божіе и Философы знали. Понеже Зинонъ проповѣдуетъ, что росположитель и содѣтель всяческихъ есть Слово: которое и судьбою, и виною вещей, и Богомъ и духомъ Юпитеровымъ называетъ: въ томъ, то есть, смыслѣ, какъ обыкновенно Юпитера вмѣсто Бога полагаютъ. Но ничего не препятствуютъ слова, когда разумъ сходствуетъ съ истиною. Ибо духъ есть Божій, котораго онъ духомъ Юпитеровымъ назвалъ: ибо Трисмегистъ, который почти всю правду, не знаю какъ, изслѣдовалъ, силу и величество Слова часто описывалъ: какъ показываетъ прежній оный примѣръ, которымъ признаетъ, что есть некоторое несказанное и святое Слово, о которомъ сказать человѣкъ не можетъ. О первомъ рожденіи сказалъ я вкратцѣ сколько могъ: теперь о второмъ рожденіи, о которомъ превеликій происходитъ споръ, пространнѣе поговорю, дабы желающимъ знать истинну, и свѣтъ разума показать

ГЛАВА

ГЛАВА 10.

О второмъ рожденіи Сына, которое Пророки задолго прежде предсказали, и какъ изведенъ израилъ изъ Египта: и за какія не благодаренъ благодѣянія голову полопью въ память Аписа Бога Египетскаго здѣлалъ, и что чинъ народныхъ властей былъ даже до страсти Господни.

И такъ вопервыхъ знать людемъ должно, что такое въ началѣ было опредѣленіе высочайшаго Бога, что должно было въ послѣдніе времена Сыну Божію снити на землю, дабы устроилъ Богу храмъ, и научилъ правдѣ: однако не въ силѣ ангельской, ни во власти небесной, но во образѣ человѣческомъ и состояніи смертномъ: дабы ученіе свое совершивши, преданъ былъ въ руки нечестивыхъ, и принялъ смерть, и дабы смерть силою разрушивши воскреслъ, и человѣку, въ котораго облекся, котораго носилъ, и надежду далъ побѣждать смерть, и къ безсмертію призвалъ. Сіе опредѣленіе дабы всякъ зналъ, покажу, что все сіе предсказано было, что на Христѣ исполнившееся видимъ. Пускай никто мнѣ не вѣритъ, ежели не покажу, что Пророки за нѣсколько вѣковъ проповѣдали, что нѣкогда Сынъ Божій родится какъ человѣкъ, и чудеса будетъ творить, и почитать Бога научитъ весь міръ, наконецъ на крестъ пригвоздится, и въ третій день востанетъ. Сіе ежели покажу изъ писанія тѣхъ самыхъ, которые Бога своего въ смертномъ тѣлѣ сущаго

го убили, то откроется, что вѣ сей единой вѣрѣ истинная мудрость содержится, теперь отѣ начала всея тайны начало описать должно. Предки наши, которые были начальники Еврейскіе, когда вѣ нихѣ не урожай и скудость хлѣба была, пришли вѣ Египетѣ для хлѣба: и тамѣ живучи долго, когда несносною работою обременяемы были, тогда умилосердившись надѣ ними Богѣ, извелѣ ихѣ и свободилѣ изѣ руки Царя Египетскаго, по прошествіи четырехѣ сотѣ сорока лѣтѣ, за предводительствомѣ Моvсеевымѣ: чрезѣ котораго послѣ имѣ законѣ отѣ Бога данѣ. Вѣ семѣ изведеніи показалѣ силу Величества своего Богѣ. Ибо превелѣ народѣ сквозь Чермное море, которому Ангелѣ предходилѣ, и раздѣлялѣ воду, дабы народѣ моглѣ посуху прейти. котораго справедливѣе (какѣ говоритѣ стіхотворецѣ,) сказать, искривившаяся на подобіе горы окружала вода. О семѣ услышавши Царь Египетскій сѣ многимѣ своимѣ воинствомѣ погнался за онымѣ, и вѣ море еще отверстое безразсудно вшедши, когда совокупились воды, совсѣмѣ воинствомѣ погибѣ. А Евреи изшедши вѣ пустыню, многія чудеса видѣли, ибо когда жажду терпѣли, то пораженный жезломѣ камень источилѣ воду, и народѣ ободрилѣ. А когда паки ѣсть хотѣли, то небесныя пищи дождь снизшелѣ: и не только сіе, но и перепелокѣ вѣ обозѣ ихѣ вѣтерѣ занесѣ, дабы не только хлѣбомѣ небеснымѣ, но и сладчайшимѣ кушаньемѣ насытились. За сіи однако Божія благодѣянія че-

сти

сти Богу не воздали: ибо свободившись ужѐ отъ работы, ужѐ жажды и алчбы избывши, въ невоздержаніе впали, и къ нечестію Египетскому обратились. Ибо когда Моисей вождь ихъ взошелъ на гору, и тамъ сорокъ дней умедлилъ, то золотую голову вола, котораго называютъ Аписомъ, дабы предъ ними ходилъ, здѣлали. Симъ грѣхомъ и беззаконіемъ раздраженъ будучи Богъ, нечестивый и неблагодарный народъ подостоинству тяжкими казнилъ казнми, и закону чрезъ Моисея данному его покорилъ. А потомъ когда въ пустынной нѣкоторой части Сиріи поселились, то потеряли древнее имя Евреи: и понеже начальникъ ихъ народа былъ Іуда, то Іудеями назвались, и земля, на которой поселились, Іудеею. И сперва не подъ властію Царей были, но народомъ и закономъ градскіе судьи начальствовали: однако не на годъ поставляемы они были, какъ Римскіе Консулы, но по смерть. Послѣ судей настали Цари. Но подъ властію судей развращенныя вѣры часто они принимали, и раздраженъ отъ нихъ будучи Богъ, многажды ихъ чужестранцамъ покорялъ, но паки покаяніемъ людей умилостививишись, свобождалъ ихъ отъ неволи: также подъ Царями войнами отъ сосѣдъ озлобляемы были. Напослѣдокъ плѣнены и отведены бывши въ Вавилонъ, за нечестіе свое тяжчайшею работою казнимы были, покамѣстъ Киръ воцарился, который вскорѣ Іудеевъ указомъ свободилъ. Потомъ имѣли четверовластниковъ даже до Ирода, который былъ во времена Ти-

Тиверія Кесаря: вѣ его владѣнія лѣто пятнадцатое, то есть при двоихѣ близнецами названныхѣ Консулахѣ, Марта 25 дня Іудеи Христа распяли. Такѣ сіе вѣ Священномѣ Писаніи содержится, но первѣе покажу для чего на землю пришелѣ Христосѣ, дабы основаніе божественныя вѣры и вина была извѣстна.

ГЛАВА II.

Какая была вина воплощенія Христова.

Когда часто Іудеи спасительнымѣ заповѣдемѣ противлялись, и отѣ Божественнаго закона отставали, уклоняяся кѣ нечестивому боговѣ почитанію: тогда Богѣ праведныхѣ и избранныхѣ мужей святаго Духа исполнялѣ, пророковѣ вѣ народѣ поставляя, чрезѣ которыхѣ грѣхи неблагодарнаго народа, словами грозными обличалѣ, и кѣ принесенію вѣ беззаконіяхѣ покаянія увѣщавалѣ, сѣ тѣмѣ, что ежели не покаются, и отвергши суетная, кѣ Богу своему не обратятся, то завѣтѣ премѣнитѣ: то есть наслѣдіе безсмертнаго живота кѣ инымѣ народамѣ обратитѣ. И иный себѣ народѣ вѣрнѣйшій отѣ инородныхѣ соберетѣ. Они же отѣ пророковѣ обличаемы будучи, не только слова ихѣ презрѣли, но раздражившись ихѣ обличеніемѣ вѣ своихѣ беззаконіяхѣ, самихѣ пророковѣ нововымышленнымѣ мученіемѣ жизни лишили. И сіе все вѣ Священномѣ Писаніи обрѣтается. Ибо Пророкѣ

рокъ Іеремія глаголетъ. Посылаше Господь къ вамъ всѣхъ рабовъ своихъ Пророковъ, востая заутра и посылая, и не слышасте, ни приклоните ушесъ вашихъ, да слышите егда глаголаше: отвратитеся кійждо отъ пути своего злаго, и отъ злѣйшихъ умышленій вашихъ, и обитати будете въ земли, юже Господь даде вамъ, и отцемъ вашимъ, отъ вѣка даже до вѣка. И не ходите въ слѣдъ боговъ чуждихъ, еже служити имъ, и поклонятися имъ, да не прогнѣваете мя въ дѣлехъ рукъ вашихъ, еже озлобити васъ. А Ездра Пророкъ, который былъ во времена того же Кира, который Іудеевъ свободилъ, такъ говоритъ: отступиша отъ тебе, и повергоша законъ твой созади плоти своея, и пророки твоя избиша, иже засвидѣтельствовали имъ, да обратятся къ тебѣ. И „ Иліа въ книгѣ царствъ третіихъ: „ Ревнуя поревновахъ по Господѣ Бозѣ вседержителѣ, яко оставиша тя сынове Израилевы, олтари твоя раскопаша, и пророки твоя избиша оружіемъ, и остахъ азъ единъ, и ищутъ душу мою изяти ю: За сіи ихъ беззаконія отвергль ихъ во вѣки, и престалъ пророковъ посылать къ нимъ. Но оному Сыну своему единородному, оному содѣтелю вещей и совѣтнику своему повелѣлъ снити съ небесъ, дабы вѣру Божію святую пренеслъ къ язычникомъ, то есть къ тѣмъ, которые Бога не знали, и научилъ правдѣ, которую невѣрный народъ отвергль. О семъ и давно уже предвозвѣстилъ, какъ пророкъ Малахіа глаголетъ: нѣсть воля моя въ васъ, глаголетъ

летъ Господь вседержитель, и жертвы не пріиму отъ рукъ вашихъ зане отъ востокъ солнца и до западъ имя мое славится во языцѣхъ. И Давидъ въ псалмѣ седьмомнадесять: Поставиши мя во главу языковъ: людіе ихъ же не вѣдѣхъ, работаша ми. И Исаія такъ глаголетъ: Гряди собрати вся народы и языки, и пріидутъ, и узрятъ славу мою, и оставлю на нихъ знаменіе, и послю отъ нихъ спасенныхъ во языки дальнія, иже не слышаша имене моего, и возвѣстятъ славу мою во языцѣхъ. И такъ хотя Богъ Созидателя храма своего послать на землю, не благоволилъ его во власти и славѣ небесной послать, дабы неблагодарный къ Богу народъ въ заблужденіе превеликое впалъ, и казни за беззаконія принялъ, какъ Пророки о семъ предсказали. Ибо Исаія, котораго сами Іудеи пилою наилютѣйшимъ образомъ препилили, такъ глаголетъ: Слыши небо, и внуши земле, яко Господь возглагола: сыны родихъ и возвысихъ, тіи же отвергошася мене. Позна волъ стяжавшаго его, и оселъ ясли господина своего: Израиль же мене не позна, и людіе мои не разумѣша. И Іеремія подобно глаголетъ: Позна время свое горлица и ластовица сельная, врабія сохраниша времена входовъ своихъ, людіе же мои сіи не познаша судебъ Господнихъ. Како речете, яко мы мудри есмы, и законъ Господень съ нами есть: истинно всуе бысть тростъ лживая книжникомъ, постыдѣшася премудріи, и устрашени и поимани

быша: слово бо Господне отвергоша. Слѣдовательно (какъ началъ я говорить) когда опредѣлилъ Богъ учителя добродѣтели послать къ людемъ, то благоволилъ ему паки родиться плотію, и самому человѣку подобнымъ здѣлаться, дабы человѣку былъ вождемъ и спутникомъ и наставникомъ. Но понеже милостивъ есть Богъ, и любитъ своихъ, то къ тѣмъ самымъ послалъ его, которыхъ возненавидѣлъ, дабы имъ пути спасенія во вѣки не затворить: но дабы дать имъ свободную волю послѣдовать Богу, да и мзду живота получатъ, ежели ему послѣдовать будутъ, какъ многіе изъ нихъ дѣлаютъ и дѣлали: и по своей винѣ въ казнь смерти впадутъ, ежели Царя своего отвергнутъ. И такъ у нихъ, и отъ ихъ сѣмени родиться ему благоволилъ, дабы, ежели бы онъ родился отъ инаго рода, не могли справедливаго извиненія отъ закона представить, что его не приняли: притомъ дабы всѣ народы на земли имѣли спасенія надежду.

ГЛАВА 12.

О зачатіи и рожденіи дѣвы предсказанномъ отъ пророковъ. О страданіи, и воскресеніи, и вознесеніи, и судѣ.

И такъ сшедши съ неба святый оный духъ Божій, святую дѣву избралъ, и въ ея чрево вселился. И она божественнаго Духа испол-

полнившись зачала и безъ всякаго прикосновенія мужеска вдругъ дѣвическое чрево возрасло. И ежели всѣмъ извѣстно, что животные нѣкоторые отъ вѣтра и воздуха обыкновенно зачинаютъ, то для чего кто станетъ удивляться, что отъ духа Божія, которому все возможно, не праздною стала дѣва. Сіе подлинно невѣроятно бы казалось, ежели бы о семъ за нѣсколько вѣковъ пророки не предсказали. Соломонъ такъ глаголетъ: Соболѣзнова чрево дѣвицы, и зачала плодъ, и обременена есть, и бысть во многомъ болезнованіи мати дѣва. И пророкъ Исаія, котораго слова сіи суть: Сего ради дастъ Господь самъ вамъ знаменіе! Се дѣва во чревѣ зачнетъ, и родитъ сына, и наречеши имя ему Еммануилъ. Что сего яснѣе сказать можно? Читали сіе Іудеи, которые его отвергли. Ежели кто думаетъ, будто мы сіе вымышляемъ, тотъ пускай вопроситъ ихъ, пускай отъ нихъ увѣрится. Весьма твердо есть свидѣтельство къ доказательству истинны, которое подаютъ самые враги. Еммануиломъ же никогда не назывался, но Іисусомъ, который по Латынѣ значитъ, спасительный или Спаситель, понеже всѣмъ языкомъ спасеніе принеслъ: но Пророкъ объявилъ симъ именемъ, что Богъ во плоти къ человѣкомъ имѣлъ пріити. Еммануилъ бо значитъ: съ нами Богъ: понеже по его отъ дѣвы рожденіи надлежало людемъ признать, что Богъ съ нами есть, то есть на земли, и въ плоти смертной. Для чего Давидъ

въ псалмѣ осмдесятъ четвертомъ: Истинна, говоритъ, отъ земли возсія. Понеже Богъ, въ которомъ истинна есть, земное тѣло пріялъ, дабы земнымъ путь спасенія открыть. И Исаія самъ: Тіи же не покоришася, и разгнѣваша Духа Святаго его, и обратися имъ на вражду, и той воева на ня, и помяну дни вѣчныя: гдѣ возведый отъ земли пастыря овецъ своихъ. Кто же имѣлъ быть онымъ пастыремъ, объявилъ на иномъ мѣстѣ сказуя: Да возрадуется небо свыше, и облацы да кропятъ правду: да прозябнетъ земля, и да прораститъ милость, и правду да прозябнетъ вкупѣ: азъ бо есмь Господь создавый тя. А спасителемъ есть (какъ прежде я сказалъ) Іисусъ. Но и на иномъ мѣстѣ тойже Пророкъ такъ провозвѣстилъ: Отроча родися намъ сынъ и дадеся намъ, егоже начальство бысть на рамѣ его: и нарицается имя его велика совѣта Ангелъ. Ибо для того посланъ былъ отъ Бога Отца, дабы всѣмъ языкомъ подъ небесемъ обрѣтающимся, единаго истиннаго Бога святую тайну открылъ, отнятую у невѣрнаго народа, который противу Бога часто согрѣшалъ. И Даніилъ подобное предсказалъ: Видѣхъ, говоритъ, во снѣ нощію, и се на облацѣхъ небесныхъ, яко сынъ человѣческій идый бяше, и даже до ветхаго деньми дойде, и предъ него приведеся: и тому дадеся власть честь и царство, и вси людіе племена и языцы тому поработаютъ: власть его, власть вѣчная, яже не прейдетъ, и царство его не разсы-

плет-

плется. Какъ же Іудеи и исповѣдуютъ и чаютъ Христа Господня? которые сего для того отвергли, понеже отъ человѣка рожденъ. Ибо когда такъ отъ Бога уставлено, чтобъ тойже Христосъ дважды пришелъ на землю, во первыхъ, дабы единаго Бога языкомъ возвѣстить: потомъ паки дабы воцариться: то какъ во второе его пришествіе увѣрятъ, которые въ первое пришествіе не вѣровали? Но Пророкъ оба его пришествія въ краткихъ словахъ представляетъ: Се, говоритъ, на облацѣхъ небесныхъ яко сынъ человѣческій идый: не сказалъ, яко сынъ Божій, но яко сынъ человѣческій; дабы показать, что въ плоть долженъ былъ облещися на земли; дабы принявши человѣческій образъ и состояніе смертное научилъ людей правдѣ, и исполнивши Божія повелѣнія, открывши народомъ истинну, умерщвленъ былъ смертію, дабы и ада побѣдить и упразднить, и потомъ воскресши ко Отцу взойти восхищенному на облацѣхъ. Придаетъ бо Пророкъ и глаголетъ: Даже до ветхаго деньми дойде, и предъ него приведеся. Ветхимъ деньми назвалъ всевышняго Бога, котораго вѣка и начала постигнуть не можно, понеже одинъ отъ вѣка былъ, и будетъ всегда во вѣки. А что Христосъ по страданіи и воскресеніи имѣлъ взыти къ Богу Отцу, о томъ Давидъ въ псалмѣ сто девятомъ засвидѣтельствовалъ сими словами: Рече Господь Господеви моему сѣди одесную мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ. Который Пророкъ будучи царемъ

кого моглъ называть Господемъ своимъ, седящимъ одесную Бога, кромѣ Христа Сына Божія, который есть Царь Царей и Господь Господей? Сіе Исаія явственнѣе показуетъ, сказывая: Сице глаголетъ Господь Богъ помазанному моему, егоже удержахъ за десницу, повинути предъ нимъ языки, и крѣпость царей разрушу. Отверзу предъ нимъ врата, и гради не затворятся, азъ предъ тобою пойду, и горы уравню, врата мѣдная сокрушу, и вереи желѣзныя сломлю. И дамъ ти сокровища темная сокровенная: невидимая отверзу тебѣ, да увѣси, яко азъ Господь Богъ твой, прозывая имя твое Богъ Израилевъ. Къ томужъ за добродѣтель и вѣру, которую предъ Богомъ показалъ на земли, дана ему власть, и честь, и царство: и вси людіе, и племена, и языцы поработаютъ ему, и власть его власть вѣчная, яже не прейдетъ, и царство его не разсыплется. Сіе двоякимъ образомъ разумѣется: ибо и нынѣ имѣетъ вѣчно власть, понеже всѣ народы и всѣ языцы имя его почитаютъ, величество исповѣдаютъ, ученію послѣдуютъ, добродѣтели подражаютъ: имѣетъ власть, имѣетъ честь, понеже всѣ колѣна земныя заповѣдемъ его повинуются: и онъ же потомъ, когда паки пріидетъ въ силѣ и славѣ, судить всякую душу, и праведныхъ призвать въ животъ: тогда истинно всею землею обладать будетъ; тогда по истребленіи отъ дѣлъ человѣческихъ всякаго зла, златый вѣкъ (какъ стихотворцы называются) то есть праведное и мирное

время

время начнется. Но о семѣ пространнѣе вѣ послѣднѣй книгѣ говорить буду, когда рѣчь будетѣ о второмѣ пришествіи: теперь о первомѣ, какѣ началѣ, изѣясню.

ГЛАВА 13.

Что Сынѣ отѣ Отца есть по божеству: и что сугубаго существа показуется отѣ дѣлѣ своихѣ, и отѣ писаній пророческихѣ, и отѣ свидѣтельства Аполлина Милетскаго, и для чего ни кѣ Соломону, ни кѣ иному кому не могутѣ принадлежать предсказанія пророческія, кромѣ Христа.

И такѣ всевышній Богѣ и Отецѣ всѣхѣ когда вѣру свою благоволилѣ пренесть, то послалѣ сѣ небесѣ учителя правды, дабы новымѣ почитателямѣ новый законѣ, имѣ или чрезѣ него дать, не такѣ, какѣ прежде дѣлалѣ чрезѣ человѣка; но однако благоволилѣ ему родиться на подобіе человѣка, дабы во всемѣ всевышнему Богу Отцу подобенѣ былѣ. Ибо самѣ Богѣ Отецѣ начало вещей, понеже родителей не имѣетѣ, Апаторѣ и Амиторѣ отѣ Трисмегиста справедливо называется, понеже ни отѣ кого не рожденѣ. Того ради и Сыну должно было дважды родиться, дабы и онѣ былѣ Апаторѣ и Амиторѣ: ибо вѣ первомѣ рожденіи духовномѣ Амиторѣ былѣ, понеже безѣ пособія матерня отѣ единаго Бога Отца рожденѣ. А во вто-

второмъ тѣлесномъ рожденіи Апаторъ былъ: понеже безъ пособія Отча отъ девическаго чрева рожденъ: дабы среднее между Богомъ и человѣкомъ существо нося, наше сіе тлѣнное и немощное естество руководствовать могъ къ безсмертію. И такъ сталъ онъ и Сыномъ Божіимъ по духу, и человѣческимъ по плоти, то есть и Богомъ и человѣкомъ. Божія сила въ немъ отъ дѣлъ, которыя здѣлалъ, открылась; немощь человѣческая изъ страданія, которое претерпѣлъ, которое для чего принялъ, ниже покажу. А что Богомъ былъ и человѣкомъ, изъ обоихъ состоящимъ, оное видимъ, отъ писаній пророческихъ. Что Богомъ былъ, о томъ Исаія свидѣтельствуетъ сими словами: Утрудися Египетъ, и купли Ефіопскія, и Саваимстіи мужи высоцыи къ тебѣ прейдутъ, и тебѣ будутъ раби, и въ слѣдъ тебе пойдутъ связани узами ручными, и прейдутъ къ тебѣ, и поклонятся тебѣ, и къ тебѣ помолятся; яко въ тебѣ Богъ есть, и рекутъ: нѣсть Бога развѣ тебе. Ты бо еси Богъ, и не вѣдѣхомъ, Богъ Исраилевъ Спасъ. Постыдятся и посрамятся вси противящіися ему, и пойдутъ въ студъ. И пророкъ Іеремія такъ глаголетъ: Сей Богъ нашъ не вмѣнится инъ къ нему, изобрѣте всякъ путь хитрости, и даде ю Іякову отроку своему, Исраилю возлюбленному отъ него. Посемъ на земли явися, и съ человѣки поживе. И Давидъ въ псалмѣ четыредесять четвертомъ: Престолъ твой Боже въ вѣкъ вѣка, жезлъ правости, жезлъ цар-

ствія твоего. Возлюбилъ еси правду и возненавидѣлъ еси беззаконіе: сего ради помаза тя Боже Богъ твой Елеемъ радости. Симъ словомъ и имя показываетъ: понеже (какъ прежде я сказалъ) отъ помазанія называется Христосъ. А что онъ же былъ человѣкъ оное показываетъ Іеремія говоря: И человѣкъ есть, и кто познаетъ его? Также Исаія: И пошлетъ Богъ имъ человѣка, и спасетъ ихъ, и судя исцѣлитъ ихъ. Но и Моисей въ числахъ такъ глаголетъ: Возсіяетъ звѣзда отъ Іякова, и востанетъ человѣкъ отъ Исраиля. И для того то Милетскій Аполлинъ, когда его вопросили, Богъ ли былъ или человѣкъ Христосъ, такъ отвѣщалъ: Смертенъ былъ по плоти мудръ и чудотворецъ, но при судіяхъ Халдейскихъ взятъ оружіемъ, гвоздьми и крестомъ горькую претерпѣлъ смерть. Въ первомъ стихѣ истинну сказалъ, но хитро вопрошающаго обманулъ тайны истинны совсѣмъ незнающаго. Ибо по видимому не признаетъ его Богомъ. Но когда признаетъ, что онъ по плоти былъ смертный (что и мы проповѣдуемъ) слѣдовательно, что онъ по духу Богъ былъ, что мы утверждаемъ. Ибо какая нужда была о плоти воспоминать? когда довольно было сказать, что былъ смертенъ: но истинною понужденъ будучи, не могъ не признать, какъ было въ самой вещи, какъ и оное, что сказываетъ: былъ мудрымъ. Что на сіе отвѣщаешь Аполлинъ? ежели онъ мудрый: слѣдовательно ученіе его есть мудрость, а не иное какое: и мудрые

тѣ которые ему послѣдуютъ, а не другой кто. И такъ для чего насъ за безумныхъ и буiихъ и несмысленныхъ почитаютъ, которые послѣдуемъ учителю, и по признанiю самихъ Боговъ мудрому? Ибо сказывая, что Христосъ чудеса творилъ, чемъ наипаче божество свое увѣрилъ, повидимому согласуетъ съ нами, когда то самое говоритъ, чемъ мы хвалимся. Но однако поправляетъ себя, и къ демонскимъ хитростямъ возвращается. Ибо истинну сказавши, былъ бы боговъ и себе самого измѣнникомъ, ежели бы того, что истинною принужденъ бывши сказалъ, лжею хитро не прикрылъ. И такъ сказываетъ, что Христосъ хотя чудеса творилъ, но не божественною силою, но волшебною. И что? дивно ли, что Аполлинъ истинны незнающихъ увѣрилъ, когда Iудеи повидимому почитатели высочайшаго Бога тожъ думали? которые на всякъ день своими очами видя оныя чудеса, зрѣнiемъ толикихъ силъ не могли притти къ тому, дабы богомъ почитать того, котораго видѣли: того ради Давидъ, котораго изъ всѣхъ прочихъ пророковъ наипаче читаютъ, въ псалмѣ двадесять седьмомъ такъ ихъ укоряетъ: Воздаждь воздаянiе ихъ имъ, яко не разумѣша въ дѣла Господня. И что изъ Давидова дому Христосъ по плоти имѣлъ родиться, и самъ Давидъ, и другiе Пророки предвозвѣстили. Исаiя такъ написалъ: И будетъ въ день оный корень Iессеовъ, и востаяй владѣти языки, на него языцы уповати будутъ, и будетъ покой его

честь.

честь. И на иномъ мѣстѣ: Изыдетъ жезлъ изъ корене Iессеова, и цвѣтъ отъ корене его взыдетъ и почiетъ на немъ Духъ Божiй, Духъ премудрости и разума; Духъ совѣта и крѣпости; Духъ вѣдѣнiя и благочестiя: и исполнитъ его Духъ страха Божiя. А Iессей былъ отецъ Давидовъ, отъ котораго корене имѣлъ взыти цвѣтъ оный, о которомъ онъ предсказалъ; то есть, той, о которомъ Сивилла говоритъ: Процвѣтетъ цвѣтъ чистый. Также царствъ въ книгѣ второй Пророкъ Наѳанъ посланъ былъ къ Давиду хотящему Богу храмъ создать: И бысть слово Господне къ Наѳану, глаголя: иди и рцы рабу моему Давиду, сiя глаголетъ Господь: не ты созиждеши мнѣ домъ, еже обитати мнѣ: и будетъ егда исполнятся днiе твои, и уснеши со отцы твоими, и возставлю сѣмя твое по тебѣ, и уготовлю царство его. Той созиждетъ домъ имени моему, и управлю престолъ его до вѣка: азъ буду ему во отца, и той будетъ ми въ сына. И вѣренъ будетъ домъ его, и царство его до вѣка. Но что Iудеи сего не разумѣли, тому сiя была причина, что Соломонъ сынъ Давидовъ Богу храмъ создалъ, и градъ, который отъ своего имени Iерусалимомъ назвалъ: и такъ сказанное отъ пророковъ, Соломону причли. Но Соломонъ отъ самого отца своего правленiе царства принялъ, а пророки о томъ говорили, который тогда имѣлъ родиться, когда Давидъ со отцы своими почiетъ. Кромѣ того царство Соломоново вѣчно не было, ибо четыредесятъ лѣтъ

цар-

царствовалъ. Ктомужъ никогда Соломонъ сыномъ Божіимъ не назывался, но сыномъ Давидовымъ, и домъ, который создалъ, не былъ вѣренъ, какъ церковь, которая есть истинный храмъ Божій; который не въ стѣнахъ состоитъ, но въ сердцѣ и вѣрѣ людей вѣрующихъ во Христа, и называющихся вѣрными. А оный Соломоновъ храмъ, поелику былъ рукотворенным, то руками и разоренъ. Притомъ отецъ его въ псалмѣ сто двадцать шестомъ о дѣлахъ сына своего пророчествовалъ такимъ образомъ: Аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи: аще не Господь сохранитъ градъ, всуе бдѣ стрегій.

ГЛАВА 14.

О вѣчномъ Христовомъ священствѣ, о которомъ пророки, какъ и о прочемъ, прежде сказали, такъ выражая Іисуса Христа, что предсказанія ни къ сыну Навину, ни къ сыну Іоседекову не могутъ наклоняться, и о путехъ, которымъ научалъ Христосъ, которой никогда своея чести не искалъ, но отеческія.

Изъ сего видно, что всѣ пророки предвозвѣстили о Христѣ, что онъ нѣкогда отъ рода Давидова плотію родившись, поставитъ вѣчный храмъ Богу, который называется церковію, и всѣ народы къ истинной вѣрѣ Божіей призоветъ. Сей домъ вѣренъ, сей безсмертенъ храмъ: въ которомъ ежели кто жер-

твы не принесетъ, безсмертія не получитъ. Сего храма и великаго и вѣчнаго понеже Христосъ созидателемъ былъ, то всенепремѣнно имѣть долженъ въ немъ священство вѣчное: и не можно инако, какъ только чрезъ сего созидателя храма, внутрь храма, и къ зрѣнію Божію приступить. Давидъ въ псалмѣ сто девятомъ сіе самое показуетъ глаголя: прежде денницы родихъ тя, клятся Господь, и не раскается: ты Іерей во вѣкъ, по чину Мелхиседекову. Также царствѣ въ книгѣ первой: И возставлю себѣ жреца вѣрна, иже вся яже въ сердцѣ моемъ, и яже въ души моей, сотворитъ; и созижду ему домъ вѣренъ, и предыдетъ предъ Христомъ моимъ во вся дни. Кто же имѣлъ быть, которому Богъ вѣчное священство обѣщалъ оное, Захарія и имя воспомянувши, яснѣе показалъ; ибо такъ сказалъ: И показа ми Господь Богъ Іисуса Іерея Великаго, стояща предъ лицемъ Ангела Господня, и діяволъ стояше одесную его, еже противитися ему. И рече Господь къ діяволу: да запретитъ Господь тебѣ діяволе избравый Іерусалима: не се ли сіе яко главня исторжена изъ огня: Іисусъ же бѣ оболченъ въ ризы гнусны, и стояше предъ лицемъ Ангела; и отвѣща, и рече къ предстоящимъ предъ лицемъ его, глаголя: отъимите ризы гнусныя отъ него, и облецыте его въ подиръ, и возложите кидаръ чистъ на главу его: и возложиша кидаръ чистъ на главу его, и облекоша его въ ризы, и Ангелъ Господень стояше, и свидѣтельствоваше Ангелъ Господень ко Іисусу гла-

глаголя: сице глаголетъ Господь Вседержитель: Аще въ путехъ моихъ пойдеши, и повелѣная моя сохранищи, и ты разсудиши храмъ мой, и дамъ ти сообращающаяся посредѣ предстоящихъ сихъ. Послушай убо Іисусе Іерею Великій. И такъ кто не почтетъ за лишенныхъ разума Іудеевъ, которые сіе читая и слыша скверными своими руками Бога своего убили? Но отъ того времени, въ которое Захарія былъ, до пятнадцатаго года Тиверія Кесаря, въ которое Христосъ распятъ былъ, пять сотъ лѣтъ считается! понеже возраслъ во времена Дарія и Александра, которые были спустя не много послѣ того, какъ Тарквиній гордый изгнанъ былъ. Но они паки такимъ же образомъ прельстились и обманулись, думая будто сіе сказано о Іисусѣ Сынѣ Навинѣ, которой наслѣдникомъ былъ Моисею: или о священникѣ Іисусѣ Сынѣ Іоседековомъ, которымъ нимало не приличествуютъ слова пророковы. Ибо не были они никогда замаранными: понеже единъ отъ нихъ былъ начальникомъ наисильнѣйшимъ, другій священникомъ: также не претерпѣли никакого нещастія, дабы были какъ главня изверженая изъ огня: ни также предъ лицемъ Божіимъ и Ангеловъ стояли: или акибы Пророкъ о прошедшемъ паче говорилъ, нежели о будущемъ. И такъ говорилъ о Іисусѣ Сынѣ Божіемъ, показывая, что во первыхъ онъ въ человѣчествѣ и во плоти имѣлъ притти (плоть бо есть одежда гнусная) дабы создать храмъ Богу, и какъ головня огнемъ опалиться, то есть отъ человѣкъ

вѣкъ муки принять, и напослѣдокъ убіеннымъ быть. Главнею бо вообще называютъ вынятое изъ печи горящее древо полусозженное и угашенное. Какимъ же образомъ и съ какими заповѣдьми имѣлъ посланъ быть отъ Бога на землю, оное показалъ Духъ Божій чрезъ пророка, что исполнивши волю Всевышняго Отца вѣрно и ненарушимо, пріиметъ судъ и власть вѣчную. Аще въ путехъ моихъ, говоритъ, пойдеши, и повелѣнія моя сохраниши, ты разсудиши храмъ мой. Какіе были пути Божіи, и какія повелѣнія его: оное не сумнительно и не скрыто. Ибо Богъ видя, что злоба, и ложныхъ боговъ почитаніе столь усилилось на земли, что имя его изъ памяти человѣческой почти истребилось: понеже и Іудеи, которымъ однимъ тайна Божія ввѣрена была, оставивши Бога живаго, къ почитанію идоловъ, хитростію дьявольскою уловлены будучи, уклонились, и обличаемы бывши отъ пророковъ, обратиться къ Богу не хотѣли: Сына своего начальника Ангеловъ послалъ къ людемъ, дабы ихъ обратилъ отъ нечестиваго и суетнаго почитанія къ познанію и почитанію истиннаго Бога: и дабы ихъ умы отъ безумія къ мудрости, отъ беззаконія къ дѣламъ правды наставилъ. Сіи суть пути Божіи, въ которыхъ ходить ему повелѣлъ: сіи повелѣнія, которыя хранить заповѣдалъ. А онъ былъ вѣренъ Богу; ибо училъ, что Богъ единъ, и его единаго почитать должно, и никогда себе богомъ не назвалъ: понеже не былъ бы вѣренъ, ежели бы посланъ будучи

для

для истребленія боговЪ, и увЂренія о единомЪ БогЂ, сталЪ вводить инаго кромЂ его. Сіе значило бы, что онЪ не единаго Бога проповЂдуетЪ, и не пославшаго, но свое собственное отправляетЪ дЂло, и себе отЪ того, котораго прославлять пришелЪ, раздЂляетЪ. Того ради поелику толь вЂренЪ былЪ, что себЂ совсЂмЪ ничего не присвоилЪ, дабы заповЂди пославшаго исполнить, то и вЂчнаго священства достоинство, и высочайшаго царства честь, и судейскую власть, и Божіе имя наслЂдовалЪ.

Глава 15.

О крещеніи ХристомЪ, и чудесахЪ, которыя творилЪ по плоти прежде страсти: о чемЪ не только пророки предвозвЂстили, но и Сивиллы, какЪ ЦицеронЪ и ВарронЪ свидЂтельствуютЪ: но предсказаній прежде пришествія Христова, не можно было разумЂть.

Понеже сказалЪ я о второмЪ рожденіи, которымЪ себе во плоти людемЪ явилЪ, приступимЪ кЪ онымЪ дЂламЪ дивнымЪ, которыя хотя были знакомЪ небесной силы, однако за волхва его почли Іудеи. Когда онЪ пришелЪ вЪ возрастЪ, крестился отЪ Іоанна Пророка во ІорданЂ рЂкЂ, дабы банею духовною грЂхи не свои, которыхЪ не имЂлЪ, но плоти, которую носилЪ, истребить: дабы какЪ Іудеев

деевъ принятіемъ обрѣзанія, такъ и языковъ крещеніемъ, то есть возліяніемъ чиститeльной воды спасти. Тогда гласъ съ небесе слышанъ былъ: Сынъ мой еси ты, азъ днесь родихъ тя. О семъ гласѣ Давидъ предсказалъ. И снизшелъ надъ него Духъ Божій въ видѣ голубя бѣлаго. Потомъ превеликія силы началъ дѣлать, не волшебными обманами, которые ничего истиннаго и крѣпкаго не имѣютъ, но силою и властію небесною, о чемъ также за долго Пророки предсказали. Которыя дѣла толь многочисленны, что одна книга вмѣстить ихъ не можетъ. И такъ исчислю оныя сокращенно и вообще безъ всякаго лицъ и мѣстъ объявленія: дабы прейти къ изъясненію страданія его и креста, куда давно ужѐ стремится намѣреніе. Силы его были (которыя Аполлинъ удивительными назвалъ) что кудабъ онъ ни шелъ, больныхъ и слабыхъ и всякимъ недугомъ одержимыхъ, единымъ словомъ, и въ единомъ мгновеніи исцѣлялъ, такъ, что всѣми членами разслабленные возпріявши внезапно силы, и укрѣпившись, сами одры свои относили, на которыхъ не много прежде были принесены. Хромымъ и больнымъ ногами не только ходить, но и бѣгать давалъ силу. Чьи очи глубочайшимъ были покрыты мракомъ, тѣмъ прежнее возвращалъ зрѣніе. Нѣмыхъ языки на глаголаніе разрѣшалъ, и глухимъ отверзши уши подавалъ слышаніе: прокаженныхъ очищалъ. И сіе все не руками, или нѣкоторымъ врачеваніемъ, но словомъ и повелѣніемъ творилъ, какъ и Сивилла предсказала: Все словомъ творяй, всяку немощъ

врачуяй. И недивно, что словомъ творилъ чудеса: понеже самъ есть Слово, небесную силу и власть имѣющее. И не довольно было, что силу немощнымъ давалъ, слабымъ цѣлость, изнемогающимъ здравіе: но и мертвыхъ воскрешалъ, и аки бы отъ сна возбудивши, ихъ житію возвращалъ. Сіе тогда видѣвъ Іудеи говорили, будто онъ сіе демонскою силою дѣлаетъ, хотя тайныя ихъ писанія показываютъ, что все сіе такъ имѣло быть, какъ было. Читали, то есть, и иныхъ Пророковъ, и Ісаіины слова: Укрѣпитеся руцѣ ослабленныя, и колѣна разслабленная, утѣшитеся малодушніи умомъ, укрѣпитеся, не бойтеся: се Богъ нашъ судъ воздаетъ и воздастъ, той пріидетъ и спасетъ насъ, тогда отверзутся очи слѣпыхъ, и уши глухихъ услышатъ: тогда скочитъ хромый яко елень, и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ, яко проторжеся вода въ пустыни, и дебрь въ земли жаждущей. Но и Сивилла тоже говоритъ сими стихами: Мертвые воспанутъ, и хромые будутъ скоро ходить, и глухіе услышатъ, слѣпые увидятъ, нѣмые будутъ говорить. Ради сихъ его силъ и дѣлъ божественныхъ, понеже великое множество ему послѣдовало, или слабыхъ, или больныхъ, или тѣхъ, которые своихъ для исцѣленія представить желали, взошелъ на гору нѣкоторую пустую помолиться: когда тамъ три дни умедлилъ, и народъ былъ голоденъ, то призвалъ учениковъ вопрошая: сколько съ собою пищи имѣютъ? а они сказали: имѣемъ

въ

вѣ сумѣ пять хлѣбовѣ, и двѣ рыбы. Повелѣлѣ то принести, и народу, попятидесять ихѣ раздѣливши, возлещи. Когда сіе ученики здѣлали, ломалѣ самѣ хлѣбѣ укрухами, и рыбу раздроблялѣ, и обое вѣ рукахѣ его умножалось. И когда повелѣлѣ ученикамѣ предложить оное народу, то насытились пять тысячь человѣкѣ: и сверхѣ того двенадцать кошницѣ отѣ остальныхѣ укруховѣ наполнили. Что удивительнѣе быть можетѣ? Но что сіе такѣ имѣло быть, о томѣ прежде предсказала Сивилла сими словами: пятью хлѣбами и рыбами двумя пять тысячь человѣкѣ вѣ пустыни насытитѣ, и послѣ остальные собравши укрухи, двенадцать кошницѣ исполнитѣ вѣ надежду многихѣ. И такѣ вопрошаю, что здѣсь могла наука волшебная здѣлать, которыя искусство ни кѣ чему иному, какѣ только кѣ прельщенію очей служитѣ? Также отходя на гору помолиться по обычаю, повелѣлѣ ученикамѣ, дабы корабликѣ взяли, и предѣ нимѣ шли, а они при наступленіи вечера пошедши, противнымѣ вѣтромѣ носимы были. И когда уже посредѣ моря находились, тогда ногами по морю ходя достиглѣ ихѣ какѣ бы по земли ходя: не какѣ стихотворцы о Оріонѣ лгутѣ, будто по морю ходилѣ, и погруженѣ будучи тѣломѣ вѣ водѣ, рамена имѣлѣ выше воды. И паки когда заснулѣ вѣ кораблѣ и буря подымалась до крайняго бѣдствія, тогда возбужденѣ бывши отѣ сна, умолчать томѣ часѣ вѣтру повелѣлѣ, и воставшимѣ превеликимѣ волнамѣ утишиться,

и тотъ часъ по слову его тишина послѣдовала. Можетъ быть лжетъ Священное Писаніе, показующее толикую въ немъ бывшую силу, что повелѣнія его вѣтры слушали, моря повиновались, недуги уступали, адъ повелѣваемое исполнялъ. Но сіе самое и Сивиллы въ стихахъ своихъ прежде предсказали. Изъ которыхъ одна, о коей и прежде воспомянули, такъ говоритъ: Вѣтры укротитъ, и утишивши море, мирными ногами и вѣрою будетъ по оному ходить. И паки иная говоритъ: По волнамъ будетъ ходить, недуги человѣческія изцѣлитъ, оживитъ мертвыхъ, проженетъ болѣзни отъ многихъ, и живымъ источникомъ хлѣба насытитъ человѣковъ. Сими свидѣтельствами нѣкоторые обличены будучи, говорятъ, что сіи стихи не Сивиллины, но отъ нашихъ вымышленные и сложенные. Поистиннѣ не будетъ сихъ мыслей имѣть тотъ, кто Цицерона и Варрона читалъ, и иныхъ древнихъ, которые о Ериѳрійской Сивиллѣ и прочихъ воспоминаютъ, изъ которыхъ книгъ сіи примѣры представляемъ: а сіи писатели умерли прежде нежели Христосъ по плоти родился. Но я не сумнѣваюсь, что оные стихи въ прежнія времена за сумозбродныя почитаемы были, понеже ихъ ни кто тогда не разумѣлъ: ибо предсказывали необычныя нѣкоторыя чудеса, которыхъ ни образа ни времени ни творца не означали. Ериѳрійская Сивилла сказываетъ, что будутъ ея безумною и лживою называть: ибо говоритъ: назовете Сивиллу безумною и лживою, а когда все здѣлается,

тогда меня воспомянете, и пускай никто лживою не называетъ Великаго Бога Пророчицы. И такъ скрывались чрезъ многіе вѣки тайны, но послѣ извѣстными стали, когда Христово рожденіе и страданіе оныя открыло: такъ какъ и гласы Пророческіе, которые тогда чрезъ тысячу пять сотъ лѣтъ или и того больше читаны были отъ народа Іудейскаго, но Іудеи оныхъ не разумѣли, пока ихъ Христосъ словомъ и дѣлами не изъяснилъ Ибо о немъ Пророки предвозвѣщали, и никакимъ образомъ не можно было речей ихъ выразумѣть, покуда все не исполнилось.

ГЛАВА 16.

О страданіи Христовомъ, которое Іудеемъ есть соблазномъ, и безуміемъ язычникомъ, сколь превеликую силу содержитъ, и прямую, особливую мудрость и истинну, какъ Пророки предсказали.

Приступаю теперь къ самому страданію, которымъ насъ обыкновенно укоряютъ, что и человѣка и отъ человѣкъ поносною казнію замученнаго почитаемъ: дабы показать, что оное страданіе съ великимъ и Божественнымъ промышленіемъ отъ него воспріято; и что въ томъ единомъ и добродѣтель, и истинна, и мудрость состоитъ. Ибо ежели бы наисчастливѣйшимъ на земли былъ, и во всю жизнь въ наивеличайшемъ благополучіи царствовалъ; то никто бы изъ разумныхъ Богомъ его не почелъ, и божественныя славы достойнымъ

 не

не судилъ; что дѣлаютъ истиннаго Бога не знающіе, которые тлѣнное богатство, и скоро преходящую силу, и чужое добро не только завелико ставятъ, но и обожаютъ, и не съ невѣдѣнія мертвымъ служатъ, щастіе уже погибшее почитая, котораго во время самаго цвѣтущаго его состоянія ни одинъ изъ разумныхъ не судилъ достойнымъ почтенія. Ибо ничего не можетъ быть въ вещахъ земныхъ почтеннаго, и достойнаго неба, но едина есть добродѣтель, едина правда, которую можно за истинное добро и небесное и вѣчное почитать: понеже никто ни дать ея не можетъ ни отнять. Сею добродѣтелію и правдою Христосъ украшенъ будучи пришелъ на землю, наипаче же, что онъ будучи самъ добродѣтелію и правдою, снизшелъ, дабы оной научить, и человѣка наставить. Сіе ученіе и Божіе посольство отправивши, за ту самую добродѣтель, которой училъ, и купно оную творилъ, отъ всѣхъ народовъ заслужилъ и могъ Богомъ почтенъ быть. И такъ когда множество народа къ нему или ради правды, которой училъ, или ради чудесъ, которыя дѣлалъ, отвсюду стекались, и заповѣдей его слушали, и отъ Бога посланнымъ и сыномъ Божіимъ почитали: тогда начальники Іудейскіе и священники разгнѣвавшись, что онъ грѣхи ихъ укорялъ; и позавидѣвъ, понеже видѣли, что стекаяся къ нему народъ, ихъ презиралъ и оставлялъ: (и что главою ихъ беззаконія было) безуміемъ и заблужденіемъ ослѣпившись, и не помня заповѣдей небесныхъ и

Про-

Пророческихъ, заговоръ здѣлали противъ его, и нечестивый совѣтъ о погубленіи и мученіи его: о чемъ Пророки за долго прежде написали. Ибо и Давидъ въ началѣ псалмовъ своихъ предвидя духомъ, коль великое беззаконіе здѣлать имѣли, говоритъ: Блаженъ иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ. И Саломонъ въ книгѣ премудрости сіи слова написалъ: Уловимъ праведнаго, яко непотребенъ намъ есть, и поноситъ намъ грѣхи закона: возвѣщаетъ намъ разумъ имѣти Божій, и отрока господня себе именуетъ: бысть намъ на обличеніе помышленій нашихъ: тяжекъ есть намъ и къ видѣнію; яко неподобно есть инымъ житіе его, и отмѣнны суть стези его: въ поруганіе вмѣнихомся ему, и удаляется отъ путей нашихъ, яко отъ нечистотъ, и блажитъ послѣдняя праведныхъ, и славится Отца имѣти Бога. Увидимъ, аще словеса его истинна, и искусимъ, аще збудутся ему. Досажденіемъ и мукою истяжемъ его, да увѣмы кротость его, и искусимъ беззлобство его: смертію поносною осудимъ его. Сія помыслиша и прельстишася, ослѣпи бо ихъ злоба ихъ, и не увѣдѣша таинъ Божіихъ. Не такимъ ли описалъ беззаконный оный совѣтъ отъ нечестивыхъ начатый противъ Бога, какбы притомъ былъ? Но отъ Соломона, которой сіе написалъ, до того времени, въ которое сіе дѣло было, тысяча и десять лѣтъ прошло. Ничего мы не вымышляемъ, ничего не прилагаемъ: было сіе у тѣхъ, которые то здѣлали: читали сіе, о которыхъ то сказано. Но и нынѣ наслѣдники имени и беззаконія ихъ, сіе

у себе имѣютъ, и осужденіе свое Пророческимъ гласомъ предсказанное всегда читаютъ, но никогда въ серцѣ своемъ, что есть частію и виною осужденія, не разсуждаютъ. И такъ укоряеми часто отъ Христа Іудеи, порицающаго грѣхи и неправды ихъ, и отъ народа совсѣмъ оставлены будучи, устремились на убіеніе его: а къ сему взяли они дерзновеніе отъ смиренія его. Ибо читая, съ какою силою сынъ Божій имѣлъ пріити съ небесъ, а Іисуса видѣли смиреннымъ, тихимъ, низкимъ, неважнымъ, не увѣровали, что онъ есть Сынъ Божій, не вѣдая, что два пришествія его Пророки предсказали, первое въ человѣческой плоти безъ славы, второе въ силѣ величества явное. О первомъ Давидъ въ псалмѣ седмдесятъ первомъ такъ говоритъ: Снидетъ яко дождь на руно. И возсіяетъ во днехъ его правда и множество мира, дондеже отъимется луна. Ибо какъ дождя сходящаго на руно примѣтить не можно, понеже шума не дѣлаетъ: такъ Христосъ на землю не славно имѣлъ пріити, дабы научить правдѣ и миру. И Ісаія такъ говоритъ: Господи кто вѣрова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся? Возвѣстихомъ яко отроча предъ нимъ, яко корень въ земли жаждущей, нѣсть вида ему, ниже славы: и видѣхомъ его, и не имяше вида ни доброты: но видъ его безчестенъ, умаленъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ; человѣкъ въ язвѣ сый, и вѣдый терпѣти болѣзнь, яко отвратися лице его, безчестно бысть, и не вмѣнися. Сей грѣхи нашиноситъ, и о насъ болѣзнуетъ,

и мы вмѣнихомъ его быти въ трудѣ, и въ язвѣ отъ Бога, и во озлобленіи: той же язвенъ бысть за грѣхи наша, и мученъ бысть за беззаконія наша: показаніе мира нашего на немъ, язвою его мы исцѣлѣхомъ. Вси яко овцы заблудихомъ: и Господь предаде его грѣхъ ради нашихъ. И Сивилла также сказала: Сожалѣнія достойный, обесчещенный, лишенный вида, нещастнымъ дастъ надежду. Ради сего смиренія, Бога своего не познавшіе, предпріяли совѣтъ проклятый, дабы лишить того жизни, который пришелъ ихъ оживить.

ГЛАВА 17.

Что клепетали на него называя разорителемъ закона: и что предображало обрѣзаніе: и для чего повелѣно соверщать наономъ удѣ. И для чего запрещено употреблять свиное мясо.

Но гнѣва и зависти своей, которую въ сердцахъ своихъ имѣли внутри сокрытую, иныя вины представляли: будто бы законъ Божій чрезъ Моисея данный уничтожалъ, то есть, что субботъ не хранилъ, дѣлая для спасенія человѣческаго: что обрѣзаніе отмѣнялъ: что свиное мясо употреблять велѣлъ: въ которыхъ вещахъ Іудейской вѣры тайны состоятъ. И такъ для сего остальную часть народа, которая еще ко Христу не прилѣпилась, священники возбуждали, дабы нечестивымъ его признавали, что законъ Божій ра-

зорялъ: когда онъ сіе не по своему, но по Божію изволенію и по предсказанію Пророковъ дѣлалъ. Ибо что новый законъ данъ будетъ, о томъ Михей такъ предвозвѣстилъ: Отъ Сіона изыдетъ законъ, и слово изъ Іерусалима, и разсудитъ среди людей многихъ, и изобличитъ языки крѣпки. Оный бо первый законъ Моисеемъ данный не на горѣ Сіонѣ, но на горѣ Хоривѣ данъ былъ. И что сынъ Божій имѣлъ его разорить, оное Сивилла показываетъ: Но когда сіе все совершится, что я сказала, онъ весь законъ разоритъ. Но и самъ Моисей (чрезъ котораго данный себѣ законъ упорно храня, отпали отъ Бога, и Бога не познали) предреклъ, что Пророкъ великій посланъ будетъ отъ Бога, и будетъ выше закона, который волю Божію людемъ объявитъ: во второзаконіи такъ написалъ: И рече Господь ко мнѣ: Пророка возставлю имъ отъ среды братіи ихъ, якоже тебе, и вдамъ слово мое во уста его, и возглаголетъ имъ, якоже заповѣдаю ему. И человѣкъ той, иже не послушаетъ, елика возглаголетъ Пророкъ оный во имя мое, азъ отмщу отъ него. И такъ предвозвѣстилъ Господь чрезъ самаго законоположника, что сына своего, то есть, живый и прямый законъ имѣлъ послать, и оный ветхій Моисеемъ данный разорить, дабы чрезъ вѣчнаго законъ дать вѣчный. Также объ отмѣненіи обрѣзанія Ісаія такъ Пророчествовалъ: Сія глаголетъ Господь мужемъ Іудинымъ и обитателемъ Іерусалимлимъ: поновите себѣ поля, и не сѣйте на терніи. Обрѣ-

рѣжитеся Богу вашему, и обрѣжите жестосердіе ваше, да не изыдетъ яко огнь ярость моя, и возгорится, и не будетъ угашаяй. Также Моисей самъ: Очиститъ Господь сердце твое, любити Господа Бога твоего. Также Іисусъ Навинъ преемникъ его: Рече Господь ко Іисусу: сотвори себѣ ножи каменны отъ камене остраго, и сѣдъ обрѣжи сыны Ісраилевы второе. Сказалъ, что будетъ второе обрѣзаніе, не плоти, какъ было первое, котораго и нынѣ Іудеи употребляютъ, но сердца и духа, которое предалъ Христосъ, который былъ истинный Іисусъ. Не такъ бо Пророкъ говоритъ: Рече Господь ко мнѣ, но къ Іисусу, дабы показать, что не о себѣ говоритъ, но о Христѣ, къ которому тогда Богъ говорилъ. Христовъ бо образъ носилъ оный Іисусъ, и сперва Авзисомъ назывался, но Моисей будущее предвидя, Іисусомъ велѣлъ ему назваться, дабы (понеже онъ выбранъ былъ вождемъ воинству противъ Амалика, который воевалъ на сыновъ Ісраилевыхъ) и противника побѣдилъ образомъ имени, и народъ въ землю обѣтованную ввелъ. И того ради Моисею былъ преемникомъ, дабы показать, что новый законъ Іисусомъ Христомъ данный, на мѣсто закона Моисеемъ даннаго наступитъ. Ибо оное плоти обрѣзаніе не имѣетъ основанія: понеже ежели бы Богъ того хотѣлъ, то такимъ образомъ въ началѣ сотворилъ бы человѣка, дабы онъ крайней плоти не имѣлъ: но сего втораго обрѣзанія образомъ было, показующее, что должно обнажать сердце, то

есть

есть открытымъ и простымъ сердцемъ должно намъ жить: понеже часть оная тѣла, которая обрѣзывается, имѣетъ нѣкоторое подобіе сердца, и есть срамная, и для сей то причины Богъ обнажать ея повелѣлъ: симъ доказательствомъ увѣщавая насъ, дабы мы не покровенное сердце имѣли, то есть дабы никаковаго срамнаго дѣла въ тайнѣ совѣсти нашея не покрывали. Сіе есть сердца обрѣзаніе, о которомъ Пророки говорятъ: которое Богъ отъ плоти тлѣнной къ душѣ пренесъ, которое едино вѣчно пребываетъ. Ибо хотя житію и спасенію нашему по предвѣчной своей благости дать пользу, покаяніе намъ во ономъ обрѣзаніи предложилъ, дабы мы, ежели сердце обнаживъ, то есть, ежели грѣхи исповѣдавши, Богу довлесотворимъ, прощеніе получили: котораго упрямымъ и грѣхи своя утаевающимъ не дастъ тотъ, который не на лице, какъ человѣкъ, но на внутренность и тайны сердца взираетъ. Сюда надлежитъ и отъ свинаго мяса запрещеніе, отъ котораго, когда имъ воздерживаться повелѣлъ Богъ, то того наипаче хотѣлъ, дабы отъ грѣховъ и отъ нечистотъ воздерживалися. Ибо оное животное есть блатное и нечистое, и никогда на небо не смотритъ, но на землю цѣлымъ тѣломъ поникшее, чреву всегда и пищи работаетъ, и когда живетъ, никакой иной пользы принесть не можетъ, какъ прочіе животные, которые сидящихъ возятъ, или въ земледѣліи помогаютъ, или возы выею влекутъ, или тяжести на хребтѣ носятъ, или одѣяніе

изъ

изЪ кожЪ своихЪ подаютЪ: или млекомЪ довольствуютЪ, или домы хранятЪ. И такЪ запретилЪ свиное мясо употреблять вЪ пищу, то есть подражать житію свиному, которыхЪ на убой кормятЪ, и дабы чреву и роскошамЪ работая, кЪ творенію правды не здѣлались не способными, и смертію не умерли. Также дабы не погружалися вЪ мерзскихЪ похотяхЪ, какЪ свинья, которая погружается вЪ блатѣ: или дабы не служили земнымЪ ваяніямЪ, и себе блатомЪ не оскверняли: ибо блатомЪ себе мараютЪ тѣ, которые БоговЪ, то есть скудель и землю почитаютЪ. ТакимЪ то образомЪ всѣ заповѣди Іудейскаго закона кЪ творенію правды надлежатЪ: понеже онѣ подЪ прикрытіемЪ даны, дабы образомЪ плотскихЪ познавали духовная.

ГЛАВА 18.

Какая вина, и какій былЪ порядокЪ Господня страданія: и Господне страданіе, которыми было предвозвѣщено пророчествами.

И такЪ когда то, чему БогЪ благоволилЪ быть, и которое чрезЪ ПророковЪ своихЪ за нѣсколько вѣковЪ прежде предсказалЪ, исполнилЪ ХристосЪ, тѣмЪ возбуждены будучи Іудеи, и Божественнаго Писанія неразумѣя, согласились Бога своего на смерть осудить. Хотя ОнЪ зналЪ, что такЪ будетЪ,

и того ради говорилъ, что надлежитъ ему страдать, и убіену быть за спасеніе многихъ, удалился однако со учениками своими: не для того, дабы убѣжать того, что должно было пострадать и претерпѣть, но дабы показать, что такъ должно быть во всякомъ гоненіи, дабы кто не впалъ своею виною. И предвозвѣстилъ, что единъ отъ учениковъ его предастъ. И такъ Іуда мздою прельщенъ будучи предалъ его Іудеямъ. А Іудеи взявши его, къ Понтійскому Пилату, который тогда Сиріею управлялъ, представивши, ко кресту пригвоздить просили: укоряя его не инымъ чѣмъ, какъ только, что называлъ себя Сыномъ Божіимъ, и Царемъ Іудейскимъ. Также что говорилъ: ежели разорите сей храмъ, который созданъ чрезъ четыредесять шесть лѣтъ, я оный храмъ безъ рукъ въ три дни воздвигну: показывая, что вскорѣ имѣло быть страданіе его, и что отъ Іудей убитъ бывши въ третій день воскреснетъ. Сіи рѣчи какъ бы неистовыя и нечестивыя охуждали. Когда сіе Пилатъ услышалъ, а Христосъ въ защищеніе себе ничего не говорилъ, сказалъ, что нѣтъ ничего въ Христѣ осужденія достойнаго. А оные наинесправедливѣйшіе обвинители съ народомъ, котораго возбудили, начали кричать и креста ему нагло просить. Тогда Пилатъ и ихъ крикомъ, и побужденіемъ Ирода четвертовластника боящагося, да не отъ царства изгнанъ будетъ, преодолѣнъ былъ. Однако самъ приговора не произнеслъ, но предалъ Христа Іудеямъ, дабы они его по своему закону суди-

судили. И такъ повели его бивъ прежде плетьми, и не дошедъ креста ему ругались. Ибо одѣвши его во одежду багряну, и терніемъ увѣнчавши поздравляли какъ Царя, и дали ему пищу желчную, и смѣшали ему питіе съ оцтомъ. Послѣ сего плевали на лице его и полицу били. И когда сами мучители о одеждахъ его спорили, между собою кидали жеребій о хитонѣ и хламидѣ: когда все сіе дѣлалось, никакого гласа, какбы нѣмый не испустилъ: тогда повѣсили его посредѣ между двумя злодѣями, которые за убійство осуждены были, и къ кресту пригвоздили. И такъ о чемъ въ такомъ беззаконіи плакать буду? Или какими словами о такомъ беззаконіи жаловаться стану? Не Гавіевъ бо крестъ описываю, который Маркъ Туллій цѣлаго краснорѣчія своего силами, какъ бы изліянными всего своего ума источниками изобразилъ: объявляя, что великое есть преступленіе, когда гражданинъ Римскій въ противность всѣхъ законовъ на крестѣ повѣшенъ. Гавій бо хотя не виноватъ былъ, и той казни не достоинъ, однако былъ смертенъ, и отъ человѣка беззаконнаго, который правды не зналъ, умерщвленъ. Что скажу о недостоинствѣ сего креста, на которомъ Богъ отъ почитателей своихъ повѣшенъ и пригвожденъ? Кто сыщется толь краснорѣчивъ и многоглаголивъ? Какая рѣчь толь пространная, дабы оный крестъ по достоинству оплакала, о которомъ міръ весь и всѣ стихіи плакали? А что сіе такъ имѣло быть, и Пророческіе гласы, и Сивиллины стихи пред-

предвозвѣстили. Исаія такъ написалъ: Азъ же не противлюся, ни противоглаголю, плещи моя вдахъ на раны, и ланиты мои на заушенія, лица же моего не отвратихъ отъ студа заплеваній. Подобно и Давидъ въ псальмѣ тридцать четвертомъ: Собрашася на мя раны, и не познахъ: раздѣлишася, и не умилишася, искусиша мя, подражниша мя подражненіемъ, поскрежеташа на мя зубы своими. Что сіе имѣло быть, оное и Сивилла показала: Въ руки беззаконныхъ послѣ впадетъ, ударятъ его по щекамъ руками скверными, и изъ устъ нечистыхъ исплюютъ слину ядовитую, и тогда невинный просто на раны дастъ свой хребетъ. Также о молчаніи его, которое даже до смерти крѣпко хранилъ, Ісаія паки такъ сказалъ: Яко овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ прямо стригущаго его безгласенъ, тако не отверзаетъ устъ своихъ. И Сивилла вышереченная: И принимая ударенія молчать будетъ, дабы никто не позналъ, какое слово, и откуда пришло съ смертными бесѣдовать: и вѣнецъ терновый послѣ будетъ носить. А о пищи и питіи, которое прежде распятія Христу подали, Давидъ въ псальмѣ шестдесятъ осьмомъ такъ говоритъ: И даша въ снѣдь мою желчь, и въ жажду мою напоиша мя оцта. И что сіе имѣло быть, о томъ и Сивилла проповѣдала: Въ пищу дадутъ желчь, въ жажду оцетъ, нестраннолюбія сію предложатъ трапезу. И иная Сивилла Іудейскую землю сими словами укоряетъ: Ты безумная Бога своего не познала, играющаго между смертными

ми помышленіями, но и терніемъ увѣнчала, и ужасную желчь растворила. А что Іудеи имѣли руки возложить на Бога своего, и его убить, свидѣтельства Пророческія сіи предварили. Ездра такъ написалъ: И рече Ездра къ людемъ: сія пасха спасеніе наше есть, и прибѣжище наше. Помыслите, и да взыдетъ на сердце ваше, яко смиримъ его во знаменіе: и по семъ будемъ уповати на него, да не оставится мѣсто сіе въ вѣчное время, глаголетъ Господь Богъ силъ. Аще не вѣруете ему, ни услышите благовѣствованія его, будете въ посмѣяніе во языцѣхъ. Отсюда видимъ, что Іудеи никакой иной надежды не имѣютъ, ежели не омыютъ себе отъ крови, и не будутъ надѣяться на того самого, котораго отреклися. И Ісаія объявляя беззаконіе ихъ, говоритъ: Во смиреніи его судъ его взятся, родъ же его кто исповѣсть? яко вземлется отъ земли животъ его, ради беззаконій людей моихъ ведеся на смерть. И дамъ лукавыя вмѣсто погребенія его, и богатыя вмѣсто смерти его! яко беззаконія не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ его. Сего ради той наслѣдитъ многихъ, и крѣпкихъ раздѣлитъ корысти: зане предана бысть на смерть душа его, и со беззаконными вмѣнися, и той грѣхи многихъ вознесе, и за беззаконіе ихъ преданъ бысть. И Давидъ въ псальмѣ двадцать третьемъ: Уловятъ на душу праведничу, и кровь неповинную осудятъ и бысть мнѣ Господь въ прибѣжище, и Богъ мой въ помощь упованія моего. И Іеремія: Господи скажи ми,

и уразумѣю: тогда видѣхъ начинанія ихъ, азъ же яко агня незлобивое ведомое на заколеніе: на мя помыслиша помыслъ лукавый, глаголюще: пріидите, и вложимъ древо въ хлѣбъ его, и истребимъ его отъ земли живущихъ, и имя его да не помянется къ тому. Древо же крестъ знаменуетъ, и хлѣбъ тѣло его: понеже онъ есть пища и жизнь всѣхъ вѣрующихъ въ плоть, которую носилъ, и въ крестъ, на которомъ висѣлъ. Однако о крестѣ яснѣе самъ Моисей во второзаконіи такъ проповѣдалъ: И будетъ животъ твой висящъ предъ очима твоима, и убоишися во дни и въ нощи, и не будеши вѣры яти житію твоему. Паки въ числахъ: Не яко человѣкъ Богъ колеблется, ниже яко сынъ человѣческій измѣняется. И Захарія такъ написалъ: И воззрятъ нань, егоже прободоша. И Давидъ въ псалмѣ двадцать первомъ: Ископаша руцѣ мои и нозѣ мои: исчетоша вся кости моя: тіиже смотриша, и презрѣша мя. Раздѣлиша ризы моя себѣ, и о одежди моей меташа жребій. А сіе Пророкъ не о себѣ говорилъ: ибо былъ Царь, и никогда сего не претерпѣлъ, но духъ Божій чрезъ него говорилъ, что имѣлъ Христосъ сіе пострадать спустя тысячу и пятдесятъ лѣтъ. Понеже столько считается лѣтъ отъ царства Давидова до креста Христова. Но и Соломонъ сынъ его, который Іерусалимъ создалъ, пророчествовалъ, что Іерусалимъ погибнетъ въ отмщеніе святаго креста: Аще же отвратитеся отъ мене, и не сохраните заповѣдей моихъ, изрину Израиля изъ земли, юже дахъ имъ, и

храмъ

храмъ сей, егоже освятихъ имени моему, отвергну отъ лица моего: и будетъ Израиль въ погубленіе, и во глаголаніе всѣмъ людемъ. И домъ сей будетъ пустъ. Всякъ преходяй сквозѣ его ужаснется, и речетъ: чесо ради сотвори господь тако земли сей, и храму сему? И рекутъ: понеже оставиша Господа Бога своего, и гониша Царя своего, возлюбленнаго Богу, и мучиша его во смиреніи великомъ: сего ради наведе имъ Богъ злая сія.

ГЛАВА 19.

О чудесахъ, которыя въ страданіи Господнемъ были. О погребеніи и воскресеніи. И какими Пророческими свидѣтельствами сіе утверждается.

Что больше о беззаконіи Іудеевъ сказать можно, какъ только что ослѣплены они тогда были, и неисцѣлимымъ безуміемъ изнемогали, что сіе повся дни читая не уразумѣли, и дабы сего не здѣлать, не могли предостеречь себя. И такъ повѣшенъ будучи Христосъ, и пригвожденъ, возопилъ ко Господу гласомъ великимъ, и испустилъ духъ: и въ тотъ же часъ земля потряслася, и завѣса церковная, которая раздѣляла двѣ скиніи, раздралась на двѣ части: и солнце незапно скрылось, и отъ часа шестаго даже до девятого тма была. О семъ Пророкъ Амосъ свидѣтельствуетъ: И будетъ въ той

день, глаголетъ Господь Богъ, взыдетъ солнце въ полудни, и померкнетъ на земли въ день свѣтъ: и превращу праздники ваши въ жалость, и вся пѣсни ваши въ плачь. Также Іеремія: Праздна бысть родившая седмь, оскудѣ душа ея, зайде ей солнце еще среди полудни, постыждена бысть, и укорена: прочія ихъ въ мечь дамъ предъ враги ихъ. И Сивилла говоритъ: Церковная раздерется завѣса, и въ полудни нощь будетъ темная великая три часа. Когда сіе было, то и отъ чудесъ небесныхъ беззаконія своего примѣтить не могли: но понеже предсказалъ Христосъ, въ третій день отъ гроба востану, боялися, дабы ученики его не похитили и не унесли его тѣла, и дабы всѣ не увѣровали, будто онъ воскреслъ, и не здѣлалось бы несравненно большаго въ народѣ смятенія: сняли его съ креста, и заключивши въ гробѣ, крѣпко воинскою стражею окружили. Но въ третій день предъ свѣтомъ, потряслася земля, и незапно отворился гробъ: стражи отъ страха изумлены будучи ничего не видѣли: Христосъ цѣлый и живый изъ гроба изшедши, въ Галилею пошелъ учениковъ своихъ искать, а въ гробѣ ничего не найдено, какъ только полотно, которымъ обвито было тѣло его. А что онъ не имѣлъ пребыть во адѣ, но въ третій день имѣлъ востать, оное Пророки предсказали: Давидъ въ псалмѣ пятомънадесять: Не оставиши душу мою во адѣ, ниже даси преподобному своему видѣти истлѣнія. И въ псалмѣ третіемъ: Азъ уснухъ, и спахъ, востахъ, яко Господь заступитъ мя. И Осія первый изъ двенадцати Про-

Пророковъ о воскресенiи его свидѣтельствовалъ: Сей сынъ мудрый, зане нынѣ не устоитъ въ сокрушенiи чадъ. Отъ руки адовы избавлю его. Гдѣ пря твоя смерте? гдѣ остенъ твой? И на иномъ мѣстѣ: Исцѣлитъ ны подвою дню, въ день третiй. И щого ради Сивилла сказала, что положитъ предѣлъ смерти по тридневномъ снѣ: Смерть скончаетъ по тридневномъ снѣ, и тогда отъ мертвыхъ изшедши на свѣтъ, прiидетъ, первый начало воскресенiя избраннымъ показуя. Ибо жизнь намъ приобрѣлъ, смерть побѣдивши. И такъ нѣтъ иной надежды человѣку получить безсмертiе, какъ только вѣровать во Христа, и его крестъ носить и терпѣть.

Глава 20.

Что пошедши въ Галилею Господь по воскресенiи, открылъ ученикамъ тайны писанiя: и для чего ветхiй законъ называется завѣтомъ, и не можно было его разумѣть прежде смерти Господней: и что новый завѣтъ ветхаго дополнителнее есть: какими сiе предсказано свидѣтельствами.

И такъ пошелъ въ Галилею: ибо не хотѣлъ Iудеемъ показаться, дабы не привести ихъ въ покаянiе, и нечестивыхъ не исцѣлить, учениковъ паки собравши, святое писанiе, то есть пророческiя тайны имъ открылъ, которыхъ

рыхъ прежде его страданія уразумѣть ни какъ не можно было: понеже о немъ и о страданіи его предвозвѣщали. Того ради Моисей, и всѣ Пророки, законъ Іудеемъ данный завѣтомъ называютъ: понеже прежде смерти завѣщателя ни утвердить завѣта не можно, ни знать, что въ немъ написано. Понеже завѣтъ заключенъ и запечатанъ. И такъ ежели бы Христосъ не умеръ, то отворить завѣтъ, то есть открыть и уразумѣть тайну Божію не можно было. Но писаніе все на два завѣта раздѣлено. Оный, который пришествіе Господне и страданіе предварилъ, то есть законъ и Пророки, называется вѣтхимъ: а тотъ, который по воскресеніи его написанъ, новымъ завѣтомъ нарицается. Іудеи ветхаго завѣта употребляютъ, мы новаго: но однако они нераздѣльны, понеже новый завѣтъ ветхаго есть дополненіемъ, и во обоихъ одинъ завѣщателемъ есть Христосъ, который за насъ умерши, насъ наслѣдниками вѣчнаго царствія сотворилъ, отрѣшивъ и наслѣдства лишивъ народъ Іудейскій, какъ Іеремія Пророкъ свидѣтельствуетъ, такимъ образомъ сказуя: Се дніе грядутъ, глаголетъ Господь: завѣщаю дому Ісраилеву, и дому Іудову завѣтъ новъ, не по завѣту, егоже завѣщахъ отцемъ ихъ, въ день, въ онъже емшу ми за руку ихъ, извести отъ земли Египетскія, яко тіи не пребыша въ завѣтѣ моемъ, и азъ не брегохъ о нихъ, глаголетъ Господь. И на иномъ мѣстѣ подобно говоритъ: Оставихъ домъ мой, оставихъ достояніе мое въ руки враговъ: бысть мнѣ достояніе мое

яко

яко левъ въ дубравѣ, даде противу меня гласъ свой: сего ради возненавидѣхъ е. Понеже достояніе его есть небесное царство, то не самое достояніе онъ возненавидѣлъ, но наслѣдниковъ, которые противъ его неблагодарными и нечестивыми здѣлались. Бысть, говоритъ, достояніе мое мнѣ, яко левъ: то есть ловомъ и снѣдію сталея я наслѣдникамъ моимъ, которые мене убили, какъ овцу. Даде противу мене гласъ свой, то есть, приговоръ смертный и крестный противъ меня издали. Ибо что прежде говорилъ: Завѣщаю дому Іудову завѣтъ новъ, то показуетъ, что ветхій оный завѣтъ, который Моисеемъ данъ былъ, не былъ совершенъ, а который Христомъ данъ будетъ, совершенъ будетъ. А домъ Іудовъ и Ісраилевъ, не Іудеевъ знаменуетъ, которыхъ оставилъ, но насъ, которые имъ призваны отъ языкъ, ихъ мѣсто усыновленія наслѣдовали, и называемся сынами Іудеевъ: что объявляетъ Сивилла сказывая, Іудеевъ небесныхъ блаженныхъ Божественный родъ. Какій же имѣлъ быть той родъ, Исаія показываетъ, у котораго всевышній Отецъ къ Сыну такъ глаголетъ: Азъ Господь Богъ призвахъ тя въ правдѣ, и удержу за руку твою, и укрѣплю тя, и дахъ тя въ завѣтъ рода Ісраилева, во свѣтъ языковъ, отверзсти очи слѣпыхъ, извести отъ узъ связянныя, и изъ дому темницы, и сѣдящія во тмѣ. И такъ мы прежде бывши какъ бы слѣпые, и какъ въ темницѣ безумія заключенные, сѣдящіе во тмѣ, не знающіе Бога и истинны, просвѣщены отъ него: который насъ завѣтомъ

 сво-

своимъ усыновилъ, и свободивши отъ узъ злыхъ, и во свѣтъ мудрости изведши, въ наслѣдіе царства небеснаго принялъ.

ГЛАВА 21.

О вознесеніи Господнемъ, раздѣленіи учениковъ на основаніе и утвержденіе новыя церкви, и о чудесахъ ихъ, и какъ Петръ и Павелъ въ Римъ пришедши пророчествовали, что въ скорости пріидетъ Царь, который Іерусалимъ разоритъ, и Іудеевъ погубитъ такъ, какъ потомъ исполнилось.

И такъ когда повелѣлъ ученикамъ своимъ благовѣствовать, и имя свое проповѣдывать, окружилъ его незапно облакъ, и его на небо вознеслъ въ четыредесятый день по страданіи, какъ Даніилъ предвозвѣстилъ сказуя: И се на облацѣхъ небесныхъ яко сынъ человѣческій, идый бяше, и даже до ветхаго деньми дойде. А ученики по странамъ разсѣявшись вездѣ, церкви основали, дѣлая и сами о имени учителя Бога великія и почти не вѣроятныя чудеса: понеже возносясь далъ имъ силу и власть, дабы могли новое благовѣствованіе основать и утвердить: но и будущее открылъ имъ все, что Петръ и Павелъ въ Римѣ проповѣдали, и сіе проповѣданіе для памяти писанное обрѣтается, въ которомъ какъ

много

много инаго дивнаго, такъ и сiе предсказали, что въ скоромъ времени послетъ Богъ Царя, который побѣдитъ Iудеевъ, и грады ихъ съ землею сравнитъ, а ихъ самихъ алчныхъ и жаждныхъ обляжетъ. Тогда они тѣла своихъ людей снѣдать будутъ, и себе взаимно погубятъ. Напослѣдокъ плѣнены будучи прiидутъ въ руки враговъ, и предъ лицемъ ихъ, женъ ихъ мучить будутъ, дѣвицъ на блудодѣянiе отдавать, расхищать отроковъ, разбивать младенцовъ, и все огнемъ и мечемъ опустошать. Плѣнные на вѣки изъ земли своея изгнаны будутъ, за то, понеже разсвирѣпѣли на возлюбленнаго и святѣйшаго сына Божiя. И такъ по смерти Петра и Павла, когда ихъ Неронъ умертвилъ, Iудейскiй народъ и имя его, Веспасiанъ истребилъ: и здѣлалъ все, что они предсказывали.

ГЛАВА 22.

Что доводами опровергать должно тѣхъ, которые Божественнымъ писанiямъ не вѣрятъ, и какихъ доводовъ употребляютъ невѣрные, дабы Господне воплощенiе опровергнуть.

Уже утвердилъ я то (какъ надѣюсь) что ложнымъ и невѣроятнымъ казалось истиннаго небеснаго ученiя незнающимъ: однако дабы возразить мнѣ и тѣхъ, которые съ вре-

домѣ себѣ чрезмѣру высокоумствуютѣ, и дѣламѣ Божественнымѣ не вѣрятѣ, то доводами обличить ихѣ должно и ихѣ заблужденіе, дабы увидѣли нѣкогда, что такѣ должно было быть, какѣ я показываю. И хотя у добрыхѣ и разсудительныхѣ людей довольно имѣютѣ силы, или свидѣтельства безѣ доводовѣ, или доводы безѣ свидѣтельствѣ: однако я не доволенѣ однимѣ, понеже обое имѣю, дабы кому развращенноразумному неоставить мѣста или кѣ неуразумѣнію, или кѣ противорѣчію. Говорятѣ, будто не могло статься, дабы естество безсмертное вѣ чемѣ либо умалится могло. Говорятѣ наконецѣ, будто не пристойно Богу, дабы человѣкомѣ быть восхотѣлѣ, и себе немощію плоти обременилѣ, дабы страстямѣ, дабы болѣзни, дабы смерти себе подверглѣ: будто бы ему трудно было безѣ немощнаго тѣла людемѣ себе показать, и ихѣ правдѣ научить сѣ большею Божественною властію, ежели бы того хотѣлѣ. Ибо тогда бы всѣ заповѣдемѣ небеснымѣ послушными были, ежели бы кѣ тѣмѣ сила и власть Бога повелѣвающаго присовокуплена была. И такѣ для чего (говорятѣ) не пришелѣ учить людей во образѣ Божіемѣ? для чего толь низкимѣ и немощнымѣ себе содѣлалѣ, дабы отѣ человѣкѣ и презрѣну быть, и казнь принять? для чего насильство отѣ немощныхѣ и смертныхѣ претерпѣлѣ? для чего рукѣ человѣческихѣ или силою не отразилѣ, или отѣ оныхѣ вѣ разсужденіи божества своего не скрылся? для чего величества своего хотя при самой смерти не явилѣ, но какѣ немощ-

мощный на судъ приведенъ, какъ виноватый осужденъ, какъ смертный умерщвленъ. Отражу сіе тщательно, и никому не попущу заблуждать. Ибо сіе съ великимъ и чуднымъ намѣреніемъ здѣлано, которое ежели кто уразумѣетъ, тотъ не только удивляться престанетъ, что Богъ отъ человѣковъ мученіе претерпѣлъ, но и легко усмотритъ, что не можно бы его Богомъ почесть, ежели бы то не здѣлалось.

ГЛАВА 23.

Что исправитель чужихъ нравовъ теряетъ свою важность, ежели не дѣлаетъ самъ, чему учитъ, какъ въ Философахъ видимъ, которые противно своимъ заповѣдемъ жили; но Христосъ во первыхъ творилъ, потомъ училъ.

Кто заповѣди даетъ людемъ, и исправляетъ житіе и нравы иныхъ, вопрошаю, долженъ ли самъ дѣлать то, что повелѣваетъ, или не долженъ? Ежели не будетъ дѣлать, разрушитъ свои заповѣди. Ибо ежели доброе повелѣваетъ, ежели его заповѣди житіе человѣческое въ наилучшее состояніе приводятъ, то не долженъ учитель себе самаго отъ числа и собранія людей отлучать, между которыми самъ живетъ: и самъ долженъ такъ жить, какъ учитъ жить; дабы ежели инако

жить станетъ, самъ заповѣди свои неимовѣрными не учинилъ, и ученія своего маловажнымъ не здѣлалъ, ежели самымъ дѣломъ разрушитъ то, что словами утверждаетъ. Ибо всякъ слышащій повелѣвающаго, не хощетъ принуждаемь быть къ повиновенію, какъ будто бы чрезъ то лишался онъ свободы: и того ради отвѣтствовать будетъ учителю такъ: не могу того дѣлать, что повелѣваешь, понеже есть не возможное. Запрещаешъ мнѣ гнѣваться, запрещаешъ желать, повелѣваешъ, дабы я обуздовалъ похоть, запрещаещъ болѣзни или смерти бояться: но сіе столь есть противно природѣ, что симъ страстямъ всѣ животные подвержены: или ежели ты такъ думаешъ, что противиться можно природѣ, то и ты самъ дѣлай оное, что повелѣваешъ, дабы я зналъ, что дѣлать оное можно. А понеже ты самъ не дѣлаешъ, то какое безуміе, что человѣку свободному предписать хочешъ законы, которымъ самъ не повинуешся? вопервыхъ научися ты учитель; и прежде нежели нравы иныхъ исправишъ, свои исправь. Кто скажетъ, что сей отвѣтъ неправеденъ. И не только то, но и въ презрѣніе пріидетъ таковый учитель и въ посмѣяніе: ибо думать будутъ о немъ, что онъ насмѣхается. И такъ что здѣлаетъ оный учитель, ежели сіе ему напротивъ скажутъ? какъ уничтожитъ онъ извиненіе упорныхъ людей, ежели самымъ дѣломъ не покажетъ, что возможному учитъ? Отсюда то происходитъ, что философскихъ заповѣдей никто не слушаетъ. Ибо люди наипаче

паче желаютъ примѣровъ, нежели словъ: понеже говорить легко, но дѣлать трудно. О когда бы такъ многіе хорошо дѣлали, какъ хорошо говорятъ. Но которые повелѣваютъ, а сами такъ не дѣлаютъ, то не имутъ имъ вѣры: и ежели они люди, то презираемы бываютъ какъ легкомысленные: ежелижъ Богъ, то противоположится ему немощи человѣческія извиненіе: остается, что дѣлами должно слова утверждать, чего Философы дѣлать не могутъ: того ради когда сами учители побѣждаемы бываютъ страстьми, которыя они учатъ побѣждать, то никого не могутъ къ добродѣтели, которую ложно проповѣдаютъ, приучить: и для сей то причины, думаютъ, что никого еще не было совершенно премудрымъ: то есть въ которомъ бы съ высочайшимъ ученіемъ и знаніемъ, высочайшая добродѣтель и совершенная правда находилась. И сіе есть самая истинна. Ибо ни кого отъ созданія міра такого не было, кромѣ Христа, который и словомъ мудрость предалъ, и ученіе прямою добродѣтелію утвердилъ

ГЛАВА 24.

Что небесный учитель долженъ быть совершенъ, и для чего совершенъ быть не можетъ не принявши смертнаго тѣла.

Теперь разсмотримъ; учитель съ небеси посланный, можетъ ли быть не совершеннымъ, я не говорю о томъ, о котораго отъ Бога послании

сланіи прекословятъ. Положимъ что нѣкто съ небеси посланъ будетъ, дабы житіе человѣческое добродѣтели научить и на правду наставить. Никто не можетъ сумнѣваться, что той учитель, который съ небеси посылается, какъ въ знаніи всѣхъ вещей, такъ въ добродѣтели будетъ совершеннымъ: дабы нѣкоторое было различіе между небеснымъ и земнымъ. Ибо въ человѣкѣ внутреннее и собственное ученіе ни какъ быть не можетъ: понеже душа въ земной утробѣ заключенная, и немощію тѣла обложенная сама собою ни постигнуть, ни понять правды не можетъ, ежели отъинуда научена не будетъ. А хотя бы и могла, однако высочайшей добродѣтели вмѣстить, и всѣмъ порокамъ противиться не можетъ, которыхъ матерія во утробѣ есть. Отсюда то происходитъ, что земный учитель совершеннымъ быть не можетъ. А небесный учитель, которому знаніе божество, добродѣтель безсмертіе даровало, какъ въ прочихъ вещахъ, такъ и въ ученіи совершеннымъ быть долженъ: а сему совсѣмъ статься не можно, ежели смертнаго тѣла на себѣ не пріиметъ. Для чего же статься не можетъ? доводъ тому явный. Ибо ежели бы къ людемъ пришелъ какъ Богъ (я не говорю, что смертные очи свѣтлости величества его видѣть и терпѣть не могли бы) то самъ Богъ добродѣтели учить не могъ бы: понеже не имѣя тѣла, не здѣлаетъ того, чему будетъ учить: и для того ученіе его совершеннымъ не будетъ: въ противномъ случаѣ, ежели добродѣтель высочайшая есть,

бо-

болезнь терпѣливо за правду и за должность сносить: ежели добродѣтель есть, смерти самой наступающей не бояться, и нанесенную мужественно претерпѣвать: то долженъ учитель оный совершенный, и учить тое повелѣвая, и утверждать дѣлая: понеже кто даетъ заповѣди житія, тотъ пресѣкать долженъ путь всѣмъ извиненіямъ, дабы принудить людей къ повиновенію, не насиліемъ нѣкоторымъ, но стыдомъ: и однако свободу оставить, дабы и награжденіе было опредѣлено послушнымъ: понеже могли бы не послушать, ежели бы хотѣли. Какъ же можетъ пресѣчено быть извиненіе, ежели учащій не будетъ дѣлать того чему учитъ, и не будетъ предшествовать, и руки не подастъ за собою слѣдующему? какъ же можетъ дѣлать то, чему учитъ, ежели не будетъ подобнымъ тому, кого учитъ? Ибо ежели не будетъ подверженъ никакой страсти, то можетъ ему учащему человѣкъ такъ отвѣтствовать: хочу подлинно не грѣшить, но побѣждаемь бываю: ибо облеченъ я плотію немощною и слабою: сія вожделѣваетъ, сія гнѣвается, сія болѣзнуетъ, сія умереть боится. Того ради водимь бываю насильно, и грѣшу не потому, будто хочу, но понеже принужденъ бываю. Знаю я и самъ, что грѣшу, но нужда немощи понуждаетъ, которой противиться не могу. Что на сіе отвѣтствовать будетъ учитель оный правды? какъ возразитъ и обличитъ человѣка, который грѣхамъ своимъ въ извиненіе плоть представитъ, ежели и самъ плотію облеченъ не будетъ, дабы показать, что

что и плоть можетъ дѣлать добродѣтель? Ибо упорство не можетъ обличено быть, какъ только примѣромъ: понеже не можетъ имѣть крѣпости то, чему учишъ, ежели прежде самъ не здѣлаешъ того: ибо природа человѣческая склонная къ порокамъ, хочетъ казаться, что простительно: но и не безрезонно согрѣшаетъ. И такъ долженъ учитель добродѣтели совсѣмъ человѣку подобнымъ быть, дабы побѣждая грѣхъ показалъ человѣку, что можно ему грѣхъ побѣдить. А ежели будетъ безсмертнымъ, то примѣра человѣку показать никакъ не можетъ. Ибо можетъ быть сыщется нѣкто упорный, и скажетъ: правда, что ты не грѣшишь, понеже свободенъ ты отъ сего тѣла: не желаешъ, понеже безсмертному ничего непотребно: а мнѣ многія вещи потребны, дабы сберечь сію жизнь. Смерти не боишся, понеже она противъ тебя не сильна: болѣзнь презираешъ, понеже никакого насилія терпѣть не можешъ. А я смертнымъ будучи, обоего боюся, понеже мученія мнѣ наитяжчайшія дѣлаютъ, которыхъ немощь плоти снести не можетъ. Того ради учитель добродѣтели и сіе извиненіе долженъ людемъ пресѣчь, дабы грѣша ктолибо не приписалъ того наипаче необходимости, нежели винѣ своей. И такъ дабы моглъ быть совершеннымъ, то ничего не долженъ напротивъ ему предлагать учащійся: дабы, ежелибы сказалъ: невозможное повелѣваешъ: отвѣтствовалъ: видишъ ли что я самъ то дѣлаю. Но я плотію обложенъ, которой свойственно грѣшить. И

я тужъ плоть ношу, и однако грѣхъ мною не обладаетъ. Мнѣ богатство презирать трудно, понеже жить инако въ семъ тѣлѣ не можно. Вотъ и я тѣло имѣю, и однако воюю противъ всякаго вожделѣнія. Не могу за правду ни болѣзни стерпѣть ни смерти, понеже немощенъ есмь. Вотъ надо мною болѣзнь и смерть имѣетъ власть: однако я то самое, чего ты боишся, преодолѣваю, дабы тебе побѣдителемъ здѣлать болѣзни и смерти. Сперва дѣлаю самъ то, что ты за несносное почитаешь. Ежели повелѣвающему послѣдовать не хочешь, то послѣдуй предшествующему. Пресѣчено таковымъ образомъ всякое извиненіе, и должно человѣку признаться, что своею виною онъ неправеденъ, который учителю и Вождю добродѣтели не послѣдуетъ. И такъ видишь, сколь совершеннѣе смертный учитель, понеже быть вождемъ смертному можетъ, нежели безсмертный: понеже терпѣнію учить не можетъ, который страстямъ не подверженъ. Сіе я не для того говорю, дабы человѣка паче Бога почтить: но дабы показать, что человѣкъ совершеннымъ учителемъ быть не можетъ, ежели не будетъ онъ же и Богомъ, дабы властію небесною понудить людей къ повиновенію, ни Богъ совершеннымъ учителемъ быть не можетъ, ежели смертнымъ тѣломъ не будетъ обложенъ, дабы заповѣди свои дѣлами исполняя, прочихъ къ послушанію могъ обязывать. И такъ ясно видно, что житія вождемъ, и учителемъ правды долженъ быть тѣлесный, и инако ученіе его не можетъ быть

полнымъ и совершеннымъ, ежели не будетъ имѣть корени и основанія, и постоянно и крѣпко у людей не пребудетъ. Но и самъ онъ долженъ принять плоти и тѣла слабость, и добродѣтель, которой научаетъ, на себе взять, дабы оной купно и словами и дѣлами научить. Ктомужъ долженъ быть подверженнымъ смерти и всѣмъ страстямъ: понеже и въ понесеніи страсти, и въ принятіи смерти добродѣтели должность состоитъ: и сіе все (какъ я сказалъ) совершенный учитель претерпѣть долженъ, дабы показать, что можно претерпѣть.

ГЛАВА 25.

Что хотя Христосъ смертность нашу принялъ, однако рожденъ не какъ прочіе люди, но изъ плоти дѣвичей: и для чего будучи невиннымъ, самопроизвольно принялъ казнь.

И такъ должны познать люди и выразумѣть, для чего Богъ посылая посланника и вѣстника учить людей правдѣ, повелѣлъ ему въ плоть облещися, крестъ претерпѣть, и смертію умереть. Ибо поелику правды совсѣмъ не было на земли, то учителя послалъ какъ живый законъ, дабы имя и храмъ новый создалъ, дабы истинное и благочестивое почитаніе по всей земли словами и примѣромъ разсѣялъ; но однако дабы извѣстно было, что

онъ отъ Бога посланъ, то не такъ ему родиться надлежало, какъ человѣкъ раждается изъ смертныхъ обоихъ происходя: но дабы видимо было, что онъ и въ человѣческомъ образѣ есть небесный, то рожденъ безъ родителя: ибо имѣлъ духовнаго Отца Бога, и какъ Духа его отцемъ есть Богъ безъ матери, такъ матерію плоти его Дѣва безъ отца. И такъ былъ онъ Богъ и человѣкъ, между Богомъ и человѣкомъ средній, по чему его Греки посредственникомъ называютъ, дабы человѣка привести къ Богу могъ, то есть къ безсмертію: понеже ежели бы былъ только Богомъ, какъ прежде сказано, то примѣровъ добродѣтели человѣку дать не могъ бы: а ежели бы человѣкомъ только, то не могъ бы людей къ правдѣ принудить, ежели бы важности и силы не имѣлъ больше человѣческой. Ибо поелику человѣкъ состоитъ изъ плоти и духа: и духъ долженъ дѣлами правды заслуживать себѣ вѣчность: а плоть поелику есть земная, и потому смертная, сопряженный себѣ духъ влечетъ съ собою, и отъ безсмертія ведетъ къ смерти: слѣдовательно духъ не имѣющій плоти, вождемъ быть человѣку къ безсмертію никакъ не могъ: понеже плоть духу препятствуетъ послѣдовать Богу. Ибо она есть немощна и подверженна грѣху, а грѣхъ есть пищею смерти, и того ради посредственникъ пришелъ, то есть Богъ во плоти, дабы плоть послѣдовать ему могла, и дабы исхитить отъ смерти человѣка, которая владѣетъ плотію. Того ради въ плоть

облекся, дабы вожделѣнія плоти укротивъ, показать, что не по нуждѣ грѣшитъ человѣкъ, но съ намѣренія и воли. Ибо одна намъ и великая и главная съ плотію брань предлежитъ, которой безчисленныя вожделѣнія утѣсняютъ душу, и не попущаютъ пребывать оной навсегда съ Богомъ: но оную сластолюбіемъ и прелестьми удовольствіе дѣлающими плѣнивши, вѣчно умерщвляютъ. Симъ лестямъ, дабы могли мы противиться то Богъ намъ и открылъ и показалъ путь побѣждать плоть. Сія добродѣтель совершенная и полная, вѣнецъ побѣждающимъ и награжденіе намъ вѣчности даруетъ.

ГЛАВА 26.

О тайнѣ Господня креста, и силѣ и знаменованіи того, что Христосъ сотворилъ, или претерпѣлъ: и какъ предъизображенъ былъ заколеніемъ Агнца законнаго.

Сказалъ я о человѣчествѣ и немощи и страсти, для чего сіе Богъ претерпѣть восхотѣлъ: теперь самого креста вину представить должно, и о силѣ его сказать. Что Всевышній Отецъ отъ начала опредѣлилъ, и какъ все, что ни сдѣлано, расположилъ оное, не только предсказаніе Пророковъ, которое о Христѣ прямо было, но и самое его страданіе показываетъ. Ибо, что ни претерпѣлъ, оное не было празднымъ, но имѣло образъ и

и знаменованіе великое: какъ и божественныя оныя сотворенныя имъ дѣла, которыхъ сила и власть дѣйствовала въ настоящемъ времени, но нѣчто показывала означающее для будущаго. Отверзала очи слѣпымъ сила небесная, и свѣтъ не видящимъ даровала: и симъ дѣломъ показала, что Богъ обратясь къ народамъ его незнающимъ, неразумныхъ сердца просвѣтилъ свѣтомъ премудрости, и къ зрѣнію истинны очи сердечныя отверзетъ. Ибо подлинно слѣпы тѣ, которые не видя небесныхъ, и тьмою неразумія омрачены будучи, земная и тлѣнная почитаютъ. Отверзала уши глухимъ: но не то только сила оная небесная дѣйствовала, но объявляла, что не знающіе истинны и услышатъ и уразумѣютъ Божіе Слово: ибо подлинно глухими должно назвать тѣхъ, которые небесныхъ и истинныхъ и полезныхъ не слышатъ. Нѣмыхъ языки разрѣшила: чудная въ самомъ дѣлѣ власть: но было въ сей силѣ иное знаменованіе, показующее, что прежде дѣлъ небесныхъ не знающіе, вскорѣ понявши ученіе премудрости, о Богѣ и истиннѣ будутъ говорить. Ибо кто Бога не знаетъ, той поистиннѣ безсловесенъ есть и нѣмъ, хотя былъ бы всѣхъ велерѣчивѣйшимъ. Ибо тогда языкъ должность природы своея отправляетъ, когда истинну говоритъ начинаетъ, то есть силу и величество Бога единаго признавать: а когда ложь говоритъ, тогда дѣйствія своего лишается: и такъ младенцемъ тотъ быть долженъ, который о божествѣ говорить не можетъ. И ноги хромыхъ дабы ходить,

обновила: хвальная Божія дѣла крѣпость: но образъ сіе содержалъ, что по истребленіи заблужденія временнаго и безпутнаго житія, путь правды откроется, которымъ пойдутъ люди къ полученію Божія благодати. Ибо того поистиннѣ хромымъ почитать должно, который мракомъ и тьмою неразумія омраченъ будучи, и незная куда идетъ, преткновенными и къ паденію стремящимися стопами по пути смерти ходитъ. Также прокаженныя тѣла очистила: не малое безсмертныя силы дѣло. Но сія сила предзнаменовала то, что грѣховными мерзостьми и беззаконіями оскверненныхъ, ученіе его имѣло очистить наученіемъ правды; ибо прокаженными подлинно должно почитать тѣхъ, которыхъ или безмѣрное вожделѣніе къ беззаконіямъ, или ненасытное сластолюбіе къ порокамъ понуждаютъ, и бесчестія пороками осквернивши, мерзостію вѣчною поражаютъ. Лежащія мертвыхъ трупы воздвигла, и ихъ свойственными именами назвавши, отъ смерти возвратила. Что приличнѣе Богу? что достойнѣе чудеси всѣхъ вѣковъ, какъ прошедшее житіе возвратить, и оконченнымъ человѣческимъ временамъ времена приложить, тайну смерти открыть? Но сія несказанная власть большей силы прознаменованіемъ была, которая показала, что такую силу будетъ имѣть ученіе его, что народы во всемъ свѣтѣ отчужденные отъ Бога, подверженные смерти, познаніемъ истиннаго Свѣта просвѣтившись, къ безсмертію пріидутъ. Ибо тѣхъ поистиннѣ

за

за мертвыхъ почесть должно, которые дателя жизни Бога не знаютъ, и души свои отъ неба къ земли преклоняя, въ силѣ вѣчной смерти попадаютъ. И такъ что тогда дѣлалъ, оное образовало будущее. Что въ тѣлахъ пораженныхъ болѣзнію показывалъ, оное духовный образъ имѣло; дабы и въ настоящемъ могущества дѣла земная намъ показать, такъ и въ будущемъ власть своего небеснаго величества. Ибо какъ дѣла его знаменованіе большаго могущества имѣли, такъ и страданіе не простое, не излишнее ни случайное было, но какъ то, что дѣлалъ, великую силу и власть показывало, такъ то, что пострадалъ, возвѣщало, что ненавидима будетъ мудрость. Ибо питіе оцта и пища желчи, горесть въ семъ житіи послѣдователемъ истинны обѣщала. И хотя страданіе само собою горкое образъ намъ подавало будущихъ мученій, которыя намъ въ вѣкѣ семъ добродѣтель сама предлагаетъ, однако таковая пища и питіе во уста учителя нашего входящее, утѣсненій, трудовъ и бѣдъ подавало намъ примѣръ. Сіе все сносить и претерпѣвать должно тѣмъ, которые истиннѣ послѣдуютъ: понеже истинна есть горка и ненавидима всѣмъ, которые не имѣя добродѣтели, житіе свое смертоносному сластолюбію предали. Ибо вѣнецъ терновый на главу Христову возложенный то показалъ, что божественный себѣ народъ отъ грѣшныхъ соберетъ. Вѣнцемъ бо называется стоящій кругомъ народъ, а мы, которые прежде нежели Бога познали, были терніе, то есть не праведными,

злыми и виновными, незнающими, что есть доброе, отЪ знанія и дѣлЪ правды отчужденными, все беззаконіемЪ и похотію скверневшими: и такЪ избраны будучи отЪ тернія, святую Божію главу окружаемЪ: понеже призваны отЪ него, и собрани бывши отвсюда кЪ нему, учителю Богу предстоимЪ, и онаго Царя міра, и всѣхЪ живущихЪ Господа, окружаемЪ. А что до креста надлежитЪ, великая вЪ немЪ сила и разумЪ заключается, которую теперь потщуся показать. Ибо БогЪ (какЪ выше я показалЪ) восхотѣвши человѣка свободить, учителя добродѣтели послалЪ на землю: дабы ученіемЪ спасительнымЪ наставилЪ человѣка кЪ невинности, и настоящими дѣлами путь правды показалЪ: дабы тѣмЪ путемЪ шествуя человѣкЪ, и учителю своему послѣдуя, кЪ жизни вѣчной достигнулЪ. И такЪ сей учитель воплотился, и одеждою тѣла одѣлся, дабы человѣку, которого учить пришелЪ, и примѣры и побужденія кЪ добродѣтели показать. Но во всѣхЪ житія должностяхЪ примѣрЪ правды подавши, дабы и терпѣнію болѣзни, и презрѣнію смерти, вЪ чемЪ совершенная состоитЪ добродѣтель, научить человѣка, пришелЪ вЪ руки нечестиваго народа: хотя и убѣжать могЪ, знаніемЪ будущаго, которое имѣлЪ, и отвратить тою силою, которою чудеса творилЪ. И такЪ претерпѣлЪ муки, біенія и терніе, потомЪ и смерть принять не отрекся: дабы человѣкЪ его руководствомЪ надЪ покоренною и связанною смертію, и ея боязнми торжествовалЪ. Для чегоже Всевышній

ній отецЪ сей найпаче родЪ смерти избралЪ, которымЪ ему умереть благоволилЪ, тому сія вина. Ибо скажетЪ, можетЪ быть, кто либо, ежели онЪ былЪ богомЪ, и умереть восхотѣлЪ, то для чего не избралЪ себѣ честнѣйшей нѣкоторой смерти? для чего наипаче крестомЪ? для чего бесчестною казнію, которая человѣку свободному, хотя виноватому, кажется недостойною. Вопервых понеже той, который смиренно пришелЪ, дабы смиреннымЪ и немощнымЪ помощь подать, и всѣмЪ надежду спасенія показать, тою смертію долженЪ былЪ умереть, которою смиренные и немощные умираютЪ, дабы совсѣмЪ никого не было, которой бы ему не могЪ подражать. Ктомужь дабы вЪ цѣлости тѣло его сохранено было, которому вЪ третій день востать отЪ мертвыхЪ надлежало. И сіе всякому должно знать, что самЪ онЪ прежде о своей страсти проповѣдуя, и сіе обЪявилЪ: имѣю власть, какЪ захочу, положить душу и принять. И такЪ повѣшенЪ будучи, когда духЪ испустилЪ, то мучители не почли занужное кости его ломать (какЪ обычай у нихЪ былЪ) но только бокЪ его проболи: такимЪ образомЪ цѣлое тѣло сЪ креста снято, и во гробѣ опасно положено. Сіе все для того здѣлано, дабы поврежденное и содробленное тѣло не здѣлалось не способнымЪ кЪ воскресенію. И сія наипаче была вина, для чего БогЪ креста восхотѣлЪ, понеже на крестѣ надлежало ему быть возвышену, и всѣмЪ народамЪ страсти господней быть известной. Ибо поелику на древѣ висящій и ви-

димь бываетЪ отЪ всѣхЪ, и прочихЪ находится выше, для того крестЪ наипаче избралЪ, дабы дать знать, что ХристосЪ столь будетЪ видимь, столь возвышенЪ, что кЪ познанію и почитанію его всѣ народы сЪ свѣта стекутся. НаконецЪ дабы никакого столь грубаго народа, никакой страны столь отдаленной не было, которой бы страсть его, или высота величества его была неизвѣстна. И такЪ распростерЪ вЪ страданіи руки свои, и размѣрилЪ мірЪ, дабы тогдаже показать, что отЪ востока даже до запада многЪ народЪ отЪ всѣхЪ языковЪ и колѣнЪ собранЪ будучи, подЪ крилѣ его пріидетЪ: и знаменіе оное великое и высокое на челахЪ своихЪ пріиметЪ. Дѣла сего образЪ Іудеи и нынѣ показываютЪ, когда пороги свои кровію агнчею мажутЪ. Ибо БогЪ хотя поразить ЕгиптянЪ, дабы отЪ той казни свободныхЪ сохранить ЕвреевЪ, повелѣлЪ имЪ агнца бѣлаго непорочнаго закалать, и знакЪ на порогахЪ своихЪ отЪ крови его полагать. И такЪ когда Египетскіе первородные во едину ночь погибли, то Евреи знакомЪ крови остались безЪ вреда, не для того, будтобы кровь овчая такую вЪ себѣ имѣла силу, дабы людей спасать: но понеже образомЪ была она вещей будущихЪ. Ибо агнецЪ бѣлый непорочный ХристосЪ былЪ, то есть неповинный и праведный и святый, который отЪ тѣхЪ же ІудеевЪ закланЪ будучи, спасаетЪ всѣхЪ, которые знакЪ крови, то есть креста, на которомЪ кровь изліялЪ, на челѣ своемЪ написуютЪ. Ибо чело вышшій есть порогЪ у человѣка, и

и порогъ кровію помазанный, креста есть знаменіемъ. Наконецъ заколеніе овцы отъ тѣхъ самыхъ, которые закалаютъ, называется пасхою, отъ пасхинъ, понеже страсти есть образомъ, которую Богъ предвидя будущее, чрезъ Моисея предалъ народу своему праздновать. Но однако образъ силенъ былъ въ тогдашнее время къ прогнанію опасности, дабы показать, сколь истинна самая сильна имѣла быть къ защищенію божія народа въ послѣднемъ всего міра бѣдствіи. Какимже образомъ или въ которой странѣ безопасными имѣютъ быть тѣ, которые знакъ сей истинныя и божественныя крови на высотѣ тѣла своего изображаютъ, оное покажу въ послѣднѣй книгѣ.

ГЛАВА 27.

О силѣ знаменія крестнаго, какову силу имѣетъ призываніе имени распятаго, и какъ демоны боятся знаменія крестнаго.

Нынѣ довольно о силѣ сего знаменія, сколь оно сильно есть, показалъ: а сколь же демони боятся сего знаменія, увѣдаетъ тотъ, который увидитъ, какъ они заклинаемы будучи Христомъ, отъ тѣлъ, въ которыя вселились, исходятъ. Ибо какъ самъ Христосъ, живучи между людьми, всѣхъ бѣсовъ словомъ прогонялъ, и людей ума лишенныхъ, и злыми нападеніями бѣснующихся въ прежнее чувство при-

приводилъ: такъ нынѣ послѣдователи его тѣхъ же духовъ нечистыхъ отъ людей и именемъ Учителя своего, и знаменіемъ его страданія изгоняютъ. Не трудно сіе показать: ибо когда богамъ своимъ жертвы язычники приносятъ, тамъ ежели будетъ стоять ктолибо на челѣ знаменіе имѣющій: то жертвами никакъ не умолятъ, и прорицатель на вопросъ не можетъ дать отвѣта. И сіе часто злымъ государямъ особливою виною было гнать правду. Ибо когда нѣкоторые изъ нашихъ рабы, при господахъ жертвы приносящихъ стояли возложивши на чело знаменіе, боговъ ихъ прогоняли, такъ, что не могли во внутренностяхъ жертвъ будущаго показать. А когда сіе познали прорицатели, научаемы будучи отъ тѣхъ же бѣсовъ, которымъ жертвы приносили, то жалуяся, что скверные люди при священнослуженіяхъ присутствуютъ, привели начальниковъ въ неистовство, дабы раззоряли храмъ Божій, и себе истиннымъ святотатствомъ оскверняли, за которое наитяжчайшими казньми гонители казнены были, однако и изъ того самаго ослѣпленные люди не могутъ уразумѣть, что или наша есть вѣра истинна, которая къ побѣжденію такую силу имѣетъ: или ихъ вѣра ложна, которая устоять или сразиться не можетъ. Но говорятъ, что сіе боги не отъ страха, но отъ ненависти дѣлаютъ, будто бы можетъ кто ненавидѣть, кромѣ того, который вредитъ, или вредъ причинить можетъ. Паче же надлежало величеству ихъ, скорыми казньми казнить тѣхъ, которыхъ не-

ненавидятъ, нежели самимъ убѣгать. Но понеже ни приступить къ тѣмъ не могутъ, на которыхъ небесное знаменіе видятъ, ни вредить тѣмъ, которыхъ знаменіе небесное ограждаетъ, какъ необоримая стѣна: то оскорбляютъ ихъ чрезъ людей, и руками гонятъ чужими, которыхъ подлинно, ежели они сами признаются, уже мы побѣдили. Ибо должна та быть истинною вѣрою, которая и состояніе бѣсовъ знаетъ, и хитрость разумѣетъ, и силу отражаетъ: и ихъ духовнымъ оружіемъ побѣдивъ и покоривъ, бѣжать принуждаетъ. Ежели спорятъ, то свидѣтельствами стихотворцовъ и Философовъ возразить имъ можно. Ежели не прекословятъ, что они находятся, и притомъ злые, то что остается, какъ только сказать, что иные суть боги, иные бѣси. И такъ пускай покажутъ намъ различіе обоего рода, дабы познать намъ, что почитать, что проклинать должно. Имѣютъ ли между собою нѣкоторую дружбу, или находятся въ враждѣ? Ежели они нѣкоторою дружбою связаны, то какъ ихъ различимъ? или какъ обоего рода честь и почитаніе смѣсимъ? А ежели они непріятели, то для чего или бѣсы боговъ не боятся, или боги бѣсовъ прогнать не могутъ? Положимъ напримѣръ, что ктолибо бѣсомъ одержимъ будучи безумствуетъ, надымается, бѣсится; поведемъ его въ храмъ Юпитера благаго: или поелику Юпитеръ врачевать людей не умѣетъ, въ Ескулапіевъ или Аполлиновъ храмъ: пускай обоихъ священникъ Бога своего именемъ повелѣваетъ, дабы оный вредный

духъ

духъ изшелъ изъ человѣка, однако никакъ сего здѣлать не можетъ. И такъ какая боговъ сила, ежели имъ бѣси не подчинены? А тѣжъ самые бѣси заклинаемы будучи именемъ истиннаго Бога, тотъ часъ убѣгаютъ. Такъ какаяжъ причина, что они Христа боятся, а Юпитера не боятся? не другая какая, какъ только, что они тѣжъ самые суть бѣси, которыхъ народъ богами почитаетъ. Наконецъ ежели поставленъ будетъ посреди и тотъ, на котораго бѣсъ нападаетъ, и Делфійскаго Аполлина прорицатель, то равно Божія имени устрашатся: и такъ скоро изыдетъ изъ своего прорицателя Аполлинъ, какъ изъ человѣка духъ оный бѣсовскій: и по заклинаніи и прогнаніи Бога своего, прорицатель на вѣки умолкнетъ: слѣдовательно тѣже суть бѣси, которыхъ проклинаютъ: и тѣжъ боги, которымъ молятся. Ежели мнѣ не вѣрятъ, пускай вѣрятъ Омиру, который вышняго онаго Юпитера къ бѣсамъ причислилъ: равно и инымъ стихотворцамъ и Философамъ, которые тѣхъ же иногда бѣсами, иногда богами называютъ: изъ котораго первое истинно, другое ложно. Ибо оные непотребные духи, гдѣ ихъ заклинаютъ, тамъ себя бѣсами признаютъ: а гдѣ ихъ почитаютъ, тамъ себе богами ложно называютъ, дабы людей въ заблужденіе ввесть, и отвратить отъ познанія истиннаго Бога, которымъ единымъ смерти вѣчной избавиться можно. Они то тѣ самые суть, которые ради низверженія человѣка разныя себѣ почитанія развращенныя ввели, вымысливши однако

нако и взявши имена для прельщенія. Ибо поелику божества сами собою требовать не могли, то взяли на себе имена сильныхъ царей, подъ которыхъ именами чести себѣ Божественныя присвоили. Сіе заблужденіе познать можно, и на свѣтъ вывесть. Ибо ежели кто желаетъ глубочае испытать истинну, то пускай соберетъ тѣхъ, которые умѣютъ вызывать изъ ада души. Пускай вызоветъ Юпитера, Нептуна, Вулкана, Меркурія, Аполлина, и отца всѣхъ Сатурна. Всѣ изъ ада отвѣтствовать будутъ, и на вопросъ говорить станутъ, и о себѣ и о Богѣ признаются: потомъ пускай вызовутъ Христа: не пріидетъ, не явится, понеже не больше какъ два дни во адѣ былъ. Что сего доказательства безсумнительнѣе сказать можно? А я не сумнѣваюсь, что Трисмегистъ нѣкоторымъ образомъ къ истиннѣ сей достигнулъ, который о Богѣ Отцѣ все, и о Сынѣ сказалъ много таковаго, которое въ божественныхъ содержится писаніяхъ.

ГЛАВА 28.

О истинной и единой вѣрѣ, и откуда называется Религія или по мнѣнію Цицеронову, или другихъ.

Ежели сіе не инаково, но таково, какъ я показалъ, то видно, что нѣтъ иной надежды человѣку жизнь получить, какъ только, ежели отвергши суетная, и заблужденіе сожалѣнія до-

достойное, Бога познаетъ, и Богу благоугождать будетъ: ежели сего времяннаго житія отречется, и ученіемъ правды къ почитанію истиннаго благочестія наставится. Ибо для того раждаемся, дабы родившему насъ Богу должное повиновеніе показывать, его единого знать, ему послѣдовать. Симъ союзомъ любви обязаны и привязаны мы Богу. Отсюда и сама Религія (благочестіе) имя получила, не какъ Цицеронъ истолковалъ, отъ релегендо (отъ избиранія) который въ книгѣ второй о естествѣ боговъ, такъ говоритъ: не только Философы, но и предки наши, суевѣріе отъ благочестія различали. Ибо которые весь день молилися, и жертвы приносили, дабы ихъ дѣти здравы были, тѣхъ суевѣрными назвали: а которые все къ почитанію боговъ надлежащее поправляли, и какъ бы повторяли, тѣхъ назвали благочестивыми, religiosos, отъ религендо, какъ бы отъ елигендо, елигентесъ, или делигендо делигентесъ, и отъ интеллигендо интеллигентесъ. Ибо сіи всѣ слова туже имѣютъ силу избиранія, которую и благочестіе. Такъ здѣлано, что въ суевѣрномъ и благочестивомъ едино имя въ порокъ ставится, другое въ похвалу. Сіе толкованіе сколь не прилично, оное изъ самаго дѣла познать можно: ибо ежели въ почитаніи тѣхъ же боговъ и благочестіе и суевѣріе обращается, то или малая, или лучше сказать никакой разности нѣтъ. Ибо какую мнѣ представитъ причину, для чего однажды молиться о здравіи дѣтей, благочестиваго, а тоже десять

разъ

разъ дѣлать, суевѣрнаго человѣка дѣломъ почитаетъ? Ибо ежели что однажды здѣлать хорошо, то кольми паче хорошо будетъ дѣлать оное чаще: ежели въ первомъ часу, то кольми паче во весь день. Ежели одна жертва умилостивляетъ, то кольми паче многія: понеже умноженное благоговѣніе умилостивляетъ наипаче, нежели раздражаетъ. Рабовъ, которые прилѣжно и часто намъ услуживаютъ, не ненавидимъ, но наипаче любимъ. И такъ для чего виноватымъ дѣлаютъ того, и именемъ порочнымъ называютъ, который или дѣтей своихъ паче любитъ, или боговъ усердно почитаетъ, а хвалятъ того который меньше? Сей доводъ и превращенъ будучи столь же силенъ. Ибо ежели весь день молиться и жертвы приносить беззаконно, слѣдовательно и однажды. Ежели желать часто, дабы здравы дѣти были, порокъ; то суевѣренъ и тотъ, который не часто того желаетъ: или для чего имя порока тому приписано, чего нѣтъ ничего честнѣе, ничего справедливѣе желать не можно? Ибо когда говоритъ, что благочестивые отъ повторенія, religendo, названы, которые прилѣжно повторяли то, что къ почитанію боговъ надлежитъ: то для чего тѣ, которые сіе часто въ день дѣлаютъ, имени благочестивыхъ лишаются, когда наиприлѣжнѣйшимъ образомъ повторяютъ то самое, чемъ боги почитаемы бываютъ. Для чегожъ? То есть, что благочестіе есть почитаніе истиннаго, а суевѣріе ложнаго. И всенепремѣнно должно знать, что почитаешь, а не какъ почитаешь,

или о чемъ молишся. Но понеже почитающіе боговъ благочестивыми себе поставляютъ, будучи суевѣрными, то ни благочестія не могутъ отъ суевѣрія раздѣлить, ни знаменованія именъ изобразить. Сказалъ я, что имя благочестія отъ союза любви произведено, что человѣка Богъ себѣ привязалъ и любовію соединилъ: понеже мы служить ему какъ Господу, слушать его какъ отца должни. И такъ лучше сіе имя Лукреций истолковалъ, когда говоритъ о себѣ, что онъ вѣръ узлы развязываетъ. Суевѣрными же называются не тѣ, которые дѣтемъ своимъ здравія желаютъ (ибо всѣ желаемъ) но или тѣ, которые мертвыхъ оставшуюся память почитаютъ: или которые при жизни родителей своихъ почитали въ дому ваянія ихъ, такъ какъ боговъ домашнихъ. Ибо которые себѣ новыя церемоніи вымышляли, дабы вмѣсто боговъ почитать мертвыхъ, которыхъ изъ людей на небо взятыми поставляли, сихъ суевѣрными называли: а тѣхъ, которые общихъ и древнихъ боговъ почитали, благочестивыми нарицали. Сего для Виргилій: Одно суевѣріе не знающее боговъ древнихъ. Но когда знаемъ, что и древніе боги такимъ же образомъ обоготворены по смерти: слѣдовательно суевѣрны тѣ, которые многихъ и ложныхъ боговъ почитаютъ: а мы благочестивы, поелику одному истинному Богу покланяемся.

ГЛАВА

ГЛАВА 29.

О единствѣ Отца и Сына дабы извѣстно было, какъ единаго Бога могутъ почитать, которые двухъ почитаютъ, единаго Отца, другаго Сына, Отца безсмертнаго, Сына смертнаго, о чемъ прежде сказано.

Можетъ быть вопроситъ ктолибо, для чего мы сказывая, что одного Бога почитаемъ, однако двухъ вводимъ, Бога Отца, и Бога Сына; которое признаваніе многихъ въ великое ввело заблужденіе, которые за вѣроятное почитая, что мы ни говоримъ, думаютъ, что въ томъ только одномъ мы ошибаемся, что другаго, да еще смертнаго Бога признаваемъ. О смертности уже я сказалъ, теперь о единствѣ говорить буду. Когда мы признаемъ Бога Отца и Бога Сына, то неразное признаемъ, и обоихъ не раздѣляемъ, понеже и Отецъ безъ Сына быть не можетъ, и Сынъ отъ Отца раздѣлиться: понеже и Отецъ безъ Сына познаться, и Сынъ безъ Отца не можетъ родиться. И такъ когда и Отецъ Сына раждаетъ, и Сынъ Отца отцемъ дѣлаетъ, то единъ у обоихъ разумъ, единъ Духъ, едино существо. Но Отецъ какъ изобильный источникъ, Сынъ какъ истекающій отъ него потокъ: Отецъ какъ солнце, Сынъ какъ лучъ отъ солнца происходящій: который понеже всевышнему Отцу и вѣренъ и любезенъ, потому не раздѣляется, какъ потокъ отъ источника, и лучъ отъ солнца: понеже и вода отъ источника

въ потокѣ находится, и солнечный свѣтъ въ лучѣ: равно и гласъ отъ устъ не можетъ отдѣлиться, ни сила или рука отъ тѣла разлучиться не можетъ. И какъ отъ Пророковъ той же Сынъ, рукою Божеiю, и силою, и Словомъ называется, то подлинно нѣтъ никакого различiя: ибо и языкъ слова орудiемъ есть, и рука, въ которой состоитъ сила, нераздѣленныя суть тѣла части. Сходственнѣйшаго примѣра хочу употребить, когда кто имѣетъ сына весьма любимаго, однако состоящаго въ дому и власти отчей, хотя ему господиномъ называться и власть имѣть позволитъ, однако по гражданскому праву, и домъ одинъ, и одинъ господинъ именуется. Такъ сей мiръ единъ домъ Господень есть, и Сынъ и Отецъ, которые единодушно пребываютъ въ мiрѣ, Богъ единъ, понеже и единъ есть какъ бы два, и два какъ бы единъ. И не дивно сiе: понеже и сынъ есть во отцѣ, поелику отецъ любитъ сына: и отецъ въ сынѣ, понеже воли отчей вѣрнопослушенъ, и ни чего не творитъ и не творилъ, какъ только то, что отецъ или восхотѣлъ или повелѣлъ. Наконецъ, что Богъ Отецъ и Сынъ, единъ есть Богъ, оное показываетъ Iсаiя въ вышеприведенномъ примѣрѣ, когда говоритъ: Поклонятся тебѣ, и въ тебѣ помолятся, яко въ тебѣ Богъ есть, и нѣсть Бога развѣ тебе. Но и на иномъ мѣстѣ подобно глаголетъ: Сице глаголетъ Богъ Царь Израилевъ и избавлей его Богъ Саваоѳъ: азъ первый, и азъ по сихъ, и кромѣ мене нѣсть Богъ: положивши два лица Бога Царя,

ря, то есть Христа, и Бога Отца, который его по страданіи отъ ада возбудилъ, какъ показалъ Осія Пророкъ, сказуя: и отъ руки адовы избавлю его: однако къ обоимъ лицамъ относя сказалъ: и кромѣ мене нѣсть Богъ: хотя моглъ сказать кромѣ насъ: но неприлично было множественнымъ числомъ раздѣленіе толикого соединенія дѣлать. Ибо единъ есть только свободный, Богъ всевышній, неимущій начала: понеже самъ есть начало вещей; а въ немъ купно и Сынъ, и все содержится. Того ради понеже мысль и воля единаго въ другомъ есть, или паче въ обоихъ едина, то праведно единымъ Богомъ оба называются: понеже что есть во Отцѣ, къ Сыну претекаетъ, и что есть въ Сынѣ, оное отъ Отца исходитъ. И такъ не можно онаго высочайшаго и единого Бога почитать развѣ чрезъ Сына. Кто единаго Отца почитаетъ, тотъ какъ Сына не почитаетъ, такъ и Отца: а кто Сына принимаетъ и имя его носитъ, той истинно съ Сыномъ купно и Отца почитаетъ; понеже есть посланникъ и вѣстникъ и священникъ всевышняго Отца Сынъ. Онъ храма превеликаго дверь есть, онъ свѣта путь, онъ вождь спасенія, онъ врата жизни.

ГЛАВА 30.

О Ересехъ, что онѣ позникнутъ, не только Пророки, но и Христосъ и Апостоли предсказали, и что ихъ должно убѣгать, и что оная едина церкопь каѳолическою и истинною есть, въ которой есть исповѣдание и прощенство грѣховъ покаяніемъ, и вѣры таинства.

Но понеже многія ереси были, и бѣсовскимъ побужденіемъ народъ божій раздѣлился, то въ кратцѣ должно намъ описать истинну, и оную въ ея свойственномъ жилищѣ поставить, дабы всякъ хотящій воду живую почерпать, не къ поврежденнымъ езерамъ шелъ, неимущымъ источника, но зналъ бы наизобильнѣйшій божій источникъ, дабы тѣмъ напоенъ будучи, вѣчный свѣтъ получилъ. Прежде всего знать намъ надлежитъ, что Христосъ и посланники его предсказали, что премногіе раздоры и ереси имѣли быть, которыя связь святаго тѣла имѣли раздрать: и увѣщавали, дабы мы съ наибольшею осторожностію береглись, дабы въ силъ и хитрости онаго врага нашего, съ которымъ бороться Богъ намъ повелѣлъ, не впасть. Ктомужъ далъ намъ извѣстныя заповѣди, которыя вѣчно хранить мы должны, о которыхъ заповѣдехъ многіе не помня, оставивъ путь небесный, пути себѣ кривыя и стремнины подѣлали, дабы тѣми народъ неосторожный и простый къ тмѣ и смерти привести. Сіе какъ здѣлалось, покажу. Были нѣко-

нѣкоторые изъ падшихъ или не крѣпки въ вѣрѣ, или неученые, или неосторожные, которые дѣлали раздоръ единства, и церковь расточали. Но тѣ, которыхъ вѣра некрѣпка была, притворяяся, будто бы Бога знаютъ и почитаютъ, желая умножить богатство и честь, искали высочайшаго степени священства: и побѣждены будучи отъ лучшихъ, отступить съ единомышленниками своими восхотѣли наипаче, нежели у ближнихъ подначальными быть, надъ которыми сами хотѣли начальствовать. А иные не довольно Священному Писанію изучены бывши, когда возражающимъ противъ истинны не могли отвѣчать, которые противополагали, будтобы не возможно или непристойно есть, дабы Богъ во чревѣ себя заключилъ, и будто бы небесное оное величество въ такую немощь не могло пріити, дабы у людей въ презрѣніи, посмѣяніи, бесчестіи и поруганіи быть, напослѣдокъ и муки претерпѣть, и на проклятой весѣлицѣ распяться: сего всего ни умомъ ни ученіемъ защитить ни опровергнуть будучи не въ состояніи, (понеже ни силы ни вины совсѣмъ не знали) уклонилися отъ пути праваго, и небесное ученіе исказили, дабы новое себѣ ученіе безъ всякаго корени и твердости составить: а нѣкоторые прорицаніемъ ложныхъ Пророковъ привлечены, о которомъ и истинные Пророки и Христосъ предсказалъ, отпали отъ ученія божія, и Преданіе истинное оставили. Но оные всѣ бѣсовскими лестми уловлены, которыя предусматривать и оберегаться должны были, божественное имя

и почитаніе по неразумію погубили. Ибо когда Фригіанами, или Новатіанами, или Валентиніанами, или Маркіонитами, или Анѳропіанами, или Аріанами или какими иными называются, Христіанами быть престают, которые имя Христово потерявши, человѣческія и внѣшнія нарицанія приняли. И так едина есть каѳолическая церковь, которая истинное почитаніе содержит. Сія есть источник истинны, сія есть жилище вѣры, сія храм божій, в который ежели кто не внидет, или ежели кто из него изыдет, тот от надежды житія и спасенія вѣчнаго чуждь есть. Никто себе упорным спором да нельстит. Ибо дѣло идет о жизни и спасеніи, о котором ежели с осторожностію промышлять кто не будет, то потеряет оное. Но понеже всѣ собранія еритическія себе наипаче христіанами, и свою церковь каѳолическою почитают, то надлежит вѣдать, что оная есть истинная, в которой есть исповѣданіе и покаяніе, которое грѣхи и раны, коим подвержена немощь плоти, с пользою врачует. Сіе я в кратцѣ ради увѣщанія сказал, дабы кто желая убѣжать заблужденія, незная внутренно истинны: потом пространнѣе и основательнѣе противо всѣх ложных раздоров в особливой книгѣ вооружаться буду. Слѣдует, теперь, понеже довольно о истинной вѣрѣ и мудрости я говорил, в слѣдующей книгѣ поговорить о правдѣ.

Конецъ перьпой части.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
30409-0

Инв. 2000